

Э. Н. ТЕМКИН, В. Г. ЭРМАН

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Э. Н. ТЕМКИН, В. Г. ЭРМАН

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Издание 2-е,
переработанное и дополненное

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

8А (Инд)
Т32

Предисловие и примечания
В. Г. ЭРМАНА

Ответственный редактор
Г. А. ЗОГРАФ

Т $\frac{4700000000—014}{013(02)—82}$ 190—80 8А(Инд)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мифология древней Индии составляет необходимый и важнейший элемент ее богатой и самобытной духовной культуры, наследие которой не утратило для нас живой интерес и поныне. Памятники древней литературы и искусства Индии невозможно понять, не зная ее мифологии, так же как непонятны без знания античных мифов скульптура Фидия или поэзия Горация; и это относится не только к древним памятникам. Начиная с эпохи Возрождения образцы античной мифологии вошли в плоть и кровь европейской культуры, и сейчас трудно представить себе образованного человека, не имеющего хотя бы самых общих сведений в этой области. Точно так же мифологические представления древних индийцев не только отразились в санскритской литературе, но продолжали питать духовную жизнь народа на протяжении веков, вплоть до наших дней, и распространились за пределы Индии, вошли в литературу и искусство стран Востока, воспринявших влияние индийской культуры.

Но если популярнейшие мифы античности знакомы европейскому читателю, в том числе и русскому, по многочисленным переводам и изложениям и по отражению их мотивов в классике родной литературы, индийская мифология, ничуть не менее богатая образами и сюжетами, чем античная, доныне остается малоизведанной областью, о которой большинство наших читателей имеет лишь самое смутное представление.

Предлагаемая читателю книга представляет собой, в сущности, первую попытку изложения на русском языке в доступной форме наиболее популярных и интересных в художественном отношении мифов, запечатленных в памятниках древнеиндийской литературы. Авторы не ставили перед собой научных задач. В подборе и изложении материала они рассматривали миф как явление литературы и преследовали преимущественно литературные цели. Рассчитанная на всех интересующихся древнеиндийской культурой и литературой, эта книга призвана в какой-то мере восполнить существующие пробелы в знакомстве читателя с индийскими мифами и в этом отношении ориентируется на те задачи, осуществлению которых послужила в свое время популярная книга Н. А. Куна в области древнегреческой мифологии.

Индийская мифология представляет собой необозримое море сюжетов и образов, запечатленных в обширных циклах и памятниках

древней литературы, охватывающих века и тысячелетия культурной традиции. Естественно, что единой системы понятий и воззрений на мир мы не найдем на протяжении всего периода ее истории. Мифологические представления древних индийцев менялись и эволюционировали от одной эпохи к другой: исчезали старые и возникали новые космогонические и религиозные концепции, образы и культы древнейших божеств тускнели и сходили со сцены, а на смену им выдвигались новые; местные божества и культы включались в центральный пантеон, либо оттесняя закрепленные в нем раньше, либо сливаясь с ними и обогащая их новыми чертами и атрибутами; менялось содержание мифологических образов, смещались акценты в старых мифах, которые получали новую интерпретацию в свете изменившихся в новую историческую эпоху идеологических течений. При этом нередко древние образы и представления, исчезнув из литературы, появлялись после веков забвения снова, иногда неузнаваемо преображенными, иногда легко различимыми в новом оформлении. И часто в относительно поздних литературных памятниках мы встречаем более архаические элементы мифологии и культа, вовлеченные в господствующую систему идеологии с периферии культурного ареала. Все это создает картину крайне разнообразную, во многом хаотическую и доныне далеко не освещенную во всех деталях современным научным исследованием.

Древнейший из дошедших до нас памятников индийской литературы — «Ригведа» («Книга гимнов») — отражает мифологию и культы арийских племен, пришедших в Индию в середине и на исходе II тысячелетия до н. э. Это один из самых ранних мифологических текстов индоевропейских народов, и в нем мы находим отголоски древнейших представлений, восходящих ко времени индоевропейского единства. Особенно много общих черт (сохранившихся от эпохи пребывания арийских и иранских племен на единой территории) в мифологических системах «Ригведы» и древнеиранской «Авесты».

В пантеоне древних ариев, видимо, уже очень рано выделился, как и в античной мифологии, образ бога-отца, верховного повелителя прочих божеств, отразивший в мифологическом аспекте черты патриарха — главы рода в человеческом обществе. У греков это Зевс, у ариев — Дьяус, бог неба и небесного света. Имена этих богов — одного происхождения. Dyaus pitar («Дьяус-отец») и Zeus pater («Зевс-отец») восходят к одному индоевропейскому корню, так же как и латинский Diespiter, Ju-piter. Дьяус воспевается в нескольких ранних гимнах «Ригведы» вместе с Притхиви, богиней земли. Дьяус и Притхиви, Небо и Земля, рассматриваются в этих гимнах как всеобщие родители, родители всего живого,— идея, восходящая к древнейшим мифологическим представлениям человечества.

Но уже в «Ригведе» мы застаем культ Дьяуса на стадии угасания, и он вскоре совершенно исчезает из ведийского пантеона. В гимнах более позднего слоя верховным божеством выступает Варуна, грозный судия и каратель людских грехов, напоминающий, по мнению некоторых исследователей, древнееврейского бога-отца Вет-

хого завета, но и он еще в пределах мифологии «Ригведы» отодвигается на второй план, уступая место главы пантеона Индре.

Индра, бог-громовержец, победитель дракона Вритры, грозившего пожрать вселенную, напоминает некоторыми чертами античного Зевса и другие божества в индоевропейских мифологиях, связанные с тем же природным явлением,— славянского Перуна, литовского Перкунаса, скандинавского Тора. Другие боги, наиболее почитаемые в культе «Ригведы»,— Агни, бог огня, и Сома, божество священного ритуального напитка того же названия. Кроме них в пантеон «Ригведы» входят божества, большей частью олицетворяющие различные природные явления: Сурья, бог солнца, пересекающий небо на блистающей колеснице (имя его, несмотря на внешнее несходство, одного происхождения с греческим Гелиос); другое солнечное божество — Савитар; Ушас, богиня зари (имя одного происхождения с греческим Эос, латинским Аурора, славянским «утро»); Ашвины, двое братьев-близнецов, ассоциирующиеся с предрассветными и вечерними сумерками (их мифологические черты находят параллель в греческих Диоскурах); Тваштар, связанный, очевидно, с культом огня, образ божественного мастера, подобный античному Гефесту или Вулкану; Ваю, бог ветра; Маруты, боги бури, связанные в своем происхождении, как полагают, с культом мертвых, и др.

Противниками богов в «Ригведе» выступают змееподобные чудовища — асуры, обитающие в воздушных сферах; позднее их образы, олицетворяющие враждебные человеку стихии, все больше приобретают антропоморфные черты. В древнейших текстах «Ригведы» слово «асура» означает всякое существо, обладающее сверхъестественными силами,— как бога, так и демона (в чем отражается, очевидно, неразличение понятий бога и демона в древнейшей мифологии), позднее — только злое существо, отграничиваясь от «дэва», постоянного наименования бога (любопытно, что в родственной иранской мифологии происходит обратное в разграничении понятий — «ахура» означает бога, «див» — злого духа).

В «Ригведе» отразилась весьма ранняя стадия мифотворчества, для которой характерно обожествление стихий и в которой запечатлелись черты древних анимистических верований. Следующую стадию в эволюции мифологических и религиозных представлений знаменует так называемая поздневедийская литература — «Яджурведа» («Книга жертвенных изречений»), «Атхарваведа» («Книга заклинаний») и цикл Брахман, памятников ритуально-мифологического содержания (приблизительно VIII—VI вв. до н. э.).

В этот период новое божество выдвигается на первый план и затмевает большинство остальных — Праджапати, бог-творец, создатель вселенной и отец других богов, унаследовавший некоторые черты древнего Дьяуса. Стремительно вырастает значение и двух других божеств, образы которых фигурировали уже в «Ригведе», но занимали там малозаметное место и, по-видимому, вошли туда из каких-то местных, возможно неарийских, культов. Один из них — Вишну, который в Брахманах связан с мифологией солнца, но в еще

большей мере — с мистической интерпретацией обряда жертвоприношения; другой — Рудра, который в дальнейшем становится более известен под именем Шива; это божество, во всяком случае с развитием его культа, все больше вбирает в себя черты, определенно восходящие к древним верованиям доарийского населения Индии,— элементы архаических культов плодородия с их фаллической символикой и т. д. Его прототип исследователи усматривают в изображениях рогатого божества на печатях, найденных при раскопках древнейших городов долины Инда (III—II тысячелетия до н. э.).

Эти боги оттесняют Индру на второй план. Утрачивают свои главенствующие позиции и другие значительные божества эпохи «Ригведы», и мифологическое содержание их образов существенно меняется. Варуна становится богом вод, земных и атмосферных (окончательно уже в эпосе), Сома — богом луны. Падает значение и других образов древнего пантеона: Сурьи, Савитара, Ушас, Тваштара и пр.; некоторые же совсем предаются забвению.

Но самой характерной и важной чертой эволюции религиозных и мифологических воззрений в эту эпоху было коренное изменение соотношения между богом и обрядом, ему посвященным, богом и жрецом. Обряду приписываются самодовлеющее значение и магическая сила, которая подчиняет жрецу, владеющему тайнами ритуала, природные стихии и самих богов. Боги оказываются бессильными перед магией обряда при условии правильного его исполнения, и в Брахманах прямо утверждается превосходство жреца над божеством. «Жрецы — земные боги», — говорит «Шатапатха-брахмана», самый значительный памятник цикла, и далее эта мысль развивается в направлении, приводящем к выводу, что земные боги — брахманы выше небесных.

Начиная с эпохи Брахман этот мотив входит в мифы и легенды индийской литературы как один из ведущих и характерных, отражая особенности исторического развития древнеиндийской цивилизации, обусловившие непомерные претензии жречества на абсолютное господство в общественной и культурной жизни страны. Роль, которую играют в индийских мифах святые мудрецы и подвижники, постоянно торжествующие в конфликтах с богами, не находит параллелей в мифологии древней Греции или Рима.

Другая преобладающая со времени Брахман и характернейшая для индийской мифологии тема — космическое могущество, приобретаемое подвижничеством, аскетическим истязанием плоти. Выросшая из примитивных магических представлений ранней эпохи, эта тема занимает в древнеиндийской литературе такое значительное место, какого не уделяет ей ни одна другая из литератур древнего мира. В индийских мифах эпической литературы к подвижничеству часто прибегают демоны в борьбе с богами; это — сила, постоянно враждебная богам, главное оружие которых в борьбе с этой силой — красота небесных дев, ниспосылаемых для соблазнения аскетов.

Эти мотивы получают развитие в древнеиндийском эпосе, который представляет собой следующую стадию в эволюции мифологической

системы. На этой стадии поздневедийского Праджапати в роли демиурга и главы пантеона сменяет новое божество — Брахма. Еще больше возрастают в значении Вишну и Шива, Индра же, хотя и сохраняет формально титул «царя богов», владыки небесного царства, окончательно переходит на подчиненное положение. Образ его снижается и во многих сказаниях трактуется уже иронически; он постоянно подвергается унижениям и терпит поражение от святых мудрецов и подвижников и даже от демонов, и только заступничество высших богов помогает ему сохранить свое положение в небесной иерархии. Еще менее значительными в этот период становятся другие ведийские божества. Но один образ выделяется среди них, также восходящий к ведийской литературе, но значительно изменивший свое содержание. Это — Яма, бог смерти. В Ведах это образ человека, первого, кто умер на земле и открыл путь в загробное царство, властителем которого он и становится (параллель этому образу в иранской мифологии — Йима, царь людей в счастливую эпоху Золотого века). В эпической мифологии Яма становится мрачным божеством смерти, властителем расположенного в подземном мире ада (позднее многих адов, «нарака»), места наказания грешников.

В этот период складывается представление о «локапалах», четырех (позднее — восьми) «хранителях мира», занимающих в мифологической иерархии промежуточную ступень между верховными и второстепенными божествами. Верховный бог Брахма отдает каждому из локапал во власть одну из стран света. Индра, бог грома и дождя, становится властителем Востока; Яма, бог смерти и повелитель предков (т. е. теней усопших),— Юга; Варуна, бог океана,— Запада; властителем же Севера становится новое божество пантеона, появляющееся только в относительно поздних частях эпоса,— Кубера, владыка богатств и повелитель якшей — горных духов, стерегущих сокровища. Еще позднее промежуточные страны света отдаются древним ведийским божествам — Соме, Сурье, Агни и Ваю.

«Махабхарата», великий эпос древней Индии, основной памятник так называемой эпической мифологии, представляет собой огромный свод литературы разнообразного содержания, складывавшийся на протяжении столетий и мало отвечающий нашему пониманию эпической поэмы. Основное сказание «Махабхараты» — поэма о великой битве на Курукшетре — возникло в середине I тысячелетия до н. э., но затем в него включались другие эпические сказания древности, мифы и легенды, в него вливались все новые сюжеты и образы, пока к середине I тысячелетия н. э. поэма не разрослась до огромных размеров, составив, по сути дела, целую литературу в пределах одного памятника. Естественно, что и мифологическое содержание «Махабхараты» не могло остаться однородным в частях, принадлежащих разным эпохам. Мифология так называемого раннего эпоса существенно отличается от мифологии поздних частей «Махабхараты», которые вместе с мифами и легендами примыкающего к «Махабхарате» цикла пуран, религиозно-эпических поэм, и позд-

ними частями другого великого эпоса Индии — «Рамаяны» Вальмики — представляют следующую стадию — мифологию индуизма.

По мере складывания свода «Махабхараты» в поздних ее частях все более возрастает значение двух верховных божеств и все более оттесняются и умаляются Индра и другие древние боги. Наконец и сам Брахма отступает на второй план, затмеваемый Вишну и Шивой; но он все же сохраняет формально свое место в верховной триаде. Относительно поздно в индуизме складывается концепция Тримурти, верховного божества, единого в трех лицах: Брахмы, создателя вселенной, Вишну, ее хранителя, и Шивы, разрушителя (впрочем, функции эти не разграничиваются строго, и в разных текстах каждый из этих богов может выступать во всех трех ролях).

Индуизм разделяется на два основных течения — вишнуизм и шиваизм, неантагонистических и объединяемых концепцией Тримурти; от вишнуизма ответвляется еще особенно влиятельное в средние века течение кришнаизм (почитание Вишну в образе обожествленного героя народных эпических сказаний — Кришны). В религиозной и мифологической системе вишнуизма важным элементом становится учение об «аватарах» — «нисхождениях» Вишну на землю в разных обликах ради ее спасения (подробнее см. в Примечаниях). Шиваизм, главной областью распространения которого становится дравидийский Юг, особенно широко ассимилирует культы и верования неарийского населения Индии, сохраняющие многие архаические черты, утраченные в мифологии брахманизма.

Индуизм складывается на исходе I тысячелетия до н. э. как модификация системы древней брахманистской религии в процессе борьбы с завоевавшими широкие массы последователей еретическими учениями буддизма и джайнизма. В этой борьбе индуизм, отказавшись от аристократической замкнутости древнего брахманизма, включает в свою систему и приспосабливает к ней многие популярные народные верования, ранее остававшиеся за ее пределами. Именно этой цели служит доктрина аватар, отождествляющая с Вишну ранее самостоятельные образы местных народных культов. В еще большей степени это относится к шиваизму.

В поздних частях эпоса и в пуранах некоторые мифологические образы получают новое развитие и появляются новые фигуры в пантеоне. К последним можно отнести Каму, бога любви, весьма сходного с античным Эротом или Амуром; образ его становится особенно популярным в санскритской классической поэзии. Выдвигается образ Сканды, сына Шивы (или Агни), бога войны, предводителя небесного воинства в битвах с демонами, решительно оттесняющего Индру; в мифологии этого божества, несмотря на позднее его появление, отражаются многие чрезвычайно архаические черты. Уже в эпоху раннего средневековья в индуистский пантеон включается другой сын Шивы — слоноголовый бог мудрости Ганеша, образ которого сложился, очевидно, в каком-то из местных народных культов. Женская параллель ему — богиня мудрости и красноречия Сарасвати — восходит к ведийскому божеству одноименной реки, слившемуся

с появляющимся в Брахманах аллегорическим олицетворением Речи. И наконец, наиболее значительное из новых божеств индуизма — богиня Кали, или Дурга, отождествляемая с супругой Шивы (Умой), — образ, восходящий к древнейшему культу Богини-Матери, известному еще в городах цивилизации долины Инда. Почитание этой богини со временем превращается в самое мощное ответвление шиваизма, в некотором роде самостоятельную религию, ставшую особенно влиятельной в Индии в средние века.

Разумеется, весь этот мир мифологических представлений, сюжетов и образов, отраженный в памятниках древнеиндийской литературы, при всей его разнородности и обширности не мог вместиться в пределы нашего изложения. В основу его мы положили систему мифологии раннего эпоса — того периода, когда место верховного божества занимал Брахма, а вся вселенная — боги, демоны и другие сверхъестественные существа, люди и животные — представлялась его порождением. Исторически эта стадия особенно близка гомеровскому эпосу; и мифологический элемент в раннем индийском эпосе (подобно греческому, он ярко мифологичен в своем мировосприятии) отразился наиболее отчетливо, если понимать здесь под мифологией древнейшее «бессознательно-художественное» (по выражению Маркса) творчество народа. Однако нами использованы и ведийские источники, и ряд мифов и сказаний — особенно в начале книги — изложен по ведийским версиям, отражающим более раннюю и более «мифологичную» литературную интерпретацию (например, миф о Вритре). В некоторых случаях для более полного изложения мы допускали сочетание непротиворечивых мотивов и деталей из разных версий. Наконец, в заключительной части книги мы привели несколько типичных шиваитских мифов («Рождение Сканды», «Разрушение Трипуры», «Богиня Кали») и вишнуитское «Видение Маркандеи» из пуран, чтобы отразить в какой-то мере эволюцию мифологических представлений и некоторые поздние концепции (например, о цикличности вселенной), характерные для идеологической системы индуизма.

Основным нашим источником была «Махабхарата», но кроме нее были использованы «Рамаяна», «Шатапатха-брахмана», «Вишну-пурана», «Матсья-пурана» и некоторые другие Брахманы и пураны. В книге мы старались расположить отдельные сюжеты по возможности в порядке той «хронологии» мифических событий, которая подразумевается содержанием эпических памятников, но выдержать здесь сколько-нибудь строгую логическую последовательность на протяжении всей книги, разумеется, материал не позволял. Столь же трудно было бы построить единую систему родственных отношений между мифологическими персонажами, ибо различные тексты в этом крайне противоречивы (см. Примечания).

Наша книга — первая попытка приоткрыть перед любознательным читателем завесу, скрывающую богатый и своеобразный мир художественных представлений и образов, рожденных древним мифотворчеством индийского народа. Картина, раскрываемая этой книгой,

будет, естественно, далеко не полной; целые обширные области (например, буддийская мифология) оставлены нами в стороне. И в эпической мифологии мы ориентировались, как упомянуто выше, главным образом на сказания, представляющие наибольший литературный интерес; при этом в своем изложении мы пытались передать по возможности стиль и манеру повествования тех древних памятников, где эти мифы нашли свое литературное выражение. Не претендуя на исчерпывающий охват материала и его научную интерпретацию, наше изложение знакомит с наиболее популярными и яркими мифами и мифологическими образами древнеиндийского эпоса. В Примечания вошли пояснения и сведения, дополняющие изложенный в книге материал, и указания на его источники.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В настоящее издание включен ряд новых сюжетов, кроме того, некоторые из сказаний, содержащихся уже в первом издании, излагаются здесь более подробно за счет деталей, почерпнутых из различных источников. Введение новых сюжетов и образов повлекло за собой некоторую перестройку композиции книги во избежание явных противоречий в изложении отдельных мифов. Из тех же соображений для некоторых персонажей избраны иные варианты их мифологической «генеалогии» (что оговаривается в Примечаниях).

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

1. ТВОРЕНИЕ

Вначале не было ничего. Не было ни солнца, ни луны, ни звезд. Только воды простирались беспредельно; из тьмы первозданного хаоса, покоившегося без движения, словно в глубоком сне, воды возникли прежде иных творений. Воды породили огонь. Великой силой тепла в них рождено было Золотое Яйцо. Тогда еще не было года, ибо некому было отмерять время; но столько, сколько длится год, плавало Золотое Яйцо в водах, в безбрежном и бездонном океане. Через год из Золотого Зародыша возник Прародитель Брахма. Он разбил Яйцо, и оно раскололось надвое. Верхняя половина его стала Небом, нижняя— Землею, а между ними, чтобы разделить их, Брахма поместил воздушное пространство. И он утвердил землю среди вод, и создал страны света, и положил начало времени. Так была сотворена вселенная.

Но тогда творец огляделся вокруг и увидел, что нет никого, кроме него, во всей вселенной; и ему стало страшно*. С той поры страх приходит ко всякому, кто остается один. Но он помыслил: «Ведь здесь нет никого, кроме меня. Кого же мне бояться?». И страх его прошел; ибо страх может быть перед кем-то другим. Но и радости не ведал он; и потому тот, кто пребывает один, не ведает радости.

Он помыслил: «Как мне сотворить потомство?». И силою мысли своей он породил шестерых сыновей*, шестерых великих Владык созданий*. Старшим из них был Маричи, рожденный из души Творца*; из глаз его родился второй сын — Атри; третий — Ангирас — явился из уст Брахмы; четвертый — Пуластья — из правого уха; пятый — Пулаха — из левого уха; Крату, шестой — из ноздрей Прародителя. Сыном Маричи был мудрый Кашьяпа*, от которого произошли боги, демоны и люди, птицы и змеи, исполины и чудовища, жрецы и коровы и многие другие существа божественной или демонической природы, населившие небеса, и землю, и подземные миры. Атри, второй из сыновей Брахмы, породил Дхарму*, ставшего богом справедливости; Ангирас, третий сын, положил начало роду святых мудрецов Ангирасов*, старшими из которых были Брихаспати, Утатхья и Самварта.

Седьмым сыном Брахмы, седьмым из Владык созданий, был Дакша. Он вышел из большого пальца на правой ноге* Прародителя. Из пальца на левой ноге у Брахмы родилась дочь; имя ее — Вирини*, что означает Ночь; она стала женой Дакши. У нее было пятьдесят дочерей*, и тринадцать из них Дакша отдал в жены Кашьяпе, двад-

Брахма

цать семь — Соме, богу луны,— эти стали двадцатью семью созвездиями на небе; десять дочерей Дакши стали женами Дхармы. И еще родились у Дакши дочери, коим определено было стать женами богов и великих мудрецов.

Старшая из дочерей Дакши*, Дити, супруга Кашьяпы, была матерью грозных демонов — дайтьев; Дану, вторая дочь, породила могучих исполинов — данавов. У третьей — Адити — родились двенадцать светлых сыновей—адитьев*, великих богов. Варуна, бог океана, Индра, бог грозы и грома, Вивасват, бог солнца, которого называют также Сурья, были могущественнейшими из них; но всех превзошел славой младший из сыновей Адити, Вишну*, хранитель мироздания, владыка пространства.

Издревле сыновья Дити и Дану — их называют обычно асурами — были врагами богов, сыновей Адити. И борьба между асурами и богами за власть над вселенной длилась много веков, и не было конца их вражде.

2. АСУРЫ, СТАРШИЕ БРАТЬЯ БОГОВ

Когда Брахма создал небо, и землю, и воздушное пространство и от сыновей его пошли все живые существа во вселенной, сам он, утомленный творением, удалился отдыхать под сенью дерева шалмали*, а власть над мирами передал своим потомкам — богам и асурам. Асуры были старшими братьями богов. Они были могучи и мудры и ведали тайны волшебства — майя*, могли принимать различные образы или становиться невидимыми. Им принадлежали несметные сокровища, которые они хранили в своих твердынях в горных пещерах. И были у них три укрепленных города: сначала на небе, потом на земле — один из железа, другой из серебра, третий из золота; впоследствии они соединили эти три города в один*, возвышающийся над землею; и они построили себе города в подземном царстве.

Восьмым сыном творца был Бхригу; он родился из кожи Брахмы. Сын Бхригу, мудрейший Ушанас Кавья, постигший все тайны чародейства, стал верховным жрецом и наставником асуров. Царем асуров был Хираньякашипу, могущественный демон, старший из сыновей Дити. Боги же избрали своим царем Индру, седьмого сына Адити; их наставником стал Брихаспати, старший сын Ангираса, третьего из сыновей Прародителя. Ушанас, коего прозывали также Шукра, стал владыкою планеты, носящей то же имя*, а Брихаспати стал владыкою планеты Брихаспати*.

Некогда асуры были благочестивы и добродетельны, они соблюдали священные обряды, и счастье пребывало с ними. Но потом они возгордились своей силой и своей мудростью и склонились ко злу; и счастье покинуло их и перешло к богам. Индра, властитель богов, сокрушил в битвах многих могучих асуров. Грозный бог Рудра, порождение гнева Брахмы, довершил их разгром, испепелив их волшебные три города, вознесенные над землею.

3. РУДРА И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ДАКШИ

Рудра вышел из чела Брахмы, подобный пламени гнева, и в нем воплотились все разрушительные силы и самые грозные и устрашающие свойства богов. Мрачный, свирепый и одинокий, он удалился от всех и поселился в пустынных северных горах, на Химавате*. Ему была дана власть над зверьми, и потому этот бог зовется также Пашупати, Владыка зверей. В облике дикого охотника, одетый в шкуры, красный, с иссиня-черными волосами, стянутыми в узел, он скитался по горам и лесам, вооруженный черным луком и стрелами.

Но не только над зверьми дарована была ему власть, и не только в горах и лесах его обитель. Он вездесущ, и все живое трепещет перед его ужасными стрелами, несущими болезни и смерть. Чтобы оградиться от его гнева, его умилостивляют молитвами. Он насылает болезни на людей и порчу на скот, но он же — великий целитель, и он бывает милостив к тем, кто молит его о пощаде. Поэтому впоследствии люди стали называть его Шива, что значит Милостивый*.

Дакша, Владыка созданий, выдал за Рудру одну из своих дочерей, носящую имя Сати*. Но этот союз не связал узами дружбы Дакшу и грозного бога. Однажды гордый Дакша явился в собрание богов и небесных мудрецов. Когда он вошел туда, все поднялись со своих мест, почтительно приветствуя его; сидеть остались только Брахма и Рудра. Дакша оскорбился: «Как мог Рудра не воздать почести мне, отцу его супруги!» И он затаил обиду на своего зятя.

Рассказывают, что в те давние времена, на исходе Золотого века*, когда добродетель в мире поколебалась, Дакша, Владыка созданий, по желанию богов учредил первое жертвоприношение во искупление греха. Он устроил жертвоприношение на вершине великой горы Химават, в том месте, где берет начало и низвергается со скал в долину священная река Ганга, и он созвал на него богов, сыновей Адити. Но Рудру он не призвал, не питая к нему приязни после той встречи в собрании богов.

Узнав, что Рудре не оставили доли в жертвоприношении, добродетельная Сати бросилась в костер и сожгла себя, оскорбленная пренебрежением, выказанным отцом ее супругу. Великий гнев охватил тогда Рудру. Он взял свой лук и пошел туда, где боги совершали обряд. Когда он там появился, земля затряслась, закачались горы, ветер перестал дуть, а огонь гореть, солнце, луна и звезды померкли, и мир окутала тьма. Устрашенные боги пали ниц. Рудра пронзил жертву стрелою, и она, превратившись в антилопу, устремилась в небо. Там она стала созвездием Мригаширша*. И поныне можно видеть на ночном небе в созвездии Мригаширша голову пронзенной стрелой антилопы, а в созвездии Ардра — дикого охотника, который гонится за нею.

Когда жертва исчезла, боги от страха лишились чувств. Разъяренный Рудра напал на сыновей Адити и концом своего лука выбил зубы богу Пушану, хранителю дорог и стад; Бхаге, тому, который дарует людям счастливую долю, он выбил глаза; Савитара, бога солнечного света, лишил его лучеподобных рук. Разбегаясь в смятении во все стороны, боги подняли такой крик, что лопнула тетива на луке Рудры. Лишь тогда они осмелились приблизиться к нему, и стали молить его о пощаде. Мудрому Брихаспати, сыну Ангираса, жрецу и наставнику богов, удалось умиротворить Милостивого. Рудра бросил свой гнев в воду, и гнев его стал огнем, от которого вода обратилась в пар. Он вернул Пушану зубы, Бхаге — глаза, а Савитару — руки. Но говорят, что Пушану с тех пор приносят жертву кашей, что Бхага, бог счастливой доли,— слеп и что новые, золотые руки Савитару приделал его брат Тваштар, божественный мастер, искусный

создатель многих необычайных вещей; и эти руки — золотые лучи — Савитар поныне простирает по утрам над вселенной. Рассказывают еще, что, когда гневный Рудра избивал богов, он снес голову самому Дакше и ее потом не могли найти, как ни искали, и пришлось приставить Дакше голову козла.

Рудра же тогда сказал Брахме: «Ты сотворил меня раньше этих богов. Почему же им дана была доля в жертвоприношении, а мне — нет?» И Брахма повелел, чтобы отныне и боги и асуры приносили жертвы Рудре, восхваляли бы его и почитали.

Некоторые рассказывают о жертвоприношении Дакши иначе. Говорят, что жертвой тогда был сам Владыка созданий*, которого боги хотели покарать за тягчайший грех. Он преследовал нечестивыми домогательствами собственную дочь, прекрасную Рохини, и однажды, обернувшись козлом, вступил в преступную связь с нею, принявшей облик антилопы. Боги сами призвали Рудру, чтобы он покарал неслыханного грешника; и за это деяние Рудра потребовал себе власть над зверьми и скотом. Другие же говорят, что сам Рудра рожден был от той кровосмесительной связи. Но это — очень древние сказания, забытые уже в давние времена.

Грозен и страшен был великий бог Рудра, и таким же было его потомство. Всюду следовало за ним ужасное воинство его исчадий — рудр*, обликом подобных змеям. Шипящие, вопящие, дико завывающие, они носились по лесам в поисках добычи. Повинуясь воле Рудры, из дремучих лесов и с гор приходили к человеческому жилью вредоносные духи, неся невзгоды, насылая мор на людей и на их скот.

Иными были его сыновья Маруты, боги бури. Некогда Рудра, обратившись в быка, вступил в брак с Землею, принявшей облик пятнистой коровы*, и от этого брака родилось трижды семь сыновей, могучих и прекрасных. Хотя отцом их был Рудра, они стали дружиною Индры, возлюбившего их, как родных детей. В золотых доспехах и шлемах, с огненными молниями в руках отправлялись Маруты в поход на сверкающих колесницах, запряженных пятнистыми оленями, и, неистовые, как бурные ветры, мчались они по небу, закрывая око солнца. И сотрясались горы, и леса склонялись в страхе перед ними, когда они сопровождали Индру в его битвах с асурами и чудовищами.

4. ДЕЯНИЯ ИНДРЫ

Индра был любимым сыном Адити, матери богов, самым могучим из ее сыновей. Рассказывают, что он родился не так, как другие ее дети, а необычным путем*, при рождении чуть было не погубив свою мать. Едва появившись на свет, он схватился за оружие. Устрашенная необычным рождением сына и его грозным обликом, Адити спрятала Индру; но он явился перед всеми в золотых доспехах сразу после рождения, наполнив собою вселенную; и мать преисполнилась гордости за могучего сына.

И он стал великим, неодолимым воином, перед которым трепетали и боги и асуры. Еще будучи совсем юным, он победил коварного демона Эмушу*. Этот демон в облике вепря похитил некогда у богов зерно, предназначавшееся для жертвоприношения, и спрятал его среди сокровищ асуров, что хранились за трижды семью горами. Эмуша уже принялся варить из похищенного зерна кашу, когда Индра натянул свой лук, пронзил стрелою двадцать одну гору и убил вепря Эмушу. Вишну же, младший из Адитьев, унес жертвенную пищу из владений асуров и вернул ее богам.

Другим подвигом Индры была победа над Шушной, Иссушителем, рогатым змеем, который откладывал яйца, из коих плодилось зло, и который поглотил небесные воды. Индра убил его и освободил воды, изливающиеся с небес животворным дождем.

И еще многих злых и опасных врагов победил Индра своей отвагой и силой. Он стал властелином небесного царства; боги сами просили Брахму поставить его над ними царем. Грозные Маруты стали дружиною Индры. Брат его Тваштар сделал ему золотую колесницу и выковал ему громовое оружие — ваджру*. Это несравненное оружие сверкало, как солнце, в деснице Индры и повергало в трепет его врагов. Ваю, бог ветра, стал колесничим у Индры и сопровождал его в битвах.

Прекраснорукий Тваштар, искуснейший из небожителей, сделал также чудесную чашу для сомы*, божественного напитка, который в незапамятные времена принес на землю орел, птица Индры. Индра вскормлен был сомой, заменившей ему материнское молоко. На подвиги свои он отправлялся сопровождаемый воинством Марутов, на золотой колеснице, с ваджрой в руке, вдохновляемый обильными возлияниями сомы. И тогда никто не мог противостоять ему, и земля и небо содрогались от ярости Индры, когда он поражал врага своей ваджрой.

В битвах богов с асурами — а они длились многие сотни и тысячи лет — Индра во главе воинства небожителей не однажды сокрушал вражескую силу, и многим вождям дайтьев и данавов он нанес поражение. Он одолел в единоборстве Шамбару, коварнейшего из асуров, ослеплявшего противника в бою тысячью колдовских уловок; Индра низверг его с гор, где была его обитель, и разрушил девяносто девять его цитаделей. Он рассеял рати могучего Варчина, победил страшного исполина Джамбху, сразил насмерть злого Пуломана*. Дочь Пуломана, прекрасная Шачи*, бежавшая от жестокого отца, стала женою своего избавителя — Индры и повелительницей небесного царства.

Убил Индра и Намучи*, самого могучего из асуров, который ранее был его другом.

Намучи, сын Дану, был непобедимым воителем, первым в битве среди асуров, как Индра был первым среди богов. Некогда Намучи и Индра заключили между собою союз. Они поклялись, что ни один не нанесет удара другому, ни днем, ни ночью, ни на воде, ни на суше, ни сухим оружием, ни покрытым влагой. И долго они были друзьями. Но Намучи был духом греховного хмельного напитка — суры*.

Индра

И однажды он напоил Индру сомой, смешанной с пьяной сурой, и лишил героя силы. Индра пришел тогда за советом и помощью к Ашвинам*, братьям-близнецам, сыновьям его брата Вивасвата,— Ашвины были богами предрассветных и вечерних сумерек и божественными целителями. «Что мне делать? — спросил их Индра. — Намучи предал нашу дружбу, он выпил мою силу. Но я дал клятву не поднимать на него оружия, ни сухого, ни покрытого влагой». Тогда Ашвины покрыли ваджру Индры морскою пеной. И вот в час сумерек — ни

днем, ни ночью — на берегу океана, у самого прибоя — ни на воде, ни на суше — Индра убил Намучи, отрубив ему голову своей ваджрой, покрытой морской пеной — оружием не сухим и не мокрым. Ашвины же из крови убитого Намучи приготовили целительное питье, вернувшее силу Индре.

В другой раз, опьяненный выпитыми им озерами сомы, Индра в порыве безрассудного гнева обрушил удар своей ваджры на колесницу Ушас*, богини зари, отмеряющей дни смертных. Ушас, прекрасная дочь Неба, бежала в страхе, покинув свою разбитую колесницу, и скрылась, трепетная, от взоров грозного воителя.

5. ПОХИЩЕНИЕ КОРОВ

Одним из великих подвигов Индры было возвращение коров, похищенных у богов демонским племенем паниев*, которое обитало в неведомых землях, за пределами мира богов и асуров. Пании угнали коров в далекую страну за рекою Раса, текущей на краю света, и спрятали их в горной пещере. Тогда померкли небеса, ибо те божественные коровы были лучами зари. Брихаспати, видевший паниев, поведал могучему Индре о похищении. Индра послал на поиски коров божественную собаку Сараму*. Сарама выследила коров, добежала до реки, на другом берегу которой стояла неприступная крепость паниев, перепрыгнула через поток и услышала мычание похищенных коров внутри скалы.

Пании вышли ей навстречу. «Зачем ты пришла сюда, Сарама? Путь к нам далек и труден. Чего ты хочешь от нас?» — «Я пришла как посланница Индры,— отвечала она.— Я хочу, чтобы вы отдали коров, о пании, чтобы вы вернули великие сокровища, которые вы награбили». — «Как он выглядит, этот Индра, коим ты послана сюда издалека, о Сарама? Если он сам придет сюда, пусть будет он нашим другом, пусть будет пастырем наших стад».—«Он, пославший меня издалека, не из тех, кого можно перехитрить, о пании, — отвечала демонам Сарама. — Он — тот, кто сам вводит в обман других. Убитые Индрой, вы будете лежать здесь, о пании!» Тогда они сказали: «Вот коровы, которых ты желаешь, о Сарама. Но кто же отдаст их без боя? Оружие наше остро, сокровища наши надежно сокрыты в горах и пании сумеют охранить их. Напрасно проделала ты долгий путь». — «Ваши слова, о пании, еще не войско, — возразила им Сарама. — И когда придут сюда Индра и гневные мудрецы Ангирасы, они разделят между собой ваши стада, и вы проглотите свои хвастливые речи!»

Тогда пании сказали: «Если ты уже пришла сюда, о Сарама, повинуясь воле богов, останься с нами, будь нам сестрою. Не возвращайся к богам; мы дадим тебе долю в наших стадах, о красавица!»— «Не ищу я родства с вами, — отвечала она. — Я принадлежу Индре и грозным Ангирасам. Берегитесь их, пании! Не надо мне ваших стад. Но я отведала бы молока от тех коров, которых вы прячете в пещере».

И паиии принесли ей молока. Не устояв перед искушением, она выпила усладительную влагу. Затем она вновь перепрыгнула широкую реку и пустилась в обратный путь. Когда она вернулась к Индре, он спросил ее: «Нашла ли ты коров, о Сарама?» И Сарама, одурманенная демонским молоком, солгала ему. «Нет», — отвечала она. Но Индра понял, что она лжет; и в гиеве он ударил божественную собаку ногой. Тогда она изрыгнула заколдованное молоко. И, дрожа от страха, она пошла в страну паниев, а Индра последовал за ней на колеснице, запряженной гнедыми конями. С ним пошли мудрецы из рода Ангираса, возглавляемые Брихаспати, Владыкой молитвы.

Когда они пришли в страну, что лежит на краю света, за рекою Раса, мудрые Ангирасы волшебными заклинаниями и песнопениями разверзли скалу и вывели коров из плена. И когда они сделали это, исчезла недобрая тьма, воссиял на небе свет Ушас, богини зари, и солнце явилось взорам живущих. Печалясь об утрате коров, Вала*, демон пещеры, поднял из недр горы устрашающий вой, но он был насмерть сражен доблестным Индрой. И могучий сын Адити рассеял паниев, Ангирасы же забрали себе все достояние этого злого племени.

6. ВИВАСВАТ И ЕГО ДЕТИ

Индра был седьмым сыном Адити, восьмым был Вивасват. Но когда он родился, его не признали равным семерым старшим братьям, богам. Ибо восьмой сын Адити родился безобразным — без рук и без ног, гладкий со всех сторон, и высота его была равна его толщине. Старшие братья — Митра, Варуна, Бхага и прочие — молвили: «Он не похож на нас, он иной природы — и это плохо. Давайте переделаем его». И они переделали его: отсекли все лишнее; так возник человек. Вивасват и стал прародителем смертных на земле; только сам он потом сравнялся с богами. Он стал богом солнца; и как бог солнца он зовется Сурья. А из кусков его тела, отсеченных богами, возник слон.

Тваштар выдал за Вивасвата свою дочь Саранью*. Саранью не хотела идти замуж за человека, но ей пришлось подчиниться воле отца. Она родила Вивасвату близнецов, брата и сестру; их звали Яма* и Ями. Но после того гордая Саранью не могла более вынести жизни в доме неравного ей супруга. Она создала женщину, которая была совершенно подобна ей обликом, и оставила ее вместо себя в доме Вивасвата, препоручив ей своих детей, а сама вернулась в дом отца. Тваштар не принял непокорную дочь. «Ступай обратно, в дом мужа», — повелел он ей; но она скрылась, обернувшись кобылицей с огнедышащей пастью, и в облике этом удалилась в северные страны.

Сначала Вивасват не заметил подмены. Мнимая Саранью родила ему сына по имени Ману, того самого Ману, от которого происходят все люди, ныне живущие на земле. И еще родились у нее сын по имени Шани, взошедший звездою на небо, и дочь Тапати*,

Но эта жена не стала истинной матерью старшим близнецам, детям Саранью; совсем не с той любовью, как с родными своими детьми, обращалась она с ними. И как-то раз Яма, выведенный из терпения ее постоянными нападками, пригрозил ей. «Как смеешь ты угрожать супруге твоего отца, женщине, которую ты должен почитать!» — воскликнула мачеха и в раздражении прокляла Яму. Опечаленный, тот пошел к отцу и все рассказал ему. «Мать не балует нас любовью, — пожаловался он. — Младших она ласкает, а мы с сестрою не видим от нее добра. Может ли мать проклясть собственного сына, хотя бы и провинившегося перед нею? Но она прокляла меня во злобе, и я отныне не считаю ее матерью. Прости меня, отец, за мое прегрешение и огради от ее проклятья!»

Вивасват отвечал Яме: «Гнев одолел тебя, и ты, мой праведный сын, преступил закон справедливости, закон дхармы*. Нет силы, которая могла бы отвратить проклятие матери. Но я сделаю так, чтобы оно не было для тебя слишком тяжким». Потом он обратился к матери Ману и спросил ее: «Почему ты не можешь быть беспристрастна к детям моим, которые все равны между собою? Нет сомнения, ты не Саранью, ты — ее отражение, и имя твое — Санджня, Отражение*. Ибо не может мать проклясть собственного сына за проступок, совершенный по детскому недомыслию». Санджня ничего не ответила на это Вивасвату, и он узрел правду. В страхе перед его гневом, она призналась ему во всем.

Тогда Вивасват отправился в дом своего тестя, который принял его с почетом. И, узнав, что его истинная жена бежала, приняв облик кобылицы, Вивасват сам обернулся конем и пустился ее искать. Он настиг ее в отдаленной стране, и между ними произошло примирение. В конском облике они вновь стали супругами, и у них родились еще двое близнецов, двое братьев по имени Насатья и Дасра, которых именуют Ашвинами*, что значит «Рожденные от коня».

Ашвины стали богами сумерек и утренней и вечерней звезд. Перед самым рассветом, когда на исходе ночи свет борется с тьмой, они первыми из богов появляются на утреннем небе, двое могучих витязей, вечно юные и прекрасные, на золотой колеснице, влекомой крылатыми конями. Вместе с ними на колеснице едет их подруга, солнечная дева Сурья*, дочь Савитара. Когда-то отец назначил ей быть женой Сомы, бога луны, но руки прекрасной девы домогались многие боги, и было решено, что ее получит тот, кто в беге на колесницах первым доскачет до солнца. В этом состязании первыми достигли солнца Ашвины, и светлая Сурья взошла на их колесницу и стала их спутницей.

К людям, своим родичам, Ашвины благосклонны больше, чем прочие боги, и они спасают смертных от всяческих бед и несчастий. Ашвины мудры и обладают целительной силой; они помогают немощным, больным и увечным и возвращают молодость старым. Они спасают гибнущих в водной пучине — так вызволили они некогда Бхуджью*, сына Тугры, брошенного в море во время бури собственными товарищами. Три дня и три ночи несли его Ашвины над морскими вол-

нами, пока не достигли берега. Едва живого, не чаявшего спасения в водах, где не на что опереться ноге и не за что ухватиться руке, они вынесли сына Тугры на сушу.

Младшие дети Вивасвата родились богами, старшие же — Яма, Ями и Ману — были смертными, ибо и отец их был смертным, когда они появились на свет, и только потом стал богом солнца. Яма, старший сын Вивасвата, был человеком и жил со своей сестрой на земле; и никогда уже не преступал он закона дхармы. И был он первым человеком на земле, который умер. Ману же, брат его, единственный из смертных спасся во время великого потопа — он-то и стал прародителем человечества. Ями стала потом богиней священной реки Ямуны*, Шани, взошедший на небо, стал владыкою недоброй планеты Шани, Тапати вышла замуж за царя Лунного рода, и великий герой Куру был ее сыном.

Яма был первый из умерших — он открыл смертным путь в загробный мир. Милостью отца, смягчившего проклятие мачехи, он с той поры и поныне — владыка царства мертвых и блюститель закона справедливости. В его обитель по тропе, проложенной предками, уходят с земли души тех, кто умирает.

Вивасват же, его отец, первым на земле совершил жертвоприношение и даровал людям огонь. Он послал за ним Матаришвана*, духа ветра, и тот принес его с небес на землю. Мудрецы из рода Бхригу научили смертных, как обращаться с огнем.

7. СКАЗАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СМЕРТИ

Было время, когда смерти не знали на земле. Люди, потомки Вивасвата, вначале были бессмертными. В Критаюге, Золотом веке, они не ведали греха и жили на земле счастливо, в мире и благоденствии.

Так шло время, и живые существа на земле рождались и не умирали; они умножались бесконечно и совсем заполонили ее. Наконец Земля взмолилась к Брахме — она уже не могла выносить долее такое бремя. Тогда задумался Создатель над тем, как уменьшить количество живых существ в мирах, но не мог найти никакого средства. И он впал в гнев, и пламя его гнева вырвалось из всех пор его тела. Запылали страны света, страх объял все живое; миру грозила гибель. Великий бог Шива сжалился над живыми существами. Он приблизился к Брахме и сказал: «Не гневайся на созданных тобою тварей, о Прародитель! Не допусти, чтобы опустела вселенная! Ибо, если погибнут ныне все эти существа, они уже не возродятся более. Пусть они живут и умирают, но пусть не прекращается их род!» И когда Шива молвил это, Брахма укротил свой гнев и вернул в свое сердце огонь, пожиравший вселенную.

Тогда вышла из тела Брахмы женщина с темными глазами, с венком из лотосов на голове, одетая в темно-красное платье*. Она направилась к югу своим путем*, но Брахма воззвал к ней и сказал: «Смерть, ступай и убивай живые существа в этом мире! Ты возникла

из моей мысли об уничтожении мира и из моего гнева, поэтому иди и уничтожай живущих — и неразумных и мудрых!» И заплакала увенчанная лотосами Смерть, но Брахма не дал ее слезам упасть на землю и собрал их в свои ладони. Она же, смиренно склонившись перед ним, взмолилась: «Будь милостив ко мне, о Владыка созданий, не возлагай на меня столь ужасное бремя! Сжалься надо мной! Как могу я губить невинные существа, детей и взрослых, молодых и стариков? Смилуйся, о владыка! Не смогу я разлучать близких и любящих, отнимать у родителей возлюбленных сыновей, у детей отнимать матерей и отцов, лишать их милых братьев и дорогих сердцу друзей. Ведь, когда те умрут, оставшиеся в живых будут проклинать меня. Я боюсь этого! И слез несчастных я боюсь! Вечно будут жечь меня эти слезы».

Но Брахма сказал: «О Смерть, я предназначил тебя уничтожать живущих! Иначе быть не может! Ступай не колеблясь, госпожа. Исполни мое веление». И Смерть, не сказав больше ни слова, отправилась в путь и явилась в мир. Но все же Прародитель даровал ей милость: слезы, которые она пролила, превратились в болезни, убивающие людей в назначенный срок; страсти и пороки ослепили человеческий род и стали причиною гибели живых существ. Поэтому искони нет вины на Смерти. Брахма сделал ее госпожой справедливости; свободная от любви и ненависти, исполняет она его веление.

8. СКАЗАНИЕ О СОЗДАНИИ НОЧИ

Когда Яма, сын Вивасвата, умер, Ями, его сестра и возлюбленная, проливала безутешные слезы, и не было предела ее горю. Тщетно боги пытались облегчить бремя ее скорби. На все их уговоры и увещевания она отвечала: «Но ведь он умер только сегодня!» А тогда еще не было ни дня, ни ночи. Боги сказали: «Так она его не забудет! Мы сотворим ночь!» И они создали ночь. И ночь прошла, и настало утро; и она забыла о нем. Потому говорят: «Череда ночи и дня приносит забвение горя».

9. СКАЗАНИЕ О ПОТОПЕ

Ману, сын Вивасвата, сводный брат Ямы, поселился на земле в уединенной обители близ южных гор. Однажды поутру, когда он умывал руки, как это делают и по сей день, ему попалась в воде, принесенной для умывания, маленькая рыбка. Она ему сказала: «Сохрани мне жизнь, и я спасу тебя».—«От чего ты спасешь меня?» — спросил удивленный Ману. Рыба сказала: «Придет потоп и погубит все живые существа. От него я спасу тебя».—«Как же мне сохранить тебе жизнь?» И она сказала: «Нам, рыбам, пока мы так малы, отовсюду грозит смерть. Одна рыба пожирает другую. Ты сначала держи меня в кувшине, когда я из него выросту, выкопай пруд и держи меня

там; и когда я вырасту еще больше, отнеси меня к морю и выпусти на простор, ибо тогда смерть уже не будет грозить мне ниоткуда». Ману так и сделал. Вскоре она выросла и стала огромной рыбою джхаша с рогом на голове; а это самая большая из всех рыб. И Ману выпустил ее в море. Тогда она сказала: «В такой-то год будет потоп. Ты сделай корабль и жди меня. А когда настанет потоп, взойди на корабль, и я спасу тебя».

И в том году, который ему указала рыба, Ману построил корабль. Когда настал потоп, он взошел на корабль, и рыба приплыла к нему. Повинуясь ее велению, Ману взял с собою семена различных растений. Потом он привязал веревку к рогу рыбы, и она быстро повлекла его судно по бушующим волнам. Не видно стало земли, скрылись из глаз страны света; одна вода была вокруг них. Ману и рыба были единственными живыми существами в этом водном хаосе. Свирепые ветры раскачивали корабль из стороны в сторону. Но рыба все плыла и плыла вперед по водной пустыне и наконец привела корабль Ману к высочайшей горе Хималая. Тогда она сказала Ману: «Я спасла тебя. Привяжи корабль к дереву. Но будь осторожен, вода может смыть тебя. Спускайся постепенно, вслед за спадом воды». Ману последовал совету рыбы. С тех пор это место в северных горах называется «Спуск Ману».

А потоп смыл все живые существа. Один Ману остался, чтобы продолжить человеческий род на земле.

10. ГАНДХАРВЫ И НАГИ

Старшими детьми Кашьяпы, внука Брахмы, были асуры и боги, рожденные его тремя старшими женами. Другие десять его жен* дали жизнь различным и многообразным существам, населившим землю, и поднебесье, и подземные миры. Сураса родила огромных чудовищных драконов, Ариштга стала прародительницей ворон и сов, ястребов и коршунов, попугаев и других пернатых, Вината породила гигантских солнечных птиц супарнов, Сурабхи — коров и лошадей, и еще многие божественные и демонические создания произошли от других жен Кашьяпы, дочерей Дакши. Кадру стала матерью нагов, а Муни — гандхарвов.

Наги, дети Кашьяпы и Кадру, исполинские змеи, поселились в подземном мире Патала*, где они воздвигли себе великолепные дворцы, блистающие золотом и драгоценными камнями. Мудрый змей Васуки стал царем нагов и правил в их подземном городе Бхогавати, полном невиданных на земле сокровищ. Некоторые же из нагов поселились в подземных водах, в реках и на дне океана, в царстве Варуны. Змеи обитают и на поверхности земли, где они стерегут сокровища и клады. Царственные змеи, трехглавые, семиглавые и десятиглавые, владеют несметными богатствами; головы их увенчаны драгоценными коронами; они могущественны и мудры; вожди великого племени нагов, они снискали милость и дружбу богов.

Гандхарвы, сыновья Кашьяпы и Муни, жили в поднебесье. Некогда они были стражами сомы и владели ею. Но потом утратили ее. Сарасвати*, дочь Дакши, богиня мудрости и красноречия, сумела очаровать гандхарвов и выманила у них сому. Гандхарвы хотели оставить прекрасную Сарасвати у себя взамен сомы, но и она ушла от них к богам, к которым лежало у нее сердце. Подругами гандхарвов стали апсары*, прелестные девы, рожденные из вод первозданного океана; пленяющие взоры богов и смертных, они стали танцовщицами в небесном царстве Индры. А сами гандхарвы, прекрасные обликом и вечно юные гении небесных пространств, ведающие божественные тайны и направляющие пути звезд, стали певцами и музыкантами в том царстве и услаждали слух богов звуками лютней и чудесными песнопениями. Сладкоголосые и очаровывающие, они поют на горах, где небожители проводят время в беззаботных развлечениях; и голоса гандхарвов слышатся иногда с небес. А в ясную погоду в чистом воздухе предстает иногда взорам смертных призрачный город с высокими дворцами и башнями; это — город гандхарвов*, и говорят, что беда ждет того, кто ненароком его увидит.

Некогда гандхарвы во главе со своим царем Вишвавасу напали на своих родичей нагов* в их подземном царстве, победили их и отобрали у них драгоценности и сокровища. Наги прибегли к покровительству Вишну; тот спустился в подземный мир, изгнал оттуда гандхарвов и заставил их вернуть нагам награбленное. Тысячеглавый вселенский змей Шеша, прозываемый также Ананта, Бесконечный, брат царя Васуки, самый огромный из змеев, стал другом и спутником Вишну; плавая на поверхности вселенских вод, он служит с той поры опорой и ложем Вишну, когда великий бог отдыхает и спит.

И наги и гандхарвы могли менять свой облик по желанию, и часто те и другие являлись среди людей в человеческом образе. Нередко земные цари и герои брали себе в жены нагини — дев несравненной красоты, которые были по рождению змеями. А сладострастные гандхарвы особенно опасны для смертных женщин; они преследуют их и соблазняют своей искусной игрой на лютнях и чарующим обликом; так же и апсары, их подруги, являются обольщать смертных мужей на земле. Вместе с богами — покровителями свадебного обряда — Агни, богом огня, и Сомой, богом луны, — на каждой человеческой свадьбе присутствуют незримо гандхарвы как тайные соперники жениха, и всегда нужно остерегаться их козней.

11. БЕГСТВО АГНИ, БОГА ОГНЯ

Восемь блистательных богов появились на свет на исходе творения. Их знают под именем Васу, что значит Благодетельные*. Говорят, что они изошли из пупа Брахмы. Имя старшего из них — Ахан, День*, второго — Дхрува — он стал владыкой Северной Звезды*, третьим был Сома, ставший богом луны*, четвертый из Васу — Дхара, Опора Земли, пятый — прекрасный Анила, прозываемый также Ваю, Ветер, шестой — Анала, он же Агни, Огонь, седьмой — Пратью-

Агни

ша, Рассвет, восьмой — Дьяус, Небо*, он же Прабхаса, Сиянье. Агни был могущественнейшим из них, и он стал их предводителем; но все они слывут свитой Индры, царя богов, коего часто именуют поэтому — Васава, Владыка Васу.

Когда Агни появился на свет, боги замыслили учредить жертвоприношение. И они хотели, чтобы Агни стал их жрецом, они хотели, чтобы он стал Возносителем жертвы*. Но он устрашился: «Когда я вознесу жертву и догорит жертвенный огонь, кончится и жизнь моя». И он бежал от богов и спрятался в водах.

Но когда Агни скрылся, воспряли духом демоны, ибо не стало огней на земле, разгоняющих ночной мрак, и ночь была отдана демонам в безраздельное владение. «Мы должны найти Агни», — сказали боги и во главе с Варуной, владыкою ночи* и владыкою вод, отправились на поиски. Рыба выдала богам местопребывание Агни — она была обеспокоена жаром, распространившимся в воде. В гневе Агни проклял ее — и силою его проклятия рыбы стали с той поры законной добычей людей, употребляющих рыбу в пищу.

Варуна воззвал к Агни: «Вернись! Ману, спасшийся от потопа, должен свершить жертвоприношение, чтобы продолжить человеческий род на земле. Кто же кроме тебя вознесет его жертву богам? Вернись, о Агни!» Агни возразил: «Уже гибли жертвенные огни на земле. Из страха гибели я бежал, как буйвол от стрелы охотника. Я вернусь, если вы дадите мне бессмертие».

Боги сказали: «Ты будешь нашим бессмертным жрецом, о Агни, такова милость Брахмы. Никогда не будет тебе ущерба при обряде, и жертва будет принадлежать тебе. И вселенная будет вечно почитать тебя». И Агни вернулся; вместе со своим братом Сомой он стал владыкою жертвоприношений.

12. СОМА, БОГ ЛУНЫ

Сому, бога луны, Брахма сделал властителем над планетами и звездами, над жрецами и растениями, над обрядами и благочестивыми обетами. Сома первым совершил обряд раджасуя — посвящения на царство — и стал царем. После этого он возгордился своею славой и красотой и забыл о добродетели. Он похитил у Брихаспати, владыки планеты Брихаспати, его жену, красавицу Тару, Звезду. Напрасно Брихаспати пытался вернуть ее в свой дом, напрасно увещевали Сому святые мудрецы и сам Брахма — он не хотел отпускать ее. Шукра Ушанас, владыка планеты Шукра, наставник асуров, вечный соперник Брихаспати, стал на сторону Сомы. Боги во главе с Индрой вступились за своего наставника. И началась война между богами и асурами, война из-за прекрасной Тары, жены Брихаспати, похищенной богом луны.

Во главе ратн богов стал грозный Рудра, издревле покровительствовавший роду Ангирасов, Ушанас повел на богов полчища асуров: и битва между могучими противниками разгорелась с такой яростью и таким ожесточением, что Земля сотряслась до самого своего основания и в смятении воззвала к Брахме, моля положить предел ужасному сражению.

И Брахма вмешался и повелел Ушанасу, предводительствовавшему асурами, и Рудре, вождю богов, заключить мир; Индра между тем освободил Тару и вернул ее Брихаспати.

Когда же Тара вернулась в дом Брихаспати, тот увидел, что она беременна. Вскоре она родила сына необычайной красоты. И Сома

и Брихаспати пленились его чудесным обликом, и тот и другой хотели назвать его своим сыном. Боги обратились к Таре: «Открой нам, кто отец его?» Но, подавленная стыдом, она безмолвствовала. Они не могли добиться от нее ответа, пока сам ее сын, рассердившись, не пригрозил, что проклянет ее, если она будет скрывать правду. Тогда Брахма, успокоив гнев дитяти, спросил Тару: «Скажи мне, дочь моя, чей это сын, Брихаспати или Сомы?» Сгорая от стыда, она ответила: «Сомы». И Сома возрадовался, и восхвалил своего сына, и нарек его Будха, что значит Мудрый. Брахма сделал его владыкой планеты Будха*.

Но Тара осталась с Брихаспати, а царь Сома взял себе в жены двадцать семь прекрасных дочерей Дакши — двадцать семь созвездий лунного неба.

Самой прелестной из них была Рохини, и она стала любимой супругой Сомы. Он постоянно оказывал ей предпочтение, а остальных своих жен совсем забросил, и вот, наконец, обиженные пренебрежением супруга, они пошли и пожаловались на него отцу. «Сделай так, отец, чтобы он всех нас оделял своей любовью», — попросили они. Дакша призвал к себе Сому и стал сурово выговаривать ему. «Греховно твое поведение,— сказал он Соме.— Ты должен со всеми своими женами обращаться одинаково!» И Сома обещал ему это.

Но слова он не сдержал, и обиженные жены снова прибегли к Дакше. «Он смотрит только на Рохини, встречается только с нею,— жаловались они.— Мы не можем больше выносить это! Мы не вернемся к нему, отец, мы останемся в твоей обители!» И снова Дакша призвал к себе Сому, и снова тот обещал, что будет любить всех своих жен одинаково. И жены вернулись к нему.

Все же и на этот раз он не исполнил своего обещания. В третий раз пришли его жены к отцу и сказали: «Он не слушается твоих велений!» Тогда разгневанный Дакша проклял повелителя звезд и наслал на него недуг.

И Сома стал чахнуть изо дня в день. Он все худел и худел; все бледней становилось сияние луны, и ночи становились все мрачнее. На земле стали сохнуть травы, а затем и многие животные стали спадать с тела. Чем больше чах Сома, тем сильней истощались живые существа. Он все худел и убывал в размерах, и наконец боги встревожились и пошли к повелителю звезд и сказали: «Что с тобой, Сома? Некогда ты блистал красотою; куда она теперь делась? Почему ты так исхудал?» И Сома рассказал им о проклятии Дакши. Боги пошли к Дакше и стали просить его: «Смилуйся над Сомой, о Владыка созданий! Сними с него свое проклятие! Он так исхудал; от него уже почти ничего не осталось. И животные сохнут вместе с ним, и растения, и мы тоже! А если мы, боги, зачахнем, что станется со вселенной?»

Дакша внял речам богов и сказал: «Пусть он пойдет и смоет свой грех в водах священной реки Сарасвати, в том месте, где она впадает в океан*. Я пощажу его, но отныне он будет худеть каждый месяц в течение одной его половины и снова полнеть в течение другой».

Сома

И Сома пошел на берег Западного океана, туда, куда указал ему Дакша, и там в день новолуния он омылся в священных водах Сарасвати и очистился от греха. К нему вернулись его холодные лучи, и снова он стал озарять ими вселенную. И возрадовались тогда боги, и люди, и звери, и растения.

Дакша, довольный послушанием Сомы, сказал ему: «Не пренебрегай же больше своими женами! Повинуйся моим велениям!» И он отпустил Сому, и тот вернулся в свою обитель.

С тех пор луна всякий раз убывает в течение темной половины месяца и прибывает в течение светлой его половины. Говорят еще, что луна убывает оттого, что боги и пребывающие в царстве Ямы души усопших пьют из нее священную сому, из которой она состоит, а солнце потом опять наполняет ею луну.

13. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПУРУШИ

В древних книгах священного Знания — Ведах — сказано, что вселенная возникла из тела Пуруши — Первозданного Человека, которого боги принесли в жертву в начале мира. Они рассекли его на части. Из уст его возникли брахманы — жрецы, руки его стали кшатриями — воинами, из бедер его созданы были вайшьи — земледельцы, а из ног родились шудры — низшее сословие, которому определено было служить высшим. Из разума Пуруши возник месяц, из ока — солнце, огонь родился из его рта, а из дыхания — ветер. Воздух произошел из его пупа, из его головы произошло небо, а из ушей создались страны света, ноги же его стали землею. Так из великой жертвы сотворили мир вечные боги.

14. СКАЗАНИЕ О ПУРУРАВАСЕ И УРВАШИ

Когда Ману, сын Вивасвата, спасся от великого потопа на горе Хималая, он принес жертву, бросив с горы в воду немного масла и творога. Из той жертвы возникла женщина по имени Ила*, которая назвалась дочерью Ману. Потом Ману чихнул, и из его чиха родился сын по имени Икшваку*, потом еще восемь сыновей родилось у Ману. От Икшваку произошли цари Солнечного рода, правившие на Востоке.

Будха, сын Сомы, бога луны, женился на Иле, дочери Ману, и у них родился сын Пуруравас, первый из царей Лунного рода, владевших странами Запада. Пуруравас был могущественным и справедливым царем, он правил многими обширными странами, а также островами в океане, и достоинствами своими он был равен богам.

Рассказывают, что однажды его посетили Желание, Выгода и Добродетель*. Всех троих он принял с почетом, но высшее почтение оказал Добродетели. Оскорбленные Желание и Выгода прокляли Пурураваса. Желание предрекло ему разлуку с любимой, а Выгода

предсказала царю гибель от чрезмерной корысти. Но Добродетель смягчила эти проклятия, предначертав ему долгую жизнь, а потомкам его — власть над землею.

В то время апсара Урваши, прекраснейшая из небесных дев, сошла на землю, покинув обитель богов и гандхарвов. Некогда Митра* и Варуна, старшие сыновья Адити, узрели ее на небесах, в божественной роще Нандана*, и сердца их воспламенились страстью. Могучий Митра, бог дневного света, отважный победитель асуров, взял Урваши в жены. Но сердце ее лежало к Варуне. Она родила двоих сыновей — великих мудрецов Агастью* и Васиштху*, но кто был их отцом — Митра или Варуна — не было ведомо богам. Когда Митра узнал об измене Урваши, он изгнал ее с небес и проклял, предсказав, что ей суждено стать женою смертного и жить на земле, среди людей.

В мире смертных Урваши встретила Пурураваса, и, когда она увидела его, она забыла о небесных чертогах и полюбила его всем сердцем. И царь Пуруравас полюбил божественную деву, очарованный ее дивной красотою. И он просил ее стать его женой.

«Я согласна,— отвечала царю Урваши. — Но обещай мне, что исполнишь два моих условия». — «Какие это условия?» — спросил царь. Урваши сказала: «У меня есть два ягненка, которые дороги мне, как родные дети. Пусть они будут всегда рядом с моим ложем, а ты обещай охранять их. И еще обещай, что никогда не предстанешь передо мной обнаженным». И Пуруравас с радостью согласился на оба условия. Так небесная дева стала женою смертного.

Они жили счастливо долгие годы, и любовь Пурураваса к прекрасной Урваши возрастала с каждым днем, и так же росла ее любовь к нему, и она совсем не вспоминала о том времени, когда жила среди бессмертных на небесах. Но для гандхарвов и апсар их небесная обитель утратила свою прелесть без Урваши, и они тосковали о ней. Вишвавасу, властитель гандхарвов, спустился на землю с небес, чтобы привести Урваши обратно.

Зная об уговоре Пурураваса и Урваши, Вишвавасу однажды ночью проник в их опочивальню и схватил одного из ягнят. Урваши пробудилась и закричала, обнаружив пропажу. «Где же супруг мой? Кого мне просить о помощи?» — горестно причитала она. А Пуруравас, не смея предстать перед ней обнаженным, не поднялся вовремя с ложа, и похититель исчез вместе с ягненком. Урваши же укоряла Пурураваса, восклицая: «Нет защитника у женщины, вышедшей замуж за труса!»

На следующую ночь гандхарвы унесли второго ягненка. На этот раз Пуруравас сразу же вскочил с ложа, надеясь, что жена в темноте не увидит его наготы, и, схватив меч, бросился за похитителями. Тут гандхарвы осветили его блеском молнии, и Урваши увидела супруга обнаженным. Гандхарвы же, оставив ягнят, удалились в свою небесную обитель.

Когда Пуруравас вернулся с ягнятами, он увидел, что Урваши исчезла. Безутешный, пустился он странствовать по свету в поисках

своей возлюбленной. Долго скитался он, словно безумный, горько оплакивая свою утрату; наконец, обойдя многие страны, он пришел на Курукшетру*. Там он увидел покрытое лотосами озеро, по которому плавали лебеди. То были апсары в облике лебедей, и среди них была Урваши. Увидев его, она сказала подругам: «Вот человек, которого я любила».— «Давайте покажемся ему», — сказали апсары, и они предстали перед Пururавасом в своем истинном облике небесных дев.

Тогда он воззвал к Урваши: «О жена моя, жестокая сердцем, не уходи, поговори со мной! Если останется между нами недосказанное, не будет нам радости в грядущие дни». — «О чем мне говорить с тобой? — возразила Урваши. — Я ушла, как первый луч зари. Возвращайся домой, Пуруравас! Я — как ветер, которого не удержать». Напрасно молил ее Пуруравас; в отчаянии обещал он, что расстанется с жизнью, если она не вернется, бросится с утеса, отдаст свое тело на съедение диким волкам. «Не умирай, Пуруравас, — молвила Урваши, — не бросайся с утеса. Знай, не может быть дружбы с женщинами, сердца их безжалостны». Но все же ей стало жаль его, и она сказала: «В этот же день, через год приходи сюда снова. К тому времени родится наш сын, которого я ношу во чреве».

И когда минул год, он пришел туда снова. И на том месте, где было озеро, он увидел золотой дворец. Урваши вышла к нему из дворца и сказала: «Я пробуду с тобой эту ночь, а завтра гандхарвы предложат тебе исполнить на выбор одно желание. Тогда ты скажешь: „Я хочу стать одним из ваших!"»

И Пуруравас сделал так, как сказала ему Урваши. «Нет ничего на земле, чего бы я мог пожелать и что не было бы мне доступно, — сказал он гандхарвам. — Мое единственное желание — быть там, где Урваши, не разлучаться с нею». Гандхарвы дали ему жаровню с огнем и сказали: «Ступай в лес и там раздели этот огонь на три огня; с мыслью об Урваши соверши на огонь жертвенное возлияние, и твое желание исполнится». Пуруравас взял огонь и пошел с ним в лес. Но там его охватило сомнение: «Безумный, вместо жены я взял с собой эту жаровню. Гандхарвы обманули меня». И, оставив жаровню в лесу, он вернулся к себе во дворец. Среди ночи он проснулся и подумал: «Напрасно я не послушал гандхарвов; ведь они обещали исполнить мое желание!» Он встал с ложа и снова пошел в тот лес, но жаровни там уже не было, а на ее месте росли два дерева — шами* и ашваттха*. Пуруравас сорвал с каждого дерева по ветке, вернулся во дворец и там, потерев их одна о другую, добыл священный огонь. Пуруравас и был первым смертным, учредившим три священных огня: огонь для домашних обрядов, огонь для общих жертвоприношений и огонь для возлияний.

Этим обрядом Пуруравас обрел природу гандхарва и смог снова соединиться со своей возлюбленной Урваши. Но рассказывают, что на склоне лет, гордый своим могуществом, он посягнул на имущество брахманов* и, проклятый разгневанными мудрецами, погиб, как было ему предсказано, из-за чрезмерной корысти.

15. ПОБЕДА ИНДРЫ НАД ВРИТРОЙ

Тваштар*, бог-созидатель, искуснейший мастер, сотворивший многие диковинные вещи и изваявший тела людей и животных, был одиннадцатым сыном Адити. Но жена его была демоницей из рода асуров. Она родила ему сына-чудовище — трехглавого дракона Вишварупу* и дочь — божественную кобылицу Саранью, которая стала потом супругой Вивасвата и матерью Ямы, Ями и Ашвинов. Грозен обликом был Вишварупа, сын Тваштара. Один его лик был подобен солнцу, другой — луне, а третий — пламени. Одни уста его произносили гимны Вед, другие — пили вино, а третьи — готовы были поглотить все вокруг. И он обладал необычайной мудростью и был великим подвижником. Раньше, до Брихаспати, верховным жрецом богов был Вишварупа, а у асуров до Ушанаса верховным жрецом и наставником был Васиштха, сын Урваши.

Когда разгорелась первая война между богами и асурами, Вишварупа втайне принял сторону родичей своей матери и замыслил измену богам. Хираньякашипу, сын Дити, который был тогда царем асуров, обещал Вишварупе сделать его своим верховным жрецом; узнав об этом, Васиштха разгневался и покинул асуров.

Индра не доверял Вишварупе и страшился могущества, которое тот обрел своим великим подвижничеством*. И чтобы лишить Вишварупу его силы, царь богов призвал к себе прекраснейших из апсар, танцовщиц небесной обители, и повелел им: «Ступайте к сыну Тваштара и пением, плясками и чарами своей красоты склоните его к любовным наслаждениям. Никто не может устоять перед вашей прелестью. Украсьте себя цветами, драгоценными ожерельями и браслетами, умастите тела свои благовониями. Пусть он нарушит свое подвижничество и, позабыв обо всем на свете, отдастся вашим ласкам».

И, повинуясь велению Индры, апсары приблизились к обители Вишварупы и принялись искушать его соблазнительными телодвижениями, полными неги и любовного томления. Но, преданный суровому подвижничеству, сын Тваштара только раз взглянул на прелестных посланниц Индры, и красота их не пробудила в нем волнения. Владеющий своими страстями, он остался недвижим в созерцании, как полноводное озеро в безветренный день.

Апсары вернулись в небесные чертоги Индры ни с чем и поведали царю богов о своей неудаче. Отпустив божественных дев, Индра погрузился в тяжкое раздумье. Он понимал, что сын Тваштара изменяет богам в их борьбе с асурами, но он не мог убить Вишварупу, ибо тот был жрецом, а убиение жреца — тягчайший грех, и взять его на себя не мог повелитель небесного царства.

И тогда Индра призвал к себе бога Триту*. Никто не знает истинного происхождения этого божества, родившегося в первозданных водах, и обитель его далека и никому не ведома. Но туда, в далекую и таинственную обитель Триты, отсылаются силой молитвы всякое зло и грехи, туда уходят от праведного все беды, и болезни, и недоб-

рые сны. Бог Трита отпускает грехи бессмертным и смертным, принимая на себя всякую вину и всякое зло.

И царь богов с ведома и согласия Триты убил Вишварупу, отрубив все его три головы, и возложил вину на Триту. Когда Индра срубил первую голову сына Тваштара, уста, читавшие Веды, разомкнулись и из них вылетели куропатки; когда срублена была вторая голова, изо рта, пившего вино, вылетели воробьи и ястребы, а из третьей головы вылетела стая перепелов.

Узнав о деянии Индры, Тваштар пришел в ярость: «Как посмел он убить моего сына?». В ту пору Тваштар был хранителем сомы; и когда он созвал богов в свой дом испить священной влаги, он не пригласил Индру и лишил повелителя бессмертных его доли. Но Индра явился незваный и выпил чистую сому, бывшую в кадке, по праву сильного, посягающего на достояние слабого. На этот раз он выпил сомы так много, что она не пошла ему впрок и потекла у него из всех отверстий обратно; но его опять исцелили Ашвины.

Еще больше разгневался Тваштар и воскликнул: «Поистине, он выпил мою сому без спроса!». И он обещал отомстить Индре за все и покарать его жестоко.

Пришло время, и Тваштар создал из сомы и огня страшное чудовище — гигантского дра́кона Вритру*.

Безногий и безрукий, возлег огромный змей на горах, свернувшись в девяносто девять колец. Он закрыл пути течению рек, поглотил все их воды и заключил их в своем чреве. «Расти», — сказал ему Тваштар, и он стал расти с необычайной быстротой, оттесняя Западный и Восточный океаны и пожирая несметное количество пищи; за день он вырастал в каждую сторону на длину полета стрелы и грозил поглотить всю вселенную, и богов, и все живые существа.

Боги устрашились и воззвали к Индре. Они просили его встать во главе небесного воинства и повести его на дракона. Сам Брахма воззвал к Индре, побуждая его на битву со змеем, а Шива подарил ему для боя непробиваемые доспехи. И вот во главе с могучим Индрой боги устремились на Вритру, чтобы убить его. Завидев нападающих, дракон испустил устрашающее шипение и дохнул на них пламенем из своей огромной пасти. Тогда трепет объял богов, и они бежали стремглав от его губительного дыхания. Как бессильные старцы, отступили боги перед Вритрой, покинув Индру на поле боя. Только храбрые Маруты*, сыновья Рудры, остались с Индрой, и еще остался с ним Вишну*. «Бей, о владыка! Рази! Яви свое мужество!» — восклицали Маруты. И бесстрашный Индра ринулся один на дракона.

И тогда разверз Вритра свою чудовищную пасть и в мгновение ока проглотил Индру*. После этого он заснул — никто больше не осмеливался напасть на него. Но тогда Шива подослал к нему Зевоту. И Вритра зевнул во сне, и царь богов тотчас выбрался из его чрева. Вишну вложил силу в оружие Индры. Широко размахнувшись, отважный победитель асуров нанес Вритре страшный удар своей сокрушительной ваджрой и рассек ему голову. Небо содрогнулось от рева смертельно раненного дракона. Самого Индру объял страх, и он

бежал без оглядки за девяносто девять рек, на самый край света, и там, не зная еще, поразил ли он своего врага насмерть, спрятался в озере, в стебле лотоса. И все боги попрятались в страхе, и никто не смел приблизиться к дракону. Наконец Индра послал Марутов разведать*, жив ли Вритра, и те пошли и увидели, что Вритра, мертвый, лежит, распростершись на земле. Воды, плененные в его чреве, вырвались на свободу и устремились к океану. И Маруты, ликуя, пустились в пляс вокруг тела поверженного дракона.

Это был величайший из подвигов Индры. Из черепа Вритры он сделал потом себе чашу, а тело его рассек надвое; благая часть его, та, что была сотворена из сомы, поднялась в небо и стала луною, демонская же часть Вритры по воле Индры стала частью живых существ — их чревом. Поэтому о чревоугодниках говорят, что они приносят жертвы Вритре — брюху. А из пролитой крови дракона родились петухи; вот почему доныне не употребляют петухов в пищу брахманы и благочестивые отшельники.

Но убиение Вритры было и величайшим из грехов Индры. Ибо Вритра, как и брат его Вишварупа, был брахманом, и царь богов оказался повинен в тягчайшем из прегрешений — убиении жреца. Поэтому, устрашенный своим греховным деянием, Индра не сразу вернулся в свое царство; он надолго остался в изгнании на краю света, прячась в лотосовом стебле.

16. СКАЗАНИЕ О НАХУШЕ

Все нарушилось и остановилось в трех мирах, когда Индра, покинув свое царство, пребывал в изгнании, искупая свой великий грех. Прервалось течение рек; высохли озера; дожди не выпадали на землю, и стали гибнуть леса. Страх и растерянность сковали души богов и святых мудрецов, оставшихся без царя и господина, но никто из них не отважился занять место Индры на небесном престоле.

В ту пору на земле правил царь Нахуша из Лунного рода, сын Аюса, внук Пурураваса. Он прославился своей отвагой, добродетелью и красотою, и небожители, с согласия великого Брахмы, решили призвать его на престол Индры. Боги и святые подвижники пришли к нему и сказали: «О царь земли, будь нашим господином». — «Но я не могу быть вашим господином, о небожители, — в смущении возразил им внук Пурураваса. — Я слишком слаб для этого. Нет у меня той силы, какой обладал Индра, и я не смогу служить вам надежной опорой и защитой». Но боги и мудрецы от него не отступились. «Ты не должен испытывать боязни, о царь царей! — сказали они ему. — Стань нашим властелином, и наше могущество будет тебе опорой. И всякий, на кого ты обратишь свой взор, будь то бог, или асур, или гандхарв, или брахман, отдаст тебе свою силу. Отныне стоит тебе только взглянуть на кого-нибудь, и сила его перейдет к тебе, — прими от нас этот дар. Оставь сомнения, о Нахуша, сын Аюса, и, следуя праведным путем, взойди на небесный трон Индры!» И Нахуша согласился.

Когда Нахуша правил на земле, он обуздывал свои страсти, укреплял душу свою добрыми делами и с великим смирением почитал богов. Но, став владыкой небес и получив от богов чудесный дар могущества, он преисполнился высокомерия, забыл о благочестии и все чаще стал склоняться телом и душой к низменным утехам и забавам. Он окружил себя небесными красавицами апсарами и лукавыми гандхарвами, услаждавшими его слух небесной музыкой, и вместе с ними развлекался дни и ночи в цветущей роще Нандана. В сопровождении апсар и гандхарвов он спускался с небес на великую гору Меру*, возвышающуюся над миром смертных, странствовал по горным вершинам Himaлая, переходя с одной на другую, а затем нисходил на берега земных рек и к водам океана и всюду предавался праздным утехам и наслаждениям.

Но однажды Нахуша увидел Шачи, прекрасную супругу Индры, и греховная страсть овладела им. «Почему богиня Шачи проходит мимо нас, не выказывая должного почтения и любви к своему господину? — спросил Нахуша приближенных. — Разве я не властитель небесного царства? Разве не должна она почитать меня, как ранее Индру? Пусть прекрасная Шачи поспешит навестить меня в моих чертогах!»

Услышав о велении Нахуши, Шачи в страхе и отчаянии прибегла к Брихаспати, мудрому наставнику богов. «Защити меня, о брахман, — воззвала она к нему, — помоги мне сохранить верность моему супругу. Только у тебя я могу укрыться от Нахуши. Некогда ты поведал, что не суждено мне стать вдовою. Пусть же эти слова твои не окажутся ложными».

«Все, что я сказал,— истинно, — отвечал ей Брихаспати. — О богиня, будь спокойна и не бойся Нахуши, утратившего добродетель. Скоро я соединю тебя с Индрой». И он оставил Шачи у себя в доме и взял ее под свою защиту.

Когда Нахуша услышал, что Брихаспати укрыл Шачи в своем доме, он пришел в ярость. Тщетно пытались успокоить его небожители. «О владыка небес, — говорили они ему, — не позволяй гневу овладеть тобой. От ярости твоей сотрясается вселенная. Успокойся и подумай о том, что Шачи — не твоя супруга. Оставь греховные мысли и не вожделей к чужой жене. Ведь ты — царь богов и сам должен наставлять своих подданных, не давая им сбиваться с праведного пути». Но Нахуша, охваченный страстью, не хотел слушать их увещеваний. «Индра сам небезгрешен, — возразил он небожителям.— Убийца жреца, он скрывается от заслуженной кары за пределами мира богов и никогда уже не вернется к своей супруге. Пусть же прекрасная Шачи дарует мне желанную радость. То будет благом и для нее и для вас. И впредь остерегитесь перечить моей воле!»

И небожители умолкли и склонились перед его волей и обещали тотчас привести к нему Шачи. С поникшими головами, с печалью в сердце они пришли к Брихаспати и сказали: «О великий брахман, мы знаем, что супруга Индры нашла убежище в твоем доме. Но мы просим тебя, великомудрый: отошли ее к Нахуше. Нахуша — наш вла-

дыка, и ныне он превзошел силой Индру. Пусть прекрасная богиня признает его своим повелителем и супругом».

Горько заплакала Шачи, когда услышала эти слова богов и святых подвижников, и, заливаясь слезами, она сказала Брихаспати: «Ты знаешь, о наставник богов, что я не хочу быть женою Нахуши. Я отдалась под твою защиту. Неужели ты нарушишь свое слово?»

Тогда мудрый Брихаспати, искушенный в речи, молвил богам и подвижникам: «Сказано было всемогущим Брахмой: того, кто предаст ищущего у него защиты, ждут великие беды. Никогда я не нарушу своего слова и не преступлю закона добродетели. У того, кто предаст искавшего защиты, не будет счастливых дней. Не взойдут у него брошенные в землю семена, дожди обойдут его поля стороною, и не будет у него урожая; боги отвергнут его приношения, потомки его вымрут, а предки перессорятся между собою в царстве усопших. И потому, о боги, я не выдам Нахуше супругу Индры. Поразмыслите сами, что еще можно сделать ради блага Шачи и нашего блага».

Но боги ничего не сумели придумать, и тогда Брихаспати сказал: «Пусть прекраснооокая богиня попросит у Нахуши, чтобы он для собственного же блага дал ей время привыкнуть к мысли о новом супружестве и настроить на это душу. А время, о премудрые боги, воздвигнет потом перед Нахушей другие преграды». И боги одобрили речь Брихаспати. «Будь благоразумна, богиня, — сказали они супруге Индры. — Исполни совет Брихаспати. Ступай теперь к Нахуше и попроси у него времени, чтобы приготовиться к новому супружеству. Он нечестив и сладострастен, но конец его власти близок, и скоро Индра вернет себе свое царство».

И стыдливая Шачи, побуждаемая небожителями, отправилась к Нахуше. Увидев перед собой блистательную богиню, Нахуша обрадовался и обратился к ней с ласковыми речами, восхваляя ее красоту. «Прими меня как своего супруга, о прелестная, — сказал он Шачи. — Ведь ныне я — Индра во всех трех мира́х». Слова Нахуши, исполненные греховного вожделения, повергли целомудренную богиню в ужас, и она задрожала от страха, как былинка на ветру. Она смиренно сложила ладони и, низко склонившись перед Нахушей, сказала: «О владыка богов, я прошу у тебя только немного времени. Если не будет вскоре вестей от Индры, я приду к тебе, я говорю тебе правду».

Слова Шачи вселили радость и надежду в душу Нахуши. «Пусть будет так, как ты хочешь,— сказал он супруге Индры.— Но помни, я жду тебя и верю, что ты меня не обманешь». Он отпустил Шачи, и она поспешила снова укрыться в доме Брихаспати.

Тогда боги, обрадованные, что гнев Нахуши хоть на время утих, отправились за советом к Вишну. «О великий, — сказали они ему, — ты — наше прибежище, в тебе наше спасение. Скажи нам, что нужно сделать, чтобы очистить Индру от греха?» Вишну ответил: «Пусть он принесет мне в жертву коня*. Тогда я сам сниму с него грех, и он сможет вернуть себе власть в небесном царстве».

Боги отправились на край вселенной, разыскали Индру и совер-

шили вместе с ним жертвоприношение коня, и Вишну снял с него грех убиения брахмана. Но великий страх владел еще Индрой. Он опасался могущества Нахуши. И он спрятался снова в своем озере, чтобы никто не увидел его.

Когда Шачи узнала от огорченных богов, что супруг ее скрылся вновь, она стала молиться, чтобы ее чистота и праведность оградили ее от Нахуши и помогли сохранить верность Индре. В поздний вечерний час горестная супруга Индры вышла из своего убежища и взмолилась к богине ночи*: «О Ночь, о вещая богиня прорицаний! Открой мне тайну, укажи, где искать мне супруга!»

Тогда Ночь, богиня предсказаний, тронутая горем добродетельной Шачи, явилась перед ней в облике юной и прекрасной девы и сказала: «Следуй за мной, о Шачи, верная своему супругу. Я покажу тебе, где скрывается великий победитель Вритры». Шачи последовала за ней, и они прошли сперва через небесные рощи, а затем поднялись над горными вершинами Хималая и направились на север. Далеко на крайнем севере они достигли большого острова, лежавшего среди необъятного моря, а на острове том среди цветущих лесов и лугов раскинулось красивое озеро, покрытое белыми лотосами. Богиня предсказаний вошла вместе с Шачи в стебель одного из лотосов и указала ей Индру, притаившегося меж его волокон.

Обрадованная встречей со своим возлюбленным супругом, Шачи припала к его ногам. Она поведала ему о бесчинствах Нахуши, захватившего власть в небесном царстве, и о том, как он преследует ее своими домогательствами и склоняет нарушить верность супругу. И она просила Индру вернуться, защитить ее и покарать Нахушу, утратившего добродетель. Но Индра сказал ей, что не может сейчас победить Нахушу — слишком большой силой наделили его боги. «Только хитростью можно одолеть сына Аюса, — молвил супруге Индра. — Ты должна вернуться и сказать ему, что согласна полюбить его как мужа; но поставь ему такое условие: пусть он явится за тобою к дому Брихаспати на колеснице, в которую впряжет вместо коней святых подвижников, обретших обитель на небесах за свою великую праведность». И Шачи, обещав Индре сделать все так, как он ей повелел, вернулась в небесное царство.

Когда истекло отпущенное ей время, Шачи пришла к Нахуше и сказала, что Индра исчез и не шлет вестей о себе, а потому она готова уступить желаниям небесного владыки. И Нахуша, обрадованный ее словами, обещал ей исполнить все, чего бы она ни попросила. Тогда Шачи ему сказала: «Ты велик и могуч, государь, и нет в мире никого, кто мог бы с тобою соперничать. Все подвластны тебе во вселенной — и боги, и люди, и всякая тварь. Каждый, на кого упадет твой взор, отдает тебе свое могущество, а сам становится бессильным. Так явись же за мной к дому Брихаспати во всем блеске своего могущества, и пусть выезд твой затмит величие Вишну и Шивы — запряги в свою колесницу небесных мудрецов-брахманов и на той колеснице увези меня в свои чертоги!»

«Я повинуюсь твоей воле, о прекрасная Шачи,— отвечал ей влюб-

Шачи

ленный Нахуша, — и мне по душе твое желание. Воистину, мир еще не видел подобного выезда. Не каждый может запрячь в свою колесницу праведных подвижников. Но мое могущество беспредельно; я властвую над прошлым, настоящим и будущим; вселенная покоится на моей силе, а гнев мой несет миру гибель. Будь спокойна, я исполню твое желание, о богиня! Семь святых мудрецов привезут меня к

твоим покоям, и ты узришь величие и блеск властелина вселенной!». С этими словами опьяненный гордостью Нахуша, своевольный и порочный властитель, отпустил Шачи, чтобы в доме наставника богов она дожидалась его приезда.

Шачи вернулась к Брихаспати и рассказала ему о своем уговоре с Нахушей. «Уже мало времени осталось мне, — молвила она сыну Ангираса. — Скоро явится сюда владыка небес на колеснице, запряженной мудрецами». Но Брихаспати утешил ее и обещал без промедления приняться за поиски Индры. Он разжег на алтаре жертвенный огонь и послал за Индрой бога Агни. Повинуясь божественному жрецу, Агни обернулся женщиной чудной красоты и тотчас исчез. Быстрый, как мысль, он промчался повсюду, обыскал небо и землю, леса и горы, и, вернувшись через мгновение, сказал Брихаспати, что искал повсюду, но нигде не мог найти Индру — только в водах его не искал, ибо с той поры, как он сам в них скрывался, он не смеет входить в воды. Брихаспати возразил ему: «Ты, о Агни, — уста богов, ты возносишь к ним священные жертвоприношения. Брахманы поклоняются тебе, славят твои деяния, приносят тебе жертвы. Ты, как истина, проникаешь в глубину души всех созданий. В мире нет ничего, что было бы для тебя тайной. Так войди же в воды без страха и узнай, где скрывается Индра!»

Побуждаемый словами Брихаспати, Агни прошел тогда сквозь все воды мира, обыскал все моря и реки, пруды и озера и нашел наконец убежище Индры. Боги во главе с Брихаспати направились к Индре и умоляли его вернуться, напоминая ему о его подвигах и победах в битвах с асурами. Вслед за Брихаспати к нему воззвали Варуна, владыка водных просторов, и Сома, бог луны, и сын Солнца Яма, и другие боги. И тогда победитель Валы и Вритры вышел из своего убежища и, приняв свой прежний грозный облик повелителя молний, сказал, что согласен сразиться с Нахушей, если боги помогут ему своей силой. Боги обещали ему свою помощь, и все они стали думать, как им одолеть Нахушу и свергнуть его с небесного трона. Но пока они советовались между собой, к ним явился с небес великий мудрец Агастья, сын Урваши, и поведал им, что низвергнут уже с престола Индры надменный Нахуша и мир воцарился в прекрасной обители богов. И Агастья рассказал возликовавшим богам, как это случилось.

«Когда Нахуша, — стал рассказывать Агастья,—выбирал праведных брахманов, чтобы запрячь их в свою колесницу, премудрый Бхригу, чтобы Нахуша его не увидел, спрятался у меня на темени под волосами. Вместе со мной Нахуша впряг в колесницу еще шестерых подвижников, прославленных своей мудростью и добродетелью. На пути к дому Брихаспати, куда он ехал, чтобы забрать супругу Индры, Нахуша вступил в спор с мудрецами, тащившими его колесницу. Речь пошла о том, как надлежит правильно произносить гимны Веды. Мудрецы не уступили Нахуше в споре и уличили его в невежестве, и тогда разъяренный владыка небес, гордо восседавший на своей колеснице, пнул меня ногою в темя и нанес, не зная о том, удар сыну Брахмы, благородному Бхригу. Невидимый Нахуше мудрец, оскорб-

ленный тем ударом, проклял его: „За все свои грехи и бесчинства, за насилие над брахманами и преследование чужой жены, — сказал он, — ты утратишь свою силу, о Нахуша, и дар богов будет отныне для тебя бесполезен. Ты не достоин более небесного трона и потому низвергнешься с небес на землю. Там, на земле, ты обратишься в огромного змея; и тысячу лет будешь ползать ты по земле в поисках пищи, пока не освободит тебя от проклятия твой потомок Юдхиштхира*, царь из Лунного рода". Так сказал великий мудрец, и Нахуша был бессилен против его проклятия, ибо взор его не упал тогда на Бхригу. Силой того проклятия сын Аюса, дрожащий от страха и утративший свою гордость, в мгновение ока был сброшен с неба на землю и обратился там в огромного змея». Так закончил свой рассказ Агастья, и радостные боги вместе с Индрой вернулись в свою обитель.

По велению Брахмы Индра принес еще раз очистительную жертву конем, и Брахма и Вишну навсегда сняли с него страшный грех убиения жреца и разделили его между огнем, деревьями, апсарами и водами. Агни принял на себя четвертую часть греха Индры, но сказал Брахме: «Ради блага царя нашего по твоему велению я беру на себя это бремя, но да будет положен ему предел». Брахма сказал: «Не тревожься, лишь до поры будет тяготеть этот грех над тобою. Если кто-либо, помрачившийся разумом, позабудет принести тебе жертву, о Агни, в назначенный срок, грех тотчас же перейдет на него». А деревьям он сказал: «Тот, кто вздумает по неведению рубить вас в день новой луны или в полнолуние, примет от вас этот грех, который я теперь на вас возлагаю». Апсарам он обещал, что с них грех перейдет на мужчин, которые посягнут на женщину в дни ее месячных; тот же, кто не почитает во́ды и бросает в них нечистоты, примет по слову Брахмы тот грех, который он возложил на во́ды. И все исполнилось по предначертанию Брахмы. А супруг Шачи, освободившийся от греха, вновь воцарился на небесном престоле.

17. СКАЗАНИЕ О ДАДХЬЯНЧЕ

Богу Тваштару, Всесозидателю*, принадлежала корова, вымя которой источало чудесную влагу — сому. Тваштар и был хранителем сомы, но имя своей чудесной коровы и место ее пребывания он скрывал даже от богов. И только мудрый Дадхьянч из рода Ангираса* знал эту тайну. Но и он не открывал ее богам. Он, как и Тваштар, был близок асурам*, черпавшим силу в его тайном знании.

Меж тем хитроумные Ашвины, божественные целители, единственные из богов отлученные от возлияний сомы за свою близость к людям, замыслили проникнуть в тайну, хранимую Дадхьянчем. Они пришли к мудрецу и сказали: «Мы хотим быть твоими учениками».— «Чему же вы хотите научиться у меня?» — «Мы хотим постигнуть тайну возлияний сомы, — отвечали Ашвины Дадхьянчу. — И мы хотим узнать, где пребывает волшебная корова Тваштара». Но мудрец возразил: «Индра, царь богов, угрожал мне, что, если я открою эту

тайну кому-нибудь кроме него самого, он снесет мне голову своим оружием. Я страшусь его гнева, о сыны Вивасвата, и потому не могу взять вас к себе в ученики».

Тогда Ашвины сказали ему: «Не бойся, мы защитим тебя от гнева Индры».—«Как же вы сумеете защитить меня?» — «Если ты сделаешь нас своими учениками, — сказали Ашвины, — мы спрячем твою голову так, что Индра не узнает об этом. На ее место мы приставим тебе конскую голову, а когда Индра ее срубит, мы вернем тебе настоящую».

Мудрец согласился, и они спрятали его голову, а на ее место приставили конскую. И устами коня Дадхьянч поведал им тайны, которые они хотели знать; он открыл им, что божественная корова Тваштара скрывается на луне*.

Вскоре Индра узнал, что Дадхьянч ослушался его и тайны, скрытые от него самого, поведал Ашвинам. В гневе он снес мудрецу голову своею ваджрой. Далеко отлетела конская голова и упала в озеро, расположенное на горе Шарьянават на краю света. Но Ашвины исцелили обезглавленного Дадхьянча, снова приставив к его плечам его настоящую голову.

Тогда мудрый Дадхьянч взошел на небо. А сила асуров на земле возросла непомерно, и царь богов уже не мог справиться с ними. «Сила асуров зависит от Дадхьянча», — узнал Индра. Божественные мудрецы поведали ему, что только с помощью конской головы, отсеченной им у Дадхьянча, он сможет одолеть своих врагов. Индра отправился на поиски, и в горном озере он нашел конскую голову, исполняющую желания. Оружием, сотворенным из костей той головы, повелитель небесного царства истребил асуров. И он узнал тогда тайну Тваштара и похитил его сому.

18. ПАДЕНИЕ ДЬЯУСА

Мудрый Дадхьянч едва не лишился головы за то, что выдал тайну коровы. Дьяус, отец Ушас, прекрасной богини зари, бывший некогда блистательным и могущественным владыкой небосвода, за грех похищения священной коровы был низвергнут на землю и обречен из бога стать человеком.

Рассказывают, что однажды Дьяус вместе со своей женою пришел в заповедный лес на вершине Химавата. В том лесу они увидели чудесную корову Нандини, исполняющую все желания, дочь прародительницы коров Сурабхи. Божественная корова была дарована великому мудрецу Васиштхе, владевшему тем лесом. А в ту пору благочестивый Васиштха, сын Варуны, отлучился из своей обители.

«Взгляни,— сказал своей супруге Дьяус, — вот чудесная корова мудрого Васиштхи. Смертный, который отведает ее молока, будет жить десять тысяч лет, не зная недугов и старости». Тогда супруга Дьяуса загорелась желанием получить во владение корову, чье молоко дарует долголетие. «Есть у меня на земле среди смертных подру-

га, царевна племени ушинаров, — сказал она. — Ради нее я хочу иметь эту корову. Приведи ее мне!» И, желая угодить своей лотосоокой жене, Дьяус похитил корову Васиштхи.

Вернувшись в свою обитель, Васиштха не нашел в лесу волшебной коровы Нандини, дочери Сурабхи. Внутренним зрением он обнаружил истину и узнал похитителя. Великий подвижник, сын Варуны обрел умерщвлением плоти и благочестием безмерное могущество. Он проклял Дьяуса и вернул себе корову. Силою его проклятия гордый бог лишился небесной своей обители, и на долгие годы выпала Дьяусу доля смертного человека.

19. СКАЗАНИЕ О ПУЛОМЕ

Великий мудрец Бхригу, сын Брахмы, жил в уединенной обители в лесу со своей супругой, прекрасной Пуломой, которую он любил всем сердцем. Некогда отец Пуломы обещал отдать ее в жены асуру Пуломану*, но Бхригу увел ее из родительского дома и женился на ней раньше, чем асур успел явиться за нею. И вот однажды, когда Бхригу ушел из обители к реке, чтобы совершить омовение, и оставил супругу дома одну — а в ту пору она ожидала ребенка,— случилось так, что тот самый Пуломан набрел в лесу на их хижину, и вошел, и увидел Пулому.

Он тотчас влюбился в нее, а прекрасная Пулома приняла гостя ласково и угостила его лесными плодами и кореньями. Тогда Пуломан спросил огонь, пылающий в очаге: «Скажи мне, о Агни, ты, славящийся своей правдивостью, не та ли это дева, что была обещана мне в супруги? Коварный Бхригу отобрал ее у меня, но теперь я верну себе мою невесту, если ты скажешь, что это она». И Агни сказал, опечаленный: «Я боюсь молвить ложь, но боюсь и гнева великого мудреца».

Тогда Пуломан, от любви потерявший рассудок, обернулся вепрем и, схватив Пулому, бежал с нею из обители Бхригу быстрее ветра. И в то время, когда он мчался по лесу с Пуломой, ребенок, которого она носила под сердцем, выпал из ее чрева. Он блистал, как солнце, и демон, едва увидев его, выпустил Пулому, а сам обратился в пепел.

И бедная Пулома пошла по лесу с ребенком на руках, заливаясь горючими слезами, и от слез ее родилась большая река Вадхусара, которая и поныне течет в тех местах. Бхригу нашел свою супругу с ребенком в лесу и отвел ее в обитель. Когда она рассказала ему, что ее похитил Пуломан, Бхригу в гневе спросил: «Кто же сказал тому асуру о тебе, кто выдал тебя?» — «Агни выдал меня»,— отвечала Пулома. И тогда Бхригу проклял бога огня: «Да будешь ты всепожирающим!»

А сына, родившегося у Пуломы, когда ее нес по лесу асур, Бхригу нарек Чьявана, что значит Выпавший. Чьявана, сын Бхригу, стал великим мудрецом и подвижником и силою своего подвижничества достиг великого могущества в трех мирах.

20. ШИВА И БОЖЕСТВЕННЫЕ МУДРЕЦЫ НА ХИМАВАТЕ

После гибели своей верной супруги Сати, мрачный Шива, великий отшельник, совсем отдалился от богов и предался в уединении суровому подвижничеству. Провидя будущее, Вишну предсказал, что Сати вновь родится на земле в ином образе и вновь соединится с Шивой. Но Шива был неутешен. Горюя о возлюбленной супруге, он бродил по горам, как безумный, не находя облегчения скорби; и однажды он пришел в священный сосновый лес на вершине Химавата, где жили, исполняя благочестивые обеты, мудрые Владыки созданий, сыновья Брахмы со своими женами.

Шива появился близ обители божественных мудрецов нагой, с телом, покрытым пеплом, с распущенными и всклокоченными волосами; глаза его были налиты кровью; в руках он держал тлеющие головни. Он то смеялся ужасным смехом, то пел, то разражался устрашающими криками. И на глазах добродетельных жен мудрецов, вышедших из своих жилищ, он пустился в дикую и бесстыдную пляску. И он то кричал по-ослиному, то ревел, как бык. Его пляска зачаровала жен мудрецов; и куда бы он ни шел, приплясывая, они шли за ним следом, не сводя с него глаз.

Великий гнев охватил небесных мудрецов. Никто из них не узнал Шиву. «Кто это? Демон или иное существо, вознамерившееся нарушить наш покой и соблазнить наших жен?» — спрашивали они друг у друга. И они проклинали его: «О ты, кричащий ослом, обратись же в осла!» Но как ни велика была сила их подвижничества, ее недостало, чтобы проклятие это поразило Шиву; так звезды не могут затмить солнце. Однако еще больше разгневались мудрецы, что жены их, зачарованные, следуют за пляшущим безумцем. И, соединив все свои силы, дарованные им подвижничеством, они прокляли незнакомца за его бесстыдство: «О уродливое создание, да лишишься ты мужества своего!» И тотчас детородный член его отпал, а сам Шива исчез.

И сразу изменилось и смешалось все вокруг. И увидели мудрецы, что померк свет и солнце уже не дает тепла, не горят жертвенные костры, а планеты и созвездия сдвинулись со своих извечных мест на небосводе и перепутали свои пути. Тогда нарушилась чреда времен года. И мудрецы, хотя и продолжали исполнять свои обеты, поколебались в суждениях о священном законе дхармы, ослабли духом и телом и утратили свою мужскую природу. В смятении прибегли они к Брахме. Они рассказали Прародителю о приходе диковинного незнакомца, о своем гневе на него и о проклятии. «Вы не узнали великого бога Шиву,— сказал Брахма.— Теперь забудьте о своем гневе и постарайтесь умилостивить грозного Владыку. Вы должны изваять лингам* Шивы и поклоняться ему. Отныне в образе лингама вы будете почитать могучего Шиву».

Мудрецы вернулись в свой сосновый лес и сделали так, как повелел Брахма. Целый год они почитали Шиву в образе лингама, и когда

наступила весна и сладостное пение кокилы* огласило благоухающие, распустившимися цветами кущи на склонах высокого Химавата, великий бог появился опять в обители мудрецов. Они распростерлись перед ним и воздали ему хвалу; он же простил им их заблуждение. Он объяснил им тогда, что и нагота и умащение тела пеплом нужны ради очищения от грехов, ради подавления страстей и обретения высшего могущества. И божественные мудрецы признали его превосходство. С тех пор повсеместно лингам почитают как образ Шивы.

21. ПОДВИЖНИЧЕСТВО УШАНАСА

Во время войны за похищенную Сомой богиню Тару, супругу Брихаспати, Ушанас, предводитель рати асуров, сошелся в поединке с великим Шивой, вождем воинства богов. Храбрый сын Бхригу нанес Шиве много ударов своим оружием, и хотя не в силах он был чувствительно уязвить могучего бога, но и тот никак не мог поразить Ушанаса своим грозным трезубцем, ибо проворный мудрец увертывался всякий раз от его смертоносной длани. Ушанас вскочил на плечо Шивы, оттуда — на его голову, с головы опять на плечи и, прыгая по его плечам, рукам и голове, неустанно наносил ему жалящие удары мечом. Наконец, рассерженный Шива изловчился и, поймав Ушанаса ртом, проглотил его. В утробе Шивы владыка планеты Шукра взмолился о милости, и Шива, смягченный его мольбою, изрыгнул его обратно, и между ними произошло примирение. С той поры Шива стал благоволить Ушанасу, мысля о нем как о сыне.

Прошло время, и опять разгорелась война между богами и асурами. В ту пору асуры сошли уже со стези добродетели, отринули жертвоприношения, и боги, предводимые Индрой, стали одолевать и теснить асуров. Тогда сыновья Дити сказали Ушанасу Кавье, своему наставнику: «Нам не устоять против богов, они отобрали у нас все наши владения. Придется нам отдать им власть над мирами и удалиться в подземный ад». Но Ушанас ободрил их: «Не бойтесь, я помогу вам. Вся мудрость заклинаний и знание целебных трав принадлежат мне, богам доступна лишь небольшая доля тех знаний. Я же, о асуры, использую свое знание вам во благо!». Боги, узнав об этом, сказали: «Пока мудрый сын Бхригу не отобрал у нас вселенную, нападем на асуров и истребим их, а уцелевших изгоним в подземный мир». И они снова обрушились на асуров со всею силой и яростью и обратили их в бегство. Видя это, Ушанас взял асуров под защиту; он отвел их в безопасное место и сам преградил дорогу победоносным богам. Устрашившись его могущества, боги прекратили преследование и повернули обратно. Ушанас же сказал асурам: «Уже в двенадцати битвах победили вас боги, и мало вас уцелело для новой битвы. Поэтому не нужно вам пока вступать в бой с богами. Подождите некоторое время; я же пойду к великому Шиве и выведаю у него путь к победе».

Тогда Прахлада, сын Хираньякашипу, отправился послом к богам и сказал им: «Мы прекращаем войну с вами. Мы сложили оружие,

покинули свои боевые колесницы, мы облачились в грубые лубяные платья отшельников. Отныне в далекой пустыни все асуры предадутся суровым подвигам умерщвления плоти». Выслушав речь царевича асуров, боги, обрадованные, вернулись в свое царство. А Ушанас Кавья предстал перед Шивой и смиренно просил его: «О великий бог, ради победы асуров над сынами Адити даруй мне заклинания, которых не знает Брихаспати, наставник моих врагов». На это Шива отвечал: «О сын Бхригу, чтобы обрести такие заклинания, тебе придется совершить великое подвижничество. Тысячу лет ты должен провисеть вниз головою, вдыхая густой дым костра,— тогда ты получишь желанное знание». Ушанас склонился перед Шивой и коснулся почтительно его ног. «Да будет так,— сказал он.— Я возьму на себя этот обет и исполню его, о Владыка». И он удалился для исполнения обета.

Но боги все же догадались, что мир, предложенный им асурами, был лишь хитрой уловкой. Они вновь вооружились и во главе с Брихаспати, своим наставником, двинулись на асуров, чтобы покарать их. А те, увидев, что боги наступают на них, пришли в великое смятение. «Наш наставник покинул нас ради свершения обета, и мы сложили оружие. О боги, вы обещали нам мир, а теперь пришли сюда с оружием в руках, чтобы перебить нас, беззащитных, благочестивых подвижников»,— так молвили асуры. А между собой они решили: «Мы не можем противостоять богам в бою. Пока не вернулся наш наставник, прибегнем к защите его матери, мудрой супруги Бхригу».

И они, устрашенные, прибегли к покровительству матери Ушанаса. Она дала им убежище и сказала: «Не бойтесь, асуры, вам нечего бояться, пока вы под моей защитой». Но яростные боги вторглись в ее владения и стали разить асуров своим оружием. Видя, что боги убивают безоружных асуров, мать Ушанаса разгневалась и сказала: «Я зачарую богов, и они заснут». И богиня стала творить заклинания, и первым оцепенел и лишился сил Индра; боги же, видя, что царь их во власти ее заклинаний, ужаснулись и обратились в бегство.

Только Вишну остался с оцепеневшим Индрой. «Войди в меня,— сказал он,— и я унесу тебя отсюда». И царь богов вошел в своего младшего брата. Когда богиня увидела, что Вишну защищает Индру, она разгневалась еще больше: «Тебе не уйти от меня, владыка небес, я испепелю тебя силою моих чар вместе с Вишну!». Страх объял обоих богов при этих ее словах. «Как нам спастись от нее?» — спросил Вишну брата. Тот отвечал ему: «Убей ее, пока она не сожгла нас обоих. Я уже лишен силы ее заклинаниями; убей же ты ее без промедления!». И Вишну замыслил тогда греховное деяние — убиение женщины. Объятый великим страхом, он призвал к себе свое оружие — боевой диск — и, поспешно метнув его, снес голову матери Ушанаса.

Когда Бхригу узнал, что Вишну лишил его жену жизни, он проклял младшего сына Адити: «За то, что ты, ведающий закон дхармы, нарушил запрет убиения женщины, да родишься ты семь раз на зем-

ле среди людей». Но потом, вняв просьбе Брахмы, он смягчил свое проклятие и определил, чтобы Вишну рождался многократно на земле в человеческом и ином образе и всякий раз ради восстановления попранной справедливости.

Предсказание Бхригу сбылось; через много лет Вишну воплотился на земле в образе праведного царя Рамы, чтобы покарать нечестивого царя демонов-ракшасов Равану; и еще во многих образах рождался Вишну, когда нарушался в мире закон дхармы.

А Бхригу взял тогда в руки отсеченную голову жены и приставил ее к телу. «Во имя дхармы, коей следовал я неуклонно, да верну я тебе жизнь». Он обрызгал ее холодной водой и рек: «Воскресни!». И богиня вернулась к жизни, словно восстала ото сна. И боги, и асуры, и все существа во вселенной дивились великому чуду.

Узнав, что Бхригу вернул к жизни свою жену, Индра опять лишился покоя. Могущество враждебного ему рода Бхригу страшило его, и он не спал ночами, измышляя средство взять верх над недругом. Наконец он призвал к себе свою дочь, прекрасную Джаянти, и сказал ей: «Ушанас, наставник асуров, предался великому подвижничеству ради того, чтобы лишить меня власти. Замысел этого мудреца грозит мне гибелью. Ступай к нему, дочь моя, постарайся услужить ему. Угождай ему и очаруй его ради моего блага».

Джаянти повиновалась отцу. Она пошла туда, где свершал свое подвижничество Ушанас Кавья. Она узрела его, изможденного, висящего вниз головой над жертвенным костром, вдыхающего густые клубы дыма. Следуя слову отца, Джаянти восхвалила великого подвижника и осталась служить ему на долгие годы. Неустанно растирала она ему руки и ноги, умащала их мазями, освежающими кожу, и всяческие услуги оказывала Ушанасу послушная дочь владыки небес.

Когда минул тысячелетний срок обета, Шива, довольный подвижничеством Ушанаса, даровал ему знания, недоступные богам и никому другому во вселенной. Так наставник асуров стал непобедимым.

Тогда он обратился к Джаянти и сказал: «Кто ты, о прекрасная дева, разделившая со мною тяготы великого подвижничества? Чем вознаградить мне тебя за твою преданность? Назови свое желание, и я немедля исполню его, как бы трудно мне это ни было!» — «О брахман,— отвечала она,— твое подвижничество дало тебе способность проникать в мысли другого. Ты сам знаешь, чего я желаю».— «Ты хочешь соединиться со мною, красавица,— сказал тогда Ушанас. — И ведомо мне, что сто лет ты хочешь провести со мною и чтобы все это время оба мы оставались невидимы для любого живого существа. Да будет так, пусть исполнится твое желание». Вместе с Джаянти он удалился в свой дом, и там они пребывали сто лет, невидимые для постороннего взора — такую силу даровало Ушанасу его подвижничество.

Сыновья Дити, узнав, что Ушанас исполнил свой обет и заслужил милость Шивы, возрадовались и пришли к его обители. Но они не нашли своего наставника — нигде не увидели они и следа его,

«Он еще не вернулся»,— подумали они и разошлись по домам. А боги тем временем обратились к своему наставнику Брихаспати: «Ступай скорее к асурам, пока нет с ними сына Бхригу, и соврати их с пути истинного, да подпадут они под твою власть». И Брихаспати принял облик Ушанаса и пришел к асурам; они же поверили, что это наставник их вернулся к ним после тысячелетнего подвижничества. И сто лет Брихаспати был верховным жрецом асуров в облике Ушанаса Кавьи.

Но прошло сто лет, и настоящий Ушанас возвратился к асурам. Когда он явился в собрание асуров и они увидели его, они преисполнились удивления и сказали: «Вот один Ушанас восседает на месте нашего наставника, а вот другой пришел в собрание — поистине, это изумляет нас. Что бы это могло значить?».

А Ушанас, увидев Брихаспати, восседающего в его обличье на его месте, разгневался и сказал: «О наставник богов, зачем ты пришел сюда? Ты совращаешь учеников моих, они же, глупцы, обманутые тобою, не узнают меня теперь. Недостойно брахмана совращать чужих учеников. Ступай к богам и оставайся там, следуя своему долгу, иначе тебе грозит здесь погибель». Но сын Ангираса, услышав эти слова, ответствовал с улыбкой: «Никогда не слыхивал я о воре, крадущем не чужое имущество, а чужой образ. Я узнал тебя, ты — Брихаспати, сын Ангираса, наставник богов. Смотрите, асуры,— вот обманщик, пришедший сюда в моем облике по наущению Вишну. Свяжите его и бросьте в море!»

Ушанас сказал, обращаясь к асурам: «Асуры, я — ваш наставник, вернувшийся с даром Шивы после исполнения тысячелетнего обета, я заслужил этот драгоценный дар ради вашего блага. А это — Брихаспати, сын Ангираса, он обманывает вас, чтобы принести победу небожителям. Я говорю вам правду — он занял мое место, пока я пребывал вдали от вас».

Но асуры не поверили ему. «Пусть остается нашим наставником тот, что явился сюда раньше, а этот пусть уходит»,— сказали вожди асуров. Разгневанный Ушанас проклял их: «О жалкие глупцы, вы отреклись от меня, но скоро вы поплатитесь за свое неразумие, скоро вы лишитесь и владений своих и самой жизни!» И он удалился в леса.

А Брихаспати остался с асурами. И постепенно он стал смущать их разум ложным учением. Он отвратил их от почитания Вед и от жертвоприношений. «Священное писание не приносит ничего, кроме несчастий своим почитателям,— говорил он.— Ради корыстных целей приносят богам жертвы презренные люди, допуская и жен к своим обрядам, и лишая жизни живые существа*». И он хулил великих богов, Вишну и Шиву, и обличал греховность Индры и Брихаспати.

Из всех асуров только праведный Прахлада, сын Хираньякашипу, устоял против соблазна; все остальные поверили ложному учению Брихаспати*, коего они принимали за Ушанаса. Совращенные его проповедью, асуры отреклись от семейной жизни и отринули мирские блага. Обнаженные, с бритыми головами*, они удалились на берега

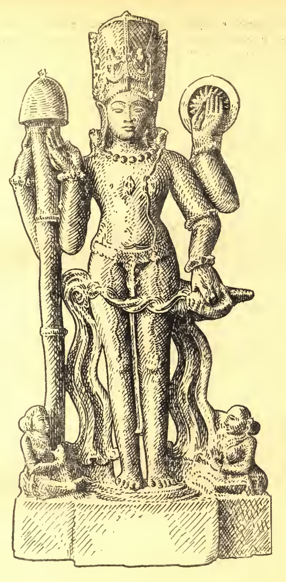
реки Нармады, предоставив богам власть над тремя мирами. И лишь позже, когда Ушанас вернулся к асурам и вразумил их, они забыли свои обеты и снова вступили в борьбу с богами за власть над вселенной.

22. ВОПЛОЩЕНИЯ ВИШНУ

Когда в давние времена умножились бессчетно живые существа, Земля изнемогла под бременем гор и лесов и расплодившихся на ней тварей. Она не вынесла этого бремени и, провалившись в недра Паталы, погрузилась там в воду. Тогда ради ее спасения Вишну обратился в огромного вепря с телом, подобным темной грозовой туче, и глазами, сверкавшими словно звезды. Он спустился в Паталу и, поддев землю клыком, вытащил ее из воды и вознес ввысь. Могучий асур Хираньякша, сын Дити, пребывал в ту пору в Патале; он увидел гигантского вепря, несущего на клыке землю, с которой стекали потоки воды, затопляя подземные чертоги асуров и нагов. И Хираньякша напал на вепря, чтобы отобрать у него землю и завладеть ею. Вишну в облике вепря сразил в бою великого асура. Потом он вынес землю из Паталы и утвердил ее посреди океана так, чтобы она уже никогда больше не проваливалась.

Но, подымая землю, Вепрь пробил в ней копытом отверстие и заронил туда свое семя. И так как он сделал это в неурочное время, от союза Вепря и Земли зародился ужасный плод. Глубоко-глубоко в недрах земли, в полости, пробитой копытом Вепря, остался страшный зародыш; имя его — Нарака, Ад, и в его обитель проваливаются после смерти грешники и терпят там жесточайшие муки за свои злодеяния.

В другой раз Вишну воплотился на земле, когда ее благополучию угрожал царь асуров Хираньякашипу, старший брат Хираньякши. Возгордившись своим могуществом, Хираньякашипу, сын Дити, покинул стезю добродетели и стал жестоко притеснять живые существа. Сын Хираньякашипу, благочестивый Прахлада, порицая злодейство отца, обратился к почитанию Вишну. Тщетно царь асуров пытался заставить сына отречься от добродетели. Наконец он повелел своим слугам убить царевича. Но Прахлада, видя угрожающую ему опасность, обратился с молитвой к Вишну; и мечи и копья жестоких слуг Хираньякашипу затупились от ударов по его телу, не причинив ему ни малейшего вреда. По велению царя Прахладу бросили под ноги разъяренным слонам, но и здесь он остался невредимым; его ввергли в ров, полный ядовитых змей, однако укусы их оказались бессильны против защиты, дарованной ему добродетелью. Хираньякашипу пытался отравить его, потом хотел его сжечь, но ни яд, ни огонь не могли погубить царевича асуров. Царские слуги сбросили Прахладу с высокой башни дворца — он же невредимо опустился на землю, как на мягкое ложе. Связанного, его ввергли в пучину морскую — но и на дне океана продолжал он славить Вишну. Тогда царь асуров заточил его в темницу.

Вишну

Злой Хираньякашипу никого не боялся, ибо некогда он получил от Прародителя дар неуязвимости. В награду за долгое и изнурительное подвижничество Брахма сделал его неодолимым для богов и асуров, для людей и зверей. Но Вишну пришел на помощь преданному ему и страдающему Прахладе. Он воплотился на земле в образе не

человеческом и не зверином — полульвом, получеловеком — и явился в чертоги Хираньякашипу. Увидев диковинное существо, повелитель асуров ринулся на него, потрясая своим трезубцем, но человекольв поверг Хираньякашипу на землю и разорвал его своими когтями в клочья. Затем Вишну освободил из темницы добродетельного Прахладу и опять восстановил на земле справедливость.

После смерти Хираньякашипу сын его Прахлада стал царем дайтьев и данавов. Благодаря своему благочестию и подвижничеству он обрел великое могущество, и боги не могли его одолеть. По совету Брихаспати Индра явился к Прахладе в облике брахмана и попросил у него в дар его добродетель. Благочестивый царь не мог отказать брахману. Его добродетель вышла из него в виде тени и вселилась в Индру. Только тогда повелитель богов смог победить Прахладу.

Сыном Прахлады был Вирочана, сыном Вирочаны — могущественный Бали, который и стал потом царем асуров. Благочестием Бали превзошел своего деда и всех живущих в трех мирах. Силою своего благочестия и подвижничеством он обрел власть над вселенной. И небо, и земля, и подземные страны принадлежали ему, и сами боги подпали под владычество царя асуров.

Оскорбленная унижением своих сыновей, Адити воззвала к Вишну: «Только ты можешь вернуть царство брату твоему Индре. Помоги богам, твоим братьям, о мудрый!» Тогда Вишну обернулся карликом и пришел к Бали, властителю вселенной, и попросил у него для себя столько пространства, сколько он сможет отмерить тремя шагами. «Откажи ему», — посоветовал царю Ушанас, сын Бхригу. Но гордый и щедрый Бали не послушал совета мудрого наставника и согласился отдать карлику столько пространства, сколько он просит. Тогда карлик вырос неизмеримо на глазах у потрясенного Бали; и одним шагом он пересек небесные сферы, а вторым покрыл сразу всю землю. Третьего шага Вишну не сделал; по просьбе Брахмы он пощадил благородного Бали и оставил в его владении подземный мир, Паталу. Так боги вернули себе власть над вселенной, асуры же были изгнаны в подземный мир.

23. СКАЗАНИЕ О ЯЯТИ

Когда вновь разгорелась война между богами и асурами за власть над вселенной, боги долго не могли одолеть своих врагов. Ушанас, жрец и наставник асуров, владел искусством оживлять мертвых, полученным им за великое тысячелетнее подвижничество. Всех асуров, которых боги убивали в битвах, он снова возвращал к жизни. Брихаспати же, наставник небесного воинства, не знал этой науки, и боги несли тяжелый урон в той войне. И вот однажды боги в смятении и страхе пришли к сыну Брихаспати, мудрому Каче, и сказали: «Окажи нам услугу, Кача, помоги одолеть коварных асуров. Ты молод и прекрасен обликом. Пойди к Ушанасу и поступи к нему в ученики,

Любезным обхождением и послушанием добейся его доверия, завоюй любовь его дочери Деваяни и выведай у наставника асуров его великую тайну — умение оживлять павших в битве».

И, повинуясь желанию богов, Кача отправился в стан владыки асуров. Он предстал перед Ушанасом и сказал: «Я — сын Брихаспати, внук Ангираса. Возьми меня в ученики. Соблюдая строгий обет воздержания, я буду служить тебе десять сотен лет». Ушанас Кавья приветливо встретил сына Брихаспати, взял с него обет послушания, и Кача, став его учеником, начал, как подобает, служить своему учителю. Но более всего он старался угодить Деваяни, гордой дочери Ушанаса. Он собирал для нее в лесу благоуханные цветы и сочные плоды, пел ей песни, развлекал ее музыкой и пляской. Деваяни милостиво принимала эти услуги, и незаметно сердце ее склонилось к Каче.

Но вот однажды, когда Кача пас в лесу коров учителя, его увидели и сразу узнали асуры. Ненавидящие богов и Брихаспати, они убили Качу, опасаясь, как бы он не выведал у их наставника тайну воскрешения умерших. Они разрубили тело Качи на куски и бросили на съедение волкам.

Когда вечером коровы вернулись домой без пастуха, Деваяни обеспокоилась. Кача не вернулся и ночью, и тогда Деваяни пошла к отцу и сказала: «О владыка, солнце уже зашло, в темной ночи засветился огонь на жертвенном алтаре, коровы возвратились из лесу, а их пастух Кача все еще не вернулся домой. Не случилось ли с ним беды, не погиб ли он в лесу? Я не могу жить без него, отец!».

И Ушанас пожалел дочь и, громко воззвав к сыну Брихаспати, силою своего искусства вернул его к жизни. В тот же миг Кача предстал перед наставником асуров и его прекрасной дочерью живой и невредимый. Он поведал им, как асуры убили его в лесу и бросили его тело на съедение диким зверям.

Спустя некоторое время Кача опять отправился в лес — нарвать цветов для Деваяни, и опять его увидели асуры. Они поняли, что всемогущий Ушанас оживил Качу. И чтобы навсегда покончить с сыном Брихаспати, асуры, убив его, на этот раз сожгли его тело и размешали пепел в сосуде с вином. Коварные асуры поднесли этот сосуд своему наставнику, и тот выпил вино, смешанное с пеплом Качи.

А вечером опять пришла к отцу встревоженная Деваяни и стала умолять его отыскать Качу и вернуть ей его живым и невредимым. Ушанас сказал дочери: «Я уже оживил его один раз, когда асуры убили его и он отправился по пути умерших. Но, видно, сыны Дити снова лишили его жизни. Что же я могу для него сделать? Оставь печаль, дочь моя. Не пристало тебе скорбеть о смертном. Все смиряются — и боги, и люди, когда знамения не предвещают удачи». Но Деваяни была безутешна. «Нет,— сказала она отцу,— я не могу избавиться от печали. Сын Брихаспати мил моему сердцу. И если ты не вернешь его мне, я откажусь от воды и пищи и последую за Качей».

И, понуждаемый горестной Деваяни, Ушанас, гневаясь на упрямых асуров, снова воззвал к сыну Брихаспати и попытался во второй

раз вернуть его к жизни. Тогда Кача тихо подал голос из чрева учителя. Несказанно удивился Ушанас: «О Кача, как ты оказался в моем чреве?» И Кача рассказал ему обо всем: как встретили его в лесу асуры и снова убили, как сожгли на огне его тело, как смешали пепел с вином и поднесли это вино Ушанасу. Выслушав рассказ Качи, наставник асуров опечалился. Он стал думать о том, как вернуть Качу к жизни; ведь он не мог сделать этого, не погубив собственного тела. Только ценою собственной жизни он мог спасти своего ученика. Тогда ради счастья дочери Ушанас решился открыть сыну Брихаспати искусство оживления умерших. Получив от учителя этот великий и желанный дар, Кача распорол Ушанасу правый бок и явился на свет целый и невредимый. Наставник же асуров упал тогда на землю бездыханный. Но Кача, верный и благодарный ученик, тотчас воспользовался полученным даром, чтобы воскресить учителя. Он произнес должные заклинаиия, воззвал к Ушанасу, и тот ожил и восстал с земли, к великой радости Деваяни и Качи.

Десять сотен лет провел Кача в услужении у наставника асуров, и вот наконец настал день, когда пора было сыну Брихаспати возвращаться в обитель богов. Но Деваяни, полюбив его, не хотела с ним расставаться. И когда Кача с позволения учителя стал готовиться в дальний путь, Деваяни ему сказала: «О сын Брихаспати, я люблю и почитаю тебя, и эта моя великая любовь уже дважды спасла тебя от смерти. Ради меня, ради моей любви к тебе отец мой открыл тебе тайну оживления умерших. Неужели ты отвергнешь мою любовь, мою преданность и дружбу?». Но благочестивый Кача отказал Деваяни, предлагавшей ему себя в жены. Он сказал ей: «Ты понуждаешь меня к недозволенному, о дева с чудными бровями! Ты мне милее и дороже учителя, но ведь я побывал в утробе твоего родителя, о луноликая! Разве могу я стать твоим мужем? Я могу быть тебе только братом, ты мне теперь сестра по закону. О прекрасная, я прожил здесь счастливо долгие годы, и в сердце моем нет недовольства. Я прошу тебя, о Деваяни, позволь мне следовать моему долгу и пожелай мне благополучия в пути». Но прекрасная Деваяни не хотела покориться предначертаниям закона. Оскорбленная отказом Качи, она сказала: «Ты отверг меня в угоду закону, но за это я предрекаю тебе: великое искусство моего отца не принесет тебе блага». Сын Брихаспати, выслушав эти слова, остался, однако, непреклонен. Он смиренно ответил Деваяни: «Пусть не принесет мне плода эта великая наука, но она поможет тем, кому я передам мое знание». И, поклонившись Деваяни, он отправился в далекий путь к обители богов.

Исполненные радости, встретили сына Брихаспати боги. «Ты совершил великий подвиг,— сказали они ему,— и за это отныне ты будешь иметь свою долю в жертвоприношениях, о Кача!»

В скором времени Кача обучил богов искусству воскрешения умерших. Тогда небожители стали готовиться к новой битве с асурами. «Веди нас в бой,— сказали они Индре.— Настало время показать асурам нашу силу. Уничтожим наших врагов, о владыка!» И боги выступили в поход против асуров; Индра стал во главе небесной рати,

На пути к полю битвы Индра увидел девушек, купавшихся в лесном озере. Вмиг, обернувшись ветром, царь богов поменял местами девичьи платья и вернулся к своему войску. А девушки, выйдя из воды на берег, взяли не свои одежды. Шармиштха, дочь владыки асуров Вришапарвана, взяла по ошибке платье Деваяни, и между прекрасными девами разгорелся недобрый спор. «Как смела ты взять мое платье? — сказала Деваяни Шармиштхе.— Я — дочь наставника, и ты должна оказывать мне уважение. Не то не будет тебе ни в чем удачи, не будет блага тебе». Гордая царевна не снесла упрека и в гневе сказала Деваяни: «Ты, нищенка, неровня мне, и не тебе соперничать с дочерью владыки асуров. Твой отец прославляет моего отца и смиренно принимает дары от него. Когда мой отец возлежит на своем ложе, твой стоит у него в ногах. Ты — дочь просящего, берущего и восхваляющего, я же — дочь прославляемого, дающего, но не принимающего». И, не отдав Деваяни ее платья, Шармиштха столкнула дочь Ушанаса в колодец, бывший в том лесу, а сама ушла домой.

В то время царь Яяти, сын Нахуши, охотился неподалеку. И сам он, и его свита, и его кони утомились и изнемогали от жажды. Случилось так, что царь Яяти со своею свитой приблизился к тому колодцу, в который Шармиштха столкнула Деваяни. Царь заглянул в колодец и увидел, что он давно высох, а на дне его лежит девушка неземной красоты. Изумленный Яяти ласково спросил ее: «Кто ты, прекрасная дева? Отчего ты лежишь в колодце и как ты попала в него? Почему ты так тяжко вздыхаешь и стонешь? Расскажи мне обо всем, что с тобою случилось?» Деваяни отвечала ему: «Я — дочь Ушанаса, наставника асуров, того, кто воскрешает сыновей Дити и Дану, погибших в битве с богами. Отец мой не знает о том, что со мною случилось. Вот тебе моя правая рука, царь, возьми ее и вытащи меня из колодца».

И Яяти вытащил Деваяни за руку из колодца, простился с нею и вернулся в свой город. А негодующая на Шармиштху дочь Ушанаса, не желая являться в столицу Вришапарвана, послала к отцу свою служанку и велела ей рассказать ему о том, что произошло у лесного озера. Служанка разыскала во дворце Вришапарвана отца Деваяни и сказала ему: «Царевна Шармиштха столкнула твою дочь в колодец у лесного озера». Охваченный гневом и скорбью, Ушанас побежал в лес и нашел свою дочь у колодца живой и невредимой. Он обнял ее и сказал: «Все несчастья в мире происходят с нами по нашей собственной вине. Не совершила ли ты, о дочь моя, какого-либо дурного поступка, за который тебе пришлось расплачиваться такой ценою?».

Тогда Деваяни рассказала отцу о том, как тяжко оскорбила ее Шармиштха, назвавшая ее нищенкой и дочерью просящего, и как унизила она самого Ушанаса, и как сбросила ее, невиновную, в заросший травой колодец. Выслушав Деваяни, Ушанас не промолвил ни слова, но взял ее за руку и направился с нею во дворец царя асуров. Вступив во дворец, Ушанас приблизился к восседавшему на тро-

не Вришапарвану, брату Хираньякашипу, и сказал: «О царь, совершенное беззаконие тем отличается от плодородной земли, что приносит плоды не сразу. Но оно принесет их, и если не ты сам, то дети твои или внуки пожнут эти плоды, нет в том сомнения! И так как ты дважды покушался на жизнь ученика моего, сына Брихаспати, а дочь твоя Шармиштха пыталась погубить мою дочь, я навсегда покидаю твои владения, государь, вместе со всеми моими родными и домочадцами».

Царь асуров ответил ему: «Ты несправедлив ко мне, о сын Бхригу! О наставник, я всегда был к тебе почтителен и никогда перед тобой не кривил душою. Будь же милостив ко мне. Если ты нас покинешь, всех нас ждет неминуемая гибель, ты ведь знаешь это! Нам останется искать спасения от грозных врагов наших только на дне морском!» Но Ушанас был непреклонен. «Бегите, куда хотите, о асуры,— сказал он.— Опускайтесь на дно морское или скрывайтесь в подземном мире, но я не в силах терпеть обиды, чинимые моей дочери, ибо она любима мною и в ней одной моя жизнь. Пусть асуры склонятся перед нею и просят у нее прощения. И если я ваш наставник, если я здесь владыка, дарующий вам жизнь и спасение, пусть будет удовлетворена дочь моя Деваяни!».

И тогда Вришапарван сказал Деваяни: «Назови мне свое желание, о дочь Ушанаса, и оно будет исполнено, как бы трудно это ни было сделать». Деваяни сказала царю асуров: «Я хочу, чтобы дочь твоя Шармиштха стала моей рабыней, а вместе с ней пусть будет принадлежать мне и тысяча ее служанок. Пусть отныне она следует за мной повсюду».

Царь Вришапарван со смирением выслушал Деваяни и послал служанку за Шармиштхой. Когда царевна предстала перед отцом, он сказал ей: «Отныне ты — рабыня Деваяни, и твой долг — следовать за ней повсюду». По велению царя асуров дочь его склонилась перед Деваяни, и та ей сказала: «Вспомни, ведь я — дочь того, кто просит и принимает милостыню, ты же — дочь дающего и прославляемого. Как же ты будешь моей рабыней?» Шармиштха ответила ей смиренно: «Если ради спасения отца моего и всего племени асуров мне нужно стать твоей рабыней, я стану ею. Ведь если твой отец в гневе покинет моих сородичей, им не выстоять в битве с богами».

Так гордая царевна Шармиштха стала рабыней Деваяни, и удовлетворенный Ушанас остался с дочерью в столице царя Вришапарвана.

Много времени прошло с той поры, и однажды прекрасная Деваяни отправилась на прогулку в лес вместе с Шармиштхой и тысячью других своих прислужниц. Сопровождаемая служанками, она весело развлекалась и играла в лесу, собирала цветы, лакомилась плодами и утоляла жажду чистой водой из ручья. И когда девушки притомились и уселись отдыхать на лесной поляне, их увидел Яяти, сын Нахуши, который снова приехал в этот лес на охоту. Когда он увидел прекрасную Деваяни в окружении тысячи ее служанок и красавицу Шармиштху, которой Деваяни, отдыхая, положила ноги на колени,

сердце его преисполнилось восхищения. «Кто вы, юные девы, блистающие неземной красотою? — спросил он их.— Из какого вы рода? Я хочу услышать ваши имена, о прелестные девы». Деваяни назвала ему себя и сказала: «А это Шармиштха, дочь царя асуров Вришапарвана, моя подруга и рабыня». И она сказала Яяти, который уже собирался уйти, удовлетворив свое любопытство: «Я узнала тебя, о царь. Это ты вытащил меня из колодца за правую руку. Никто не касался моей руки до тебя — ты был первый. И потому я сама и мои рабыни принадлежим тебе. Будь моим супругом и повелителем, о великий царь».

Яяти рад был взять прекрасную Деваяни в жены, но он опасался гнева ее отца, всемогущего Ушанаса. Тогда Деваяни послала поскорей служанку за наставником асуров. И когда он пришел на ту лесную поляну, Деваяни сказала ему: «Отец мой, это — царь Яяти, сын Нахуши. Он взял меня за руку, когда вытаскивал из колодца, куда сбросила меня дочь Вришапарвана. Я хочу стать его женой, и никого другого я не изберу в супруги». Ушанас не стал противиться выбору Деваяни. Он сказал сыну Нахуши: «О царь, ты избран в супруги моей любимой дочерью. Возьми же ее, не страшись, я отдаю ее тебе. Ты берешь мою дочь по закону, и с нею ты обретешь в этом мире несравненное счастье. Только помни, царь, эта дева Шармиштха — рабыня Деваяни, и ее ты не должен звать на свое ложе». Радостный Яяти поклонился наставнику асуров, обошел его почтительно слева направо* и отправился в свою столицу вместе с Деваяни и ее служанками.

Яяти поместил Деваяни и ее прислужниц в своем дворце на женской его половине, но Шармиштху они поселили отдельно, вне пределов дворца, в небольшом доме близ ашоковой* рощи. И долгие годы царь Яяти наслаждался с Деваяни счастьем супружеской жизни. И наступило время, и Деваяни родила царю Яяти сына.

Шармиштху между тем мучила зависть. Она тоже хотела иметь сына. Все было у Деваяни: и муж и дитя, жизнь же Шармиштхи была безрадостна и бесплодна. Она пожелала склонить царя Яяти к супружеству и родить ему могучих сыновей.

Однажды царь встретил Шармиштху, прогуливаясь близ ашоковой рощи. Она пошла к нему навстречу с улыбкой и, почтительно приветствовав его, сказала: «Ты знаешь, государь, что я красива и знатна родом и нрав у меня веселый и кроткий. Я прошу тебя — даруй мне сына, о великий царь». Царь Яяти ответил ей: «Я знаю, Шармиштха, что ты красива, что ты царского рода и поведение твое добродетельно. Но ты помнишь, что сказал мне наставник асуров; „Дочь Вришапарвана ты не должен звать на свое ложе"».

Однако Шармиштха не хотела отступиться от задуманного. «Говорят, о царь, — молвила она, — что человеку простительны пять видов обмана — обман, когда дело касается женщины, обман во время свадьбы, обман ради сохранения жизни, обман для сбережения богатства и обман шутки ради».— «Но государь во всем должен быть примером для подданных, — возразил ей Яяти. — Если он отречется от

правды, его ждет гибель. Царь должен держать свое слово, даже если ему угрожают тяжкие испытания и великие невзгоды». Шармиштха сказала: «Тебя избрала в супруги Деваяни, но я тоже избрала тебя. Деваяни — моя подруга, и ее супруг должен стать моим супругом тоже. Ты не должен отступать от этого закона».

Тогда Яти сказал Шармиштхе: «Открой мне свое желание, дочь Вришапарвана. Просящим должно давать — таков мой царский обет». Она сказала: «Спаси меня от греха, о великий царь. Нет у меня потомства, а долг мой — иметь его, и я хочу иметь его от тебя».

И Яти уступил Шармиштхе. Они вволю насладились любовью, и, когда пришел срок, Шармиштха родила царю могучего сына, обликом подобного небожителям.

Когда Деваяни услышала о том, что Шармиштха родила сына, она пришла к ней, терзаясь ревностью, и сказала: «Ты совершила грех, ты преступила закон, дочь Вришапарвана. Как посмела ты взойти на ложе моего супруга?» Но Шармиштха не созналась в своем прегрешении. «Некий мудрец, сведущий в законе, посетил меня,— сказала она Деваяни,— и я просила благородного брахмана даровать мне сына, чтобы не остаться мне без потомства. Из благоговения и почтительности я не решилась спросить его, какого он рода и как зовут его». Деваяни поверила выдумке Шармиштхи и, успокоенная, вернулась во дворец.

А царь Яти между тем продолжал тайно посещать дочь царя асуров, и через некоторое время она родила ему второго сына, а потом третьего. И у Деваяни за это время родился еще один сын. Сыновей Деваяни звали Яду и Турвасу, сыновей Шармиштхи — Друхью, Ану и Пуру.

Однажды Деваяни вместе с супругом отправилась в лес на прогулку, и там она увидела троих мальчиков необыкновенной красоты. «Чьи это сыновья, государь? — спросила она царя.— Они прелестны обликом и удивительно похожи на тебя». Деваяни подозвала к себе детей и спросила у них: «К какому роду принадлежит ваш отец? Как зовут его и как зовут вашу мать? Говорите мне только правду!» И дети указали ей на царя, а матерью своей назвали Шармиштху. Они подошли к отцу, но он не посмел приласкать их в присутствии Деваяни; и дети, огорченные, с плачем побежали домой к матери.

Разгневанная Деваяни пошла к Шармиштхе и сказала ей: «Как посмела ты, рабыня, причинить мне такую обиду? Как посмела ты солгать своей царице?» Но Шармиштха отвечала ей без боязни: «Я не солгала тебе, дочь Ушанаса. Я сказала тебе правду. Я избрала царственного мудреца себе в супруги. По закону супруг подруги может быть и моим мужем, о достойнейшая из дочерей брахманов!»

Деваяни вернулась во дворец и сказала Яти со слезами: «Ты причинил мне великую обиду, государь, и нарушил обещание, данное моему отцу. Я не останусь больше под твоим кровом ни единого дня». И она вышла из дворца, и глаза ее покраснели от гнева. Она направилась в обитель наставника асуров, царь же, смущенный, шел за нею следом, ласково уговаривая ее вернуться и забыть обиду. Но

увещевания его были тщетны. Оба они добрались до обители Ушанаса, и Деваяни, склонившись перед отцом, сказала: «Закон побежден беззаконием, высокое попрано низменным! Я оскорблена Шармиштхой, дочерью Вришапарвана. Троих сыновей родила она царю Яяти, а у меня, несчастной, их только двое. Царь Яяти, прославленный своим благочестием, преступил закон, узнай об этом!»

Ушанас сказал: «Если так, его ждет кара. Сведущий в дозволенном и запретном, ты искал наслаждений в грехе, о царь, и за это тебя постигнет раньше срока неодолимая дряхлая старость!» Царь Яяти в страхе перед проклятием брахмана взмолился к Ушанасу: «О всемогущий наставник асуров! Я не хотел причинить обиды Деваяни. Дочь Вришапарвана, исполненная желания, просила меня о сыне; а можно ли, не нарушая закона, отказать женщине в удовлетворении ее желания? Ведь справедливо называют отказывающего в этом губителем плода. Вот почему не мог я уклониться от исполнения просьбы Шармиштхи. Смилуйся же надо мною! Ведь я не успел еще вдоволь насладиться жизнью и молодостью, о брахман!» Но Ушанас не изменил своего слова. «Я сказал, о царь, и старость уже вошла в тебя, — молвил он Яяти. — Но ты можешь передать свою старость другому, если он согласится принять ее, и тогда молодость вернется к тебе».

Старым и дряхлым возвратился царь Яяти в свою столицу, откуда ушел незадолго до этого, полный сил и не ведающий недугов. Он обратился к старшему своему сыну Яду: «Проклятье Ушанаса превратило меня в старика, сын мой. Седина, и морщины, и дряхлая немощь угнетают меня ныне, а я еще не насладился вдоволь жизнью. Возьми мою старость, о Яду, и отдай мне свою молодость! Когда минет тысяча лет, я верну тебе твою юность и заберу свою старость обратно». Но Яду не согласился. «Старость тягостна, — сказал он отцу. — У старика — седина, и морщины, и дряблая кожа. Старость бессильна, старость внушает жалость. Нет, не хочу я такой участи и не обменяю на нее моей молодости». Тогда Яяти проклял Яду: «За то, что ты, мой родной сын, отказываешь мне в своей молодости, потомство твое никогда не будет владеть моим царством».

И Яяти обратился ко второму своему сыну — Турвасу — с тою же просьбой, но и Турвасу не пожелал отдать отцу свою юность. «Нет, отец, — сказал он, — не нужна мне старость, губительница желаний и наслаждений. Старость губит красоту, разрушает радость и лишает нас самой жизни — я не хочу ее!» И второго сына проклял Яяти: «Я предрекаю тебе, Турвасу, что царство твое погибнет. Безрассудный, ты будешь повелевать лишь теми, кто не ведает закона, не чтит обычаев предков, пожирателями мяса, теми, чья кровь — как у дикого зверя».

Тогда Яяти пришел к Друхью, сыну Шармиштхи, и сказал ему: «О сын мой, возьми мою старость и дай мне свою юность. Дай мне еще насладиться жизнью, а через тысячу лет я верну тебе твою молодость обратно». Но и Друхью сказал отцу: «Что за радости у старца? Его не порадуют ни слон, ни колесница, ему недоступны ни боевой

конь, ни возлюбленная дева. Нет, отец, такой участи я не желаю». Яяти проклял и Друхью: «Никогда не сбудется, о Друхью, ни одно из твоих заветных желаний. И жить ты будешь в пустынном месте, где нет ни широких дорог, ни тропинок. Ты никогда не станешь царем, и только славное имя сына Яяти останется тебе».

Царь Яяти воззвал тогда к другому сыну Шармиштхи. «О сын мой Ану,— сказал он,— возьми мою старость и мою немощь. Я верну тебе твою молодость через тысячу лет!» Но и Ану отказался: «Старый слаб и беспомощен, как ребенок. Он нечист, и нет у него сил совершать предписанные обряды. Нет, отец, твоей старости я не желаю». Яяти проклял его: «Не придется себе радоваться своим юным летам. Ты сам одряхлеешь раньше времени, а потомки твои погибнут, едва вступив в пору зрелости».

«О Пуру,— обратился Яяти к своему последнему сыну,— ты самый любимый из моих сыновей. Ты видишь, как рано постигла меня старость. Я еще не насладился жизнью. Отдай мне свою молодость, и я верну ее тебе через тысячу лет». Пуру сказал: «О государь, просьба твоя для меня священна. Я возьму твою старость, а ты бери мою молодость и наслаждайся ею, сколько пожелаешь». И радостный Яяти сказал сыну: «Я доволен тобою, о Пуру! И я предсказываю тебе: народ в твоем царстве будет всегда счастлив в своих желаниях».

И царь Яяти снова стал молодым и сильным, как прежде, и предался радостям жизни. Он совершал предписанные обряды, почитал богов, приносил поминальные жертвы предкам, одарял милостыней бедных, оделял богатыми дарами благочестивых брахманов, жаловал друзей и усмирял врагов. Но, радуясь и наслаждаясь жизнью, царь помнил, что молодости его положен предел, и отмерял минуты, часы и дни, как бережливый хозяин.

Когда прошла тысяча лет и настал срок, он сказал своему сыну Пуру: «Вот и минула моя молодость. Я вдоволь насладился жизнью и возвращаю тебе твой дар. Я доволен тобою, о сын мой, и вместе с молодостью отдаю тебе свое царство».

Но брахманы, приближенные и подданные Яяти увидели в этом нарушение закона. Его советники пришли к нему и сказали: «Пуру — твой младший сын, государь, ты не можешь отдать ему царство, обойдя старших сыновей — Яду и Турвасу, Друхью и Ану». Тогда царь объявил своему народу: «Тот, кто перечит своему отцу, не может почитаться добрым сыном. Мои старшие сыновья пренебрегли просьбой отца. Только младший, любезный моему сердцу Пуру, оказался преданным и достойным сыном. И всемогущий Ушанас, тесть мой, повелел мне посадить на царство сына, который будет мне послушен». И народ согласился с решением царя.

Передав царство Пуру, царь Яяти, пройдя через обряд посвящения в отшельники, в сопровождении благочестивых брахманов удалился в лесную обитель.

А от сыновей Яяти* пошли разные племена на земле. От старшего, Яду начался род Ядавов, в котором через много веков родились знаменитые герои Баладева и Кришна; но не потомки Яду наследовали

царство Пурураваса. Турвасу стал родоначальником яванов, от Друхью пошли бходжи, от Ану — млеччхи, а от Пуру — великий и славный род Пауравов, в котором появились на свет герои, покрывшие себя славой в великой битве на Курукшетре,— Кауравы и Пандавы и многие другие могучие цари и воители. И все потомки сыновей Яяти имели ту судьбу, которую он им предсказал.

А сам Яяти прожил еще много лет в лесу, предаваясь суровому подвижничеству, питаясь плодами и кореньями и утоляя жажду из лесных ручьев и озер. В неустанных покаяниях он обуздал свои страсти и смирил душу. Тридцать лет он пил одну только воду; целый год он питался одним только воздухом и шесть месяцев простоял на одной ноге, воздев к небу руки и не двигаясь с места ни днем, ни ночью. Тысячу лет Яяти подвергал свое тело жесточайшим истязаниям и снискал наконец милость богов. Они взяли Яяти на небо и вернули ему молодость и красоту.

И еще многие тысячи лет провел Яяти в прекрасном небесном городе Амаравати*, развлекаясь с богами и гандхарвами в цветущей роще Нандана, наслаждаясь чарующей красотою апсар. Но однажды Индра спросил сына Нахуши: есть ли кто-нибудь в трех мирах, кто мог бы сравниться с ним славой подвижника? И Яяти ответил: «Нет, владыка, ни боги, ни люди, ни гандхарвы не могут со мной сравниться в святости!» Так сказал, поддавшись гордыне и забыв о смирении души, сын Нахуши, и тотчас же обретенные им на земле заслуги иссякли. И явился к нему суровый вестник небесного владыки и трижды молвил: «Сгинь! Сгинь! Сгинь!» И царь Яяти, низвергнутый с небес, упал на землю.

Но он пробыл там недолго. Изгнание с небес научило его смирению, а заслуги его внуков в суровом подвижничестве и покаянии вновь открыли ему путь в цветущие сады Нанданы.

24. ПАХТАНИЕ ОКЕАНА

В самой середине земли возвышается гора Меру. Ее вершины, недосягаемые для людей даже в мыслях, упираются в небесный свод и отражают блеск солнца. Она стоит, закрывая небо, и с ее склонов, на которых растут дивные деревья и травы, сбегают вниз быстрые реки, а высочайшие ее утесы украшены сверкающими, как солнечные лучи, драгоценными камнями. Там стоят великолепные дворцы богов. Боги, асуры, гандхарвы и апсары посещают ее прекрасные рощи, оглашаемые пением сладкоголосых птиц; там и на окрестных горах они предаются беззаботным играм и развлечениям.

Некогда на горе Меру собрались боги и предались горестным размышлениям о недугах и старости, которые преследуют даже небожителей. Неизмеримо превосходит их существование срок земной жизни, но и ему положен предел. «Как бы избавиться от недугов и старости навсегда и стать бессмертными и вечно молодыми?» — говорили они,

Долго думали боги и советовались между собою, как быть, и наконец Вишну сказал им: «Ступайте вместе с асурами к великому океану и там все вместе сбивайте океан, чтобы добыть из него амриту* — напиток бессмертия». И боги одобрили слова Вишну. Они заключили мир с асурами и вместе с ними стали готовиться к пахтанию океана, обещав им равную долю напитка бессмертия, когда они его добудут.

Вместо веревки они решили взять царя змей Васуки, а мутовкой сделать гору Мандара*. Эта гора возвышалась над землей на одиннадцать тысяч йоджан* и на столько же уходила в глубь земли. Боги и асуры попытались вырвать гору Мандару из земных недр, но у них ничего не получилось. Тогда они пошли за советом к Брахме и Вишну, и те послали им на помощь огромного и могучего змея Шешу, брата повелителя нагов. Обладающий непомерной силой, Шеша обвил своими кольцами неколебимую гору и вырвал ее из земли вместе с лесами и реками и со всеми обитающими на ней дикими зверями.

С горой Мандара и змеем Васуки боги и асуры пришли к Океану и просили у него позволения сбить его воды, чтобы добыть амриту. Владыка вод дал им свое согласие, но за то попросил долю амриты и для себя.

Царя черепах*, того, что держит мир на своей спине, боги и асуры попросили спуститься на дно океана, чтобы послужить опорою для горы Мандара — их мутовки. Исполинская черепаха согласилась на их просьбу. Она подставила спину, и боги вместе с асурами водрузили на нее подножие Мандары, а вокруг той горы обернули змея Васуки, как веревку. И асуры ухватились за голову великого змея, а боги за хвост — так посоветовал им Вишну — и начали пахтать океан ради амриты, и длилось то пахтание много сотен лет.

Асуры и боги попеременно рывками тянули к себе тело змея, и при каждом рывке из пасти его вырывались дым и пламя; огонь изнурял демонов жаром, лишая их сил, а дым собирался в сверкающие молниями тучи, которые ползли вдоль тела змея к его хвосту и проливали на богов освежающие дожди.

С великим шумом, подобным грому, вращалась гора Мандара, и с ее вершины и склонов низвергались в воды океана, сталкиваясь в полете, огромные деревья с гнездящимися на них птицами и населявшие горные леса звери. И вершина и склоны горы окутались пламенем, возникшим от трения, и в том пламени гибли деревья и травы, звери и птицы. Потом дожди погасили пожар, и соки деревьев и трав, росших на горе Мандара, излились в океан, чтобы придать амрите ее целебную силу.

Без устали вращали мутовку асуры, опаляемые пламенем, и боги, освежаемые ливнями из туч. Сначала воды океана, смешанные с соками трав и деревьев, превратились в молоко, потом молоко стало сбиваться в масло. Но амрита все не появлялась. И вот наконец, когда и асуры и боги уже изнемогли от тяжкого труда, появился из вод океана ясный Месяц* и поднялся на небосвод, сияя холодным светом. Боги и асуры продолжали меж тем вращать мутовку. И вслед за ме-

сяцем вышла из океана в белом одеянии Лакшми*, богиня красоты и счастья, и предстала перед изумленными богами и асурами. Она приблизилась к Вишну и прильнула к его груди; она обратила взоры на возликовавших богов и отвратилась от асуров, которые пришли от того в великое негодование. А вслед за нею вышла из вод океана прелестная дева Рамбха*; ослепленные ее красотой, ее не приняли ни боги, ни асуры, но ее взяли к себе гандхарвы, и она стала во главе апсар, прекраснейшая из всех. Затем вышла из молочного океана блистательная Сура*, божество вина и хмеля; боги приняли ее, сыновья же Дити и Дану — отвергли; говорят, потому они зовутся с тех пор асурами, а боги — сурами. Потом поднялся из волн океана чудесный белый конь Уччайхшравас*, быстрый, как мысль; его забрал себе Индра, царь богов. Вслед за ним на поверхности вод появился Каустубха*, волшебный камень, сверкающий, как солнце; он украсил грудь великого Вишну. Следующим появился огромный белый слон Айравата*, подобный облаку; и его взял себе Индра. Затем появилась Париджата* —чудесное дерево, наполнившее мир благоуханием своих цветов; его тоже взял Индра в свое небесное царство; там оно стало отрадою прекрасных апсар. И наконец, вышел из моря Дханвантари*, бог врачевания и исцеления, неся в руках драгоценную чашу с напитком бессмертия — амритой.

Но вслед за всеми этими сокровищами, появившимися из морских вод, когда пахтание уже подходило к концу, возник на поверхности океана страшный яд калакута*. Он отравлял миры своими испарениями и грозил сжечь вселенную. Боги, и асуры, и все живые существа пришли в смятение и воззвали о спасении к великому богу Шиве. И ради спасения вселенной Шива проглотил губительный яд. От страшного этого яда у него посинела шея; она так и осталась навсегда синей; и с тех пор Шиву называют Нилакантха — Синяя Шея.

Когда асуры увидели сосуд с амритой, они пришли в исступление и подняли ужасающий шум. С криками «Это мое!» они устремились к драгоценной чаше, и каждый из них стремился завладеть амритой только для себя. Тогда Вишну обернулся женщиной необычайной красоты, с дивным лицом и прелестным станом, и вступил в толпу асуров. Увидев перед собой чудесную деву, восхищенные асуры прекратили борьбу за напиток бессмертия; разум их помрачился, и, смущенные ее прелестью, они отдали ей чашу с амритой.

Когда асуры опомнились и увидели, что амрита исчезла, их охватило смятение. Но боги во главе с Вишну были уже далеко от них и уже принялись пить по очереди желанную влагу. Только одному из асуров — дракону Раху*, сыну Випрачитти, владыки данавов,— удалось отведать напитка бессмертия. Приняв облик бога, он тайком подобрался к амрите и уже приложился к чаше, но тут Солнце и Месяц узнали Раху и, желая блага богам, разоблачили его. В гневе Вишну отсек Раху голову своим оружием — острым сверкающим диском*. Амрита между тем успела дойти Раху до горла. Поэтому голова его осталась бессмертной. Она вознеслась в небо, а тело рухнуло вниз, и земля сотряслась от его падения.

С тех пор голова Раху остается на небе; питая неутолимую ненависть к Солнцу и Месяцу, она вечно преследует их, чтобы отомстить за разоблачение, и время от времени хватает их своей пастью, хотя проглотить совсем не может — вот от чего происходят солнечные и лунные затмения. А хвост Раху порой появляется на небесах в виде кометы.

Асуры между тем настигли богов, похитителей напитка бессмертия, и на берегу великого океана между богами и асурами произошла из-за амриты жесточайшая битва. Враги метали друг в друга острые дротики и копья, разили тяжелыми палицами и мечами. Грозный диск Вишну, подобный всеистребляющему пламени, наводил ужас на сыновей Дити и Дану. Тысячами гибли они под его ударами, и огромные, как горы, тела поверженных асуров, залитые кровью, устлали берег океана. Но асуры не хотели сдаваться и, забравшись на небеса, обрушили оттуда на богов, жаждущих победы, тысячи огромных каменных глыб и целые скалы и горы, сотрясавшие в своем падении землю. Но и в поднебесье настигали асуров стрелы богов и губительный диск Вишну. И, не выдержав натиска богов, отступили асуры с поля битвы и ушли под землю и на дно океана.

Боги же, одержав победу, поставили гору Мандара на ее прежнее место, отпустили змея Васуки в его царство и, ликуя, разошлись в свои обители, доверив Наре, сыну Дхармы*, хранение сосуда с амритой.

25. СПОР КАДРУ И ВИНАТЫ

Кадру и Вината были сестрами. Отцом их был Дакша, Владыка созданий, который выдал их вместе с одиннадцатью другими дочерьми за мудрого Кашьяпу, сына Маричи. Довольный своими женами, Кашьяпа предложил Кадру и Винате выбрать себе такое потомство, какое они пожелают. И Кадру пожелала себе тысячу сыновей, а Вината — двоих, но таких, чтобы они превзошли сыновей Кадру мужеством и отвагой.

Прошло время, и Кадру принесла десять сотен яиц, а Вината — два яйца. И через пятьсот лет вылупились из яиц у Кадру тысяча могучих змеев, у Винаты же еще никто не появился на свет. Тогда в нетерпении Вината разбила одно яйцо, и увидела там сына, развившегося только наполовину. Она назвала его Аруной*. Разгневанный сын проклял нетерпеливую мать за свое уродство, коему она была причиной, и предрек ей быть пять сотен лет рабыней. «Но через пятьсот лет,— сказал он,— другой сын избавит тебя от рабства, если ты дождешься срока и не разобьешь второе яйцо раньше времени».

Как раз в ту пору асуры и боги пахтали океан. И вот однажды сестры Кадру и Вината увидели чудесного коня Уччайхшраваса, вышедшего из морских вод. Между ними возник спор — какого цвета хвост у того коня. Вината говорила, что белого, Кадру же — что чер-

ного. И Кадру предложила Винате побиться об заклад и пойти на следующее утро проверить цвет хвоста. Та, что проиграет, должна стать рабыней у выигравшей. Так они условились и расстались до утра. Затем Кадру, замыслившая обман, послала тысячу своих сыновей, черных змеев, чтобы они повисли на хвосте Уччайхшраваса, белого коня, и тем бы скрыли его природный цвет.

На другой день обе сестры, разгневанные одна на другую, полетели через океан к коню Уччайхшравасу и, приблизившись, увидели в его хвосте черные волосы. На самом деле это были змеи, дети Кадру. Но Вината не знала об этом. Так коварная Кадру обманом обратила свою сестру в рабство.

26. ГАРУДА

Пять столетий прошло после спора сестер, и из второго яйца родился у Винаты исполинский орел Гаруда, которому суждено было стать истребителем змей — в отмщение за рабство матери. Он сам разбил клювом скорлупу яйца и, едва родившись, взмыл в поднебесье в поисках добычи. Все живые существа и сами боги пришли в смятение, увидев в небе огромную птицу, затмевавшую блеском солнце. Брахма же, Прародитель миров, воззвал к ней и повелел исполнить его волю.

В то время Сурья, бог солнца, пребывал в великом гневе. Уже давно преследовал его повсюду в небесах и не давал ему покоя злобный дракон Раху, и никто не хотел помочь гонимому Солнцу. Не видя помощи от богов, которым он помог когда-то, Сурья все больше и больше распалялся гневом на неблагодарных и стал грозить, что сожжет мир своими лучами. И вот Брахма повелел Гаруде взять на спину своего старшего брата, того, что родился преждевременно по вине матери, отнести его на Восток и поместить на колесницу Солнца, чтобы телом своим он заслонял мир от губительных лучей и смягчал их нестерпимый жар. И Гаруда повиновался воле Прародителя. С тех пор старший сын Винаты стал колесничим Сурьи, божеством утренней зари; на солнечной колеснице он стоит впереди сверкающего яркими лучами Вивасвата. Имя его — Аруна — означает Багряный.

А Гаруда, исполнив веление Брахмы, вернулся на берег океана, где его мать томилась в рабстве у сестры своей Кадру. В то время Кадру призвала к себе Винату, и та пришла и распростерлась пред нею ниц. Кадру сказала сестре: «Есть посреди океана остров, покрытый цветущими садами, прекрасная обитель змей. Неси меня туда вместе с моими сыновьями!»

И Вината понесла на себе через океан Кадру, а Гаруда понес змей. Он стал подниматься все ближе к солнцу, и солнечные лучи стали жечь змей все сильнее и сильнее. Увидев опасность, грозящую ее сыновьям, Кадру взмолилась о помощи к Индре. Тогда бог грозы и грома покрыл небо тучами и пролил обильные дожди, освежившие

опаленных солнцем змей. Так Кадру и ее сыновья благополучно достигли чудесного острова, что лежал посреди океана, покрытый благоухающими садами и рощами, меж которыми здесь и там сверкали на солнце прекрасные озера с прозрачной водою.

Гаруда же, удрученный, спросил свою мать: «Почему должен я служить змеям, почему должен я исполнять их веления?» И Вината рассказала ему о своем споре с Кадру и о том, как попала она в рабство к сестре. Гаруда тогда спросил у змей: «Что могу я сделать, чтобы избавить от рабства себя и мать?» И змеи сказали ему: «Добудь нам амриту у богов. Тогда мы вас избавим от рабства».

И Гаруда поднялся в воздух и полетел туда, где боги хранили амриту. Ему пришлось лететь мимо горы Гандхамадана*, и на той горе он увидел своего отца, мудрого Кашьяпу, который предавался там суровому подвижничеству. Гаруда между тем ослабел от голода, ибо нигде до сих пор не находил себе пищи. Боясь, что у него не хватит сил добыть амриту, он обратился к отцу за советом. Кашьяпа сказал ему: «Недалеко отсюда есть озеро, в котором живет огромная черепаха. А возле того озера обитает столь же громадный слон. Некогда оба они, и слон и черепаха, были людьми, двумя братьями-мудрецами; они поссорились при разделе имущества и прокляли друг друга, и один превратился в слона, а другой — в черепаху. И доныне враждуют они; каждый день слон приходит на берег озера, а черепаха вылезает из воды, и они бросаются друг на друга и ведут нескончаемый бой. Да послужат эти двое тебе пищей, пока ты не исполнишь то, что замыслил».

Выслушав слова отца, Гаруда полетел к тому озеру и, схватив одной лапой слона, а другой — черепаху, снова поднялся в воздух. Высмотрев на земле высокое дерево с могучими ветвями, он опустился на него, чтобы съесть свою добычу. Но ветвь тотчас подломилась под его тяжестью. Гаруда подхватил ее клювом, прежде чем она упала на землю, и увидел на ней множество крошечных мудрецов-валакхильев*, повисших вниз головами на той громадной ветви. С ветвью в клюве и со слоном и черепахой в когтях Гаруда полетел дальше, и, когда он вновь пролетал мимо горы Гандхамадана, Кашьяпа молвил: «Остерегись причинить вред мудрецам-валакхильям, сын мой! Бойся их гнева!»

И Кашьяпа поведал Гаруде, каким могуществом обладают эти крошечные создания, родившиеся из тела Брахмы, дабы сопровождать колесницу Солнца, питаясь его лучами.

Однажды Кашьяпа послал богов, своих сыновей, принести ему топлива для жертвенного костра. Индра, царь богов, направляясь с ношей, подобной горе, в обитель отца, увидел на дороге маленьких мудрецов-валакхильев, каждый из которых был размером с большой палец на руке человека. Они тоже хотели оказать услугу Кашьяпе и тащили все вместе с великим усилием черенок от древесного листа. Истощенные долгим подвижничеством, они с трудом продвигались вперед и в тот самый миг, когда Индра проходил мимо них, свалились в коровий след, полный воды. И гордый своим могуществом

Гаруда

Индра посмеялся над ними; перешагнув через них, он пошел дальше своею дорогой. Тогда обиженные валакхильи предрекли ему, что придет время и родится великая птица, Индра среди пернатых, которая превзойдет царя богов силой и победит его в битве.

Кашьяпа рассказал об этом Гаруде, и тот бережно опустил валакхильев на землю, а сам полетел к отдаленной безлюдной горе, покрытой снегом, и, усевшись на ее вершине, съел слона и черепаху. Затем, расправив крылья, он поднялся с той вершины и продолжал свой полет.

Меж тем как Гаруда приближался к обители богов, грозные знамения появились в небе. Поднялся ветер, загрохотал гром, зловещие тучи окутали вершины гор. Боги встревожились. Но они еще не видели, кто собирается напасть на них. Тогда сказал им мудрый Брихаспати: «Могучая птица приближается сюда, чтобы похитить амриту. Ныне исполняется предсказание валакхильев».

Услышав это, боги во главе с Индрой облачились в блистающие доспехи и вооружились мечами и копьями. Окружив амриту, они готовились встретить грозного Гаруду. И вот появилась в вышине огромная птица, сверкающая, как солнце. Она обрушилась на небожителей и разметала их в разные стороны могучими ударами когтей и крыльев. Придя в себя от этого натиска, боги во главе с Индрой устремились на Гаруду, осыпая его со всех сторон копьями, дротиками и боевыми дисками. Издавая устрашающие крики, подобные раскатам грома, птица взмыла ввысь и сверху напала на богов и многих повергла ударами своих когтей и клюва. Не выдержав боя с непобедимой птицей, отступили боги, а Гаруда проник туда, где хранилась амрита.

Там он увидел большое колесо с острыми, как ножи, краями, которое беспрерывно вращалось, преграждая доступ к амрите. Тогда Гаруда уменьшился в размерах и скользнул в просвет между стремительно бегущими спицами. За колесом он увидел двух страшных драконов, стерегущих амриту; их разверстые пасти изрыгали пламя, а глаза их, налитые ядом, обращали в пепел каждого, на кого они устремляли взор. Но Гаруда мгновенно засыпал им глаза пылью, бросился на них и растерзал своими когтями. Он схватил сосуд с амритой и пустился немедля в обратный путь.

Индра кинулся в погоню за похитителем и, настигнув его в воздухе, нанес ему страшный удар своей ваджрой. Но Гаруда не дрогнул. Он сказал Индре: «Тебе не одолеть меня. Велика моя сила, и я могу унести на своих крыльях всю эту землю с горами и лесами и тебя вместе с нею. Если хочешь, будь моим другом и последуй теперь за мною. Не опасайся, я не отдам амриту змеям. Ты получишь ее обратно, когда я вызволю себя и свою мать из рабства».

Услышав эти слова, Индра возрадовался и сказал: «Я принимаю твою дружбу, о могучий. Требуй от меня дара, какого хочешь!» И Гаруда сказал: «Пусть будут змеи моею пищей».—«Да будет так»,— ответствовал властитель богов, и с той поры змеи обречены быть пищей Гаруде и его потомству, солнечным птицам-супарнам.

Царь богов последовал за Гарудой, который прилетел к змеям и сказал им: «Я принес вам амриту. Вот я поставил ее здесь на траву куша*. Совершите омовение и вкушайте тогда амриту, о змеи». И змеи, освободив Гаруду и его мать Винату от рабства, отправились совершать омовение. Но Индра забрал тем временем амриту и унес ее обратно, в свое царство. Вернувшись на то место, змеи уже не нашли напитка бессмертия. Тогда они стали лизать траву куша, на которой стоял сосуд с амритой, и от этого у них раздвоились языки. А трава куша, которой касалась амрита, стала с той поры священной травою.

27. ЦАРСТВО ИНДРЫ

Когда была добыта амрита из вод океана и боги победили асуров и изгнали их в подземный мир, Индра воцарился над вселенной, и наступили счастливые времена. Тучи проливали обильные дожди, земля дарила богатые урожаи, жители миров благоденствовали, следуя стезей добродетели и долга. Цари правили по законам справедливости, заботясь о благе подданных, брахманы совершали предписанные обряды и исполняли благочестивые обеты в мирных лесных обителях. И могучий Индра, победитель асуров, видя, что все живые существа во вселенной наслаждаются миром, счастьем и процветанием, сам преисполнился великой радости.

И он правил мирно в своем небесном царстве, в тысячевратном городе Амаравати, полном золота и драгоценных камней. Путь в тот небесный город лежит через северные горы, до вершины Меру и от нее далее по звездной дороге; но прекрасный город небожителей невидим для глаз грешника. Близ города Индры зеленеет дивная роща Нандана, место отдохновения богов и небесных мудрецов. У входа в город стоит на страже божественный слон Айравата, огромный, как облако, прародитель слонов, возникший из вод молочного океана; на нем объезжает свои владения Индра, когда мир царит во вселенной и отдыхает его боевая колесница. В самом городе — сто великолепных дворцов, но самый большой из них — украшенный лотосами дворец Индры, который он сам построил. В том дворце Индра восседает на троне под белым опахалом со своей супругой Шачи, окруженный богами и святыми мудрецами.

Туда, в царство Индры, уходят герои, павшие в битве. Там простирает ветви с благоухающими цветами чудесное дерево Париджата, которое Индра добыл при пахтании океана и подарил богине Шачи. Там вечно цветут сады, и ни холод, ни жара не угнетают обитателей небесного града. Они не ведают ни старости, ни недугов, ни страха. Взоры их услаждают плясками прекрасные апсары, а гандхарвы нежат их слух восхитительными мелодиями. Но только благочестивых и добрых людей, исполнивших свой долг на земле, и доблестных воинов, не отвратившнх лица перед смертью в бою, принимает в своей блаженной обители Индра.

Великого могущества достиг Индра после победы над асурами: и стали звать его Шакра, Могучий. Но шло время, и, упоенный могуществом и славой, он возгордился сверх меры и уклонился от праведного пути.

28. ИНДРА И ЖЕНЫ МУДРЕЦОВ

Индра часто появлялся на земле, в мире смертных, принимая разные обличья. Иногда он являлся в царственном облике, в короне и с ваджрой в руке, иногда же — в рубище, в виде презренного чандалы*. То он являлся как отшельник, изнуренный подвижничеством, в платье из рогожи, то как воин в блестящих доспехах, то стариком, то юношей, то красавцем, то уродом, то худой, то толстый, а иногда он оборачивался львом, или тигром, или слоном, или попугаем, или вороной, или лебедем, или даже мухой, или жуком. Странствуя по земле, Индра не всегда, однако, следовал стезей добродетельного поведения. Бывало так, что он посещал смертных женщин в отсутствие их мужей и склонял их, от природы приверженных беспутству и пороку, к греховному нарушению супружеского долга.

Однажды он посетил обитель мудреца Девашармана. Когда Девашарман собирался в дальний путь — его призвали тогда совершить жертвоприношение в соседней стране,— он заранее позаботился о том, чтобы охранить добродетель своей жены Ручи, красота которой восхищала и богов, и асуров и гандхарвов, и смертных. Зная, что Индра всегда готов искать общества чужих жен, и зная природную склонность женщин к греху, Девашарман, уходя, наказал своему любимому ученику Випуле охранять Ручи не смыкая глаз, и Випула обещал ему оградить его жену от посягательств царя богов или кого-либо иного. Но когда мудрец ушел, ученик задумался: «Как исполню я свое обещание? Индра способен принять любой облик, он может превратиться в ветер и так проникнуть к супруге моего учителя. Женщина же не способна сама уберечь свою добродетель. Но учитель проклянет меня, если, вернувшись домой, узнает, что я не оградил его жену от греха. Что мне делать? Силою йоги я проникну в ее тело и охраню ее». Сев рядом с Ручи, Випула устремил на нее свой взор и, глядя ей прямо в глаза, завел с нею разговор, наставляя Ручи на путь добродетели и истины. И силою его йоги душа Випулы переселилась в тело Ручи.

Когда Индра вошел в обитель отшельника, он увидел рядом с женою мудреца неподвижно застывшее тело ученика; тот сидел с остановившимся взглядом. И он увидел лотосоокую красавицу Ручи с нежным станом и ликом, ясным, как полная луна. Она же, увидев властителя богов, чей чарующий облик блистал неземным величием, хотела встать, чтобы приветствовать его, но не могла сдвинуться с места, скованная волей Випулы. Тогда повелитель небесного царства обратился к ней с ласковой речью: «О прекрасная, узнай, я — Индра, и я пришел сюда ради тебя. Любовь сразила меня, поглощенного

мыслью о тебе. Приди же ко мне, не медли». Но Ручи не могла ответить ему ни слова. Видя, что она продолжает сидеть, не выказывая нисколько волнения, Индра, немного смущенный, снова обратился к ней со словами любви. Она попыталась ответить ему, но, скованная могуществом йоги, произнесла не те слова, что желала, а те, что внушил ей Випула. «Зачем ты пришел сюда?» — молвили ее уста. Услышав это, победитель асуров пришел в уныние. Силой божественного прозрения он увидел Випулу в теле Ручи и услышал его слова: «Уходи, откуда ты пришел, о грешный! Бойся проклятия мудреца!». И охваченный стыдом Индра сделался невидим и покинул обитель Девашармана.

Девашарман, вернувшись, узнал, что Випула оберег Ручи, и был доволен своим учеником. Только Випула умолчал о способе, к которому оп прибег, ибо опасался гнева учителя. Девашарман все же проведал об этом, но простил Випулу, зная, что тот поступил так лишь ради блага своего наставника.

В другой раз Индра сошел из своего небесного царства на землю и явился в цветущей лесной местности, где в отшельнической хижине жил со своей прекрасной женой Ахальей великий мудрец Гаутама из рода Ангираса, прославленный своей праведностью и подвижничеством. Выбрав время, когда Гаутама отлучился из дома, Индра явился к Ахалье в облике отшельника и обратился к ней с лукавыми и льстивыми речами, восхваляя ее красоту и склоняя ее к измене супружескому долгу. Побуждаемая тщеславием и любопытством, неразумная женщина не устояла перед соблазном и согласилась на его уговоры. Когда же она удовлетворила свое желание, она сказала: «О владыка бессмертных, теперь уходи скорее отсюда, чтобы не было беды ни мне, ни тебе».

И царь богов, простившись с нею, поспешно вышел из хижины, но уже в дверях увидел Гаутаму, возвращающегося из леса с дровами для жертвенного костра. Гаутама, же, встретив в дверях своего дома Индру в обличье отшельника, воспылал великим гневом и проклял властителя богов — силою того проклятия он оскопил его. И свою неверную жену он тоже проклял, сказав ей: «Тысячу лет ты проведешь в этой хижине без пищи, терзаемая раскаянием. Ты будешь питаться одним воздухом, и никто не будет видеть тебя. Только великий герой Рама, царь из Солнечного рода, освободит тебя от проклятия, когда придет в этот глухой лес, если к тому времени ты очистишься от греховных помыслов и невежества». И все исполнилось по слову мудреца. Сам же он покинул навсегда свою обитель и удалился в северные горы, где долгие годы предавался суровому подвижничеству на вершине Химавата.

А Индра, бледный и дрожащий, вернулся в свое небесное царство и обратился к богам с такими словами: «Я разгневал великого подвижника Гаутаму, внука Утатхьи, и навлек на себя его проклятие. Но я сделал это ради вас, о бессмертные, ибо его великое подвижничество наделило его таким могуществом, что оно стало угрозой нашей власти над вселенной. Я же прервал это подвижничество и тем оказал

всем вам великую услугу. Поэтому вы должны помочь мне!» Тогда Агни, бог огня, с помощью питаров — предков, обитателей мира блаженных, исцелил Индру. Они взяли то, чего лишился Индра, у барана, приставили к телу Индры и вылечили царя богов. С тех пор в жертву предкам приносят выхолощенных баранов.

29. НАРАДА И СЫНОВЬЯ ДАКШИ

Некогда Владыка созданий Дакша, отдавший дочерей своих в жены Кашьяпе, Соме и Дхарме и другим богам и мудрецам, обеспокоился тем, что потомство их — асуры и суры, гандхарвы и наги, люди и звери — не умножается достаточно в трех мирах, и потому пустынной кажется вселенная, не населенная живыми существами в должной мере. Тогда он породил еще тысячу сыновей, наделенных необычайной способностью плодиться и размножаться, — они прозывались Харьяшвы — и повелел им населить миры своим потомством.

Об этом узнал Нарада, небесный мудрец, рожденный из бедра Прародителя Брахмы. Мудрый Нарада увидел неразумие замысла Дакши. Он пошел к Харьяшвам, его сыновьям, и сказал им: «Вы хотите плодиться и размножаться, о славные сыны Дакши. Несомненно, вы должны исполнить веление своего отца. Но подумайте прежде вот о чем. Как будете вы дарить свету потомство, когда вы пребываете во тьме невежества. Не зная ни высоты, ни глубины, ни дальности пределов этого мира, вы породите или слишком много, или слишком мало». Выслушав слова Нарады, сыновья Дакши сказали: «Правду говорит мудрец. Мы не можем плодиться, не постигнув пределов вселенной». И они устремились в разные стороны и рассеялись в необозримых пространствах, дабы достичь края мира. И по сю пору ни один из них не вернулся.

Когда увидел Дакша, что сыновья его исчезли и не возвращаются, он родил еще тысячу таких же, нареченных Шабалашвы. Но и к этим пришел Нарада и сказал им те же слова, и они разлетелись в разные стороны вслед за своими братьями и тоже не вернулись, как не возвращаются потерпевшие кораблекрушение в далеких морях. И так же пропадают с той поры те, кто вслед за старшими братьями неразумно покидают отчий дом.

Тогда разгневанный Дакша проклял Нараду: «Да станешь же и ты вечным странником, как мои сыновья; пусть не будет у тебя дома и да не найдешь ты пристанища ни на небе, ни на земле!» И проклятие Дакши исполнилось. Нарада стал вестником богов. С тех пор он вечно странствует между небом и землей и, скитаясь по разным странам, приносит людям послания свыше, сообщает им волю богов и предсказывает грядущее. Кроме того, Нарада подружился с гандхарвами, небесными музыкантами, и стал одним из их вождей. Он создал сладкозвучную лютню — вину* и с нею странствует на облаке между небом и землей, лаская чудесными мелодиями слух богов и смертных.

30. БОГИНЯ САВИТРИ

На заре творения, томимый одиночеством, Брахма разделился надвое, и из тела его возникла женщина. Он назвал ее Савитри*. Когда он взглянул на нее, в сердце его родилась любовь, и он вскричал: «О, сколь ты прекрасна!»

Он не мог наглядеться на нее. Смущенная его неотрывным взглядом, Савитри отошла в сторону и стала по правую руку от него. Но Брахма все еще не хотел оторвать от нее взор, и на плечах его возникла вторая голова, обращенная вправо. Савитри встала слева от него, и слева у Брахмы появилась третья голова. Когда она спряталась за его спину, четвертая голова выросла у него сзади. Она взлетела в поднебесье — и тогда стало у Брахмы пять голов.

Брахма сделал Савитри своей супругой. В мире Брахмы, расположенном выше царства Индры и выше всех других миров, она восседает на троне рядом с Прародителем и принимает поклонение являющихся пред ее очи небожителей. Первая из богинь, она породила науки и искусства и питает их своею грудью; покровительница мудрых и благочестивых, она одаряет их благоденствием и потомством и ходатайствует за них перед своим супругом, великим Брахмой.

Но однажды между супругами произошла размолвка. Это случилось, когда Брахма вместе со всеми богами и богинями вознамерился свершить торжественный обряд жертвоприношения. В том обряде каждому богу и каждой богине указано было свое место и на каждого возложены свои обязанности, от неукоснительного исполнения которых зависел общий успех. Все уже было готово, чтобы начать обряд, и не было уже времени медлить, как вдруг оказалось, что нет на своем месте Савитри. Разгневанный Брахма послал жреца позвать ее, но Савитри не стала торопиться. «Еще не готово мое платье, не готово мое убранство для торжественного обряда, — сказала она посланцу Брахмы. — Лакшми и Шачи, и Рохини еще обряжаются в своих чертогах; негоже мне, супруге Прародителя, являться раньше них на великий праздник».

Жрец вернулся в собрание богов один, без Савитри, и передал Брахме слова его супруги. Тогда Творец вселенной разгневался еще больше и сказал владыке небесного царства: «Ступай, Индра, найди мне жену немедля. Пусть станет ею первая же дева, которую ты встретишь по дороге».

Индра тотчас отправился исполнять веление Брахмы. Вскоре он встретил юную и красивую пастушку Гаятри. Индра взял ее за руку и привел в собрание богов; и Гаятри склонилась к стопам Прародителя. И тогда Брахма возгласил: «О боги и вы, небесные мудрецы и подвижники! Я беру эту прекрасную деву в супруги, и да станет она опорой чистоты и благочестия на небе, в поднебесье и на земле!» Все небожители одобрили речь Брахмы громкими кликами, и жрецы стали обряжать Гаятри для обряда, украшая ее цветами и драгоценными каменьями.

Когда жрецы готовы были приступить к свершению обряда, Са-

витри вступила в собрание богов и с нею Шачи, Лакшми и другие богини. Увидев на своем месте Гаятри в уборе невесты, увенчанную дивными цветами, блистающую драгоценностями, супруга Брахмы воскликнула в гневе: «О Самосущий*! Неужели ты задумал отвергнуть меня, законную жену твою? Ты, кого почитают Творцом вселенной, Прародителем богов и смертных, не убоявшись греха, венчаешься с простой пастушкой! И небожители и люди будут смеяться над тобою!»

«О Савитри, — отвечал ей Брахма, — я не хотел причинить тебе обиду. Но я не мог начать обряд без жены, а тебя не было на твоем месте. Вот Индра и привел мне эту юную и кроткую деву: он, и Вишну, и божественные мудрецы отдали ее мне в супруги. Успокойся, о Савитри, да утихнет твой гнев. Никогда больше не буду я ничем огорчать тебя!»

Но Савитри не в силах была унять свое негодование. «Ты причинил мне жестокую обиду, о Брахма, ты опозорил меня перед всеми небожителями! — сказала она. — Не будет тебе от меня прощения! Отныне перестанут люди почитать, как прежде, Прародителя и поклоняться ему. Только раз в году будут поминать его брахманы в храмах». Затем она обратилась к царю богов: «Не будет и тебе прощения от меня, о лукавый Индра! Придет время, и враг твой возьмет тебя в плен и отнимет у тебя власть над небесным царством».

И Вишну наказала гневная Савитри: «Некогда Бхригу обрек тебя проклятием родиться на земле в облике смертного. Знай же, Вишну, что в земной своей жизни ты лишишься любимой супруги — ее похитит твой враг, и ты изведаешь страдания в разлуке с нею от тоски, ревности и унижения. А в другом своем рождении ты, давший мне в соперницы пастушку, сам будешь пастухом и долгие годы будешь пасти царский скот на земле».

Не простила Савитри и божественным подвижникам их участия в приглашении Гаятри на жертвоприношение. «Отныне, — сказала она им, — не благочестие, но жажда стяжания будет побуждать жрецов совершать предписанные обряды, жадность обуяет вас, и вечно вы будете зариться на чужое!»

И негодующая Савитри покинула собрание богов. Удрученные стояли небожители, горестно размышляя о мрачных ее предсказаниях. Но тогда кроткая и незлобивая Гаятри вступилась за тех, кому предрекла кару яростная богиня. «Да будут вовек благословенны, — молвила Гаятри, — те, кто с чистым сердцем будет чтить великого Брахму и славить имя его.

А твой плен и унижение будут недолги, о могучий Индра. Снова вернется к тебе власть в небесном граде Амаравати, и боги и люди будут почитать тебя и прославлять твою отвагу и твои подвиги.

И ты не предавайся печали, великий Вишну. После долгой разлуки ты вновь обретешь свою возлюбленную супругу. А будучи пастухом у земного государя, ты прославишь доблестью свое имя, избавишь свой народ от великого злодея и вновь вернешься в небесное царство.

А жажда земных благ овладеет только земными жрецами, но небесным мудрецам и подвижникам она останется чуждой».

Благодарные деве Гаятри, боги и мудрецы мирно и согласно завершили торжественный обряд жертвоприношения, и тогда Брахма, желая примирения с супругой, послал за ней Вишну и Лакшми с наказом привести ее непременно. Сначала гордая Савитри не хотела и слушать их, но потом склонилась на их мольбы и уговоры и вернулась с ними в собрание богов.

Обрадованный ее возвращением Брахма предал в ее руки судьбу Гаятри. Кроткая дева смиренно опустилась к ногам Савитри и обняла ее колени. Грозная богиня смягчилась; она подняла склонившуюся перед ней пастушку, ласково положила ей руки на плечи и сказала: «Нет твоей вины в случившемся, Гаятри. Жена должна подчиняться велениям мужа. Своевольная жена приносит мужу горе, лишает его счастья и здоровья, сокращает дни его жизни. Не будем же ссорой огорчать Брахму, порадуем его благочестием и покорностью. Следуй за мною во всем, будь второй Савитри, и никогда не будет соперничества между нами». И Гаятри обещала впредь во всем следовать Савитри, не перечить ей и исполнять все ее желания.

31. СКАЗАНИЕ О ЧЬЯВАНЕ

У Ману было девять сыновей, старшим из которых был Икшваку; все они были могучими властителями людских племен, и от них происходят цари Солнечного рода. Шарьяти, четвертый из сыновей Ману, пришел однажды со своим племенем в пустынную местность, где на берегу озера предавался суровому подвижничеству великий мудрец Чьявана, сын Бхригу. Долгие годы стоял он неподвижно на берегу озера. Его палило солнце и заливали дожди, его заносило землей, но он не трогался с места; и постепенно на нем вырос большой муравейник, так что его совсем не стало видно, и только глаза мудреца светились, как два огонька, сквозь землю на самом верху муравейника.

Однажды царевна Суканья, дочь Шарьяти, пришла со своими подругами на берег того озера. Играя и резвясь, девы приблизились к тому месту, где стоял отшельник. Увидев диковинный холм с двумя светлячками на вершине, царевна, одолеваемая любопытством, подошла к нему и веточкой, сорванной с куста, ткнула в глаза мудреца. Разгневанный Чьявана наслал на подданных Шарьяти суровую кару за проступок царевны. В племени Шарьяти начался раздор*; брат встал против брата, мать отвернулась от сына, а сын от матери. И тяжкий недуг поразил царское войско.

Долго царь не мог постичь причины бедствий, обрушившихся на его род, пока не узнал, что святой подвижник Чьявана был обижен царевной Суканьей. Царь Шарьяти поспешил к великому мудрецу и молил его о прощении. «Я прощу тебя и пощажу твой род, — ответил ему Чьявана, — но при одном условии: если ты отдашь мне в жены

свою дочь». Царю пришлось согласиться, и юная красавица царевна стала женою дряхлого старца, изнурившего тело подвижничеством.

Однажды братья Ашвины, Насатья и Дасра, сошли на землю и увидели у озера прекрасную Суканью в тот миг, когда она выходила из воды после купания. Пораженные ее красотою, они предстали перед ней и сказали: «О прелестная дева, мы — Ашвины, дети Солнца. Мы увидели тебя, и обоих нас пленила любовь. Выбери того из нас, кто тебе больше по сердцу, себе в супруги». Суканья отвечала небесным братьям: «О Ашвины, у меня уже есть муж, святой мудрец Чьявана, и негоже мне брать второго». «На что тебе немощный старец, красавица? — возразили ей Ашвины. — Оставь его и приди к небожителям. Мы вечно юны и прекрасны — неужели ты предпочтешь нам безобразного отшельника, истязающего свою плоть?» Но Суканья ответила им, что останется с тем, кто был дан ей однажды в супруги; пусть он стар и уродлив — верная жена не покинет за это мужа.

Тогда божественные целители сказали ей: «Если ты пожелаешь, мы сделаем твоего мужа опять молодым. Ты же тогда выбирай между нами троими». Спросили Чьявану, и он согласился на предложение Ашвинов. Тогда согласилась и Суканья.

И вот оба Ашвина вместе с Чьяваной вошли в озеро, и все трое скрылись под водой. Суканья же осталась на берегу и ждала. Прошло немного времени, и вышли из озера и предстали перед нею трое юношей ослепительной красоты. И она не могла отличить одного от другого и не знала, кто из них Чьявана. Но он подал ей знак*, о котором знали только они двое, и она выбрала его. Так вернул себе молодость мудрый Чьявана.

В благодарность за это он даровал Ашвинам долю в возлияниях сомы, которой они были до того лишены. И в первый же раз, когда царь Шарьяти назначил своему верховному жрецу Чьяване совершить жертвоприношение богам, тот преподнес сому Ашвинам. Это разгневало Индру; хотя божественные целители неоднократно приходили ему на помощь прежде, гордый повелитель небесного царства презирал Ашвинов за их близость к людям и не желал допустить их к возлияниям священной сомы. И когда Чьявана ослушался его и стал приносить Ашвинам жертву сомой, Индра вознес над ним карающую десницу и хотел поразить его ваджрой. Но мудрец силою своего подвижничества в мгновение ока остановил его руку, и, бессильная, она опустилась, не нанеся удара.

Чьявана же чудодейственной силой, которая даруется великим подвижничеством, создал огромное и страшное чудовище*, чтобы покарать Индру. То чудовище звалось Мада, Опьянение. Разинув огромную пасть—нижняя челюсть его касалась земли, а верхняя достигала неба, — оно стало надвигаться на Индру. В страхе бежали перед Мадой Индра и небожители. Тогда, не желая, чтобы опустело небесное царство и боги остались без повелителя, Чьявана смилостивился над Индрой и заставил чудовище исчезнуть, разделив Маду, Опьянение, на четыре части. Эти четыре части он распределил по-

ровяу между хмельным напитком сурой, женщинамн, нгральными костями и охотой. Те, кто подпадает под власть четырех этих соблазнов, гибнут, сраженные Мадой.

32. ЦАРИ СОЛНЕЧНОГО РОДА

У Икшваку, первенца Ману, было сто сыиовей и еще один. Старшего из них звали Викукши, Однажды отец послал его в лес добыть охотою мяса для жертвоприношения. Царевич убил в лесу много олеией и другой дичи; но, возвращаясь домой с тяжелой ношей, он устал и сделал привал по дороге. Чтобы подкрепиться, он съел убитого им зайца, а затем продолжал свой путь и благополучно принес домой свою добычу. Но верховный жрец Икшваку великий мудрец Васиштха отказался освятить дичь для обряда, ибо царевич осквернил ее, когда положил рядом с нею запретное мясо зайца. Икшваку, разгиевавшись, изгиал сына; с той поры тот получил имя Шашада, Зайцеед.

Но когда Икшваку умер, Шашада вернулся в столнцу и воцарился на троне государей Солнечного рода. Сыном и преемником Шашады был Пуранджая, прославившийся своей отвагой и могуществом.

Как раз в то время, в Третаюге, Серебряном веке, разразилась новая война между богами и асурами, и боги в той ужасной войне потерпели поражение. Они прибегли за помощью к Вишну и восславили его. «Я знаю, зачем вы пришли ко мне, — сказал им сострадательный Вишну. — Победить врагов ваших может только земной царь Пуранджая, потомок Ману. Частью моего существа я войду в его плоть и его рукою помогу вам победить сынов Дити. Но вы должны во всем содействовать Пураиджае и исполнять любые его желання».

Выслушав слова Вишну, бессмертиые боги поклонились ему с благодарностью и поспешили сойти на землю, где они явились к Пуранджае и обратились к иему с такой речью: «О прославленный воин, мы пришли к тебе, чтобы заключить с тобой союз против наших врагов. Будь милостив и не разочаруй надежд, которые мы возлагаем на тебя».—«Я согласен,— ответил им внук Икшваку. — Но пусть Индра, властнтель небесного царства, понесет меня в бой на своих плечах — такое условне я ставлю для нашего с вами союза, о боги!». Боги поразмыслили и сказали Пураиджае, что ради победы над врагами они согласны на все.

Тогда Индра превратнлся в могучего быка с горбом на спине, и Пуранджая воссел верхом на него. Индра в обличье быка понес его в бой, и, отважно сражаясь, Пуранджая разгромил войско асуров и обратил его в бегство. Асуры были разбиты наголову, и боги вернули себе власть над вселенной. А победоносный Пуранджая, поскольку он одолел врагов, восседая на горбу божественного быка, получил с той поры прозвание Какутстха, что значит Восседающий на горбу.

Потомки Какутстхи были великими царями, владевшими многими страиами вселенной; правнук его правнука, царь Шраваста, основал славный город Шравасти* на берегу Ганги и правил в нем доблестно

и мудро долгие годы; внук Шравасты Кувалаяшва прославился победой над страшным демоном Дхундху, досаждавшим великому подвижнику Уттанке*.

Демон этот жил, спрятавшись глубоко в песке, но от его движений сотрясалась земля, и песок засыпал священные огни в обителях благочестивых отшельников. Царь Кувалаяшва пришел на помощь отшельникам со всеми своими сыновьями; а было их у него двадцать одна тысяча. Общими усилиями они разрыли песок и добрались до логова Дхундху; но в битве с ним от огненного дыхания демона погибли все сыновья царя, кроме троих. Кувалаяшва же умертвил зловредное чудовище и после этого стал прозываться Дхундхумара, Убийца Дхундху.

Старшего из уцелевших сыновей Дхундхумары звали Дридхашва. Потомком Дридхашвы в пятом поколении был знаменитый царь Прасенаджит, который взял в жены царевну Гаури из рода Пуру. Она родила ему дочь Ренуку, которая стала потом супругой великого мудреца Джамадагни из рода Бхригу, и сына, нареченного Юванашва. Но потом Гаури навлекла на себя недовольство мужа своим непокорством, и он проклятием обратил ее в реку Бахуда*, которая и поныне протекает в северной стране у подножий Хималая, Обители снегов.

А у Юванашвы не было сына, и он очень горевал. Он обратился с просьбой о даровании потомства к святым мудрецам, и они, тронутые его горем, учредили ради того жертвоприношение, которое длилось несколько дней и ночей. И вот однажды ночью мудрецы, поставив на алтарь сосуд с освященной водой ушли отдыхать. А после полуночи царь Юванашва проснулся на своем ложе и почувствовал жажду. Не желая тревожить никого из приближенных, он стал искать питье и увидел сосуд с водой на алтаре. Он выпил ее. Когда мудрецы вернулись и увидели, что сосуд пуст, они сказали: «Царица, которая выпила эту воду, родит могучего и доблестного сына». Тогда царь сказал: «Это я по неведению выпил воду». И в чреве Юванашвы зачался плод. Ребенок вырос в его чреве и в должное время вышел на свет через правый бок государя.

«Кто же выкормит дитя?» — сказали тогда мудрецы. Тут явился меж ними сам Индра и молвил: «Я буду ему кормилицей». Он сунул указательный палец в рот младенца, и тот принялся сосать и стал высасывать амриту из пальца бога. Ему дали имя Мандхатар*.

И Мандхатар вырос и стал могущественным государем, чьи владения простирались от восхода до заката солнца; ему принадлежали все земли, озаряемые его лучами.

33. СКАЗАНИЕ О СУНДЕ И УПАСУНДЕ

Некогда у асура Никумбхи из рода Хираньякашипу родились два сына — Сунда и Упасунда, которые с детских лет отличались великой отвагой и силой. Братья жили душа в душу и никогда не расста-

вались. Они спали на одном ложе, ели с одного блюда и пили из одной чаши. Общие у них были воинские забавы, игры и утехи. И так привыкли они друг к другу, так сходны были нравом, что казались двумя половинами одного существа.

Когда братья выросли и возмужали, они решили подчинить себе все три мира, и для этого они удалились к подножиям гор Виндхья* совершать суровое подвижничество. Там, на горном склоне, поросшем диким лесом, они сбросили с себя царские одежды, облачились в грубое рубище из мочалы, стянули волосы в узел и предались изнурительным истязаниям плоти. Много дней и ночей провели они, питаясь лишь лесными плодами и кореньями, а потом и вовсе отказались от пищи и воды. Тела их истощились от голода и жажды, покрылись коростой от грязи; и они стояли оба, вытянувшись, опираясь только на большой палец ноги, с воздетыми руками, и, не мигая, смотрели на небо. Так провели они долгие годы в невиданном прежде подвижничестве, и наконец горы Виндхья, раскаленные пылом их духа, окутались облаком пара.

Боги испугались растущего могущества сыновей Никумбхи и решили помешать им исполнить обет до конца. Они стали искушать их богатством, соблазнять прекрасными девами, но братья оставались непреклонны и не нарушали обета умерщвления плоти. Тогда боги попытались смутить их души состраданием к родным и близким. Они послали братьям видение: полунагие, без украшений, с распущенными волосами, словно гонимые ужасом, являлись перед ними их сестры и жены и взывали к ним: «Спасите!» Но и тогда братья не шелохнулись — такова была их верность обету; и видение исчезло.

И вот пришло время, когда Сунда и Упасунда снискали своим подвижничеством милость Творца вселенной. Брахма явился к ним и сказал: «Выбирайте себе любой дар, о асуры!» Братья низко склонились перед ним, почтительно сложив руки перед лицом, и сказали: «О всемогущий, даруй нам власть над великой тайной перевоплощений, чтобы могли мы по своей воле принимать любое обличье; даруй нам еще власть над оружием, земным и небесным, и пусть нам некого будет бояться во вселенной, кроме как друг друга; и пусть отныне мы станем бессмертны».

«Я дарую вам все, о чем вы просите, кроме бессмертия, — отвечал им Брахма. — Бессмертия вы не получите, ибо совершили свой подвиг из корысти — ради власти над тремя мирами. Эту власть вы получите, и некого вам будет бояться в трех мирах — только друг друга».

Получив от Прародителя испрошенные дары, братья вернулись в свое царство. С радостью встретили их, достигших великого могущества, родичи и друзья. Слуги сняли с них рубища из мочалы, омыли их тела и умастили благовонным маслом, одели их в богатые одежды и украсили драгоценностями и венками. И день за днем Сунда и Упасунда пировали в своем дворце с родичами и друзьями, и годы прошли для них незаметно, как единый миг, в удовольствиях и забавах.

И вот настал день, когда братья решили, что пора исполнить задуманное и покорить себе вселенную. Они собрали большое и сильное войско асуров, вооруженное копьями, палицами и мечами, и в благоприятный день выступили в поход, сопровождаемые радостными кликами своих подданных и восхвалениями придворных певцов, предсказывавших им победу.

Сначала Сунда и Упасунда поднялись по воздуху в царство Индры, чтобы утвердить свою власть над небом. Свирепые и не ведающие страха, они искали битвы с богами, но те в великом смятении бежали из небесного царства и укрылись под защитой Брахмы. А братья овладели небом, покорили гандхарвов, нагов и людские племена, подчинили себе и подземный мир, и обитателей моря. А затем, чтобы лишить силы богов, нашедших защиту у Прародителя, Сунда и Упасунда замыслили оставить их без жертвоприношений.

Исполняя волю братьев, воины их прошли по земле, как буря, и повсюду разрушали алтари, ломали священную утварь, гасили водою жертвенные огни, разоряли пустыни мудрецов и убивали без жалости их обитателей. Дар Брахмы охранял нечестивых братьев от проклятия подвижников, и ничто не могло удержать их разбойничье войско. И брахманы в страхе за свою жизнь разбежались из своих обителей, отказавшись от благочестивых обрядов.

Так на земле прекратились жертвоприношения, но братьям и этого было мало. Чтобы боги никогда уже не вернули себе власти над миром, они решили уничтожить всех брахманов. Принимая разные обличья, оборачиваясь то слонами, то тиграми, то львами, то медведями, они бродили по земле, выискивая брахманов в их потаенных убежищах, и всех убивали. Они предавали смерти всех дваждырожденных*, всех прошедших обряд посвящения — брахманов, кшатриев и вайшьев, и вскоре замерла жизнь на земле, и ужас воцарился в мире. Никто не смел возносить молитвы богам, нарушены были обычаи и обряды; на земле не справлялись более свадьбы, и перестали рождаться дети, запустели поля и пастбища, обезлюдели города и селения. Опечалились боги, омрачились солнце, и луна, и звезды. А Сунда и Упасунда, покорив три мира, поселились на Курукшетре, довольные своими деяниями и своей властью.

В великой скорби взирали боги на разоренную землю и не знали, как вернуть себе власть над миром. Они пошли к Брахме и стали просить, чтобы он усмирил жестоких асуров Сунду и Упасунду. Поразмыслив, Прародитель решил, что настало время покарать разрушителей мира. Он призвал к себе Вишвакармана*, божественного зодчего и ваятеля, и повелел ему создать прекрасную деву, какой еще никто не видел во вселенной.

И Вишвакарман исполнил веление Брахмы. Из драгоценных камней и самоцветов, выбрав все, что было самого прекрасного в трех мирах, он сотворил небесную деву столь совершенной красоты, что не было в ее лице и теле ни единой черточки или частицы, которая не приковывала бы с неотвратимой силой взор каждого, кто смотрел на нее.

Брахма нарек ее Тилоттамой*. Он сказал ей: «Ступай к братьям-асурам Сунде и Упасунде, увлеки их своей красотою и пробуди в их душах ревность друг к другу».

Когда Тилоттама, поклонившись смиренно Прародителю, стала обходить почтительно слева направо собрание небожителей, прежде чем отправиться исполнять веление Брахмы, никто из богов и святых мудрецов не мог, глядя на нее, оставаться бесстрастным, и все поворачивали головы вслед за нею. Только сам царь богов и великий Шива устояли и не повернули головы, когда Тилоттама проходила мимо них. Но когда она обходила Шиву, то с той стороны, где он не мог ее видеть, у него возникало новое лицо. Он восседал, повернувшись лицом к востоку; и новые лица появились у него с южной, и с западной, и с северной стороны; так Шива стал четырехликим*. А у Индры, который тоже не мог оторвать от нее взгляда, появилась тысяча глаз, которые покрыли все тело владыки неба; с той поры Индра стал тысячеглазым*. Тилоттама же покинула чертоги Брахмы и направилась в обитель свирепых асуров Сунды и Упасунды.

Тем временем братья Сунда и Упасунда, покорившие все три мира и собравшие в своем царстве несметные богатства, отобранные у богов, гандхарвов, нагов и земных царей, предавались беззаботным забавам и развлечениям. Они тешили себя нарядами и драгоценными украшениями, хмельными напитками, веселыми играми, музыкой и танцами. Не зная ни страха, ни утомления, ни недуга, они пировали и развлекались с прекрасными девами в цветущих садах и рощах и в великолепных дворцах.

И вот однажды, когда вместе с беззаботными красавицами, услаждавшими их пением и плясками, они пировали на поляне в благоухающей лесной стороне на склонах гор Виндхья, перед ними явилась Тилоттама. Собирая меж деревьев цветы, она приблизилась к ним полунагая, прикрытая лишь небольшим лоскутом красной ткани на бедрах. Ее красота их так поразила, что они забыли про пир и забавы и замерли, восхищенные, не в силах отвести от нее глаз. Затем оба они покинули пир и устремились ей навстречу, охваченные неодолимой страстью, и оба домогались ее. Сунда схватил ее за правую руку, а Упасунда — за левую, и, гордые своей силой, богатством и властью, братья метали друг на друга грозные взоры. «Это моя жена, а твоя повелительница!» — воскликнул Сунда, обращаясь к брату. «Это моя супруга и твоя невестка!» — возразил ему Упасунда. И впервые в их сердцах возникла вражда друг к другу. В ярости продолжали они спор из-за Тилоттамы и наконец бросились друг на друга, потрясая тяжелыми палицами, и, опьяненные вином и страстью, стали наносить один другому безжалостные удары, пока не свалились оба на землю, истекая кровью. И ни один из них уже не поднялся более.

В страхе разбежались танцовщицы и музыканты. Пораженные горем советники и приближенные Сунды и Упасунды вернулись на Курукшетру, поведали о гибели братьев их подданным, и все асуры снова ушли в подземный мир, оставив землю и небо во власти богов.

Боги же возликовали. Радостно встретили они красавицу Тилоттаму, избавившую их от притеснений Сунды и Упасунды. Брахма предложил ей выбрать любой дар, и она выбрала любовь. Брахма сказал ей: «Ты вечно будешь юной и прекрасной, и всюду, куда ты пойдешь, твоя красота будет рождать любовь в сердцах взирающих на тебя».

34. ПОТОМСТВО ПУЛАСТЬИ

Пуластья был четвертым из сыновей Брахмы и самым добродетельным среди них; все любили его — и боги, и святые мудрецы. Он удалился в пустынь на склоне великой горы Меру и там предавался суровому подвижничеству. Ту местность, где была расположена его обитель, цветущую и благоухающую, любили посещать юные девы, дочери мудрецов и нагов, и апсары. Их игры, пение и пляски нарушали покой подвижника. И однажды, раздосадованный их беззаботной веселостью, он возгласил: «Та из вас, кто проникнет отныне в пределы моей обители, понесет плод во чреве».

Напуганные этой угрозой девы покинули окрестности обители, но одна из них, звавшаяся Илавила, дочь царственного отшельника из Солнечного рода, не ведавшая о словах Пуластьи, явилась туда на другой день без боязни, не ожидая опасности. Не встретив никого из подруг и видя местность пустынной, Илавила удивилась. Она услышала голос подвижника, читающего Веды, и в то же мгновение почувствовала, что забеременела. Дочь отшельника пришла в смятение. Она вернулась домой, заливаясь слезами, и рассказала обо всем отцу.

Догадавшись о причине случившегося, отшельник пошел к Пуластье и стал просить его: «Возьми дочь мою в жены, о святой Пуластья. Она будет верно служить тебе в твоем подвижничестве». И сын Брахмы согласился и взял дочь отшельника в жены. Она верно служила ему, и он был доволен ею. У нее родился сын, которому дано было имя Вишравас; он стал таким же великим подвижником, как и его отец.

Вишравас женился на Деваварнини, дочери прославленного мудреца Бхарадваджи, сына Брихаспати. Сыном Вишраваса и Деваварнини был Кубера*, тоже великий подвижник. Сам Брахма, довольный тем, как неукоснительно следовал Кубера своим суровым обетам, явился к нему в сопровождении свиты небожителей и даровал ему награду. Творец вселенной сделал Куберу богом богатства и властелином якшей*, горных духов, стерегущих сокровища. И еще подарил ему Брахма чудесную колесницу «Пушпака», которая могла летать по воздуху.

Когда Брахма удалился вместе с сопровождавшими его богами, Кубера обратился к отцу и сказал: «О почтенный, я получил от Прародителя желанные дары, но он не указал мне моей обители. Где я буду жить и хранить мои богатства?» Вишравас сказал: «Есть в Южном океане большой остров, и на том острове — гора, возвышающая-

Кубера

ся над морем. На вершине той горы стоит чудесный город Ланка*, окруженный золотой стеною. Некогда он принадлежал племени ракшасов* — демонов-людоедов.

Ракшасов и якшей создал в начале творения Прародитель; они родились из его стоп, грозные и неодолимые создания, которым Брахма предназначил быть хранителями первозданных вод. Якши, которых Брахма отдал ныне под твою власть, были добродетельны и послушны воле богов; теперь они стерегут сокровища гор. Ракшасы же, своевольное и дерзкое племя, поселились на острове, где божествен-

ный зодчий Вишвакарман, внук Дхармы, построил для них златостенный город Ланку; они стали нападать на самих богов и на асуров и до тех пор тревожили небожителей своими набегами, пока Вишну не явился к ним на остров верхом на великой птице Гаруде. В жестокой битве Вишну и Гаруда победили ракшасов и изгнали их из Ланки в подземный мир. Теперь город Ланка, покинутый прежними жителями, пустует. Пусть же там и будет твоя обитель». Так Кубера, бог богатства, стал властителем чудесного города Ланки на острове в Южном океане.

Вождями ракшасов были два брата — Мальяван и Сумалин. У Сумалина была дочь по имени Кайкаси, красотой подобная Лакшми. Однажды Сумалин, выйдя из подземного мира на поверхность земли, увидел в небе чудесную колесницу «Пушпака», а на ней Куберу, блистательного владыку богатств, летевшего по воздуху с Ланки к горе Меру, чтобы посетить обитель отца. И Сумалину пришла в голову мысль, как добиться блага для ракшасов. Вернувшись в подземное царство, он призвал к себе Кайкаси и сказал: «О дочь моя, настало тебе время выйти замуж. До сих пор никто не осмеливался просить твоей руки. Теперь я отпускаю тебя из отчего дома. Ступай к горе Меру, туда, где живет великий подвижник Вишравас, сын Пуластьи; да изберешь ты его своим супругом!»

И дочь Сумалина покинула подземный мир и явилась в обитель Вишраваса в тот час, когда подвижник совершал агнихотру — приношение огню. Она склонилась перед ним смиренно; она припала к его стопам. Удивленный Вишравас спросил: «Кто ты, о прекрасная дева? Зачем ты пришла ко мне?» Она отвечала: «Мое имя Кайкаси. А намерение, с которым я пришла к тебе, о великий подвижник, ты сам прочтешь в моем сердце». Умудренный созерцанием, Вишравас проник внутренним взором в ее душу и сказал: «Я узнал твое желание, красавица. Ты жаждешь обрести потомство. Да будет так. Но раз ты пришла ко мне в неурочный час — когда я приносил жертву огню, — ты родишь ужасных обликом и жестоких нравом детей». — «Смилуйся, о мудрый подвижник, — взмолилась Кайкаси. — Не такого потомства желала я для себя». Тогда Вишравас обещал ей, что младший ее сын будет добродетелен и во всем подобен отцу.

Настало время, и Кайкаси родила сына, страшного ракшаса с десятью головами и двадцатью руками, с волосами, подобными пламени, и с клыками, торчащими изо рта. В тот миг, когда он появился на свет, померкло солнце в небе, сотряслась земля, и взволновался океан, и кровавые дожди излились с небес на землю. Десятиглавого сына Вишраваса назвали Дашагрива*, но более известен он был потом под именем Равана. Вслед за ним родился страшный великан Кумбхакарна. Третьей родилась у Кайкаси дочь ужасающего облика, с острыми и длинными когтями — ее назвали Шурпанакха. Когда же появился на свет младший сын Кайкаси — Вибхишана, на земле расцвели цветы, и небесная музыка зазвучала в вышине.

Равана и Кумбхакарна выросли в глухом лесу. Уже с юных лет они принесли много бед и горя людям, особенно Кумбхакарна, кото-

рый рыскал по всей земле, наводя ужас на живые существа, и пожрал многих добродетельных мудрецов. Однажды Кубера, их сводный брат, на своей летающей колеснице «Пушпака» посетил обитель отца. Кайкаси указала на него сыновьям, когда он пролетал по небу, и сказала: «Смотрите, вот ваш брат, рожденный от того же отца, что и вы! В сиянии славы и могущества он повелевает богатым царством, вам же достался жалкий удел. Вы должны сравняться с ним могуществом!»

Выслушав слова матери, сыновья обещали ей исполнить ее желание. Ради достижения могущества они предались жесточайшему истязанию плоти. Кумбхакарна предавался суровому подвижничеству тысячу лет: летом, в зной, он лежал меж двух костров, зимой — в студеной воде. Вибхишана пять тысяч лет простоял на одной ноге, воздев руки к небу, и еще пять тысяч лет смотрел на солнце, не отводя взора. Десятиглавый постился тысячу лет и наконец как последнюю жертву сжег на огне все десять своих голов.

Тогда Прародитель явился к Раване, довольный его подвижничеством, и сказал: «Выбери себе дар, какой пожелаешь!» Равана сказал: «Я желаю бессмертия, ибо для живых существ нет в мире врага страшнее, чем смерть». Но Брахма сказал ему: «Бессмертным ты стать не можешь!» Тогда Равана пожелал: «Да буду я неуязвим для асуров и для богов, для птиц-супарнов и для змей, для якшей и для ракшасов. Прочих созданий я не страшусь; люди — былинки перед моей мощью». —«Да будет так», — сказал Брахма и вернул Раване его принесенные в жертву головы; и еще он даровал ему способность принимать по желанию любой образ.

Потом Брахма обратился к Вибхишане: «Проси, чего ты желаешь, сын мой, я доволен тобою». И Вибхишана пожелал, чтобы душа его всегда оставалась чистой и устремленной к добродетели и чтобы в деяниях своих он не уклонялся никогда с праведного пути. И Брахма, возрадовавшись, сказал ему: «Да исполнится это желание твое. Рожденный в страшном роду ракшасов, ты остался чист от греха, и за это я дарую тебе бессмертие!» Так Вибхишана, о том не просивший, получил бессмертие, которого тщетно желал его старший брат.

Когда же Брахма собирался даровать исполнение желаний Кумбхакарне, небожители взмолились к Создателю, сложив смиренно ладони: «Не давай дара Кумбхакарне, о владыка, ибо ты знаешь, что он употребит его во зло. Этот нечестивец уже пожрал десятерых слуг Индры, семь апсар в роще Нандана и множество праведных мудрецов и других благочестивых людей на земле. Сколько же зла сотворит он, если получит дар от тебя!» Тогда Брахма, прежде чем явиться к Кумбхакарне, послал к нему Сарасвати, богиню речи и мудрости, и она незаметно проникла в его гортань. И когда Брахма спросил его о желанном даре, Кумбхакарна ответил: «Да засну я на долгие годы!» Эти слова произнесла за него Сарасвати, Брахма же, немедля даровал ему исполнение этого желания и удалился, и богиня речи последовала за ним. А Кумбхакарна, придя в себя, понял, что боги его обманули, но обмолвку уже было поздно исправить.

Якша

Когда Сумалин узнал, что замысел его удался и родичи его получили дары от Брахмы, он поднялся из подземного мира в сопровождении своих приближенных ракшасов и явился к Десятиглавому. Обняв его, Сумалин сказал: «Великую радость принес ты нам, сын мой, когда получил дар от Прародителя! Теперь мы сможем вернуться в наши дома, откуда изгнал нас Вишну, а ты станешь повелителем Ланки и возвеличишь племя ракшасов, к которому ты принадлежишь и царем которого будешь отныне. Без сомнения, брат твой Кубера не в силах будет противостоять тебе, и ты отберешь у царя

богатств его владения!» — «Как посмею я выступить против старшего брата, коего мне должно почитать как высшего, стоящего надо мною? — возразил Равана деду. — Не подобает тебе вести такие речи, о Сумалин!» Но один из советников Сумалина, ракшас по имени Прахаста, так ответил на это: «Нет братских чувств и привязанностей между воителями, о Десятиглавый! Вспомни, что асуры и боги — тоже дети одного отца, однако нет мира между ними, и нескончаема их борьба. Поэтому ты должен последовать нашему совету». И Равана, убежденный этими словами, ответил: «Да будет так!»

Равана послал Прахасту к Кубере и велел передать владыке богатств такие слова: «Город Ланка, которым ты повелеваешь, принадлежит испокон века ракшасам. Верни его истинным владельцам, и ты поступишь справедливо и заслужишь мою благодарность». Прахаста отправился на Ланку и, представ перед Куберой, передал ему слова брата. Но Кубера ответил: «Передай пославшему тебя, о ракшас, что этот прекрасный город стоял покинутый жителями, когда он был дарован мне отцом моим. Пусть брат мой Равана приходит ко мне, и мы будем владеть Ланкой вместе».

Так ответил Кубера послу и отпустил его, а сам поспешил к отцу рассказать о притязаниях Раваны. Вишравас ему сказал: «Сын мой, не вступай в спор с этим злодеем. Я уже говорил с ним и порицал его за греховное поведение. Дар Брахмы преисполнил его тщеславием. Ступай на север, в горы; там, на вершине Кайласы*, в прекрасной и цветущей местности, где находят приют и собираются для радостных празднеств и игр гандхарвы и апсары, и наги, и киннары*, чудесные музыканты с конскими головами, — там да будет твоя обитель».

И, последовав совету отца, Кубера вместе со своими женами, сыновьями, советниками и со всеми своими приближенными и подданными покинул Ланку и удалился на север, на Кайласу. Равана же, радостный, занял драгоценную Ланку вместе с ракшасами, которые объявили его своим царем. Свирепые и воинственные ракшасы переселились из подземного мира на Ланку, в царство Раваны, ракшасы же мирного нрава, следующие стезей добродетели, отдались вместе с якшами под власть Куберы.

35. ПАЛОМНИЧЕСТВО РАВАНЫ К ШИВЕ

Воцарившись на Ланке, Равана обратился к почитанию Шивы. Однажды он покинул свой остров и отправился на север к горе Кайласа, где рядом с владениями Куберы находилась обитель Шивы. Он хотел поклониться великому богу, заслужить его милость и тем укрепить еще более свою власть и свое могущество. Шива милостиво принял его; довольный поклонением демона, он даровал ему священный лингам, высеченный из камня. «Воздвигни святилище мое на Ланке,— сказал он Раване.— Знай, что лингам этот навсегда оста-

нется там, где ты поставишь его; и пусть подданные твои поклоняются ему и приносят ему жертвы — тогда ничто не поколеблет твоей власти».

Равана поклонился Шиве и пустился в обратный путь с лингамом в руках. И всю дорогу он остерегался выпустить его из рук, ибо Шива молвил ему на прощание: «Помни же — где этот лингам впервые коснется земли, там и останется он навсегда».

Боги же встревожились, когда узнали об этом: «Если он утвердит лингам на Ланке, мощь его возрастет безмерно, и никто уже не победит его». И они старались помешать Раване донести священный камень до Ланки и побудить царя ракшасов остановиться в пути для отдыха. Но усилия их оставались тщетными. Тогда Варуна, владыка вод, был избран ими, чтобы остановить повелителя демонов. Равана приближался уже к берегу моря, за которым лежала Ланка, когда Варуна незримо проник в его тело и наполнил его до отказа влагой. Равана сразу отяжелел, шаг его замедлился, и он ощутил внутри тела своего нестерпимую боль. Он поневоле остановился, чтобы освободиться от Варуны. В это мгновение Индра предстал перед ним в облике почтенного брахмана. «Я вижу, у тебя заняты руки, — сказал он.— Дай, я подержу этот камень, пока ты не облегчишься». Но как только Равана подал ему каменный лингам, коварный Индра тотчас уронил его на землю. Глубоко ушел в землю священный лингам; верхушку его и поныне можно видеть на том месте, где встретились царь богов и царь ракшасов, в Вайдьянатхе*; с той поры толпы паломников стекаются к этому святилищу Шивы из отдаленных краев. А там, где Равана освободился от Варуны, образовалась река Кхусру*; из той реки поныне избегают пить воду верующие люди.

Равана же необычайно разгневался на богов, помешавших ему утвердить лингам на Ланке, и потом он отомстил им за это.

36. СОПЕРНИЧЕСТВО ВАРУНЫ И УТАТХЬИ

Бхадра, дочь Сомы, бога луны, была прекраснейшей из женщин в трех мирах. Отец и дед хотели выдать ее замуж за великого мудреца Утатхью, сына Ангираса. Брахма призвал к себе благочестивого мудреца и отдал ему дочь Сомы. Между тем Варуна, бог океана, давно любил прекрасную Бхадру и мечтал получить ее в жены. И, придя в леса, где стояла отшельническая обитель Утатхьи, Варуна похитил красавицу в то время, когда она купалась в водах реки Ямуны. Он увел ее на дно морское, в свой великолепный дворец, украшенный драгоценными камнями и жемчугом.

Утатхья, узнав о похищении жены, послал к Варуне небесного мудреца Нараду, вестника богов и вождя гандхарвов. Нарада спустился в подводное царство и предстал перед богом океана. «Ты — хранитель мира, а не разрушитель, о Варуна! — сказал он. — Зачем же ты похитил у мудрого Утатхьи жену, отданную ему по закону отцом и дедом ее? Ты должен вернуть ее немедля!» Но Варуна от-

вечал: «Я люблю ее и не могу с ней расстаться. Уходи прочь!» И, схватив Нараду за горло, он выбросил его из своего дома. Нарада вернулся к Утатхье и молвил уныло: «Варуна не хочет возвращать твою жену. Он выгнал меня из своего дома. Возвращай ее сам, как знаешь, о великий подвижник!»

Услышав слова Нарады, Утатхья разгневался. Он обратился к священной реке Сарасвати и пожелал, чтобы она перестала течь в океан и затерялась в песках пустыни. И такова была сила его подвижничества, что Сарасвати подчинилась его желанию и затерялась в песках пустыни на своем пути к океану, и многие другие реки, устремлявшиеся к западу, пересохли, не достигнув океана, и перестали наполнять его водою. А Земле Утатхья повелел, чтобы в тех местах, где раньше были обширные озера, стала суша. И силою своего подвижничества он осушил сам великий океан. Под гнетом всех этих бедствий Варуна, владыка вод, пришел в уныние. Долго упорствовал он, но, когда лишился последних владений, покорился и отвел прекрасную Бхадру к Ангирасу. И Утатхья получил свою жену обратно и, радостный, вернул Варуне его воды. Только река Сарасвати с тех пор уже не достигает океана; обмелевшая, она кончает свой путь в пустыне.

37. СКАЗАНИЕ О РУРУ

Некогда царь гандхарвов Вишвавасу встретил прекрасную апсару Менаку*, и они полюбили друг друга. Союз их был счастливым, и, когда пришел положенный срок, Менака родила девочку необыкновенной красоты. Она оставила новорожденную дочь на берегу реки, неподалеку от лесной обители отшельника Стхулакеши. Стхулакеша увидел на прибрежном песке брошенное дитя и, тронутый жалостью, взял девочку к себе в обитель, взрастил ее и взлелеял. Когда же дочь Менаки стала взрослой, слава о ее красоте и добродетели разнеслась повсюду. Разумная и кроткая, она радовала сердце святого подвижника своей юной красотой и добрым нравом, и потому он дал ей имя Прамадвара, что значит — Дарующая радость.

Однажды увидел ее в той обители благородный Руру, сын Прамати, внук великого мудреца Чьяваны и Суканьи; он полюбил прелестную деву всем сердцем. Руру поведал о своей любви отцу, благочестивому Прамати, и тот пошел к Стхулакеше и просил у него согласия выдать Прамадвару замуж за Руру. Стхулакеша с радостью согласился, и оба родителя назначили день свадьбы.

Незадолго до назначенного дня Прамадвара играла в лесу со своими подругами, и, резвясь, она не заметила змеи, которая, свернувшись кольцами, спала под деревом, и наступила на нее. Тотчас змея вонзила свои ядовитые зубы в ногу беззаботной Прамадвары, и, ужаленная, она упала на землю без признаков жизни. Но и мертвая, Прамадвара была прекрасна, она была еще прекрасней, чем прежде.

Стхулакеша нашел ее в лесу, неподвижно распростершуюся на земле, подобную сорванному цветку лилии. И другие отшельники и лесные жители пришли туда и горько рыдали над ее остывшим телом; а Руру, не в силах вынести скорби, ушел один в лесную чащу. Он бродил по лесу, гонимый теснящим душу горем, а сердце его оставалось рядом с бездыханной Прамадварой.

«О пресветлые боги,— взмолился Руру, — смерть забрала у меня невесту перед самой свадьбой; погибшая от укуса змеи, лежит она на земле. С юных лет я не уклонялся от стези долга. Неужели не заслужил я награду? Верните мне прекрасную Прамадвару, о всемогущие боги!»

Боги сжалились над горем Руру и послали к нему своего вестника.

«Напрасно ты жалуешься и плачешь, о Руру, — молвил ему небесный вестник. — У смертного лишь одна жизнь, и, если она отлетела, словами не поможешь горю. Но есть одно средство, определенное богами; если ты отважишься к нему прибегнуть, ты вернешь свою Прамадвару. Отдай ей половину своей жизни, и она воскреснет из мертвых!»

«О лучший из вестников неба, — ответил ему Руру, — я с радостью отдаю половину своей жизни Прамадваре. Да вернется она ко мне любящей и прекрасной, как прежде!» И едва он вымолвил эти слова, возлюбленная его поднялась с земли, словно восставшая ото сна, к великой радости ее приемного отца, и Руру, и Прамати, и всех отшельников, и жителей леса. Бог Яма вернул жизнь невесте Руру, но жизнь самого сына Прамати отныне сокращена была наполовину.

В благоприятный день справили свадьбу Руру и Прамадвары, и они еще долго наслаждались жизнью, желая друг другу добра и счастья. Но, вернув себе любимую столь дорогой ценой, Руру с той поры дал обет истреблять змей. И он убивал их с великой яростью всюду, где только видел.

Однажды он увидел в лесу неядовитого змея дундубха* и уже поднял тяжелую палку, чтобы убить его, но змей взмолился о пощаде. «За что ты хочешь умертвить меня, не причиняющего людям вреда? — молвил змей. — Ты не должен убивать безобидных дундубхов только за то, что они по виду и запаху сходны с ядовитыми гадами». И змей рассказал Руру, что некогда он был человеком, благочестивым мудрецом, и жил в лесной обители со своим другом-подвижником. Однажды он вздумал подшутить над другом и сделал змею из травы, чтобы его напугать. И тот так испугался, что лишился сознания, но, придя в себя, в гневе проклял глумливого друга: «Чтобы устрашить меня, ты сделал эту змею, лишенную яда; да превратишься же ты сам в лишенную яда змею!» Но потом, смягчившись, он добавил: «Когда ты встретишь добродетельного отшельника Руру, сына Прамати, ты избавишься от проклятия!»

И когда змей дундубха рассказал об этом Руру, проклятие спало с него, и он снова стал человеком. И он сказал Руру: «Оставь избие-

ние змей, о благочестивый отшельник! Брахман не должен никого убивать; непричинение зла живым существам должно быть для него высшим законом. Послушай меня!» И Руру, убежденный словами мудреца, с того дня прекратил истребление змей.

38. РОЖДЕНИЕ БОЖЕСТВЕННЫХ ОБЕЗЬЯН

Некогда Брахма восседал в одиночестве на троне в своем чертоге на вершине горы Меру, погруженный в благочестивые размышления. И так глубоко сосредоточен был он в своих божественных думах, что от напряжения слезы выступили у него на глазах. И не успел он смахнуть слезу рукой на землю, как из нее возникла обезьяна. Брахма сказал явившемуся перед ним существу: «Ступай в тот близлежащий лес на вершине Меру, посещаемый небожителями. Живи там, питаясь плодами, листьями и кореньями, плодись и размножайся и будь всегда вблизи меня, дитя мое». И он нарек того прародителя обезьян Рикшараджа.

Рикшараджа поклонился до земли великому Брахме и молвил: «О Творец вселенной, я исполню все твои веления, и я никогда не отступлю от них, верь мне!» И он ушел в указанный ему лес, изобилующий сладкими кореньями и плодами.

Там он прожил многие годы, следуя велениям Брахмы. Только потомства не было у него, лишенного супруги. Но вот однажды, скитаясь по тому лесу, Рикшараджа, томимый жаждой, набрел на озеро, полное чистой, прозрачной воды. Наклонившись, чтобы напиться, Рикшараджа увидел в воде свое отражение. При виде обезьяны, глядящей на него из воды, он пришел в ярость. «Я сокрушу эту тварь, враждебно взирающую на меня!» — вскричал Рикшараджа и прыгнул в озеро.

Никого не обнаружив в воде, он вылез обратно на берег; но вылез он из того озера уже другим существом. Он прыгнул в воду самцом, а вышел оттуда самкой — красавицей, чарующей взоры и сердца, со стройным станом, черными бровями и вьющимися локонами, с высокой упругой грудью и широкими округлыми бедрами. Вся окрестность лесная озарилась ее красотою, волнующей душу, и от нее нельзя было отвести глаз.

В ту пору проходил той дорогой Индра, повелитель богов, возвращавшийся в свой чертог после поклонения Брахме. И тем же путем в то же самое время шествовал Сурья, блистательный бог солнца. В один и тот же миг оба узрели красавицу на берегу лесного озера; и в сердцах обоих родилась страсть. Твердость мысли их поколебалась; и они оба устремились к ней.

И от обоих богов она родила тотчас же двоих могучих сыновей. Сын Индры родился у нее из волос; и потому он получил имя Валин, Волосатый. Сын же Сурьи появился у нее из шеи; и он был назван Сугрива, Прекрасногривый*.

И как только Индра и Сурья покинули тот лес и вознеслись на небо, Рикшараджа снова обрел свою мужскую природу. А сыновья

его, для которых он был и отцом и матерью, выросли и стали могущественными и отважными обезьяньими вождями. Рикшараджа явился с ними к Брахме, и тот, довольный обезьяньим потомством, радушно принял их и обласкал. Он подарил им прекрасный город Кишкиндху, воздвигнутый по его велению в южной стране божественным зодчим Вишвакарманом. В том городе поселились тысячи обезьян; и царем их Брахма поставил Рикшараджу.

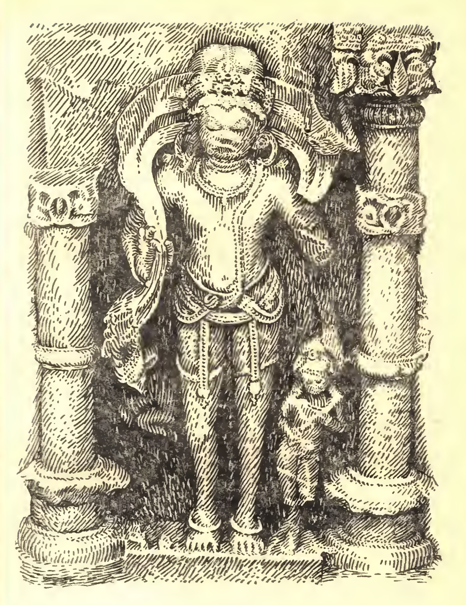
39. ДЕТСТВО ХАНУМАНА

Одним из вождей обезьяньего племени был Кесари, владевший обширным лесом на горе Меру. Женой его была прекрасная Анджана; некогда она была небесной девой, апсарой, но за некое прегрешение боги прокляли ее, и из апсары она стала знатной обезьяной, супругой обезьяньего вождя.

Она любила гулять по горным склонам, покрытым цветущими рощами, и вот однажды, когда она поднялась на вершину высокой горы, ветер ласково повеял на нее и приподнял край ее одежды. И, узрев то, что скрывалось под ее одеждами, бог ветра Ваю был очарован ее красотой и не в силах был противоборствовать соблазну. Он заключил красавицу в свои объятья; она же вскричала в смятении: «Чья нечестивая страсть оскорбляет меня, жену, верную супружеским обетам?» Тогда Ветер шепнул на ухо Анджане: «Не тревожься, красавица, моя любовь не принесет тебе вреда. Могучего и мудрого сына я дарую тебе, и будет он обладать чудесной способностью прыжком возноситься в небо, стремительный в полете, как его отец; и великой будет его слава в мире». И Анджана уступила богу ветра.

Когда она разрешилась от бремени, она оставила дитя на траве на лесной полянке и удалилась. Было раннее утро, и солнце всходило из-за гор. Новорожденный, проголодавшись, разразился громовым криком; голос его далеко разнесся окрест. Увидев красное солнце, младенец принял его за спелый плод и прянул высоко в небеса, простирая руки, чтобы сорвать его. И небожители пришли в изумление, наблюдая его полет. «Этот сын Ваю, поистине, летит так же быстро, как ветер, его отец, как мысль или как божественный Гаруда, и даже еще быстрее, — говорили они друг другу. — Если уже младенцем он являет такую прыть, что же будет, когда он вырастет и станет зрелым мужем?» А Ваю, видя, что его сын уже приближается к солнцу, стал овевать его холодным ветром, чтобы солнечные лучи не обожгли его юное тело. Поддерживаемый могучим ветром, младенец подлетел к Солнцу, оно же, видя рядом с собою проказливое дитя, бережно обошлось с ним и не стало сжигать его своими лучами, зная, что ему предстоит великое будущее.

А в то самое время, когда сын Ветра приближался к Солнцу, на то светило устремился и демон Раху, в очередной раз намереваясь проглотить его. Когда обезьяний детеныш подлетал к вершине солнечной колесницы, он задел в полете Раху, и демон затмений в смятении отступил, видя, что солнцем завладел уже кто-то другой.

Ваю

Немедля он полетел к Индре, владыке небесного царства, и молвил ему возмущенно: «Искони определены мне в пищу солнце и луна! Почему же теперь ты отдал мою пищу кому-то другому? Когда я хотел сегодня поглотить ясное солнце, я увидел, что уже другой Раху завладел им!»

Услышав это, Индра немедля воссел на своего слона Айравату, огромного, как гора Кайласа, и направился к солнцу, а Раху полетел впереди него. И вот снова Раху приблизился к солнцу, но, завидев неведомое ему существо, устрашился и спрятался за Индру и его слона. Но сын Ваю уже заметил демонскую голову — он принял ее за другой спелый плод. Оставив солнце, он прыгнул на Раху, стремясь схватить его; Раху же, перепуганный, кинулся прочь, взывая о помощи к Индре. «Не бойся, сейчас я убью его», — сказал ему Индра. А обезьяний детеныш уже повернул на лету и бросился на слона Айравату, которого тоже принял за плод. Тогда Тысячеокий гневно взмахнул ваджрой и нанес удар летящему, как ветер, сыну Ваю. Пораженный тем страшным ударом, тот пал с небес на землю. В падении он сломал себе челюсть и жалобно заплакал, распростертый беспомощно на земле.

Бог Ваю услышал плач своего юного сына. Страшно разгневался он на Индру, обидевшего младенца, и решил отомстить ему. Он подобрал дитя с земли и отнес его в горную пещеру; в той пещере он укрылся вместе с ним. Тогда замер ветер по всей земле. Но как страждет все живое, когда Индра перестает посылать на землю дожди, так же бедствует мир, когда удаляется от него Ваю, бог ветра. И людям, и богам, и всем живым тварям стало нечем дышать; и замерла жизнь во вселенной.

Тогда небожители поспешили к Брахме и воззвали к нему о помощи. «Ваю, владыка нашего дыхания, покинул нас, о Прародитель! — жаловались они. — Мы не знаем, почему он сокрушает нас, лишает нас движения, словно жен, запертых во внутренних покоях мужнего дома. Мы пришли к тебе, чтобы ты избавил нас от страданий». Тогда Брахма рассказал им, как Индра по наущению Раху обидел сына Ваю. «Потому-то и покинул нас бог ветра, — сказал небожителям Творец вселенной. — Мы должны умилостивить Ваю, иначе прекратится жизнь в мирах. Дыхание — основа всего живого, как ствол дерева — основа для ветвей и листьев. Без дыхания, без движения воздуха не может быть благополучия ни на земле, ни на небе».

Тогда все боги, и гандхарвы, и апсары, и святые мудрецы, и другие небожители пришли к пещере, где скрывался Ваю со своим сыном, и умилостивили его покаянными речами. Брахма даровал его сыну способность принимать по желанию любой облик, а также возрастать или уменьшаться в размерах. Ублаженный Ваю вышел из пещеры, и жизнь в трех мирах восстановилась.

А сын Ваю получил имя Хануман, что означает Сломавший челюсть*. Когда он вырос, он стал главным советником у обезьяньего царя Сугривы. Своей великой мудростью и отвагой он прославился

в трех мирах, и чтили его и обезьяны, и люди, и небожители. Он стал другом Вишну, воплотившегося на земле в образе царя Рамы, и обрел бессмертную славу в войне с ракшасами.

40. ХРАНИТЕЛИ МИРА*

Одержав победу в войнах с асурами, Индра утвердился на троне небесного владыки. Помогавшие ему в тех войнах боги Яма, Варуна и другие разделили с ним власть над вселенной. Брахма сделал их хранителями мира, властителями стран света.

Индре он даровал власть над Востоком, страной богов. С той поры Восток охраняет Айравата, белый слон Индры, главный из мировых слонов-дигнагов*; огромные, как горы, с четырьмя клыками у каждого, эти слоны с четырех сторон держат землю. Индра правит восточной стороною вместе с семью великими небесными мудрецами, и служат ему боги Адитьи, апсары и гандхарвы, сиддхи* — безгрешные обитатели поднебесья, планеты, и звезды, и жертвенные огни, ветры и облака, святые отшельники и доблестные цари, совершившие обряд раджасуя*.

Яма с того времени правит Югом, страною предков. Там, за краем земли, окутанная тьмою, стоит его обитель. Путь в Питрилоку* — Мир предков — охраняют два чудовищных пса Шарбара*, отпрыски Сарамы, пестрые и четырехглазые. Мрачны, как дикие джунгли, владения Ямы, деревья там не дают тени, нет там воды, нет места для отдыха; и все же души людей добродетельных находят там облегчение.

Яме принадлежат ужасные ады глубоко под землей, в мире Расатала*, расположенном под семью подземными мирами. Там течет кровавая и огненная река Вайтарани*, и туда уходят души тех, кто совершил тяжкие грехи на земле. Солнце, Луна, Ветер, Огонь и Вода — соглядатаи Ямы, свидетели злодеяний, совершаемых на земле. Слуги его, кинкары, — страшные обликом, с красными волосами, острыми ушами и широкими пастями, одетые в черное, — уносят в царство Ямы души умерших, за которыми их посылает бог смерти.

Но золотой дворец Ямы, построенный божественным зодчим Вишвакарманом, великолепен и полон богатств, и там души праведных вкушают блаженство, услаждаемые хорами гандхарвов и апсар. Вместе с женою своей Дхуморной, дочерью Дакши, Яма, царь справедливости и судия, владыка карающего жезла, повелевает царством предков и Смертью. Слон Ямы — Махападма — стережет Юг.

Варуне принадлежит Запад. Он правит в великолепном белом дворце, построенном Вишвакарманом на дне океана. Этот дворец окружен восхитительными садами, где на деревьях растут драгоценные камни и поют птицы невиданной красоты, где никогда не бывает ни слишком холодно, ни слишком жарко. В царство Варуны уходят погибшие в битвах асуры. Некогда Яма пленил их и отдал под власть бога океана; с той поры асуры, умирая, уходят к Варуне, как

люди — в царство Ямы или в царство Индры. Варуна судит асуров и карает их за грехи так же, как Яма — людей.

Варуна восседает на троне в своем дворце со своею женою Сиддхи*, дочерью Ушанаса, и трон его окружают сонмы дайтьев и данавов, морские чудовища макары и тимингалы*, четыре Океана, реки, источники и озера. Слон Варуны — Вамана — охраняет Запад.

Севером правит Кубера, царь царей, владыка богатств и повелитель якшей. Окруженный цветущими садами и рощами, стоит там чудесный город Алака, обитель Куберы. Там реки и озера полны золотых лотосов, и стаи лебедей посещают их воды, а по берегам бродят дикие слоны, антилопы, буйволы, медведи и всякое другое зверье. Владения Куберы, полные сокровищ, охраняют свирепые якши, ракшасы и киннары. Кроме того, он властвует и над ужасными демонами найрритами, рожденными от мрачного божества Ниррити, Разрушения. Чудесную колесницу Куберы влекут служащие ему гухьяки — полукони, полуптицы. Слон Куберы — Сарвабхаума — охраняет северный край земли.

Дворец Куберы, построенный Вишвакарманом, подобен белому облаку, окаймленному золотом, и словно парит в воздухе над горами. Там Куберу вместе с его супругой Риддхи, Изобилием, окружают якши, гухьяки, ракшасы и видьядхары* — прекрасные духи горных лесов. У трона его стоят также Горы во главе с Меру и Сокровища. Там его посещают боги; и гандхарвы, апсары и киннары увеселяют собравшихся пением, музыкой и плясками. Кубера вместе со своим другом Индрой правит Севером и Востоком, и им обоим принадлежит небесная роща Нандана.

Великий бог Шива, обитающий там же, на Севере, в горах Хималая, — тоже друг Куберы. Однажды Кубера повстречал Шиву с его супругой Умой, прекрасной дочерью Химавата*, и дерзко посмотрел на нее левым глазом. Тотчас же глаз у него пожелтел — богиня сожгла его своим гневом. С тех пор Кубера стал одноглазым. Но после этого он восемь столетий предавался жестокому покаянию, и Шива смилостивился, простил его и даровал ему свою дружбу.

Брахма назначил хранителей и промежуточным странам света. Хранителем Северо-Востока стал бог луны Сома, Юго-Востока — бог солнца Сурья, Юго-Запада — бог огня Агни, Северо-Запада — Ваю, бог ветра.

41. СКАЗАНИЕ ОБ АУРВЕ

Некогда царь Критавирья, потомок Яду, совершил великое жертвоприношение, на котором жрецами были мудрые брахманы из рода Бхригу, знатоки священных обрядов. По окончании жертвоприношения щедрый царь оделил всех жрецов этого рода несметными богатствами. Прошло много лет, и царь Критавирья умер. И настало время, когда у потомков Критавирьи совсем опустела казна и они впали в великую нужду. Тогда, помня о щедрости своего предка, одаряв-

шего жрецов, они пришли к брахманам из рода Бхригу просить у них помощи. А те либо зарыли свои богатства в землю, либо уже раздали их странствующим отшельникам, но, когда пришли к ним кшатрии, потомки Критавирьи, брахманы стали уверять их, что род Бхригу давно обеднел и утратил все, что некогда получил.

Но однажды один из кшатриев стал копать землю в пределах обители некоего потомка Бхригу и обнаружил в земле сокровище, спрятанное хозяином. Тогда кшатрии из рода Критавирьи догадались, что их обманули. И они стали без жалости убивать всех брахманов, принадлежащих к роду Бхригу. Они обошли всю землю, всюду убивая Бхаргавов, не щадя и малых детей и вырезая даже зародыши в чреве брахманских жен.

Тогда жены брахманов из рода Бхригу в страхе бежали в северные горы. И одна из них, скрывавшаяся на горе Химават, ради продолжения рода супруга спрятала плод в своем бедре. Кшатрии, преследуя бежавших жен Бхаргавов, пришли к Химавату и увидели ту брахманку. Они устремились к ней, но как раз в это мгновение сын ее, разорвав бедро матери, появился на свет; он сиял ярче солнца в полдень, и тот нестерпимый блеск ослепил жестоких кшатриев.

Ослепнув, они стали бродить по горным ущельям, терзаемые скорбью и страхом, и не могли найти дороги. Тогда они воззвали к брахманке, моля ее смилостивиться и возвратить им зрение. Она им сказала: «Я не лишала вас зрения, и нет у меня гнева на вас. Это сын мой, рожденный из моего бедра, ослепил вас в отмщение за кровь его родичей. Его молите, о кшатрии, да смилостивится он над вами!»

И кшатрии припали к ногам родившегося из бедра и молили его вернуть им зрение. И младенец смилостивился над ними и вернул свет их очам. Тогда кшатрии возвратились в свое царство, обещав отказаться впредь от злодеяний. Но когда тот потомок Бхригу вырос, он решил отомстить за гибель своих родичей.

Его назвали Аурва, что значит Рожденный из бедра. Он стал великим мудрецом и предался жесточайшему истязанию плоти ради исполнения своего обета. Он решил отомстить не только кшатриям из рода Критавирьи, истребившим потомков великого Бхригу, но и всему миру, который допустил злодейство. Он решил уничтожить вселенную, спалив ее огнем, рожденным его великим подвижничеством.

Тогда его погибшие родичи явились к нему из мира предков и стали умолять его не делать этого. «Участь, постигшая нас, была предопределена заранее, Аурва, — сказали они ему. — Мы сами хотели смерти и потому не сопротивлялись убивающим нас. Ты не должен гневаться на мир, о великий подвижник! То, что ты задумал, неугодно нам. Укроти же огонь своего гнева и пощади мир!»

Аурва им возразил: «Но обет мой не может остаться тщетным, о предки! Люди и боги допустили истребление потомков Бхригу, убиение невинных жен и детей — они должны понести за это кару! Зло умножается, если остается безнаказанным. И если тот, кто в силах покарать зло, зная о нем, не делает этого, он сам становится к нему причастным. Этот страшный огонь, рожденный моим подвиж-

ничеством и моим праведным гневом, сожжет меня самого, если я не выпущу его на волю!»

Тогда предки сказали: «Этот огонь, готовый испепелить вселенную, ты выпусти в воду, из которой возник сей мир и на которой он зиждется. Пусть таится пламя на дне океана, поглощая воды, пока не придет срок гибели вселенной; тогда оно вырвется наружу, чтобы пожрать миры». Аурва так и сделал. Он выпустил огонь своего гнева в океан, где тот обратился в огромную лошадиную голову. И доныне в самом отдаленном конце океана, на страшной глубине таится Вадавамукха*, Кобылья пасть, поглощающая воды; это вселенский огонь, который вырвется наружу в час кончины вселенной и все уничтожит.

42. СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ МАРУТТЕ

У Брихаспати, сына Ангираса, был младший брат по имени Самварта, который не уступал ему в мудрости и благочестии и вечно соперничал с ним в искусстве заклинаний и обрядов. Брихаспати не любил своего младшего брата и постоянно притеснял и обижал его. И вот, не выдержав этих притеснений и обид, Самварта ушел из отчего дома, бросив все свое достояние, и удалился в лес, где жил нагим отшельником под открытым небом, отрешившись от мира.

И был на земле могучий царь по имени Марутта, происходивший из рода Недиштхи, восьмого сына Ману. Могущество и отвага царя Марутты были беспредельны, и он бросил вызов самому Индре, владыке богов. И великий Индра, победитель грозных асуров, не мог одолеть Марутту, добродетельного и безупречного государя.

Однажды царь Марутта задумал совершить торжественное жертвоприношение и пригласить для исполнения обряда Брихаспати, ибо Ангирасы были наследственными жрецами в роду Недиштхи, сына Ману. Когда Индра узнал о замысле Марутты, он сказал Брихаспати: «Если ты хочешь мне блага, не совершай обряда для Марутты. Ведь ныне ты — мой жрец. Я владею тремя мирами, Марутта же правит только на земле. Ты — верховный жрец и наставник богов; можешь ли ты унизиться до исполнения велений смертного царя? Выбирай — будешь ли ты моим жрецом или жрецом Марутты». И Брихаспати, поразмыслив, обещал Индре, что останется жрецом богов и не будет совершать обрядов для Марутты.

И когда Марутта обратился к Брихаспати с просьбой о совершении торжественного жертвоприношения, наставник богов отказал ему. Смущенный и огорченный, вернулся Марутта в свое царство, не зная, как ему быть, ибо все уже было приготовлено для совершения обряда сыном Ангираса. По дороге он встретил божественного мудреца Нараду, и тот спросил его: «Что с тобою, о преславный царь? Я вижу, тебя снедает какая-то тревога. Расскажи мне, что смущает твой покой, и, может быть, я помогу тебе». И Марутта рассказал ему о задуманном жертвоприношении и об отказе Брихаспати. Тогда Нарада сказал: «Есть у Брихаспати младший брат по имени

Самварта, который не уступает ему в знании обрядов. Теперь он бродит по земле нагим отшельником, отрекшись от мирских радостей, удивляя смертных диким и безумным своим обликом. Но он сможет совершить жертвоприношение для тебя, если ты уговоришь его». — «Где же я найду его?» — спросил Марутта. Нарада сказал: «Сейчас он направляется в город Бенарес в обличье юродивого странника. Ступай туда и у ворот города положи мертвое тело. Прохожий, который, увидев его, отвернется, и будет Самварта. Следуй за ним и, когда вы окажетесь в безлюдном месте, подойди к нему и проси об исполнении обряда. А если он спросит, кто сказал тебе о нем, назови мое имя, но не говори ему, где я пребываю; скажи, что после беседы с тобою я взошел на погребальный костер».

Царь Марутта сделал все так, как ему посоветовал мудрый Нарада. Он отправился в Бенарес и там, у городских ворот, положил мертвое тело. Вскоре он заметил прохожего в обличье юродивого, который при виде мертвеца повернул прочь от города. Марутта последовал за ним, сложив смиренно руки, и они пришли в безлюдное место. Там Самварта повернулся к царю и, изрыгая хулу на него, стал бросать в него грязью и золою. Но Марутта покорно сносил все оскорбления и неотступно следовал за безумным странником. Наконец, пройдя длинный путь, они приблизились к высокой смоковнице, и Самварта сел в ее тени отдохнуть.

Он обратил на царя мрачный взор и сказал: «Как ты разыскал меня? Кто рассказал тебе обо мне? Если ты скажешь мне правду, твои желания исполнятся, если же произнесешь ложь, голова твоя разлетится на тысячу кусков!» Марутта отвечал с почтением: «Мудрый Нарада, повстречавшийся мне в пути, поведал, что ты — сын Ангираса, бывшего жрецом нашего рода, и я отправился разыскивать тебя». — «А где теперь пребывает Нарада?» — спросил Самварта, и царь ответил, что по окончании их беседы Нарада вошел в огонь погребального костра. «Нарада сказал мне, что ты можешь совершить для меня великий обряд», — молвил царь. Самварта, довольный, ответил: «Я могу совершить любой обряд». Но вслед за тем он опять впал в неистовство и, осыпая царя Марутту бранью, вопросил: «Почему ты пришел ко мне? Видишь, разум мой помрачается, и я совершаю безумства». И еще сказал Самварта: «Брат мой Брихаспати, наставник богов, может исполнить для тебя обряды, ступай к нему». Марутта ему рассказал, как он уже просил о том Брихаспати и как получил отказ. «Он отказал мне не из-за греха, совершенного мною; я ни в чем не провинился ни перед ним, ни перед богами, — сказал Марутта. — Но больше просить его я не буду».

Тогда Самварта сказал ему: «Я смогу исполнить для тебя все, что ты хочешь, о царь, если только ты будешь следовать моим наставлениям. Но подумай о том, что Брихаспати и повелитель небесного царства разгневаются не на шутку, когда узнают о нашем уговоре. Когда им станет ведомо, что ты призвал меня быть верховным жрецом на торжественном жертвоприношении, они постараются сделать все, чтобы навредить тебе. Поэтому обещай мне, что будешь

тверд в своем решении, и тогда я помогу тебе. Если же ты поколеблешься, я обращу в пепел и тебя самого и весь твой род!» И Марутта обещал: «Если я покину тебя, да не достигну я никогда блаженной обители праведных!»

Сын Ангираса сказал: «Слушай же меня, о царь. Я расскажу, что надлежит тебе сделать. Есть на севере в горах Himалая высокая вершина, называемая Мунджават. Там творит великое подвижничество Шива, супруг прекрасной дочери гор. Там его вместе с Умой окружают сонмы духов, туда приходят почтить его боги Адитьи и Васу, Яма и Ашвины, Кубера, якши, гандхарвы и апсары и небесные мудрецы. Там, на горе, блистающей в лучах утреннего солнца, Шива прерывает свое подвижничество, чтобы развлечься играми с буйными слугами Куберы, дикими нравом и зловещими обликом. Там не палит зноем солнце, не дует холодный ветер, и ни голод, ни жажда, ни старость, ни смерть не угнетают обитателей этого края. Недра горы хранят в себе сокровища Куберы, на склонах ее сверкают в солнечных лучах золотые россыпи, и грозные стражи бога богатств охраняют их от незваных пришельцев. Ступай туда, о царь, и почти великого Шиву, назвав его многочисленные имена*: Рудра, Шарва, Шанкара, Пашупати, Махадева, Хара, Ишана и все другие. И тогда ты получишь доступ к золоту Куберы, из которого должно сделать сосуды для нашего жертвоприношения». И царь Марутта сделал все так, как сказал ему Самварта, и обрел золото Куберы.

Услышав об этой удаче царя Марутты и о том, что великое жертвоприношение будет совершено Самвартой, Брихаспати глубоко опечалился и подумал, что Марутта могуществом превзойдет самих богов, а жрец его получит несметные богатства и громкую славу. И мысль об этом угнетала наставника богов.

Индра заметил его горестный вид и спросил о причине печали. «Марутта собирается устроить великое жертвоприношение, и брат мой Самварта будет у него верховным жрецом», — отвечал Брихаспати. «Что тебе из того, — возразил ему Индра. — Ты стал жрецом небожителей и возвысился в мире, где нет ни старости, ни смерти. Что может сделать тебе Самварта?» — «Успех соперника всегда ранит сердце,— отвечал Брихаспати.— Ведь по этой самой причине ты ведешь нескончаемую войну с асурами и сражаешь тех, кто слишком возвысился. Мне несносна мысль о возвышении моего брата. Не допусти, чтобы это жертвоприношение совершилось, о Индра!»

Тогда Индра послал к царю Марутте бога Агни: «Скажи царю, чтобы для исполнения обряда он призвал Брихаспати, а я за то сделаю его бессмертным!» Бог огня отправился исполнять поручение Индры и, с ревом сжигая леса на своем пути, пришел к царю Марутте. Царь принял его с почтением: «Сам бог огня явился ныне в мои чертоги!» Он поднес гостю почетное питье и воду для омовения ног, Агни же передал ему слова Индры: «Пусть Брихаспати совершит для тебя это жертвоприношение, а царь богов за то избавит тебя от грозящей старости и смерти». Но Марутта ответил: «Ныне Брихаспати совершает обряды для владыки небесного царства, как же может

он быть жрецом смертного царя? Брахман Самварта совершит для меня этот обряд». Самварта же сказал: «Уходи, Агни, и не возвращайся больше. Если ты еще раз вздумаешь предложить Брихаспати в жрецы царю Марутте, я сожгу тебя пламенем моего взора!» И Агни, устрашенный, удалился.

Когда Индра узнал от него об отказе Марутты, он сказал: «Ступай к царю снова, о Агни, и скажи ему, что, если он не призовет Брихаспати для совершения обряда, я поражу его своей ваджрой». Но Агни не захотел идти туда снова. «Пошли кого-нибудь другого, о Шакра,— сказал он. — Я боюсь возвращаться туда с таким поручением. Не следует вводить в гнев могущественных жрецов. Вспомни, как захотел ты поразить ваджрой своей Чьявану и что из этого вышло». — «Велико, поистине, могущество брахманов, — сказал Индра, — но я не потерплю дерзости этого земного царя». И он обратился к Дхритараштре, одному из вождей гандхарвов, и повелел ему пойти и передать его слова Марутте.

Вождь гандхарвов пришел к Марутте и передал ему веление царя богов: «Если ты не призовешь Брихаспати, Индра поразит тебя своим громовым оружием». Но Марутта ответил ему: «Нет более тяжкого греха, чем предать друга. Я обещал Самварте, что он будет жрецом на этом жертвоприношении, и сдержу слово. Брихаспати же пусть совершает обряды для небожителей. Передай это повелителю богов, о Дхритараштра». — «Берегись, царь, — молвил в ответ гандхарв. — Слышишь ли ты раскаты грома, слышишь грозный голос Индры в небе? Подумай о собственном благе, сейчас настало для этого время».

Тогда Марутта, встревоженный, обратился к Самварте: «Поистине, я вижу тучи, собирающиеся в небе. Это знак того, что приближается могучий Индра. Огради меня от его гнева, о лучший из брахманов! Видишь, слуги мои дрожат от страха».

«Не бойся, о царь! — отвечал Самварта. — Будь спокоен, моими заклинаниями я огражу тебя от всякой опасности! Пусть сверкают молнии, пусть бушует ветер, пусть Индра низвергает ливни из туч на землю; я исполню все, что ты пожелаешь, и никто не сможет помешать мне в этом!»

Марутта сказал ему тогда: «Если ты можешь исполнить любое мое желание, сделай так, чтобы Индра сам явился на мое жертвоприношение и принял от меня предложенную ему долю. Пусть придут и другие боги и возьмут каждый свою долю и примут возлияния сомы». — «Силою моих заклинаний я уже призвал Индру на твое жертвоприношение, государь! — отвечал ему Самварта. — Смотри, вот он уже спешит сюда на своей колеснице, и другие боги следуют за ним!»

И царь богов появился на своей колеснице у жертвенника, где Самварта совершал обряд для царя Марутты, и принял свою долю от жертвы. Марутта и Самварта склонились перед ним и почтительно приветствовали его и других богов, ради этого великого обряда сошедших на землю с небес. Индра милостиво принял их поклонение

и объявил, что не гневается больше на Марутту за его жертвоприношение. Тут Самварта предложил Индре, чтобы он сам распорядился дальше обрядом и каждому богу определил его долю.

И жертвоприношение Марутты совершилось торжественно и с великой пышностью в присутствии богов, возглавляемых Индрой, и гандхарвов, и апсар, и святых мудрецов. Царь богов сам помогал совершению обрядов и первый отведал сомы, а за ним и другие бессмертные. По окончании торжества довольные боги удалились в свое небесное царство, а царь Марутта оделил всех брахманов бессчетными грудами золота. И еще долгие годы после этого он счастливо правил землею, и подданные в его царстве наслаждались миром, и счастьем, и милостью богов.

43. НАШЕСТВИЕ РАКШАСОВ НА СЕВЕР

Равана, царь ракшасов, охотился в лесу вдали от Ланки, своей обители, и повстречал там Майю, зодчего асуров, который странствовал по свету со своей дочерью, прекрасной Мандодари. «Кто ты? — спросил его царь ракшасов. — Что ты делаешь в этом дремучем лесу, где не живут ни люди, ни олени? И кто эта дева с глазами газели?» Майя, сын Дити, назвал ему себя и сказал: «Знай, что у меня была жена, прекрасная апсара Хема. Я прожил с нею тысячу лет, и был предан ей, и любил ее всем сердцем. Но вот уже четырнадцать лет, как она ушла на небо, повинуясь зову богов, и так и не вернулась ко мне. Я построил себе в безлюдной местности золотой дворец, украшенный драгоценными камнями, и живу там одиноко, горюя в разлуке с любимой. Только дочь осталась мне от нее, и вот теперь я пустился с нею в путь, желая найти ей мужа. Поистине, быть отцом дочери — несчастье, когда она остается в доме, и род ее отца и род матери подвергаются опасности угаснуть без продолжения».

Рассказав это Раване, Майя молвил: «Скажи мне теперь, сын мой, кто ты и какого ты рода». Тот отвечал: «Я — Равана, отец мой — великий подвижник Вишравас, дед мой — Пуластья, четвертый сын Брахмы». Услышав этот ответ, Майя обрадовался и, питая почтение к роду Раваны, предложил ему свою дочь в жены. И Равана взял прекрасную Мандодари в жены и увез ее с собой на Ланку. Там по прошествии времени она родила ему могучего сына. Едва появившись на свет, он испустил громовой крик, от которого сотрясся весь остров Ланка с его горами и лесами. Оттого ему дано было имя Мегханада — Громогласный.

Между тем Кумбхакарна, брат Раваны, впал в непробудный сон, тот сон, который по желанию богов выпросила для него у Брахмы мудрая Сарасвати. Равана поместил спящего в обширной пещере близ города Ланки, сам же, пылая гневом, решил отомстить небожителям, обманувшим его брата. Пришло время, и он собрал войско ракшасов и отправился с ним в набег. Он вторгся в северные горы и разорил там многие божественные рощи; он добрался даже до небесной рощи Нандана, принадлежащей Индре и Кубере, и разорил

ее тоже. Опустошив цветущие местности и убив многих гандхарвов, и якшей, и святых мудрецов, Равана вернулся на Ланку.

Узнав об опустошениях, произведенных в его владениях ракшасами, Кубера глубоко огорчился и отправил к брату на Ланку гонца с таким посланием: «Зачем ты причинил мне зло, зачем разорил божественные рощи и перебил святых мудрецов? Остерегись! Боги, разгневанные твоими нечестивыми деяниями, готовы покарать тебя. Пока не поздно, одумайся и впредь воздержись от злодеяний!» Равана, выслушав гонца, сказал с яростью: «До сей поры я думал пощадить моего брата. Но он сам накликал на себя беду своей дерзостью. Смерть ему, и всем хранителям мира, и тебе тоже, наглец, осмелившийся прийти ко мне с таким посланием!» И он тут же изрубил гонца Куберы своим мечом на куски, а собравшиеся у трона Раваны ракшасы тотчас сожрали его.

Снова собрав свои рати, Равана с великой поспешностью двинулся к горе Кайласа, минуя на пути города, реки, холмы и леса. Верные советники — Прахаста и другие — сопровождали его. Кубера, услышав о его приближении, выслал ему навстречу войска своих якшей. Полчища якшей набросились со всех сторон на Равану и его воинов — каждый из советников Десятиглавого сражался с тысячей врагов. Якши обрушили на Равану удары тяжелых дубин и мечей; осыпали его дождем стрел и дротиков; ошеломленный их натиском царь ракшасов отступил, истекая кровью, подобный горе, источающей алые водопады, но недолго длилось его замешательство. Пылая яростью, он снова ринулся на воинов Куберы и врезался в их ряды, круша палицей направо и налево. Его храбрые советники последовали за ним, и ракшасы учинили великие опустошения в войске якшей. Все новые и новые отряды посылал Кубера на поле битвы, но все они были сокрушены и рассеяны непобедимым Раваной. И царь ракшасов подступил к самым стенам обители Куберы, царя царей. Здесь его встретил могучий Сварбхану, привратник Куберы. В ярости он вырвал из земли тяжелые врата обители и обрушил их на врага. Под страшным ударом покачнулся Десятиглавый, и кровь хлынула у него изо рта, но дар Брахмы предохранил его от гибели. Выхватив врата из рук якши, он нанес ответный удар, от которого его противник рассыпался в прах, словно испепеленный в огне пожара. Тогда те якши, что еще оставались на поле боя, в страхе бежали, и ракшасы вступили в обитель владыки сокровищ.

Здесь якши — телохранители Куберы — во главе с полководцем Манибхадрой вступили в последний отчаянный бой с войском Раваны. Но не могли якши, которые сражались все честно, противостоять ракшасам, пускавшим в ход колдовство и злые чары. И отважный Манибхадра, сокрушивший многих ракшасов в этом бою, был побежден в поединке с Десятиглавым. Тяжелой палицей Равана ударил Манибхадру по голове с такою силой, что шлем вдавился ему в макушку, и полководец якшей отступил, потрясенный. С тех пор у него так и осталась вмятина на голове.

Страшный крик поднялся со всех сторон, когда Манибхадра от-

ступил с поля боя. Сам Кубера с палицей в руке вышел в сопровождении своих советников навстречу брату. «О нечестивец, — сказал Кубера, — ты не послушал моих увещаний и сам уготовил себе злую участь. Безумный, ты навлекаешь на себя гнев богов. Ты пожнешь то, что посеял». И повелитель якшей обрушил удар своей палицы па голову Раваны. Тот выдержал удар, и между братьями начался жестокий бой, в котором Равана не раз прибегал к колдовству. Отражая натиск Куберы, он принимал тысячи обликов и сам переходил в нападение. Он оборачивался то тигром, то вепрем, то облаком, то холмом, то озером, то деревом, то якшей, то асуром, и никак не мог сокрушить его храбрый Кубера. И наконец, Равана сумел поразить Куберу в голову ударом палицы, и тот, обливаясь кровью, упал без чувств на землю. Советники Куберы унесли его с поля боя в рощу Нандана, где он едва оправился от нанесенной Раваной раны.

А Равана забрал во владениях Куберы богатую добычу. Он отобрал у брата его чудесную летающую колесницу «Пушпака», украшенную золотыми колоннами и арками, усыпанную жемчугом и драгоценными камнями, увитую золотыми лестницами и увенчанную террасами с прекрасными садами, приносящими плоды во все времена года. И, взойдя на эту сверкающую колесницу, Равана со своими ракшасами покинул гору Кайласа.

Когда Равана, странствуя по северным горам, приблизился к некоей вершине у тех зарослей тростника, где когда-то родился Сканда, сын Шивы, колесница «Пушпака» внезапно сама собой остановилась. И между тем как ракшасы спрашивали друг у друга о причине неожиданной остановки, на склоне горы появился уродливый карлик с бритой головой и сморщенным лицом. Он сказал, обращаясь к царю Ланки: «О Десятиглавый, не следуй дальше этим путем. Великий Шива пребывает на вершине горы; никто не смеет нарушить его покой». Равана рассмеялся, глядя на уродливого человечка. «Кто ты, карлик с лицом обезьяны, — спросил он высокомерно, — чтобы приказывать нам?» Карлик рассердился и сказал: «Я — Нандин*, слуга всемогущего Шивы. Тебе же, насмехающемуся над моим обезьяньим лицом, я предсказываю: придет время, и обезьяны разгромят твои войска и лишат тебя царства». Это предсказание Нандина сбылось через много лет, когда прославленный Рама, сын Дашаратхи, явился на Ланку во главе обезьяньего войска.

Равана между тем, презрев речи Нандина, сошел с колесницы и сказал: «Эту гору, из-за которой остановилась моя колесница, я вырву из земли с корнем!» И он подошел к горе, обхватил ее могучими руками и, напрягшись, вырвал из земли и приподнял ее. Заколебалась в воздухе огромная гора, и вместе с нею закачались и затряслись ее обитатели, слуги Шивы, а прекрасная Ума в смятении прижалась к супругу и обхватила его обеими руками. Тогда, возмущенный дерзостью ракшаса, Шива поднял ногу и своей всепопирающей стопой придавил гору к земле. Царь же Ланки от боли в руках, защемленных горою, завопил так громко, что задрожали все три мира и сами боги на небесах во главе с Индрой всполошились и стали во-

прошать друг друга о причине ужасного рева. Говорят, с тех пор владыка ракшасов и получил от Шивы имя Равана — Ревун.

Устрашенные советники Раваны стали уговаривать его склониться перед Шивой и просить великого бога о милости. И Равана, смирившись, воспел хвалу Шиве. Тогда Шива освободил его руки и отпустил его с миром. Равана обещал ему вести отныне праведную жизнь, и великий бог подарил ракшасу на прощание чудесный меч, наказав, однако, не нарушать своего обещания. Но Равана его нарушил.

44. ВОЙНА РАВАНЫ С КШАТРИЯМИ

Спустившись с гор, Равана прошел через многие страны, всюду вступая в борьбу с кшатриями, которые не желали ему покориться. Он побеждал храбрых царей в битвах и уничтожал их вместе с их войсками. Так пришел он к высокой горе, на вершине которой Марутта, царь Солнечного рода, совершал жертвоприношение в присутствии богов; верховным жрецом у него был брахман Самварта, сын Ангираса. Когда боги узнали о приближении грозного Раваны, они поспешили скрыться, приняв разные обличья, ибо знали, что встреча с неодолимым по милости Брахмы ракшасом не сулит им добра. Индра превратился в павлина, Яма — в ворону, Кубера — в ящерицу, Варуна — в лебедя; и другие боги, бывшие там, приняли обличья разных зверей.

Равана же вступил на землю, на которой совершалось жертвоприношение, как нечистый пес и вскричал, обращаясь к царю Марутте: «Покорись мне или сражайся!» — «Кто ты?» — спросил его Марутта. Равана отвечал с надменной усмешкой: «Неужели ты не слышал обо мне и о моем могуществе? Я — Равана, сын Вишраваса, победивший своего старшего брата, владыку богатств, и отнявший у него эту чудесную колесницу». На это Марутта возразил ему: «Не достоин хвалы и славы совершивший нечестивые деяния. Поэтому напрасно похваляешься ты своей победой над братом. Постой же — на этой священной земле ты найдешь свою гибель! Мои стрелы отправят тебя в обитель Ямы».

И царь схватил свой лук и стрелы и готов был начать бой, но Самварта заступил ему дорогу и сказал: «Ты не должен прерывать это жертвоприношение, иначе гибель грозит всему твоему роду. К тому же ракшас этот могуч и неодолим в бою — ты не можешь быть уверен в победе!» И царь Марутта отложил оружие и вернулся к жертвоприношению. Тогда советники Раваны возопили: «Царь Марутта покорился повелителю ракшасов!» Равана же, сожрав благочестивых мудрецов, собравшихся для совершения обряда, сытый и довольный, сошел с горы и отправился дальше на своей чудесной колеснице.

Когда Равана удалился, боги приняли свой прежний облик. Индра тогда даровал павлину, чей облик он принял, спасаясь от Раваны, сто глаз, украшающих с тех пор павлиний хвост, и неуязвимость от змей. И с той поры павлины оглашают воздух ликующими криками,

когда чуют приближение туч, посылаемых Индрой на исходе знойного лета, — это тоже дар, пожалованный им царем богов. Яма даровал вороне долголетие и почетное место в царстве мертвых, Варуна лебедю — красоту и незапятнанную белизну морской пены, Кубера даровал ящерице золотую кожу. Так боги отблагодарили этих тварей.

А Равана продолжал свой поход из страны в страну и покорял все новых и новых царей. Только Анаранья*, царь Айодхьи, осмелился оказать ему сопротивление. Равана разметал и обратил в бегство его войско; но сам Анаранья остался на поле боя и, храбро сражаясь, заставил ракшасов отступить. Он нанес поражение Прахасте и другим советникам Раваны и, неутомимо натягивая свой могучий лук, осыпал стрелами самого царя ракшасов. Но как потоки ливня разбиваются о вершину горы, так стрелы Анараньи отскакивали от неуязвимого Раваны, не причиняя ему вреда. Ударом палицы Равана сбросил царя Айодхьи с колесницы и сказал ему, усмехаясь: «Как посмел ты бороться со мною, безумный? Или ты не слыхал о моей мощи?»

Анаранья, умирая, предрек, что потомок его, царь Солнечного рода, отомстит за него Раване и лишит злодея жизни. Это предсказание исполнилось через много лет. Потомок Анараньи, царь Айодхьи Рама*, у которого Равана похитил супругу, прекрасную Ситу, вступил на Ланку во главе обезьяньего войска и убил царя ракшасов.

45. ВТОРЖЕНИЕ РАКШАСОВ В ЦАРСТВО ЯМЫ

Однажды, в то время, когда Равана победоносно шествовал из страны в страну, устрашая и покоряя народы, ему встретился мудрый Нарада. На облаке, на котором он пролетал над землею, Нарада спустился к роще, где отдыхал Равана после одной из своих побед, и сказал: «Своей отвагой и мощью ты завоевал великую славу, о Десятиглавый. Я восхищен твоими победами над гандхарвами, нагами и якшами. Но зачем ты тратишь теперь свои силы на жалких людей, которые все равно подвластны смерти, ты, коего не могут одолеть ни боги, ни асуры, ни гандхарвы, ни наги, ни якши, ни ракшасы? Зачем ты убиваешь людей, блуждающих во мраке невежества и не ведающих собственного блага? Они и без тебя подвержены всяческим напастям, голоду, жажде, болезням и старости. Что тебе в искоренении племени, и без того угнетенного, истребляемого собственной своею судьбою? Вот если бы ты победил Яму, бога смерти, тогда бы можно было сказать, что все подвластно тебе во вселенной!»

Усмехнулся Равана, услышав слова Нарады, и сказал: «Нет для меня недостижимого! О мудрый Нарада, радующийся спорам и битвам, я ведь уже поклялся победить четверых хранителей мира. Ныне владыка Севера познал мою мощь, а теперь я направлю свои стопы на Юг, в царство предков, и убью их повелителя, сына Вивасвата». И, простившись с Нарадой, он двинулся в южном направлении, сопровождаемый своими советниками.

Нарада же подумал: «Как сумеет владыка ракшасов одолеть Яму?

Как сможет он победить всепобеждающее Время*? Ведь и сам он подвластен Времени; как же он восстанет против него? Мне любопытно это увидеть. Отправлюсь немедля в обитель Ямы, чтобы узреть своими глазами бой между властителем мертвых и ракшасом».

И Нарада поспешно направился к югу на своем облаке и прибыл в обитель Ямы ранее ракшасов. Он увидел там Царя справедливости*, который сидел перед огнем и бросал в него плоды добрых и дурных деяний людских. «Зачем ты пришел ко мне, мудрец, почитаемый богами и гандхарвами?» — спросил Яма Нараду, и тот поведал ему о намерениях Раваны. Вскоре они увидели самого царя ракшасов, приближающегося на блистающей колеснице «Пушпака». Равана вступил в обитель Ямы.

Там он увидел кровавую реку Вайтарани, в которой, испуская жалобные вопли, плавали грешники, расплачивающиеся муками за совершенные при жизни злые деяния. На берегах той реки другие грешники, погруженные в раскаленный песок, претерпевали ужасные страдания. Там росли деревья с шипами и мечами вместо листьев, и те шипы и мечи кололи и резали тела грешников. Жестокие слуги Ямы мучили несчастных огнем и острыми копьями, их грызли собаки и поедали черви, и Равана увидел там сотни и тысячи обреченных на страдания, мучимых голодом и жаждой, бледных, исхудавших, покрытых грязью и кровью и громко вопящих от боли. Но там же, в обители Ямы, Равана увидел души добродетельных, наслаждающиеся в красивых чертогах сладкозвучной музыкой и пением, ласками прекрасных дев и обилием риса, молока и всяческих яств.

Вторгшись в страшную обитель Ямы на колеснице «Пушпака», Равана разогнал ее свирепых стражей. И он освободил от мук пребывающих в аду грешников; и те испустили ликующие клики, восхваляя доблестного ракшаса. Тогда кинкары, слуги Ямы, устремились со всех сторон на Равану, потрясая палицами и копьями, и в мрачной обители Смерти* началась жестокая битва между царем ракшасов и гневными стражами мертвых. Много раз кинкары страшными ударами своего оружия разносили вдребезги чудесную колесницу Раваны, но всякий раз она сама собою вновь складывалась из обломков и, повинуясь воле Десятиглавого, снова устремлялась вперед, целая и невредимая благодаря милости Брахмы.

Ракшасы, сопровождавшие Равану в царство мертвых, яростно отбивались от кинкаров, швыряя в них скалы, деревья и целые дома; и сам Десятиглавый поражал слуг Ямы ударами копий и дротиков, каменных глыб и древесных стволов. Но, набрасываясь на него со всех сторон сотнями и тысячами, грозные кинкары нанесли ему много ран, разорвали на нем доспехи, и он весь покрылся кровью, словно дерево киншука*, расцветшее алыми цветами. Тогда Равана сошел с чудесной колесницы «Пушпака» и, грозно сверкая глазами, налитыми кровью, наложил на тетиву своего лука заклятую стрелу Пашупата*, некогда вместе с мечом подаренную ему Шивой. И, спущенная с тетивы, та волшебная стрела вмиг испепелила огромное войско кинкаров.

Когда Яма услышал ликующие крики ракшасов, возвещающие, что войско его уничтожено, очи его загорелись гневом и он приказал своему колесничему Роге: «Приведи мою колесницу!» И Рога, Болезнь, возничий Ямы, привел колесницу, запряженную блистающими, как солнце, конями, и сын Вивасвата взошел на нее. Впереди него стала всеуничтожающая Смерть с булавою в руке, а рядом — Время, вселяющее ужас в сердца людей и небожителей. По знаку Ямы колесница устремилась вперед, и в мгновение ока божественные кони примчали ее на поле битвы.

При виде Смерти, приближающейся на страшной колеснице, советники и воины Раваны, объятые ужасом, обратились в бегство. Только сам Десятиглавый не дрогнул и остался на месте, бестрепетно ожидая врага. И боги и гандхарвы спустились с небес, чтобы видеть этот небывалый бой.

Когда колесница Ямы повернула на Равану, владыка ракшасов натянул свой могучий лук и наполнил пространство тучами грозных стрел. Четырьмя стрелами он поразил Смерть, семью—возничего Ямы и сотнями и тысячами стрел он поразил в голову самого сына Вивасвата. Тогда из уст Ямы вырвались языки пламени, вселившие трепет в сердца небожителей и асуров. Смерть сказала: «Пусти меня, Яма, и я уничтожу этого грешника ракшаса. Еще никто, глянувший мне в лицо, не оставался жив в этом мире!» Но сын Вивасвата сказал Смерти: «Погоди, я убью его сам!» И он вознес над головою Раваны свой пылающий жезл*, перед которым содрогается все живое во вселенной, и пламя, извергаемое жезлом бога смерти, казалось, готово было пожрать Равану. Все, кто еще оставался на поле боя, в ужасе разбежались, и сами боги, дрожа, отступили.

Но тогда спустился в царство мертвых сам Прародитель и сказал Яме: «О могучий сын Вивасвата, да не совершится то, что ты вознамерился сделать. Я пожаловал этому ракшасу дар неуязвимости; ты не должен нарушать моей воли, иначе слова мои обратятся в ложь, тогда вся вселенная окажется во власти лжи! Не опускай свой страшный жезл на голову Раваны! Он не должен умереть». Яма отвечал: «Ты — наш владыка, о Брахма, я повинуюсь тебе! Я не буду убивать этого ракшаса, обретшего твою милость; но пусть он вернет мне те грешные души, которые он освободил от заслуженных мук».— «Да будет так», — молвил Брахма.

Яма со своей колесницей, со Смертью и Временем вернулся в небесную обитель, а Равана, торжествуя победу, покинул царство мертвых.

46. РАВАНА В ЦАРСТВЕ ВАРУНЫ

Когда ракшасы увидели своего царя возвращающимся из царства мертвых, окровавленного, но живого, они были изумлены, и великая радость охватила их. И, воздав ему хвалу, они вновь последовали за ним. А Равана направил свою колесницу к океану, в царство Варуны.

Он прошел через подземное царство нагов, покорив их своей власти, и овладел Бхогавати — полной сокровищ столицей змеиного государя Васуки; и он вторгся в подземные владения дайтьев и данавов и вступил с ними в жестокую битву. Целый год длилась та битва, и ни данавы и дайтьи, ни ракшасы не могли одолеть друг друга. Тогда Брахма воззвал к данавам и дайтьям и сказал: «Вам не победить ракшасов, и они не могут победить вас. Заключите с ними мир и союз!» Те согласились, и ракшасы заключили мир с данавами и дайтьями.

Равана двинулся дальше и вскоре достиг подводного царства и вступил в обитель Варуны, подобную блистающему сонму белых облаков. Стражи обители выступили против Раваны, заградив ему дорогу, но он разметал их, убил сопротивлявшихся и сказал уцелевшим: «Ступайте к своему владыке и возвестите ему: „Равана пришел и ищет с тобою битвы. Сражайся или покорись царю ракшасов, и тогда он пощадит тебя"». А между тем вышли из ворот дворца Варуны сыновья и внуки бога океана с большим войском и напали на Равану. Воины Раваны вступили с ними в бой и потеснили ратников морского войска и многих убили, но с сыновьями и внуками бога Варуны они не могли справиться. Тогда сам Равана направил на них свою колесницу «Пушпака». Дети Варуны поднялись в поднебесье и оттуда осыпали ракшасов стрелами и дротиками. В воздухе начался жестокий бой между отпрысками Варуны и Раваной, устремившимся на них на своей летучей колеснице. И Десятиглавый поразил сыновей и внуков Варуны своими смертоносными стрелами, и они упали на землю мертвые.

Равана, торжествуя победу, снова подступил к вратам обители Варуны и сказал его воинам, в страхе отступившим перед грозным противником: «Пусть бог океана выйдет мне навстречу. Скажите ему, что я сокрушил всех его сыновей и внуков». Но к царю ракшасов вышел Прахаса*, советник Варуны, и сказал: «О царь, владыка вод, которого ты вызываешь на битву, ушел сегодня во дворец Брахмы насладиться пением гандхарвов и плясками апсар. Ты победил его сыновей; чего тебе еще надо?» Тогда Равана молвил: «Я победил властелина Запада!» — и, покинув царство Варуны, вернулся к себе на Ланку.

47. РАВАНА В ПОДЗЕМНОМ МИРЕ И НА НЕБЕСАХ

Возвращаясь на Ланку, Равана со своими советниками путешествовал по странам подземного мира и увидел в пустынной местности великолепный дворец с золотыми колоннами, хрустальными лестницами, арками и окнами, украшенными жемчугом и алмазами. «Кому принадлежит этот прекрасный дворец, блистающий драгоценностями, словно вершина Меру? — спросил царь ракшасов. — Ступай, Прахаста, и узнай, кто его хозяин». И Прахаста, советник Раваны, сошел с колесницы и вошел во дворец. В первой комнате он никого не увидел и проследовал во вторую, потом в третью и дальше; и только в седь-

мой он увидел пылающий ярко огонь. Прахаста вошел в покои, где пылал огонь, и увидел в пламени человека, увенчанного золотыми лотосами; устрашающим обликом он подобен был самому Яме, богу смерти. Завидев Прахасту, человек тот рассмеялся, и от его ужасного смеха сердце советника Раваны содрогнулось, и он поспешно выбежал из дворца.

Прахаста рассказал Раване о том, что увидел он в покоях таинственного дворца, и владыка ракшасов, разбираемый любопытством, сам вошел в те чертоги. У входа во внутренние покои путь ему преградил человек с железной палицей в руке. Вид его был столь ужасен, что волосы на голове Раваны стали дыбом и его объял трепет. Видя его замешательство, человек спросил: «О чем ты размышляешь, о ракшас? Зачем ты пришел сюда? Не хочешь ли ты сразиться с Бали, владыкой асуров?» Подавив страх, Равана ответил: «Скажи мне, кто владеет этим дворцом? Пусть он покорится мне или выйдет на битву». Человек с палицей сказал: «Здесь живет повелитель дайтьев и данавов, могучий и непобедимый царь, прославленный своею доблестью и добродетелью. Он восхвален в трех мирах, и даже боги его почитают. Он не ведает страха. Хочешь ли ты биться с ним, о ракшас? Если ты хочешь сразиться с Бали, войди в эти покои».

И Равана вошел в царские покои и увидел Бали, сына Прахлады, бывшего владыку дайтьев и данавов. Могучий Бали приветливо встретил гостя и, взяв его за руку, сказал, улыбаясь: «О повелитель ракшасов, что я могу для тебя сделать? Зачем ты пожаловал в мои чертоги?» Равана сказал ему: «Я слышал, о преславный государь, что в давние времена ты был побежден и пленен богом Вишну. Но я могу освободить тебя от оков; Брахма даровал мне непобедимость».

Услышав эти слова, Бали рассмеялся и сказал: «Ты видел мрачного стража, стоящего у входа, — им я пленен и скован. Ты не знаешь, кто это, и я тоже не знаю. Но он неодолим, как смерть, в нем заключено прошлое, настоящее и будущее, он — воплощение всесильного времени. Его могуществом сражены великие асуры, бесстрашные воители былых времен, — Вала и Вритра, Хираньякашипу и Хираньякша, Прахлада и многие другие. Они были доблестны, они совершили множество жертвоприношений и предавались суровому подвижничеству, но никто из них не смог устоять против него, когда пришел их срок».

И Бали сказал Раване: «Видишь, на полу у моих ног лежит сверкающий диск. Подними его и стань со мною рядом, тогда я поведаю тебе тайну вечного избавления». Равана подошел к диску и нагнулся, чтобы поднять его; но как ни напрягал он свои силы, он не мог оторвать его от пола. Наконец ему удалось чуть-чуть приподнять диск; но тут же сам он упал на землю, и кровь потекла у него изо рта и ушей. Бали сказал ему, улыбаясь: «О Равана, выслушай меня. Этот диск, который ты не мог поднять, — серьга из уха одного из моих предков. Никто не мог одолеть могучего Хираньякашипу, царя асуров, но и он пал, когда настал его срок. Великий Вишну был тот, кто лишил его жизни и покарал за нечестивые деяния. Вишну поставил у моих две-

рей этого стража; он сам, существующий во многих воплощениях, и есть этот страж, и я покорен его воле».

Равана отвечал презрительно: «Я не убоялся самого бога смерти и победил его, вступив в его царство. Нет у меня страха и перед твоим стражем. Но если ты сам не хочешь освобождения, я не стану помогать тебе». И, разгневанный, он покинул дворец Бали, владыки демонов. Вишну же подумал: «Я не стану убивать этого грешного ракшаса, дабы не нарушать предначертаний Брахмы».

А Равана последовал далее на своей быстрой колеснице и, выйдя за пределы подземного царства, поднялся в небо и достиг обители Солнца. Он увидел блистательного Сурью в золотых одеждах, увенчанного алыми лотосами, сияющего тысячью лучей. Равана послал к вратам чертогов Сурьи своего советника Прахасту, повелев ему передать богу солнца такие слова: «Могучий Равана пришел в твое царство и жаждет битвы; бейся с ним или признай себя побежденным!» Прахаста приблизился ко входу в обитель бога солнца, где стоял на страже Дандин, привратник Сурьи. Ракшас передал ему слова своего господина, а Дандин пошел и повторил их Сурье. Выслушав послание Раваны, мудрый Сурья сказал: «Иди, Дандин, и поступай как желаешь. Если хочешь, сразись с этим пришельцем, если нет — признай себя побежденным». Дандин пошел и повторил Раване слова бога солнца. Тогда повелитель ракшасов возгласил свою победу и отправился дальше.

Проведя ночь на вершине горы Меру, Равана на другой день вступил во владения Сомы, бога луны. По пути туда он увидел воина в богатых одеждах, ехавшего на колеснице по небу; множество прекрасных апсар следовало за ним. Небесные девы осыпали воина поцелуями. Равана спросил случившегося поблизости небесного мудреца: «Скажи мне, о брахман, кто этот бесстыдный гуляка на колеснице, окруженный апсарами? Или ему неведомо, что близко грозное войско ракшасов?» Мудрец ответил: «О сын мой, это — благочестивый царь, отличившийся доблестью в своей земной жизни и неукоснительно почитавший богов предписанными обрядами. Ныне он следует в небесное царство, чтобы вкусить после смерти плоды своего добродетельного поведения. Не должно причинять ущерба праведному, о владыка ракшасов!» Равана хотел сразиться с праведным царем, но небесные мудрецы во главе с Пуластьей, его дедом, удержали его.

Равана отправился дальше, минуя обители сиддхов и чаранов*, небесных сказителей, чертоги Гаруды, царя птиц, небесную страну, где протекала священная Ганга, и наконец приблизился к обители Сомы. Но по мере того как ракшасы поднимались все выше и выше по тропе небес, лучи луны, направленные на них, все больше сковывали их холодом; и вот Прахаста вскричал, обращаясь к Раване: «О государь, мы не в силах идти дальше! Холод одолевает нас, мы не можем больше терпеть — вернемся!» Равана остановился и, охваченный гневом, стал пускать стрелы в луну из своего лука. Он нанес Соме стрелами жестокие удары и готовился поразить его насмерть, но Брахма поспешил на помощь богу луны. Он появился в его царстве и сказал

Раване: «О Десятиглавый, остановись, не сокрушай силы повелителя звезд. За это я поведаю тебе тайное заклинание, которое поможет тебе в борьбе с самым могучим врагом в час смертельной опасности». Равана согласился, и Прародитель поведал ему заклятье, которое еще больше укрепило его непобедимость. И, оставив с миром бога луны, царь ракшасов отправился в обратный путь.

48. ПОХИЩЕНИЕ ЖЕНЩИН

Возвращаясь к себе на Ланку, Равана увидел по дороге прекрасную деву, дочь царственного отшельника, и взял ее насильно на свою колесницу, и заставил следовать за собою. Затем всякий раз, когда встречалась ему на пути красивая девушка, он стремился похитить ее у родных и забрать с собой на Ланку. Так он похитил многих женщин — дочерей небожителей и асуров, ракшасов и якшей, нагов, киннаров и смертных. Насильно увозимые на его колеснице вдаль от родных мест красавицы заливались слезами, вспоминая оставленные семьи, отцов, матерей, мужей и детей и не зная, какая участь ожидает их самих. «Не съест ли он нас?» — восклицала одна. «Что станет без меня с моим сыном?» — сокрушалась другая, а третья плакала: «Моя мать не перенесет разлуки со мною! О смерть, забери и меня, повергнутую в пучину бедствий!» Но колесница Раваны летела по воздуху, словно птица, все дальше и дальше и вскоре достигла Ланки, где Равана поместил похищенных им дев в женских покоях своего дворца.

Вернувшись после долгого отсутствия в свою столицу, Равана пожелал увидеть своего любимого сына Мегханаду. Приближенные ему сказали, что за несколько дней до его возвращения царевич вместе с наставником своим, мудрым жрецом Ушанасом, удалился из дворца в священную рощу. Равана отправился к той роще и увидел там сотни жертвенных алтарей и столбов и жертвенные огни, наполняющие окрестности рощи блеском и дымом. Там сын его, одетый в оленью шкуру, исполнял таинственные обряды вместе с жрецами. Равана обнял сына и спросил: «Что ты делаешь здесь? Скажи мне правду». Ушанас ответил за Мегханаду: «Слушай, царь, я расскажу тебе, чего достиг твой сын. Исполнив великие обряды, которым я его научил, и принеся указанные мною жертвоприношения, он обрел волшебную силу, затмевающую разум врагов. Он может теперь летать по воздуху, принимать по желанию любой облик, становиться невидимым, он знает множество тайн волшебства, в которые не проникнуть ни богам, ни асурам». Равана сказал: «Напрасно вы приносили жертвы богам, врагам нашим, но то, чего вы достигли, принесет нам в будущем благо!» И он повел Мегханаду во дворец показать ему привезенную из похода добычу.

Вместе с Мегханадой и братом своим Вибхишаной Равана вошел в покои, где находились похищенные им девы. Он показал их, безмолвных и дрожащих от страха, брату и сыну и похвалился своей удачей. Но благочестивый Вибхишана сказал ему гневно: «Ты творишь

греховные дела, слепо следуя своим прихотям! Видно, в наказание за твои грехи в твое отсутствие нас постигло несчастье: демон Мадху* похитил прекрасную Кумбхинаси, внучку Мальявана*, старшего брата нашего деда по матери». — «Как это случилось?» — спросил Равана, и Вибхишана рассказал ему о том, как демон Мадху похитил Кумбхинаси в то время, когда Мегханада был занят жертвоприношениями в священной роще, Кумбхакарна спал в своей пещере, а сам он, Вибхишана, покинул Ланку для путешествия в подводное царство. «Кумбхинаси — внучка нашего деда, а значит, сестра нам, — сказал Вибхишана. — Похищение нашей сестры — великое горе для нас».

Воспылав гневом, Равана тотчас собрал огромное войско ракшасов и отправился в погоню за похитителем. Мегханада последовал за отцом, а Вибхишана остался править Ланкой в их отсутствие. Несметное войско ракшасов устремилось к городу, которым владел Мадху; словно туча, они затмили небо. Одни мчались верхом на ослах, другие — на верблюдах, третьи — на лошадях, а некоторые ехали на больших змеях или на морских рыбах. Они вторглись в столицу демона Мадху, и Равана вошел прямо к нему во дворец. Бледная и дрожащая Кумбхинаси вышла навстречу Раване и упала в ноги повелителю Ланки. Равана поднял ее и ласково спросил: «Что могу я сделать для тебя, сестра моя, говори и не бойся. Почему ты дрожишь при виде меня? Я пришел тебя освободить». Тогда Кумбхинаси взмолилась: «Не убивай моего супруга, о царь! Хоть он и похитил меня, не испросив согласия моих родных, но теперь он мне муж, и я не хочу остаться вдовой!» — «Хорошо, я пощажу его ради тебя, — ответил ей Равана. — Но где он, твой супруг? Я собираюсь в поход против небожителей и хочу, чтобы он был моим союзником». Кумбхинаси проводила его в опочивальню, где спал Мадху, разбудила супруга и сказала ему: «Это — брат мой Равана, царь Ланки. Он пришел сюда, чтобы заключить с тобою союз против небожителей». И Мадху ответил: «Да будет так».

Заключив союз с могучим демоном Мадху, Равана покинул его город и отправился со своим войском дальше. Он двинулся на север, достиг горы Кайласа и здесь остановился со своим войском для ночного отдыха. Ракшасы расположили свой стан у подножия горы, а Равана взошел на ее вершину и стал озирать окрестности, озаренные лучами луны. На склонах горы в манговых рощах пели киннары чудесные песни, исполненные любовного томления, опьяненные вином и красотою ночи плясали там и веселились видьядхары, а из обители Куберы доносились, словно звон колокольчиков, голоса прелестных апсар и музыка гандхарвов. И цветущие деревья манго, ашоки и кадамбы* наполняли окрестность чудным благоуханием.

Очарованный прохладным лунным сиянием, пением, музыкой и благоуханием цветов, царь ракшасов томно вздыхал на вершине Кайласы; и в это самое время он увидел прекрасную апсару Рамбху, которая шла по горному склону в нарядном платье, подобном белоснежному облаку, с венком из цветов мандара* на голове. Страсть овладела Раваной, и он обратился к прелестной деве с вкрадчивой речью,

восхваляя ее красоту и превознося собственные достоинства. «Взгляни на меня, красавица, — говорил он. — Кто может со мной сравниться статностью и силой? Я затмеваю блеском царственности моей Индру, и Вишну, и обоих Ашвинов. Почему ты проходишь мимо меня, не замедлив шага?» Рамбха, испуганная, отвечала ему: «Тебе не подобает так говорить со мною. Я жена твоего племянника Налакубары, сына твоего брата Куберы. Я иду на свидание с ним. Тебе следовало бы охранять меня в пути от дерзости чужих мужчин».

«Ты не можешь быть женой одного лишь Налакубары, — возразил ей Равана, одолеваемый греховной страстью. — Ты — апсара, апсары же принадлежат всем, кто их пожелает. Ты должна принадлежать мне, о красавица!» И, невзирая на мольбы трепещущей Рамбхи, он овладел ею против ее воли.

Подавленная стыдом Рамбха пришла к своему супругу Налакубаре, подобная цветущей лиане, надломленной бурею, и пала к его ногам. Она поведала ему о случившемся и молила о прощении, ибо не было в том ее вины. И Налакубара, сын Куберы, простил ее, а Равану проклял. Он предрек Десятиглавому, что, когда в следующий раз он попытается овладеть женщиной против ее воли, его постигнет кара: «Голова твоя мгновенно разлетится на семь кусков!»

Боги во главе с Брахмой, услышав о том проклятье, остались довольны и восхвалили сына Куберы. А Равана с той поры уже не пытался силою овладеть женщиной, страшась предсказанной ему кары.

49. ВОЙНА РАВАНЫ С ИНДРОЙ

От горы Кайласа Равана со своим войском отправился в царство Индры. Услышав о приближении огромного войска ракшасов, Шакра задрожал на своем троне и сказал богам: «Готовьтесь к битве со злодеем Раваной». Боги стали вооружаться для битвы, Индра же поспешил к брату своему Вишну и воззвал к нему: «Помоги мне, хранитель вселенной! Как справиться мне с Десятиглавым, которому Брахма пожаловал дар непобедимости? Скажи мне». Вишну отвечал ему: «Я не могу ничем помочь тебе ныне. Дар Брахмы ограждает ракшаса и от моего могущества. Но я обещаю тебе — уже недолго осталось ждать той поры, когда злодей понесет заслуженную им кару. Родится в Айодхье доблестный царь Рама, сын благочестивого Дашаратхи. Он будет победителем грозного Раваны!»

Индра вернулся в Амаравати, город бессмертных, к которому уже подступили несметные полчища ракшасов. Возглавляемые Индрой, вышли из города боги — Адитьи, Маруты, Ашвины, предводимые Агни божества Васу и прочие. Но при виде грозного войска Раваны сердца их упали. Ракшасы между тем с воинственными кликами устремились на небожителей; отважные советники Раваны — Прахаста, Марича, Шука и другие — и его дед по матери Сумали, старый и опытный воин, сражались впереди своих ратей, посылая в богов тучи стрел и дротиков и нанося им удары мечами, топорами и палицами. Дрогнули боги под натиском ракшасов; и многие из них бежали перед победо-

носным врагом, как робкие лани перед львом. Могучий Сумалин нанес поражение небожителям и рассеял небесных воинов, как ветер рассеивает тучи. Но вот он встретился с богом Савитаром, десятым сыном Адити, и тот не отступил перед ним и обрушил на него поток стрел, которыми разнес вдребезги колесницу вождя ракшасов. И бог Савитар поднял свою тяжелую палицу и поразил ею Сумалина в голову; страшным ударом этим он обратил Сумалина в прах, так что не осталось от него ни головы, ни костей, ни плоти. Ракшасы, видя гибель Сумалина, обратились перед грозным божеством вспять.

Мегханада, сын Раваны, остановил своих бегущих воинов и, гневный, устремился в бой на блистающей своей колеснице. И никто из богов не мог противостоять ему; снова воинство небожителей стало отступать перед ракшасами. Тогда Индра вскричал: «Не бегите, о боги, оставьте страх! Сын мой Джаянта выступит против сына Раваны». И вот сошлись в бою два царевича — Джаянта*, сын повелителя богов, и Мегханада, сын и наследник владыки ракшасов. Мегханада осыпал стрелами Джаянту и его колесничего; и сын Шачи ответил ему ливнем стрел и дротиков. Тучи их стрел затмили небо, и в наступившем мраке боги и ракшасы перестали видеть друг друга. Но стрелы Мегханады разили сильнее, и тяжко пришлось в том бою Джаянте. Асур Пуломан, дед Джаянты по матери, спас внука от гибели; явившись на поле боя со дна океана, из царства Варуны, он увлек с собою Джаянту в морские глубины и скрыл от стрел победоносного Мегханады. Боги же, видя исчезновение Джаянты, решили, что он убит, и в смятении обратились в бегство, а Мегханада преследовал их с воинственным кличем.

Тогда Индра сам выехал на поле боя на своей колеснице, ведомой Матали*, искусным возничим царя богов. Гандхарвы заиграли на своих лютнях, и апсары пустились плясать, когда могучий повелитель небесного царства появился из врат града бессмертных. Адитьи, Васу, Маруты и Ашвины следовали за ним. Равана во главе своей демонской рати устремился ему навстречу на колеснице «Пушпака». И вновь разгорелась жестокая битва между богами и ракшасами.

Маруты напали на войско ракшасов с неистовой яростью бурных ветров и многих сразили насмерть, сокрушили и разнесли на куски своими топорами и стрелами. И ракшасы верхом на ослах, и верблюдах, и слонах, и вепрях, и лошадях, и змеях устремлялись на богов и разили их своим оружием. И небо и земля наполнились шумом той великой битвы.

Равана, видя истребление своего войска Марутами и могучим Индрой, преисполнился гнева и повелел своему колесничему править туда, где с вершины холма поднимается солнце, — чтобы с высоты обрушиться на врагов. Между тем Индра сказал богам: «Дар Прародителя оберегает нечестивого Равану, и мы не можем убить его. Попытаемся взять его живым!» И, возглавив рать небожителей, он повел ее против царя ракшасов. Окружив его со всех сторон, они осыпали его стрелами и привели в замешательство; и заставили его колесницу остановиться.

Тогда Мегханада поспешил на выручку к отцу. Он пустил в ход волшебство, которому научил его мудрый Ушанас, и сокрушил всех небожителей, пытавшихся преградить ему дорогу. Он приблизился к Индре и осыпал его дождем стрел, и он нанес тяжкие раны Матали, колесничему. Тогда Индра сошел со своей колесницы, пересел на слона Айравату и продолжил сражение. Но Мегханада, применяя обман и колдовские уловки, изнурил его в жестокой и длительной схватке; своим волшебством он пленил и сковал царя богов и повлек его за собою прочь с поля боя на глазах у потрясенных небожителей. Индра, сам знаток колдовства, оказался бессилен против чар Мегханады; сын Раваны одолел его и вместе с ним исчез из глаз сражающихся.

Боги меж тем продолжали поражать своим оружием Равану, и наконец тот, утомленный боем, отступил со своими войсками. Мегханада тогда сказал ему: «Довольно, отец, мы славно сражались сегодня и одержали победу; я пленил самого властителя богов, хранителя Востока — Индру. Нам незачем больше биться с небожителями». И Равана сказал сыну: «Ты возвысил ныне наш род и завоевал великую славу, совершив этот подвиг, Мегханада! Вернемся же на Ланку; и пусть царь богов следует за нами как пленник!»

Войско ракшасов покинуло небесное царство и с великим торжеством вернулось на Ланку; Мегханада вез на своей колеснице пленного Индру. С тех пор сын Раваны получил прозвище Индраджит — Победитель Индры.

Тогда Брахма в сопровождении богов отправился на Ланку и, представ перед Раваной, окруженным своими братьями и сыновьями, сказал: «Твой сын, о Равана, явил великую отвагу и мощь в битве с богами, и слава его не исчезнет в трех мирах. Но теперь пусть он освободит Индру, победителя Валы и Вритры. Скажи, чего хочешь ты от богов за освобождение их государя?» Тогда Мегханада сказал: «О Прародитель, я желаю бессмертия». Брахма ему отвечал: «Нет на земле никого из сотворенных существ, кто обладал бы совершенным бессмертием, сын мой». Победитель Индры сказал тогда Брахме: «Слушай же, что я хочу получить за освобождение Шакры. Когда перед началом битвы я совершу жертвоприношение огню ради победы над врагом, пусть бог Агни дарует мне свою колесницу и своих огненных коней. И пусть я буду бессмертен, пока я буду сражаться на этой колеснице. Пусть гибель придет ко мне только в том случае, если я вступлю в бой, не завершив этого жертвоприношения. Вот дар, который я выбираю. И я заслужил его не подвижничеством, как другие, но моею доблестью в битве!» — «Да будет так», — молвил Брахма. И тогда Индраджит освободил царя богов, и небожители вернулись с ним в свое царство.

Так исполнилось проклятие богини Савитри — Индра изведал позор плена; но плен его был недолгим, и власть над небесным царством опять вернулась к нему, как и предсказала это кроткая Гаятри. Но по возвращении на небеса Брахма сказал Индре, подавленному страхом и стыдом и лишившемуся своего царственного блеска:

«О владыка богов, еще многие грехи тяготеют над тобою, и потому власть твоя в царстве бессмертных непрочна и могущественные враги будут угрожать тебе снова и снова!»

А Индраджиту, сыну Раваны, не удалось воспользоваться даром Брахмы; через много лет, во время осады Ланки обезьянами, Лакшмана, брат героя Рамы, убил его прежде, чем он успел завершить жертвоприношение огню.

50. БИТВА РАВАНЫ С ЦАРЕМ ХАЙХАЕВ

Вскоре Равана опять отправился в поход со своим войском и своими советниками, чтобы подчинить своей власти тех, кто еще оставался на земле непокоренным. Он пришел в страну хайхаев*, которой правил Арджуна, сын Critавирьи, царь из рода Яду, старшего сына Яяти. Некогда этот царь благочестием и обрядами снискал милость Вишну, который явился к нему в облике царя Даттатрейи* и даровал ему исполнение желаний. Арджуна пожелал себе тысячу рук, праведное царствование и непобедимость. Все это даровал ему Даттатрейя, но непобедимым Арджуна оставался только до тех пор, пока царствование его было праведным.

В ту пору, когда Равана с войском пришел в город Махишмати*, столицу хайхаев, царь Арджуна со своими женами отправился на берег реки Нармады совершать омовения и развлекаться играми в воде. Равана сказал советникам Арджуны, вышедшим навстречу ему из городских ворот: «Где ваш царь? Скажите ему, что Равана, повелитель Ланки, пришел в его владения и вызывает его на битву». Узнав от советников о местопребывании государя хайхаев, Равана направил свои стопы к берегам реки Нармады. Миновав горы Виндхья, возносящие к небу тысячи вершин и величием подобные обители богов, Равана достиг берегов Нармады, оглашаемых криками птичьих стай, которые реяли над ее водами, бегущими к Западному океану; в этих водах купались и утоляли жажду измученные зноем сотни слонов, буйволов, антилоп, медведей, львов, тигров и других животных; и цветущие деревья осеняли их.

Сойдя с колесницы, Равана омылся в прохладных водах Нармады, и вслед за ним совершили омовение его советники. Выйдя на берег, ракшасы принялись собирать цветы, чтобы принести жертву Шиве. Они воздвигли лингам на берегу Нармады и, принеся ему жертву благоухающими цветами, плясали вокруг него с воздетыми к небу руками и пели.

А в это время ниже по течению реки царь Арджуна купался и развлекался в воде со своими женами, словно царственный слон в окружении тысячи слоних. И, желая испытать силу тысячи своих рук, он перегородил ими течение Нармады. Воды могучей реки, потекшие вспять, стали подниматься все выше и выше и выплеснулись на берега, вынеся на них рыб и крокодилов; и они смыли с берега цветы, принесенные ракшасами в жертву лингаму Шивы. Встревоженный

Равана послал своих советников узнать причину наводнения; они пошли вниз по течению реки и увидели Арджуну, перегородившего Нармаду тысячью своих рук, словно плотиной. Вернувшись, ракшасы поведали Раване о том, что увидели: «Какой-то человек, огромный, как дерево шала*, купается ниже по течению в окружении прекрасных дев. У него тысяча рук, которыми он преградил реке путь к океану». Услышав эти слова, Равана воскликнул: «Поистине, вы видели Арджуну, владыку хайхаев», — и поспешил туда со своими соратниками, чтобы сразиться с могучим сыном Критавирьи.

Он пришел туда, где Арджуна купался со своими женами, и сказал приближенным царя хайхаев, остававшимся на берегу: «Ступайте к своему государю и скажите, что я вызываю его на битву». Те ему возразили: «О Десятиглавый, сейчас не время для битвы. Наш царь захмелел и предается в реке беззаботным забавам со своими женами. Подожди до завтра. А если ты жаждешь боя во что бы то ни стало, тебе придется прежде сразиться с нами».

Тогда советники и воины Раваны бросились на воинов Арджуны, и на берегу Нармады началась жестокая битва. Ракшасы убили и пожрали многих хайхаев; но стражи Арджуны храбро защищались, осыпая Равану и его советников тучами стрел. Между тем царю хайхаев дали знать о нападении ракшасов. Глаза Арджуны запылали гневом, он поднялся из волн Нармады и, сказав своим женам: «Не бойтесь ничего», — вышел на берег. Схватив свою палицу, он устремился туда, где сражались ракшасы и хайхаи. Могучий Прахаста, советник Раваны, потрясая своей булавою, преградил ему дорогу, подобный горе Виндхья, поднявшейся на пути солнца. Тогда сын Критавирьи поднял свою тяжелую палицу в сто локтей длиною и опустил ее на голову Прахасты. И словно горная вершина, пораженная громовым ударом Индры, рухнул Прахаста под страшным ударом палицы царя хайхаев. А другие советники Раваны, увидев поверженного Прахасту, в страхе обратились в бегство.

Равана сам двинулся тогда навстречу Арджуне, и они сошлись в единоборстве, как два могучих слона, сражающихся из-за слонихи. Они наносили друг другу страшные удары, от грома которых сотрясалась вселенная. Земной царь и царь ракшасов бились жестоко, поражая друг друга палицами и копьями, как дерущиеся быки поражают один другого рогами или слоны — бивнями; и ни один не хотел уступить другому, и оба сражались неутомимо, не ведая страха.

Наконец Арджуна, пылая гневом, нанес Раване сокрушительный удар в грудь своей палицей, и только дар Брахмы спас тогда Десятиглавого от гибели. Покачнувшись, царь ракшасов отступил на несколько шагов; слезы хлынули у него градом из глаз, и он тяжело опустился на землю.

Узрев поражение Раваны, сиддхи и чараны воспели хвалу Арджуне, сыну Критавирьи, и с небес на чело доблестного царя хайхаев низвергся дождь цветов*. Арджуна ринулся на ошеломленного Равану, как орел на змею, схватил и сковал его, как некогда Вишну

сковал великого асура Бали. И повелитель хайхаев испустил торжествующий рык, словно тигр, вонзивший когти в оленя, и повлек своего пленника с поля боя. Видя своего царя плененным, ракшасы со страшными воплями устремились за Арджуной, словно морские волны на берег во время бури. «Отпусти его! Отпусти его! — кричали они. — Остановись!» И они осыпали Арджуну сотнями стрел и копий. Но он отразил все их удары и рассеял войско ракшасов, как ветер рассеивает облака. И, вселив страх в сердца ночных демонов — ракшасов, он вернулся в свою столицу, влача за собою поверженного и связанного Равану.

Услышав о поражении и пленении своего внука, Пуластья поспешно отправился в Махишмати, столицу хайхаев. Когда он пришел в этот город, великолепием своих дворцов и храмов подобный небесному граду Амаравати, царь Арджуна, уведомленный своими слугами о его приближении, вышел ему навстречу из своих чертогов и с великими почестями принял благочестивого сына Брахмы. Склонившись перед божественным мудрецом, Арджуна предложил ему медвяное питье, корову и воду для омовения ног* и сказал: «О Владыка созданий, твой приход — великая честь для меня. Скажи, что я могу для тебя сделать! Мое царство, мои сыновья, мои жены и я сам — твои, повелевай нами!» Пуластья воздал хвалу благочестию и доблести царя хайхаев и сказал: «О лучший из царей, ты победил ныне моего внука в великой битве и пленил его и тем умножил свою славу. Отпусти же его теперь на свободу!» Выслушав слова Пуластьи, Арджуна повелел тотчас освободить Равану. Он поклялся перед огнем, что не питает больше вражды к царю ракшасов, предложил Раване свою дружбу и отпустил его домой с богатыми дарами. И успокоенный Пуластья вернулся в свою небесную обитель.

51. БИТВА РАВАНЫ С ЦАРЕМ КИШКИНДХИ

Поражение в битве с царем хайхаев и плен не смутили дерзкого внука Пуластьи. Отпущенный великодушным Арджуной на волю, он снова собрал свою рать и продолжал странствовать по свету в поисках новых противников и битв. Неустанно искал он встреч с царями и героями, прославленными силой и отвагой, и навязывал им единоборство ради умножения собственной славы.

Спустя некоторое время Равана пришел в Кишкиндху, город обезьян, расположенный в горной местности в южной стране. Весть о могуществе Валина, царя Кишкиндхи, уже давно достигла его слуха; и он пожелал сразиться с ним и измерить его отвагу. Брат Валина, благородный Сугрива, вышел навстречу Раване и объявил ему, что царя обезьян нет сейчас в Кишкиндхе. «Его нет здесь, единственного, кто может противостоять тебе. А кроме него, нет в обезьяньем царстве для тебя достойного противника, — сказал Сугрива. — Но скоро брат мой вернется из странствия по святым местам, тогда ты сможешь помериться с ним силами. Подожди его здесь, о ракшас,

Ты видишь, — продолжал Сугрива, указывая на площадь перед царским дворцом, — там лежат кости тех, кто приходил сюда сразиться с могучим властителем Кишкиндхи. Даже если бы ты испил амриты, о Десятиглавый, ты не избежал бы их участи, встретившись с Валином в бою. Времени тебе хватило бы только бросить взгляд окрест, прежде чем проститься с жизнью. Но если ты торопишься расстаться с нею, о сын Вишраваса, поспеши к Южному океану, там ты узришь царя обезьян, предающегося исполнению благочестивых обетов».

Выслушав эти речи, Равана усмехнулся презрительно и, взойдя на свою чудесную колесницу, направил ее полет к Южному океану. Там, на морском берегу, он нашел Валина, блеском величия своего подобного восходящему солнцу, глубоко погруженного в размышления. Покинув колесницу, владыка ракшасов молча приблизился к нему, намереваясь схватить его прежде, чем он опомнится. Валин, однако, заметил его; но он не пошевелился, взирая на приближение Раваны, невозмутимый, как лев при виде зайца или Гаруда, завидевший приближение змеи. «Пусть подойдет ко мне этот злокозненный ракшас, — думал Валин. — Он изведает силу моих рук!»

И он повернулся к Раване спиною; спокойный и неподвижный, как горная вершина, он продолжал сидеть на берегу океана, но, как только царь ракшасов подошел к нему вплотную и уже готов был вцепиться в него, Валин внезапно бросился на Десятиглавого и сам схватил его. Он стиснул Равану в своих могучих объятиях так, что ракшас не мог пошевелить ни одним членом, сунул его себе под мышку и взвился вместе с ним в поднебесье. В полете, унося властителя ночных демонов, Валин, непобедимый сын Индры, сжимал врага рукой со всею силой, не давая ему вздохнуть, и безжалостно терзал его своими острыми когтями.

Советники и приближенные Раваны, сопровождавшие его в пути к Южному океану, едва не лишились чувств от изумления и страха, видя, как божественная обезьяна уносит по воздуху их государя. Оправившись от замешательства, они устремились в небо вслед за Валином в надежде выручить своего повелителя из плена; и окруженный ими царь обезьян блистал на небе над Южным океаном, как солнце среди облаков. Но, как бурный ветер разгоняет тучи, так рассеял Валин ракшасов могучими ударами своих рук и ног. Затем он, как Гаруда, уносящий в когтях змею, поднялся в небе еще выше со своею добычей, и даже птицы не могли достигнуть высоты его полета.

От Южного океана Валин полетел к Западному, не выпуская Равану из рук и не переставая читать заклинания и молитвы ради исполнения своих обетов, а оттуда направился на север и тысячи йоджан пролетел над Северным океаном, сосредоточив мысли свои на всем священном и божественном, а потом полетел на Восток и, над Восточным океаном завершив благочестивые обеты свои, возвратился наконец в Кишкиндху. Когда он приземлился вместе со своим пленником в садах Кишкиндхи, он был немало утомлен трудным полетом, но он смеялся весело, глядя на Равану, и все повторял: «От-

куда взялся ты, ракшас?» А Равана, сам изумленный случившимся, только мигал глазами и не мог произнести ни слова. Наконец, придя в себя, он назвал себя Валину и сказал: «О владыка обезьян, я пришел к Южному океану, чтобы помериться с тобою силами в единоборстве, но ты одолел меня и пленил; как орел ничтожного зверька, ты нес меня над океаном. Кто, кроме тебя, способен был бы совершить подобный подвиг? Только ветер, мысль или Гаруда могли бы состязаться с тобой в скорости полета! Поистине, ты доказал мне свою мощь, и теперь, о царственный вождь обезьян, я хочу заключить с тобою союз, я желаю, чтобы ты стал навсегда моим другом. Да будет отныне все у нас общее — жены и дети, царства и сокровища, удовольствия, пища и одежда. Поклянемся же в вечной дружбе перед священным огнем!»

Тогда оба они, Равана и Валин, обняли друг друга и произнесли клятву перед огнем. И, держась за руки, они вступили в город Кишкиндху, как два могучих льва входят в пещеру. В столице обезьян Равана провел месяц почетным гостем царя Валина, а потом с советниками своими возвратился на Ланку.

Через много лет, после гибели Валина был нарушен мир между ракшасами и обезьянами; царь Сугрива и мудрый советник его Хануман привели свои войска на Ланку, чтобы помочь отважному Раме вернуть похищенную владыкой ракшасов прекрасную Ситу. О каре, постигшей наконец нечестивого Равану, и о гибели его от руки Рамы, в ком воплотился бог Вишну, поведал миру в своей «Рамаяне» мудрый Вальмики*, первый поэт на земле.

52. СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ВЕНЕ И СЫНЕ ЕГО ПРИТХУ

У царя Анги из рода Дхрувы был единственный сын по имени Вена. А мать Вены — Сунитха — была дочерью Смерти, отдавшей ее царю Анге в жены. С материнской стороны унаследовал Вена дурной нрав и непомерную гордыню. Когда после кончины отца его провозгласили государем, он пошел войной на соседние страны и, покорив их и возвысившись среди других земных властителей, он возгордился еще больше. И он запретил жрецам в своем царстве приносить жертвы богам и объявил повсюду, что отныне никто из его подданных не смеет почитать их, молиться им и восхвалять их в гимнах, и что брахманам не будут больше приноситься дары ни серебром, ни златом.

«Только я достоин, — говорил надменный Вена, — величаний и славословий, только мне подобает принимать дары и жертвы. Боги возвещают свою волю моими, царскими, устами — я на земле их наместник».

И погасли огни на алтарях, на которых приносили жертвы богам, закрылись двери храмов; брахманы впали в нужду в царстве Вены, и не стало в нем прежнего благочестия и порядка.

Однажды брахманы пришли к царскому двору и обратились со смиренной просьбой к Вене, своему государю. «Позволь нам, вели-

кий царь, — молвили они, — совершать обряды в честь всемогущего Вишну, позволь нам приносить ему жертвы и принимать в дар от благочестивых людей пищу и одежду; тогда вновь установится порядок в твоем царстве и дни твои будут безмятежны. Повсюду, где чтут всеблагого Вишну, люди живут беззаботно и счастливо и благоденствуют правители этих стран».

Но не смогли они склонить к благочестию высокомерного Вену. «Кто он такой, этот Вишну, которого вы величаете всеблагим и всемогущим? — такими словами отвечал он брахманам. — Я не знаю его. Кто на земле для вас может быть выше вашего государя? Вы должны мне повиноваться, как преданная жена повинуется супругу. Все мои веления священны для вас и должны исполняться безропотно и повсеместно!»

Тогда брахманы пришли в ярость. «Да умрет он, этот злодей и нечестивец, посмевший презреть бога жертвоприношения!* — вскричали они. — Он недостоин править землею». И они набросились на сына Сунитхи и зарезали его острыми краями священной травы, заговоренными тайной молитвой. Так умер царь Вена, потомок Северной звезды.

А когда их ярость утихла и прояснилось сознание, увидели мудрые брахманы вдали, у границ царства, густую пелену пыли, вздымавшуюся до самых небес. И стало им страшно. «Что это?» — вопрошали они окружающих; и люди им отвечали: «Давно отвернулись от нас великие боги и нет порядка и благочестия в нашем царстве. А теперь, когда не стало в нем государя, нет ему защиты от разбойников и чужеземных врагов. Вот и ныне лихие люди, жадные до богатства соседей, скопились во множестве на нашей границе и уже движутся по большой дороге сюда, вздымая облака пыли».

Тогда-то мудрецы пожалели о содеянном ими, ибо Вена скончался бездетным и царство его осталось без государя. Брахманы, однако, решили даровать царству законного наследника престола. Они уселись вокруг тела убитого ими государя и стали поглаживать и растирать ладонями бедро Вены. И вышел из бедра маленький человечек, черный, как головня, с плоским лицом. «Что мне сделать для вас, великие подвижники?» — вопросил он. Мудрецы сказали ему: «Нишада!» — что означает «садись»; и потому он получил имя Нишада*. Потомки его, темнокожие и плосколицые обитатели гор Виндхья, доныне зовутся нишадами. Брахманы передали Нишаде, рожденному из бедра, пороки и дурные наклонности сына Сунитхи, и он унес их прочь, в горы.

Подвижники же стали тогда поглаживать и растирать правую руку Вены, освободившегося от грехов. Из этой руки вышел блистательный юноша, прекрасный обликом и могучий, подобный самому богу Агни. Под именем Притху он и был провозглашен наследником Вены. При его рождении с неба упали к его ногам чудесные доспехи, лук Шивы и смертоносные стрелы. И сам великий Брахма, Прародитель всех существ, спустился на землю вместе с богами и небесными мудрецами, чтобы венчать Притху на царство; моря и реки

явились на торжество его венчания и принесли для него воду и драгоценные камни из своих глубин. И чтобы вечной была в трех мирах память о доблестном сыне Вены, Брахма, совершая обряд в его честь, сотворил Суту — Сказителя и Магадху — Певца*. Святые мудрецы сказали им: «Вы рождены, чтобы славить в песнях и сказаниях подвиги отважных воителей. Восславьте же царственного Притху, воспойте ему хвалу, коей он достоин!» Сута и Магадха с почтением склонились перед брахманами и ответствовали им: «Мы не знаем о деяниях новорожденного царя, нам неведомы его доблести; слава о нем еще не разнеслась по стране. Какие же песни нам слагать о нем?» Мудрецы им сказали: «Воспойте грядущие подвиги Притху, восхвалите достоинства, которые он явит миру».

Выслушав со вниманием брахманов, Сута и Магадха запели согласно и в лад: «Мудр, справедлив и милосерден великий государь, он доблестен и стоек, правдив и благороден, нерушимо его царское слово, он тверд в исполнении обетов. Кроткий с благочестивыми, он грозен для злодеев, он беспристрастен и сострадателен, он приносит жертвы богам и чтит брахманов, он опора и защита для своих подданных». И Притху внимательно слушал певцов и обещал себе в мыслях, что все достоинства, воспетые в их славословии, поистине будут его достоинствами.

И так искусно воспевали Сута и Магадха доблести своего государя, что повсюду разнеслась их хвалебная песнь и обрела широкую и вечную славу. С той поры сказителей и певцов, славящих деяния доблестных царей и героев, называют сутами и магадхами.

А блистательный сын Вены, возмужав, и вправду прославился по всей земле мудростью, благочестием и отвагой в битвах. Враги не смели более тревожить границы его царства; но не прошло для подданных его бесследно то беспокойное время, когда государством правил порочный Вена. Пришли в запустение сады и нивы, погибли растения, которыми кормились люди; земля не давала больше пропитания. Подданные пришли к сыну Вены и сказали ему: «О великий царь, жестокий голод изнурил нас, гибнет от него и стар и млад, и мужчины, и женщины, и малые дети. Ты, государь, наше прибежище, в тебе одном наше спасение, наша жизнь, избавь нас от невзгоды!»

Услышав, что земля уже не кормит народ и голодная смерть опустошает его царство, Притху пришел в ярость. Он взял лук Шивы и стрелы, дарованные ему небесами, и пошел войной на Землю, чтобы покарать ее за небрежение своим долгом.

Земля испугалась и, обратившись в корову, бежала от гнева грозного царя. Она устремилась от него в небесные пределы и миновала царство Индры и владения Брахмы, но куда бы она ни направлялась, всюду следовал за ней неотступно сын Вены с подъятым для удара оружием.

Тогда Земля, дрожа от страха перед его стрелами, обратилась к Притху с такими словами: «Зачем ты преследуешь меня, великий царь, зачем ты стремишься предать меня смерти? Разве неведомо

тебе, что грешно убивать женщину, что боги и брахманы тебя за это осудят?» Могучий Притху ей на это ответил: «Великий грех, воистину, лишить жизни женщину, но умертвить одно злое существо ради блага многих — доброе дело. Ты обрекла моих подданных на голодную смерть, и за это я должен покарать тебя; ни боги, ни брахманы не станут порицать меня». — «Но если ты меня погубишь, — сказала Земля, — какое благо ты принесешь своим подданным, кто их тогда поддержит и прокормит?» Неумолимый Притху ответил: «Я сам поддержу мой народ силою моего благочестия и подвижничества, я обойдусь без твоих плодов, о ты, ослушавшаяся моих велений!»

Устрашенная решимостью царя, Земля решила с ним примириться. «Если ты пощадишь меня,— смиренно молвила она Притху,— я помогу тебе, я дам тебе средства, которые ты сможешь использовать для достижения успеха. Все злаки, которыми кормились люди, давно погибли, и только моим молоком можно воскресить их и дать долгожданную пищу людям. Но даруй мне теленка, иначе не будет у меня молока, чтобы окропить засохшие сады и нивы. И выровняй почву, чтобы молоко мое, живительное для увядших растений, беспрепятственно растекалось повсюду».

И Притху сохранил жизнь Земле, довольный ее кроткой и смиренной речью. Следуя ее совету, он выкорчевал сотни и тысячи гор своей могучей рукою и взгромоздил их потом одну на другую. До той поры города и деревни не имели границ, не возделывались поля, не было дорог для купцов, развозящих товары по разным странам; все это повелось с царствования Притху.

Он призвал Ману* быть теленком Земли-коровы; и подоил ее, и из ее молока произросли все злаки и всякие другие растения, которые и поныне идут в пищу людям. Потом подоили Землю святые мудрецы; Сома был при них теленком, молитвенность была молоком для них, и боги подоили Землю — Индра был теленком, молоком было могущество; предки тоже подоили ее — Яма был теленком, поминальные возлияния — молоком; когда Землю доили асуры, Вирочана, сын Прахлады, был теленком, молоком было колдовство; у ракшасов Сумалин был теленком, кровь была молоком; у нагов теленком был змей Такшака, молоком — змеиный яд.

И другие существа подоили тогда Землю-корову и извлекли из ее молока блага для себя. А Притху, который сохранил ей жизнь, тем самым стал как бы отцом для нее. Потому с той поры Земля зовется Притхиви — дочь Притху*.

53. СКАЗАНИЕ О ПРАЧЕТАСАХ

Правнуком Притху был Прачинабархис, великий царь, умноживший человеческий род на земле. Он взял в жены Саварну, дочь Океана, и она родила ему десятерых могучих сыновей, прозванных Прачетасы, Мудрые. Все они были искусны в воинском деле, отважны и благочестивы. Они предались великому подвижничеству и десять тысяч лет провели, погрузившись в воды океана.

Они погрузились в глубины морские ради исполнения обета, принятого по наставлению отца, открывшего им, что Брахма возложил на него и на его потомство долг многократно увеличить число людей в этом мире. По совету отца, пребывая в водах, Прачетасы устремили мысли свои к почитанию Вишну, дабы даровал он им исполнение их желаний. По прошествии десяти тысяч лет Вишну явился к ним, ублаготворенный их молением, во всем блеске своего величия, подобный расцветшему лотосу среди вод. Прачетасы поведали ему о своем желании исполнить завет отца и умножить род людской; и Вишну милостиво обещал им свершение того, о чем они молились; тогда сыновья Прачинабархиса вышли из воды.

А за те годы, что они провели в океане, на земле разрослись необычайно деревья, и царским сыновьям надлежало вырубить их в должное время. Деревья покрыли всю землю, оставшуюся без защиты, они заслонили ее от солнца и препятствовали свободному полету ветра; и десять тысяч лет люди не могли обрабатывать землю. Когда Прачетасы, выйдя из моря, увидели это, они разгневались, и из разверстых уст их вылетели пламя и ветер. Ветер вырвал деревья из земли с корнем, и они засохли, а пламя их испепелило. Так расчистилась земля от лесов.

Но когда Сома, владыка растений, увидел, что почти все деревья погибли, он пошел к Прачетасам и сказал им: «Умерьте свой гнев, о царевичи. Я примирю вас с деревьями. Предвидя будущее, я взлелеял своими лучами дивную деву, дочь лесов. Ее породили лесные деревья, и зовут ее Марича. Да будет она вашей невестой. Ей суждено умножить род Дхрувы на земле». И Сома поведал Прачетасам повесть о святом отшельнике Канду.

«Некогда,— сказал бог луны,— жил благочестивый мудрец по имени Канду. Он свершал обет сурового подвижничества на берегу реки Гомати. Индра, опасаясь могущества великого подвижника, хотел отвратить его от благочестивых обетов и послал к нему прелестную небесную деву Прамлочу; и она соблазнила Канду. Он прожил с нею в прекрасной долине близ вершины Мандары сто лет и еще пятьдесят, и все это время он не думал ни о чем, кроме любви. А когда сто пятидесятый год был на исходе, апсара попросила у мудреца разрешения вернуться в небесные пределы, где была ее обитель. Но Канду, страстно в нее влюбленный, уговорил красавицу остаться с ним еще на некоторое время. И еще сто лет провели они вместе, и святой подвижник был счастлив все эти сто лет ее ласками и утехами любви. Тогда она опять попросила его отпустить ее к небожителям, но он удержал её еще на сто лет. По прошествии этого срока она сказала ему: „Я ухожу", и снова мудрец умолял прекрасную деву: „Останься еще немного, ведь если ты уйдешь, ты уйдешь надолго".

Так миновало еще дважды по сто лет, а любовь отшельника к Прамлоче все возрастала, но она не осмеливалась уйти от него против его воли.

Однажды Канду в великой поспешности пошел прочь из хижины. Апсара спросила его, куда он уходит. „День клонится к закату,—

Апсара

ответил отшельник, — а я еще не совершил должных обрядов". Прамлоча возразила ему с улыбкой: „Почему ты говоришь, что кончается день? Ведь твой день длится многие годы. Скажи мне, что значат твои слова?" — „О красавица, — сказал ей Канду, — ведь ты пришла на берег реки, где я впервые тебя увидел, на рассвете. Теперь же

наступает вечер; день на исходе. Что означает твоя улыбка? Поведай мне истину". Апсара отвечала: „Это правда, что я пришла сюда на рассвете, о почтенный брахман, но с тех пор прошло несколько сотен лет — и это ведь тоже правда".

Канду поразился, услышав ее слова, но когда она поведала ему, что они пробыли вместе, не расставаясь, уже девять сотен и еще семь лет и еще шесть месяцев и три дня, он не поверил и усомнился, не шутит ли она, ибо ему показалось, что прошел всего один день. Но Прамлоча отвечала, что так шутить она никогда б не посмела и не отважилась бы молвить ему неправду.

Тогда мудрец, уверившись, что она сказала правду, стал горько корить себя, восклицая: „Увы, позор мне! Мое покаяние нарушено! Сокровище знания и благочестия похищено у меня! Несомненно, эту деву нарочно создал кто-то, чтобы помрачить мой рассудок; кто-то, проведавший, что я обуздал свои страсти и почти уж достиг божественного знания. Проклятие страсти, прервавшей мое подвижничество!"

И мудрец повернулся к апсаре и сказал: „Ступай, куда хочешь, лукавая дева! Ты сослужила службу своему повелителю, пославшему тебя царю богов — своими чарами ты отвратила меня от подвижничества. Я не стану обращать тебя в пепел. Почему я должен гневаться на тебя? Вина лежит на мне одном — я не сумел обуздать свою страсть. Но падет и на тебя позор, ибо ты нарушила мои обеты, чтобы угодить своему господину".

Меж тем как он говорил это, Прамлоча стояла, дрожа от страха, и чело ее покрылось крупными каплями пота. Канду же вскричал во гневе: „Ступай прочь!"

Покинув его обитель, она поднялась в воздух, к вершинам лесных деревьев, и их листьями отирала капли пота с чела. Так летела она от дерева к дереву, осушая листьями чело и тело, и каплями пота вышел из пор ее тела ребенок, зачатый ею от мудреца. Деревья приняли животворную влагу, лесные ветерки собрали ее воедино, а я,— молвил Сома, бог луны,— своими лучами взлелеял ее и стала она прекрасной девой, нареченной Марича. Деревья отдадут ее вам, о Прачетасы. Дочь святого Канду и апсары Прамлочи, приемная дочь лесных деревьев, ветра и луны, да станет она вашей супругой и да умножит потомство Дхрувы, Северной звезды».

И Прачетасы взяли деву Маричу в жены, примирившись с деревьями. Она родила им сына, которому дали имя Дакша; в нем воплотился Дакша*, сын Брахмы, и в новой эре он умножил род человеческий на земле, породив многочисленное потомство.

54. СКАЗАНИЕ О ПАРАШУРАМЕ, СЫНЕ ДЖАМАДАГНИ

Царь хайхаев Арджуна, сын Критавирьи, доблестный победитель грозного Раваны, некогда пожелал себе от бога Вишну великое могущество и праведное царствование. И царствование его было счастливым, пока он хранил благочестие. Но миновало время, и, возгор-

дившийся своим могуществом и непобедимостью, он отступил от праведного пути. Он стал притеснять своих подданных и чинить обиды не только людям, но даже якшам, гандхарвам, сиддхам и другим небожителям. Боги обратились к Вишну, взывая о защите; и хранитель мира обещал им, что вскоре родится на земле в роду Бхригу великий воин, который покарает Арджуну за его бесчинства.

Был на земле царь по имени Гадхи из рода Каушика, потомок Амавасу, третьего сына Пururаваса. У него не было сына, но была дочь по имени Сатьявати, славящаяся в трех мирах своей красотою. Однажды пришел ко двору царя Гадхи брахман Ричика из рода Бхригу и стал сватать царскую дочь. Гадхи не хотел отдавать свою единственную дочь за дряхлого отшельника*, нищего подвижника, и он сказал Ричике: «Я только тогда выдам за тебя Сатьявати, когда ты приведешь мне тысячу коней. В нашем роду существует обычай отдавать дочерей замуж только за выкуп. Тысяча коней и будет выкупом за невесту — но все они должны быть белой масти, и у каждого одно ухо должно быть черного цвета».

Тогда Ричика пошел на берег океана и стал молить бога Варуну, чтобы тот послал ему тысячу белых коней с одним черным ухом у каждого. И владыка вод благосклонно внял его просьбе. Воды океана расступились, и тысяча коней, точно таких, о которых просил Ричика, вышли на берег.

Пришлось царю Гадхи отдать свою дочь за отшельника; а за это Ричика обещал и ему самому даровать сына, могучего воина, покорителя вселенной.

Чтобы жена родила ему желанного сына, Ричика приготовил ей освященное кушанье* из риса, ячменя и молока; и такое же кушанье, но освященное другими молитвами, он приготовил для ее матери, супруги царя Гадхи. После этого он удалился в лес для подвижничества, а жене, уходя, показал, какая еда предназначена ей, а какая — ее матери.

Но когда он ушел, царица сказала дочери: «Мой сын должен родиться могучим воином, твой же — благочестивым брахманом. Но разве будет тебе приятно, если твой брат будет превосходить твоего сына могуществом? Давай обменяемся кушаньем». Сатьявати согласилась, и они так и сделали; каждая съела долю, предназначавшуюся для другой.

Когда Ричика вернулся, он сразу догадался о происшедшем, ибо обладал даром прозрения тайных деяний. С гневом он сказал Сатьявати: «Что ты сотворила, грешница? Ты нарушила мои веления. В пищу, назначенную для твоей матери, я вложил доблесть и стремление к битве; в твою же — мирное благочестие и волю к подвижничеству. Теперь вы перепутали свои доли, и у тебя родится брахман, который последует призванию кшатрия, а у твоей матери — кшатрий, который изберет себе долю брахмана».

Сатьявати упала Ричике в ноги, моля о прощении. Она сказала: «Смилуйся надо мной! Да не будет у меня такого сына. Если уж так суждено, пусть это будет наш внук, но не сын, о мудрый подвижник!»

Смягчившись, Ричика ответил: «Хорошо, пусть будет таким сын твоего сына».

Пришел долгожданый день, и Сатьявати родила сына* и нарекла его Джамадагни. И у матери ее, супруги Гадхи, родился сын; ему дали имя Вишвамитра. Родившийся кшатрием, он с юных лет последовал призванию брахмана и стал великим мудрецом и подвижником.

Сын Сатьявати рос здоровым, красивым и сильным. Он прилежно изучал Веды, радуя своих родителей. В лесной обители своего отца он вел праведную жизнь, соблюдал суровые обеты и упражнял свой разум благочестивыми размышлениями и беседами с мудрецами.

Когда настало ему время подумать о потомстве, Джамадагни с согласия родителей пошел ко двору могучего царя Прасенаджита, внука Икшваку, и попросил у него руки его дочери Ренуки. Царь не отказал Джамадагни в его просьбе, и после свадебного обряда, отпразднованного с великой пышностью, Джамадагни вернулся в свою обитель с Ренукой. Она стала верной женой Джамадагни, сыну Ричики, и вела добродетельную жизнь в его обители, соблюдая вместе с ним благочестивые обеты.

Она родила ему пятерых сыновей, красивых и сильных; младший из них, названный Рамой, был любимцем родителей и во всем превосходил своих старших братьев. Своими доблестями он заслужил милость бога Шивы, который даровал ему чудесный топор, и топор этот стал его оружием, которым совершил он много славных деяний.

Как-то раз, когда сыновья Джамадагни ушли в лес собирать плоды и коренья, их мать Ренука отправилась к реке, чтобы совершить утреннее омовение. И она увидела с берега правителя страны, царя Читраратху, который купался и забавлялся играми в водах реки со своей женою. Глядя на их беззаботное веселье, Ренука позавидовала их счастью. Испугавшись, однако, своих греховных мыслей, она поспешно омылась в реке и возвратилась в хижину.

Когда Ренука вернулась в свою обитель, Джамадагни заметил ее волнение; и силою внутреннего прозрения он узнал ее мысли. Великий гнев охватил его. Когда вернулись из леса четверо старших сыновей, Джамадагни повелел им немедля предать мать свою смерти. Выслушав это страшное повеление, сыновья Джамадагни не могли вымолвить ни слова от ужаса и огорчения; испуганные, они не двинулись с места. Тогда Джамадагни, разъяренный еще больше, проклял юных своих сыновей, и они, все четверо, тотчас утратили разум и превратились в диких и бессловесных животных.

Когда вернулся из леса младший сын, Джамадагни и ему повелел убить Ренуку: «Твоя мать согрешила; убей же ее без сожаления, сын мой». И Рама, сын Джамадагни, не говоря ни слова, поднял свой топор, с которым никогда не расставался, и отрубил голову своей матери, несчастной дочери царя Прасенаджита.

Тогда прошел страшный гнев Джамадагни, и он обратился к сыну с такими словами: «О Рама, ты — преданный сын, послушный отцовской воле. Ты исполнил мое повеление, не споря и не колеблясь. Проси у меня любой дар; я исполню все, что ты пожелаешь».

И Рама попросил вернуть его мать к жизни и простить ей невольный грех; и еще он попросил Джамадагни вернуть его братьям человеческий облик и разум. Для себя же он просил долголетия и непобедимости в единоборстве с любым врагом на земле. И мудрый Джамадагни исполнил все желания сына.

Спустя немного времени случилось так, что могучий Арджуна, царь хайхаев, охотившийся в окрестном лесу, пришел к обители Джамадагни. В то время сыновья отшельника опять ушли в лес за плодами. Ренука встретила царственного гостя с должным почетом, но он презрел ее гостеприимство и, опьяненный гордостью и высокомерием, велел своим воинам срубить высокие деревья, росшие возле обители, и угнать теленка от священной коровы, принадлежавшей сыну Ричики.

Когда пришел из леса Рама, Ренука поведала ему о бесчинствах царя Арджуны, оскорбившего обитель отшельника. И Рама, сын Джамадагни, благочестивый брахман, в сердце которого не угасала страсть к воинским подвигам, в гневе схватил свой топор, лук и стрелы и погнался за царем Арджуной.

Он догнал его, и они сошлись в жестоком единоборстве. Арджуна, потрясая своими огромными руками, ринулся на Раму, уверенный в своей победе. Могучий воитель, он без труда выдирал из земли с корнями высокие деревья и думал, что легко одолеет сына отшельника. Отступивший от праведного пути, он не ведал, что лишился дара непобедимости и что Рама несет ему гибель. Без промаха поражал стрелами сын Джамадагни грозного царя хайхаев и отсекал ему руки одну за другой. Своими стрелами он отсек тысячу его рук, и Арджуна, сын Критавирьи, бездыханный рухнул на землю. Так совершилось предсказание Вишну, и боги и все существа на небе и на земле вздохнули наконец спокойно.

Но сыновья Арджуны не простили Раме смерти их отца. Однажды, когда Рамы не было дома, они напали на его обитель и убили без жалости благочестивого подвижника Джамадагни, напрасно взывавшего к сыну о помощи. Потом они удалились. Рама вернулся из леса, где собирал дрова для жертвенного костра, и нашел своего отца мертвым у домашнего очага. Великая скорбь охватила его. «Как это могло случиться,— спрашивал он, рыдая,— что судьба не пощадила праведного Джамадагни? Отец мой никому не желал зла и никому не чинил обиды, никогда не уклонялся он со стези правды и закона. Злобные и безумные сыновья Арджуны убили смиренного подвижника, как охотники в лесу убивают оленя. Много же славы им будет, убившим беззащитного старца, проводившего дни свои в постах и молитвах! Есть им чем похвалиться перед друзьями и родными!»

И, сетуя безутешно, Рама совершил для своего отца последние обряды и зажег погребальный костер. Тогда же он поклялся истребить род кшатриев на земле, чтобы отомстить за гибель отца.

Яростный и не ведающий жалости, он победил в бою, сражаясь в одиночку, всех сыновей Арджуны, царя хайхаев. И он их всех унич-

тожил. Он сокрушил все воинство ненавистного ему царства хайхаев и затем объявил войну всему кшатрийскому роду. Он обошел землю и всюду, где встречал кшатриев, вызывал их на поединок, побеждал и предавал смерти; и никто не мог уйти живым от его смертоносного топора. В ту пору он получил прозвище Парашурама, что значит Рама с топором, и под этим именем его отличают от другого Рамы, сына Дашаратхи, царя Айодхьи и победителя Раваны.

Трижды семь раз очищал Парашурама землю от кшатриев, трижды семь раз разбивал их в бою, сражаясь один против целого войска. Он наполнил их кровью пять великих озер на Курукшетре и совершил на тех озерах жертвенные возлияния роду Бхригу. И, передав землю, очищенную им от кшатриев, во власть брахманов, сын Джамадагни удалился на лесистые склоны горы Мандара для покаяния и исполнения обетов.

Но некоторые из кшатриев сумели избежать гибели, скрывшись от грозного Парашурамы в потаенных обителях. Некоторых из хайхаев, переодевшихся в женские платья, приютила Притхиви, богиня земли; сын царя Видуратхи из рода Пуру был спрятан в пещере на горе Рикша, где его воспитали медведи; Сарвакармана, сына Калмашапады, спас мудрец Парашара, скрывший его в своем доме в обличье шудры; потомков царя Марутты сокрыл в своей обители Варуна. Эти немногие продолжили потом род кшатриев на земле.

55. СКАЗАНИЕ О МУДРЕЦЕ, ВОЗЖЕЛАВШЕМ ПОТОМСТВА

Был некий мудрец по имени Саубхари, постигший мудрость Вед и известный своим благочестием. Он предался суровому подвижничеству; двенадцать лет он простоял, погрузившись в воды реки, не выходя на берег. В той реке жила большая рыба, у которой было многочисленное потомство. Дети ее и внуки стайками плавали и резвились в воде вокруг мудреца, и он любил играть с рыбками и проводил в тех играх дни и ночи.

Однажды он подумал: «О, сколь завидна участь этой рыбы, обитающей в реке! Рожденная в столь низком племени, она счастлива, утешаясь многочисленным потомством, своими детьми и детьми своих детей. Поистине, она породила в душе моей желание изведать такое же счастье; я тоже хочу наслаждаться мирным блаженством среди моих детей».

И он покинул воды реки, прервав свое подвижничество, и пришел ко двору Мандхатара, царя Солнечного рода.

У царя Мандхатара, сына Юванашвы, племянника Ренуки, двоюродного брата знаменитого Парашурамы, было трое сыновей и пятьдесят дочерей. Мудрый Саубхари пришел просить себе в жены одну из царевен. Когда царю доложили о его приходе, Мандхатар поднялся со своего трона и встретил благочестивого отшельника с великим почетом. Когда же Саубхари посватался за его дочь, царь взглянул на его изможденное подвижничеством тело, и в сердце его родилось

желание отказать дряхлому старцу. Но, опасаясь гнева святого подвижника, он не сказал ни слова, но лишь потупил голову и погрузился в размышление. Видя его замешательство, брахман сказал: «О чем ты задумался, государь? Что неисполнимого в моей просьбе? Я прошу лишь отдать мне руку той твоей дочери, которая согласится выйти за меня по доброй воле».

Тогда царь отвечал ему, втайне страшась навлечь на себя проклятие мудреца: «О благочестивый подвижник, в роду нашем существует обычай отдавать дочерей замуж лишь по собственному их выбору и за равных им по рождению. Пока они не знают о твоем сватовстве, я не могу сказать, будет ли оно столь же радостно для них, как для меня. Вот почему я промедлил с ответом».

Мудрец, выслушав ответ царя, догадался об истинных его помышлениях: «Это только предлог, чтобы уклониться от исполнения моей просьбы. Он думает, что я старик, утративший привлекательность для женщин, и что ни одна из его дочерей не выберет меня. Хорошо же»,— так подумал отшельник, вслух же он сказал: «Раз таков обычай в твоем доме, о великий царь, повели, чтобы меня допустили во внутренние покои дворца, к твоим дочерям. И если ни одна из них не выберет меня в супруги, да падет вина лишь на мои преклонные годы».

Тогда Мандхатар, не смея прекословить старцу, повелел евнуху проводить его во внутренние покои. И как только Саубхари переступил порог женской половины дворца*, облик его чудесным образом изменился, и взорам царевен предстал не дряхлый старик, а блистательный муж, красотою превосходящий не только смертных мужей, но и гандхарвов и сиддхов.

Его провожатый сказал царевнам: «Ваш отец, о юные девы, послал к вам благочестивого подвижника, который ищет себе невесту. И он обещал ему, что не отвергнет его сватовства, если одна из вас изберет его супругом».

Когда дочери Мандхатара выслушали эти слова и обратили свои взоры к Саубхари, в сердце каждой из них загорелась страсть, и все они, перебивая одна другую, поспешили изъявить свое согласие. «Отступись, сестра,— говорили они друг другу,— это мой выбор! Ты не достойна стать его женою. Брахма создал его для того, чтобы он был мне супругом. Ты не должна мешать мне!» И между царевнами началась ссора, и поднялся великий шум в женских покоях дворца. Когда же это дошло до царя, он изумился и не знал, что ему делать. И пришлось ему, хотя и против собственного желания, выдать за мудреца всех пятьдесят своих дочерей.

После свершения свадебных обрядов Саубхари взял всех своих юных жен с собою в свою обитель. Он призвал божественного зодчего Вишвакармана, и тот по его просьбе воздвиг по великолепному дворцу для каждой из его пятидесяти жен. Каждый дворец был богато обставлен, возле каждого были разбиты сады с красивыми прудами, в которых дикие утки и лебеди плавали среди вод, усеянных разноцветными лотосами. В этих дворцах дочери Мандхатара проводили

дни в роскоши и неге, принимая гостей и развлекаясь со своими приближенными подругами и служанками.

Спустя некоторое время царь Мандхатар, соскучившийся по своим дочерям, возымел желание проведать их, чтобы узнать, счастливы ли они и не терпят ли какой-нибудь нужды в обители своего супруга. Он отправился в путь, и когда достиг пределов обители Саубхари, взорам его явился ряд чудных дворцов, блистающих, как солнца, среди прекрасных садов и озер. Царь Мандхатар вошел в один из дворцов и, обняв со слезами радости на глазах встретившую его дочь, попросил ее: «Расскажи мне, дитя мое, как ты здесь живешь. Счастлива ли ты? Ласков ли к тебе супруг твой? Не скучаешь ли ты по родному дому?» И дочь отвечала ему, что она счастлива и благодарна отцу, милостью которого она обрела столь завидную долю, и нет ей причины тосковать по отчему дому. «Лишь одно тревожит меня,— молвила она. — Супруг мой всегда со мною, он не отходит от меня и никогда не покидает моего дворца. Мне жаль моих сестер, которых он совсем не посещает; я боюсь, что они чувствуют себя оскорбленными его пренебрежением».

Выслушав этот ответ, царь отправился в другой дворец, к другой своей дочери. Ей он задал те же вопросы, что и первой, и она отвечала ему теми же самыми словами, что и та, которую он посетил раньше. И эта дочь тревожилась о своих сестрах, которым супруг ее, видно, совсем не уделял внимания, пребывая все время с нею одною.

И в каждом дворце, от каждой из своих дочерей царь услышал точь-в-точь такой же ответ. Исполненный изумления, он пришел наконец к Саубхари и сказал ему: «О святой мудрец, я посетил всех своих дочерей, твоих жен, и убедился в великом твоем могуществе, дарованном тебе подвижничеством. Никогда я не слышал, чтобы кто-нибудь обладал такими чудесными способностями!». И некоторое время царь Мандхатар гостил в обители Саубхари, принятый своим зятем с должным почетом, а потом возвратился в свою столицу.

С течением времени дочери Мандхатара родили своему супругу сто пятьдесят сыновей. День шел за днем, и любовь Саубхари к своему потомству все более возрастала, и он безраздельно предался блаженству семейного счастья. Уже заранее предвкушал он, как будут его дети услаждать его слух своим младенческим лепетом; как начнут они учиться ходить; как вырастут и возмужают, как увидит он их женатыми и как народят они ему внуков, а потом узрит он и правнуков своих и детей своих правнуков. Так мечтал он изо дня в день, пока не увидел вдруг, что мечты его чем дальше, тем больше опережают время. «Что за безумец я! — воскликнул он тогда.— Нет предела моим желаниям. А когда исполнятся эти мои надежды, на смену им придут новые. Вот я увидел своих детей возмужавшими, увидел их женатыми, увидел их потомство — детей моих детей, но теперь душа моя жаждет увидеть детей и внуков моих внуков; и не будет конца моим надеждам, пока не прекратит их смерть,— эта истина открылась мне. Дружба с рыбой прервала мое подвижничество в воде, затем последовала женитьба, и ныне многочисленное потом-

ство бесконечно умножило мои заботы, отвратив помышления мои от созерцания Высшего Духа*. И с появлением нового потомства заботы и тревоги мои будут умножаться все более. Отречение от мира — единственный путь для мудрого; только на этом пути обретет он спасение».

И Саубхари оставил свой дом, сокровища и потомство и удалился в лес, сопровождаемый всеми своими женами, которые не хотели с ним расставаться. В лесу все они вели подвижническую жизнь, исполняя суровые обеты и устремив помыслы свои к высшей цели. И больше уже мудрый Саубхари не возвращался в мир и достиг высшей святости и избавления от перерождений*.

56. ИНДРА И СВЯТЫЕ ПОДВИЖНИКИ

Жил некогда царь по имени Бхангасвана. Он был прославлен своей мудростью и благочестием, и подданные почитали его, как бога, но он был бездетен, и потому царская власть и могущество не утешали его. Он предался суровому подвижничеству, совершил жертвоприношение Агни и обрел сто могучих сыновей. Но тем подвижничеством и тем обрядом он навлек на себя неудовольствие Индры. Со времени нашествий Сунды и Упасунды и ракшасов, предводимых Раваной, на небесное царство повелитель богов опасался всех, совершавших великое подвижничество, ибо они обретали могущество, угрожавшее власти его в трех мирах. И владыка небесного царства был недоволен Бхангасваной, совершившим жертвоприношение Агни, ибо тем обрядом царь почтил только бога огня, Индра же не получил доли в жертве. И Тысячеокий задумал лишить Бхангасвану могущества и стал выискивать у него уязвимые места и подстерегать его промахи, чтобы повредить ему, но благочестивый царь неуклонно следовал стезей добродетели, и повелитель богов не мог найти случая воспользоваться какой-либо его слабостью.

Но вот однажды царь Бхангасвана отправился в лес на охоту, и тогда Индра решил воспользоваться этой благоприятной возможностью, чтобы нанести удар могуществу Бхангасваны. Когда царь один, без свиты, углубился в лес на своем коне, Индра помрачил его сознание, и Бхангасвана заблудился в глухих дебрях. Мучимый голодом и жаждой, он тщетно искал дорогу из леса и набрел на озеро, полное прозрачной воды. Бхангасвана напоил в том озере своего коня, а потом сам разделся и вошел в воду, чтобы освежить тело, изнуренное зноем и усталостью. После купания царь вышел из озера на берег. И тогда, взглянув на свое отражение в воде, он в великом изумлении и страхе увидел, что превратился в женщину. Тут он понял, что озеро было заколдованным. В горести он воскликнул: «Увы, как теперь я поеду верхом на коне? Как в этом облике вернусь я в свою столицу? Как покажусь я моим сыновьям, что скажу моим женам, моим советникам и подданным? За что постигло меня это несчастье?»

Но ему ничего не оставалось делать, как сесть на коня и вернуться в свой город. Увидев своего царя в женском облике, его сыновья, и слуги, и все подданные пришли в великое изумление. Царь рассказал им обо всем, что с ним случилось, и так молвил своим сыновьям: «Я оставляю вам мое царство, будьте счастливы, наслаждаясь царской властью! Я же удалюсь в лесную обитель и там проведу остаток моих дней».

Он удалился в лес и там поселился в обители благочестивого отшельника. И по прошествии некоторого времени Бхангасвана, пребывавший в облике женщины, родил тому отшельнику сто сыновей. Потом он привел их в свою столицу и сказал первым своим сыновьям: «Вы рождены были от моих жен, когда я был мужчиной. Этих моих сыновей я породил, будучи женщиной. Правьте же моим царством совместно, как братья, рожденные от одних родителей!» И двести сыновей Бхангасваны, повинуясь его воле, стали править царством совместно в дружбе и в добром согласии.

Видя, что потомство Бхангасваны умножилось и процветает, Индра разгневался. Он подумал: «Кажется, превратив этого царя в женщину, я принес ему благо вместо ущерба!»

И владыка богов обернулся странствующим отшельником, пришел в столицу Бхангасваны и, явившись к его сыновьям, сказал им: «Братья никогда не живут в мире, даже если они происходят от одного отца. Враждуют сыновья Кашьяпы — асуры и боги; они воюют за власть над тремя мирами. Вы, царевичи,— сыновья владетельного государя Бхангасваны. А эти — сыновья отшельника, живущего в лесной обители. Зачем же вы делите с ними власть, которая принадлежит только вам?» Такими речами Индра посеял раздор между братьями, и вскоре они перебили друг друга в жестокой битве.

Узнав об этом, Бхангасвана, живший в лесу, оплакал своих сыновей и был безутешен в своем горе. Тогда Индра явился к нему в обличье брахмана и сказал: «О чем ты рыдаешь, прекрасная отшельница? Какое несчастье тебя постигло?» Отшельница ему отвечала: «Безжалостная судьба погубила двести моих сыновей. Некогда я был царем, о брахман, и у меня было сто могучих сыновей. Однажды, выкупавшись в заколдованном озере, я превратился в женщину; и еще сто сыновей родилось у меня. Все мои дети были счастливы и наслаждались безмятежно царской властью, но вот волею судьбы они перессорились и все погибли в междоусобной войне. За что обрушились на меня эти беды?»

Тогда Индра открылся ему и сказал: «Ты навлек на себя мой гнев, когда совершил жертвоприношение, неугодное мне; за это я тебя покарал». Бхангасвана упал к ногам царя богов и взмолился: «Смилуйся, о владыка, надо мною. То жертвоприношение было совершено только ради обретения потомства, а не затем, чтобы причинить тебе обиду. Ради этого же совершал я мое подвижничество. Прости меня, о повелитель небесного царства!»

И царь богов смилостивился над ним и сказал: «Я прощаю тебя и предлагаю тебе дар на выбор. Скажи мне, кто из твоих сыновей те-

бе милее: те, что были рождены, когда ты был мужчиной, или те, которых ты породил, пребывая в облике женщины. Скажи, и я воскрешу тех, кого ты мне укажешь!» Бхангасвана отвечал ему, сложив смиренно руки: «О Индра, воскреси тех моих сыновей, которых я родил, будучи женщиной!» — «Почему ты выбрал этих? — спросил Индра.— Или ты меньше любил тех, которые родились, когда ты был мужчиной?» — «Любовь женщины сильнее любви мужчины,— отвечал тот.— Мать больше привязана к детям, чем отец. Поэтому я выбираю рожденных мною, когда я был женщиной».

Повелитель богов был доволен ответом. «Ты ответил мне правдиво, ты сказал истину,— молвил он,— и за это я возвращаю к жизни всех твоих сыновей! Теперь выбери другой дар, и я исполню твое желание. Если хочешь, я снова превращу тебя в мужчину, если не хочешь — оставлю женщиной». И Бхангасвана сказал: «Я хочу остаться женщиной, о Шакра! Поистине, я не хочу становиться снова мужчиной».— «Почему?— опять спросил Индра.— Почему ты выбираешь женскую долю, отвергая мужскую?» — «Потому, что женщина больше, чем мужчина, черпает наслаждения в любви»,— отвечал Бхангасвана.

«Да будет так, как ты желаешь»,— сказал тогда Индра и удалился в свое небесное царство. А царь Бхангасвана до конца дней своих так и остался женщиной. Сыновья же его все воскресли и еще долгие годы счастливо правили его царством.

И были некогда два великих мудреца — Бхарадваджа, сын Брихаспати, сына Ангираса, и Райбхья из рода Атри. Оба были очень дружны между собою, и обители их были расположены недалеко одна от другой. У Бхарадваджи был сын по имени Явакри, у Райбхьи — двое сыновей, Паравасу и Арвавасу.

Бхарадваджа был великим подвижником; Райбхья же славился во всех трех мирах как непревзойденный знаток священных Вед. Сын Бхарадваджи Явакри спросил однажды отца: «Скажи, почему такой великий почет оказывают все премудрому Райбхье? Разве твое подвижничество не выше знания Вед?» — «Нет, сын мой,— отвечал ему Бхарадваджа.— Нет ничего в трех мирах превыше священного знания». Услышав это, Явакри опечалился. «Райбхью больше почитают, чем моего отца,— подумал он,— и сыновьям его больше славы. Но я превзойду их во что бы то ни стало!»

И, стремясь обрести свою цель, Явакри предался суровому подвижничеству. Он постился, стоял на одной ноге неподвижно и в зной, и в холод, жег свое тело огнем и охлаждал его в студеной воде, и, когда заслуги его возросли благодаря такому подвижничеству, он воззвал к Индре и сказал: «За мой суровый подвиг даруй мне, владыка богов, знание священных Вед».— «Не в подвижничестве путь к постижению Вед,— возразил ему Индра.— Ступай к наставнику, о Явакри, и выучи Веды, как должно, с прилежанием и смирением». Но Явакри не захотел следовать обычным путем постижения Вед и продолжал свое подвижничество. И, накопив еще больше заслуг истязанием плоти, он опять воззвал к Индре. «Ты не добьешься сво-

ей цели умерщвлением плоти,— снова отвечал ему Индра.— Ступай к наставнику, о сын Бхарадваджи».— «Нет ничего в этих трех мирах, чего нельзя было бы обрести подвижничеством,— возразил, упорствуя, Явакри.— Если ты не исполнишь теперь моего желания, я предамся еще более жестокому истязанию плоти; я начну отсекать часть за частью моего тела и одну за другой стану бросать их в огонь; и власть твоя на небесах поколеблется от моего подвига!» Тогда Индре пришлось даровать ему исполнение желаний. По просьбе Явакри он дал ему и его отцу совершенное знание Вед и обещал им победу над всеми соперниками во владении священным знанием.

Мудрый Бхарадваджа, отец Явакри, был недоволен неразумным поведением сына. Он предостерегал его: «Оставь свою гордыню, сын мой, и не стремись превзойти мудрых сыновей Райбхьи. Не трогай их, бойся оскорбить их могущественного отца, это не приведет тебя к добру». Но Явакри пренебрег добрым советом.

Вознесшись в своей гордыне, он покинул стезю добродетели и задумал совратить прекрасную супругу Паравасу, старшего из сыновей Райбхьи. Он стал искать с нею тайных свиданий и преследовать ее своими греховными домогательствами. Но Райбхья узнал об этом и страшно разгневался. Он вырвал из своей головы две пряди волос и, произнеся над ними заклинания, создал из одной прекрасную женщину, как две капли воды похожую на супругу Паравасу, а из второй пряди — страшного демона. И созданная им женщина завлекла Явакри и отдала его во власть демона, который набросился на сына Бхарадваджи, воспользовавшись тем, что женщина похитила у него сосуд с водою и он не мог совершить спасительного омовения. Явакри пустился бежать, а демон преследовал его, нечистого и подвластного злому духу. Он настиг его у самых дверей дома Бхарадваджи, где Явакри надеялся найти убежище. А Бхарадваджа в это время совершал священный обряд и поставил у дверей на страже слепого шудру, наказав ему никого не пускать в дом, дабы никто не прервал обряда. Шудра преградил дорогу Явакри, и демон схватил несчастного и растерзал его, прежде чем он успел вступить на освященную жертвоприношением землю.

Узнав о гибели сына, Бхарадваджа проклял Райбхью. И во исполнение этого проклятия спустя недолгое время старший сын Райбхьи Паравасу убил в лесу своего отца, приняв его в сумерках за антилопу. Но Арвавасу, его младший сын, суровым подвижничеством воскресил Райбхью и снял грех отцеубийства со старшего брата.

А неразумный Явакри отправился в царство Ямы, и там боги открыли ему, что злая участь постигла его за гордыню и за то, что не должным путем добивался он знания священных Вед.

И был на земле царственный мудрец Вишвамитра, сын Гадхи из рода Каушика, который предался неслыханному подвижничеству ради обретения брахманства и потряс царство Индры до самого основания. Однажды Вишвамитра, могущественный царь Каньякубджи, посетил обитель божественного мудреца Васиштхи и увидел у него чудесную корову Нандини*, исполняющую все желания. Царю захоте-

лось обязательно получить эту корову, но Васиштха не соглашался отдать ее ни за какие сокровища. Тогда Вишвамитра попытался захватить чудесную корову силой; но корова Васиштхи создала грозных ратников, обративших в бегство царское войско. «Сам бог Дьяус не мог отнять корову у Васиштхи и понес кару за ее похищение»,— поведали Вишвамитре, и он увидел, что брахман могущественнее царя. Тогда он захотел стать из кшатрия брахманом и для того-то прибег к подвижничеству столь суровому, что Индра пришел в смятение и подумал: «Пожалуй, он обретет такую силу, что свергнет меня с небесного трона и овладеет моим царством, как овладели им некогда Сунда и Упасунда, а после них Равана!»

И как в былое время Брахма призвал Тилоттаму для спасения небес от могучих асуров, так Индра послал прекрасную апсару Менаку, чтобы она соблазнила Вишвамитру и отвлекла его от опасного для богов подвижничества.

И Менака отправилась к обители Вишвамитры, где царственный мудрец предавался жесточайшему покаянию, а вместе с ней Индра послал Ваю, бога ветра, и Каму, бога любви, чтобы они помогли ей исполнить его повеление. Красавица Менака приблизилась к обители сына Гадхи и, приветствовав его, стала играть и резвиться на лесной поляне близ хижины. Тогда ветер, следуя велениям царя богов, сорвал с нее нарядную одежду; подвижник увидел ее обнаженной, и страсть овладела им. Он позвал ее, и она пришла к нему. И долго они наслаждались любовью в цветущем лесу, и годы промелькнули для них, как один день.

Так прекрасная Менака отвлекла Вишвамитру от подвижничества. Но он все равно достиг своей цели. Он стал из кшатрия брахманом и обрел великое могущество, позволившее ему соперничать с Васиштхой. А Менака, уйдя от Вишвамитры, родила от этого союза прелестную девочку; девочку эту она оставила в долине Хималая, на берегу реки Малини*, а сама, не думая больше о брошенном ею дитяти, вернулась в небесное царство Индры.

Девочку, покинутую в дремучем лесу, полном хищных зверей, увидели реющие в небе соколы. Они спустились и сели вокруг нее, чтобы ее охранять. Там, на берегу реки, и нашел ее святой мудрец Канва из рода Ангираса*. Он взял ее к себе в обитель и воспитал как свою дочь. Он дал ей имя Шакунтала, что значит «Огражденная соколами», потому что, когда он ее увидел в лесу, ее окружали и прикрывали крыльями эти птицы, ограждавшие ее от опасности.

57. СКАЗАНИЕ О ШАКУНТАЛЕ

Душьянта, сын Илины, потомок Пуру в шестом поколении, был могущественным царем, владевшим обширной землею между четырех морей и многими островами в океане. В то время, когда он правил, на земле царили справедливость и благочестие. Индра посылал дожди в должные сроки, земля плодоносила, и подданные сына Илины наслаждались миром и благоденствием.

Царь Душьянта, могучий и отважный воин, был большим любителем охотничьей забавы. Однажды в сопровождении многолюдной свиты он отправился в лес охотиться на антилоп. Войско Душьянты на конях, слонах и колесницах с великим шумом вторглось в пределы леса. От криков охотников, ржания коней, рева слонов и скрипа колес лес наполнился грохотом и треском, и тысячи диких животных — антилопы, львы, тигры, пантеры, медведи и многие другие — обратились в испуге в отчаянное бегство, а охотники преследовали их и поражали стрелами, дротиками, копьями и мечами.

Из этого леса, опустошив его, царь Душьянта со своей охотой направился в другой, затем — в третий. В третьем лесу, который он посетил, веял ветерок, приятно освежавший усталое тело охотника, на цветущих кустах и деревьях, наполнявших воздух чудным благоуханием, пели сладкоголосые птицы, и над ветвями, гнущимися под тяжестью цветов и плодов, жужжали медоносные пчелы.

Царь остановил свое войско на опушке, а сам в сопровождении немногих приближенных вступил под сень леса, и, пробираясь по его тропам и полянам на своей колеснице, он увидел в глубине леса, на берегу реки, в прекрасной местности, восхищающей взоры, обитель отшельника. То была обитель мудреца Канвы, и царь Душьянта вошел в нее, чтобы воздать почести славному отпрыску рода Ангираса, оставив спутников своих за оградой.

Навстречу ему вышла из хижины девушка невиданной красоты. Почтительно поклонившись царю, она пригласила его сесть и оказала ему надлежащее гостеприимство: подала воды для омовения ног и поднесла почетный медвяный напиток, какой полагается гостю; а после спросила его о здоровье и о том, чем может она ему услужить.

Царь узнал от нее, что святой отшельник Канва ушел ненадолго из дома, чтобы принести из леса плодов. И, восхищенный красотою девушки, Душьянта спросил ее: «Как имя твое, о прелестная дева? Как ты оказалась в этой обители, затерявшейся в лесной глуши?» — «Меня зовут Шакунтала,— отвечала ему юная отшельница.— Святой мудрец Канва — мой приемный отец». И она поведала ему о своем происхождении.

Царь Душьянта, воспламенившийся страстью, пожелал немедля взять Шакунталу в жены по обычаю гандхарвов*, согласно коему влюбленные соединяются по взаимному согласию, не ожидая решения родителей. Он предложил ей богатые дары, и он обещал ей все сокровища своего царства, если она согласится стать его женою. Шакунтала согласилась, но поставила ему такое условие: «Ты должен раньше обещать мне, что сын, который у меня родится, унаследует твое царство». Душьянта обещал ей это, и они сочетались браком согласно обычаю гандхарвов, не дожидаясь возвращения святого Канвы.

После этого царь Душьянта покинул Шакунталу и, прощаясь, обещал ей, что пришлет за нею свиту и войско и введет ее в свой дворец как царицу. Канва, вернувшись домой, узнал о случившемся и одобрил союз Шакунталы с потомком Пуру, предсказав им обоим многие годы благоденствия, а их сыну — великое могущество.

И когда пришло время, Шакунтала родила сына, блистающего красотой и подобного богам величием. Она назвала его Сарвадамана, Всеукрощающий. Уже с младенческих лет он проявлял необыкновенную силу и отвагу, забавляясь играми с дикими зверями в лесу, окружавшем обитель. Он гонял тигров, львов и слонов, вепрей и буйволов, ездил на них верхом и привязывал их к деревьям, росшим возле обители Канвы.

Прошли годы, мальчик вырос, а Душьянта все не присылал за Шакунталой обещанной свиты. И однажды мудрый Канва сказал: «Настало время объявить сына Шакунталы наследником престола». Он повелел своим ученикам: «Сегодня же отправляйтесь в путь и проводите Шакунталу вместе с ее сыном в столицу Душьянты. Замужней женщине не подобает оставаться надолго в доме отца; это пагубно для ее доброго имени». И, повинуясь Канве, его ученики отправились вслед за Шакунталой и ее сыном в город Хастинапур*, где правил могучий царь Душьянта.

Они пришли во дворец Душьянты и предстали перед государем. «Вот твой сын, государь,— сказала Шакунтала.— Наступило время объявить его наследником престола. Вспомни о своем обещании». Но царь притворился, что не узнает Шакунталы. «Я не помню ни о каком обещании,— сказал он ей.— Ступай прочь, отшельница, я не знаю тебя!» Услышав эти слова, Шакунтала замерла недвижно на месте, словно обратившаяся в камень. Вне себя от стыда и горя она обратила на царя гневный взор и сказала: «Достойна ли тебя эта ложь, о государь? Ты отрекаешься от меня и от своего сына, но сердце твое знает истину, и знают ее солнце и луна, небо и земля, ветер и огонь, и боги Яма и Дхарма. Как решился ты взять на себя такой грех? Отец возрождается в своем сыне. Муравьи и те охраняют свое потомство. Как же ты, хранитель закона, отвергаешь родного сына? И ты не оказываешь должного почета мне, твоей жене, стоящей перед твоим троном; а жена — половина мужа, его лучший друг, его опора и в счастье, и в беде, и дома, и в пути. Она не покидает мужа ни в этой жизни, ни после смерти. Рожденная апсарой Менакой в горной долине Хималая, я была покинута ею, словно чужое дитя, сразу после рождения. Какой грех совершила я в моем прежнем рождении, что моя мать покинула меня в младенчестве, а ныне супруг мой отрекается от меня и от нашего сына?».

Но царь отвечал: «Я не знаю ни тебя, ни рожденного тобою сына! Женщины лживы от природы — все знают это. Никто не поверит твоим словам. Твоя мать, распутная Менака, породила тебя, плод греховной страсти, и ты, бесстыдная, вступила на путь греха. Говоришь со мною ты, как блудница. Уходи, покинь мои покои, лживая отшельница!»

Сдерживая свой гнев, отвечала Шакунтала: «Если ты гонишь меня, я уйду и вернусь в свою обитель, но сына, рожденного мною от тебя, я оставлю тебе. Ты не смеешь от него отказаться!» И она ушла.

Тогда раздался голос с неба: «Сын принадлежит отцу, который

его породил. Это твой сын, о Душьянта. Вырасти его и воспитай. И пусть будет имя его — Бхарата*, Взращенный, ибо ты взрастишь его, следуя нашему велению!»

Услышав эти слова, царь, обрадованный, сказал своим приближенным: «Я ждал только этого голоса с неба, чтобы признать своего сына. Я знал, что это мой сын, но опасался, что мои подданные в том усомнятся и не признают его происхождения, если свидетельством тому будут только речи Шакунталы». И он принял сына и послал за Шакунталой, а когда она пришла, царь объяснил ей причину своего отречения от истины и простил ей сказанное ею во гневе.

Душьянта объявил Бхарату наследником престола, как было условлено. И когда могучий Бхарата взял в руки бразды правления, он победил всех соседних царей и стал властелином мира — чакравартином*; и Канва был у него верховным жрецом. Бхарата стал основателем великого и славного рода Бхаратов, из которого произошли многие могущественные цари, подобные богам воители и герои. И он дал свое имя Бхаратаварше — стране, лежащей в середине вселенной.

58. СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ, ОБРАТИВШЕМСЯ В ЧАНДАЛУ

Был в роду Икшваку могущественный царь по имени Тришанку. Возгордившись своим могуществом и славой, он задумал однажды: «Да вознесусь я живым на небо». Он призвал к себе великого мудреца Васиштху и просил его совершить такое жертвоприношение, посредством которого можно было бы взойти на небо при жизни. Но Васиштха отвечал ему: «Я не могу этого сделать».

У Васиштхи было сто сыновей, великих подвижников, мудростью и благочестием не уступавших отцу. Не желая отказываться от задуманного, царь Тришанку решил обратиться к их помощи. Он отправился в южную страну, где была их обитель, и, придя туда, смиренно просил сыновей Васиштхи исполнить просьбу, в которой отказал ему их отец. Но и они отказали ему и гневно порицали его: «Если отец наш, твой наставник, сказал тебе, что не может исполнить твое желание, почему ты обращаешься с тою же просьбой к другим?»

«Если так,— отвечал им Тришанку,— если и вы, как ваш отец, не оказываете мне должного почтения и не хотите исполнить то, о чем я прошу вас, я буду просить об этом другого мудреца». Тогда сыновья Васиштхи, разгневавшись еще больше, прокляли заносчивого царя: «Да обратишься ты в презренного чандалу!»

В тот же день к вечеру царь Тришанку превратился в чандалу, презираемого и избегаемого благородными. Одетый в синее платье, с остриженной головой, измазанной золою, с железными украшениями на теле, с похоронным венком на плечах, он пошел одиноко своим путем, а его советники и свита разбежались, боясь оскверниться от его близости.

Превращенный в чандалу Тришанку пришел тогда к обители Вишвамитры. К тому времени Вишвамитра суровым подвижничеством достиг равенства с брахманами и небывалого могущества. Помня пора-

жение, понесенное им некогда от Васиштхи, он теперь всячески старался доказать свое превосходство над ним. Это соперничество двух великих мудрецов длилось многие годы, и многие беды проистекли из него.

Когда Вишвамитра узнал от Тришанку об отказе Васиштхи совершить жертвоприношение, которое привело бы царя живым на небо, он загорелся желанием превзойти ненавистного соперника. «Я сделаю то, о чем ты просишь»,— сказал он Тришанку.

И Вишвамитра разослал своих учеников во все концы страны с наказом призвать на жертвоприношение всех благочестивых брахманов, знатоков священных обрядов. Отовсюду стали сходиться на великое жертвоприношение жрецы — все брахманские роды страны поспешили ответить на призыв Вишвамитры, только сыновья Васиштхи отказались. «Как могут благочестивые принимать участие в обряде, совершаемом ради чандалы? И к тому же верховным жрецом на этом жертвоприношении будет кшатрий!» — так отвечали они посланцам Вишвамитры. Когда Вишвамитра услышал об этих словах, он пришел в ярость. Он проклял сыновей Васиштхи: «Пусть потомство их семь сотен поколений скитается по земле, не находя пристанища, питаясь нечистой пищей и добывая средства к жизни занятиями, запретными для благочестивых. Пусть потомство их, презревших чандалу, изведает сходную участь. Это племя известно будет под именем муштика или домба*».

Собрав благочестивых брахманов, Вишвамитра объявил о цели предпринимаемого обряда: «Да взойдет праведный царь Тришанку живым на небо!» Мудрецы сказали друг другу: «Этот великий подвижник Вишвамитра, обретший неслыханное могущество, подвержен вспышкам неистовой ярости; не будем противоречить ему, чтобы не навлечь на себя его опасного гнева». И они согласились принять участие в жертвоприношении.

Тогда под главенством Вишвамитры многомудрыми брахманами, собранными со всех концов земли, был совершен торжественный обряд. Вишвамитра, сын Гадхи, верховный жрец на том жертвоприношении, воззвал к богам, приглашая их низойти на освященную жертвой землю и принять предложенную каждому долю. Но ни один из небожителей не спустился на землю в ответ на призыв Вишвамитры. Тогда разгневанный мудрец сказал царю Тришанку: «О государь, ты сам убедишься сейчас в могуществе моего великого подвижничества. Силою одних лишь заслуг, обретенных истязанием плоти, я подниму тебя на небо при жизни!» И едва он сказал это, как царь Тришанку на глазах у собравшихся брахманов поднялся в небо.

Но когда Индра, повелитель богов, увидел, что Тришанку поднимается на небо, он сказал ему: «Ступай обратно, царь. Ты, грешник, пренебрегший своим духовным наставником, не заслужил небесной обители». С этими словами могучий Индра низверг Тришанку с небес, и тот полетел на землю вниз головою, в страхе взывая к Вишвамитре: «Спаси меня! Спаси!» А гневный Вишвамитра вскричал, обращаясь к падавшему Тришанку: «Остановись! Остановись!» И силою своего

подвижничества царственный мудрец создал в небе, в южной его стороне, новые звезды и сказал, пылая великим гневом: «Я создам нового Индру и новых богов, или вселенная останется совсем без Индры!»

Тогда благочестивые брахманы, боги и асуры стали умолять его сменить гнев на милость. А Тришанку между тем повис неподвижно среди новых созвездий, остановленный в своем падении словами Вишвамитры. «Этот царь, о великий подвижник, не достоин восхождения на небо,— говорили мудрецы Вишвамитре.— Он оскорбил своего духовного наставника». Но сын Гадхи отвечал: «Я обещал ему поднять его на небо, и слово мое должно быть исполнено!» Тогда боги сказали: «Пусть он останется там, где ты остановил его падение, и пусть останутся в южном небе эти сотворенные тобой звезды. Так не будет нарушено твое слово».

И Вишвамитра согласился: «Да будет так, о боги!» Так Тришанку остался навсегда среди созвездий южного неба*.

59. СКАЗАНИЕ О ШУНАХШЕПЕ

Сыном Тришанку был Харишчандра, который унаследовал царство рода Икшваку после того, как отец его вознесся живым на небеса. У царя Харишчандры было сто жен, но ни одна из них не подарила ему сына, и потому великая печаль снедала его сердце. Однажды божественный мудрец Нарада посетил его в своих странствиях. Царь принял его с почетом и щедро одарил. Беседуя с мудрым Нарадой, царь спросил его: «Каждый хочет иметь сына, и умный, и глупец; скажи мне, Нарада, чего достигают обретшие сына?»

«Выслушай меня, о царь,— отвечал ему Нарада,— я поведаю тебе, чего достигает тот, у кого родится сын. Отец, узревший лик сына*, оплачивает свой долг предкам; сын дарует ему бессмертие. Среди земных радостей нет большей, чем радость отца, обретшего сына. Ни тело, осыпанное золой, ни рубище, ни отпущенные до плеч волосы — никакое подвижничество не дает той заслуги, какую несет рождение сына. Отец рождается вновь в своем сыне, сын спасает его от мук ада. Пища дарует жизнь, кров дарует защиту, драгоценности — красоту, женитьба дает коров, жена — друга, дочь приносит горе; высшую радость небес дарует отцу сын».

И Нарада посоветовал Харишчандре: «Молись богу Варуне, чтобы он послал тебе сына. Воззвав к Варуне, молви: „Да родится у меня сын, и я принесу его тебе в жертву"».

С этими словами Нарада удалился, а царь Харишчандра последовал его совету. Он воззвал к богу Варуне: «Да родится у меня сын, и я принесу его тебе в жертву!» — «Да будет так»,— отвечал ему Варуна.

И у царя родился сын, которого назвали Рохита. Тогда Варуна сказал царю: «Вот у тебя родился сын. Принеси его мне в жертву, как обещал». Но Харишчандра ответил: «Только через десять дней

после рождения животное годится для жертвы. Пусть минет десять дней, тогда я принесу его тебе в жертву».— «Да будет так»,— согласился Варуна. Прошло десять дней, и Варуна опять явился за жертвой: «Вот минуло десять дней; исполни теперь то, что обещал». Но Харишчандра сказал: «Только когда прорежутся зубы у жертвенного животного, годится оно для обряда. Подожди, пока у него прорежутся зубы».— «Да, будет так». И когда у Рохиты прорезались зубы, Варуна пришел за ним опять. «Подожди,— сказал ему отец дитяти.— Только когда выпадут у него первые зубы, будет он годен для жертвоприношения».— «Да будет так»,— отвечал Варуна.

Так проходил год за годом, и каждый раз, когда бог Варуна требовал обещанную ему жертву, Харишчандра находил новый повод отсрочить обряд. И Рохита вырос и возмужал, и уже нельзя было откладывать долее исполнение обета, данного Варуне царем Харишчандрой.

Но тогда Рохита взял лук и стрелы и убежал в лес; и он скитался там целый год, не желая быть принесенным в жертву, словно животное. Через год до него дошел слух, что бог Варуна, разгневанный нарушением данного ему обета, покарал царя Харишчандру, наслав на него водянку*. Рохита хотел вернуться домой, чтобы избавить отца от недуга, но на пути ему явился Индра в облике брахмана и сказал: «Подожди, Рохита, не возвращайся, еще не настал для этого срок. Жизнь нищего странника угодна богам; нет участи достойней, чем эта. Оставайся в лесах, сын Харишчандры!».

Еще год провел Рохита в лесах и опять хотел вернуться домой, и опять Индра ему воспрепятствовал. И третий год он странствовал в лесах, а потом и четвертый, и пятый, и всякий раз, когда на исходе очередного года он собирался вернуться к отцу, Индра являлся ему на пути и отсылал обратно в лес.

На шестой год своих странствий Рохита повстречал в лесу нищего брахмана Ричику*, из рода Бхригу, который пришел туда, мучимый голодом, со своею женой и тремя сыновьями. Сыновей Ричики звали Шунахпуччха, Шунахшепа и Шунолангула*. Рохита сказал брахману: «Отдай мне одного из твоих сыновей, чтобы мне откупиться от Варуны; пусть принесут его в жертву вместо меня. Я же дам тебе за это сто коров». Брахман согласился; но старшего сына он не хотел отдавать; мать же не соглашалась отдать младшего; и они продали Рохите за сто коров своего среднего сына — Шунахшепу.

Рохита отвел его в столицу своего отца и сказал: «Да принесут этого сына брахмана в жертву вместо меня». Бог Варуна согласился на эту замену: «Брахман стоит дороже, чем кшатрий». Тогда царь Харишчандра, страдающий от водянки, повелел жрецам приготовить все нужное для жертвоприношения.

Между тем горестный Шунахшепа, приведенный против воли своей во дворец Харишчандры, увидел там среди собравшихся брахманов родича своего, великого мудреца Вишвамитру*; сестра Вишвамитры была женою Ричики и матерью Шунахшепы. Злосчастный сын Ричики бросился к ногам Вишвамитры и воскликнул: «О мудрый, все

покинули меня — нет у меня теперь ни отца, ни матери, ни родных, ни друзей! Меня хотят заклать у жертвенного алтаря, словно животное! На тебя одного я уповаю — спаси меня, милостивый подвижник, как отец спасает от гибели сына!»

И Вишвамитра сказал ему: «Утешься, Шунахшепа, я обещаю тебе мою помощь». Он обратился к своим сыновьям и сказал: «Этот юный отшельник прибег к моему покровительству и просит о помощи. Пусть один из вас заменит его у жертвенного алтаря!» Но сыновья Вишвамитры отказались, негодуя. «Как можешь ты, отец, ради чужого сына посылать на смерть собственных детей? Это неправедное дело, это все равно, что поедать собственную плоть!» Тогда разгневанный Вишвамитра проклял своих сыновей: «Не почитая желаний отца, вы смеете столь дерзко мне противоречить! За это вы тысячу лет будете скитаться по земле, поедая нечистую пищу, вы станете муштиками, как сыновья Васиштхи и их потомство!»

Шунахшепе он сказал: «Когда тебя привяжут к жертвенному столбу, прочти эти мантры*, и они спасут тебя». И он поведал сыну Ричики две заветные мантры — молитвы, обращенные к богине Ушас.

И вот Шунахшепу обрядили в красное платье*, надели ему на шею гирлянду из красных цветов и привели на место жертвоприношений. Но когда настало время привязать его к жертвенному столбу, ни один из жрецов не захотел это сделать собственными руками. Тогда отец Шунахшепы сказал: «Если мне дадут еще сто коров, я сделаю это»*. Рохита обещал ему еще сто коров; и он привязал Шунахшепу к столбу веревкой, сплетенной из священной травы куша.

Но когда настало время принести сына брахмана в жертву, ни один из жрецов не согласился исполнить это. Отец Шунахшепы сказал: «Дайте мне еще сто коров, и я сделаю это». Рохита повелел, чтобы ему дали еще сто коров. Тогда Ричика с остро наточенным ножом приблизился к сыну.

«Они хотят заклать меня, словно я не человек»,— подумал Шунахшепа. И он воззвал к богам — Агни и Савитару, Соме, Индре и Ашвинам. «Молись Ушас, богине зари,— сказали ему Ашвины,— она спасет тебя». Шунахшепа вознес молитву Ушас*, светлой сестре богини Ночи; и пока он читал эту молитву, которой научил его Вишвамитра, путы стали спадать с него; и едва дочитал он последний стих, как уже был свободен от них, а царь Харишчандра в то же мгновение избавился от водянки. И собравшиеся брахманы и царевич Рохита возликовали и воздали хвалу Шунахшепе.

Вишвамитра же объявил: «Отныне я беру к себе Шунахшепу, да будет он мне сыном*. Он будет моим учеником и наследником вместо моих родных сыновей, от которых я отрекаюсь за непочтение, проявленное ими к отцу!» И жрецы приняли Шунахшепу в свою среду, и он стал со временем знаменитым мудрецом, великим знатоком жертвоприношения.

С той поры сказание о Шунахшепе повторяют желающие иметь сына, и желание их исполняется.

60. ДЕЯНИЯ АГАСТЬИ

Великий мудрец Агастья, сын Урваши, рожденный ею от Варуны, появился на свет в кувшине, наполненном водою, в котором и взращен был чудесным образом вместе с братом своим Васиштхой. Он был одним из славнейших мудрецов небесных, и это он помог Индре низвергнуть с неба Нахушу и вернуть свое царство. Но долгие годы он жил на земле, в лесной обители близ гор Виндхья.

Он кормился лесными плодами и кореньями, утолял жажду чистой водой из родника, прикрывал свое тело оленьей шкурой и не знал никакой роскоши, никаких телесных наслаждений. Отречением от мирских радостей, суровым подвижничеством он достиг такой святости и такого могущества, что перед ним склонились даже горы.

Однажды гора Виндхья позавидовала горной вершине Меру, вокруг которой совершают свой путь солнце, луна и звезды. Гора Виндхья сказала солнцу: «Каждый день от зари до заката ты обходишь Меру, окружая ее сиянием и блеском. Я хочу, чтобы и меня ты почтило, обойдя вокруг меня слева направо!» Но солнце отказалось исполнить просьбу Виндхьи. «Не по своему желанию обращаюсь я вокруг горы Меру,— сказало солнце,— а по воле Творца вселенной. Путь этот мне предуказан, и я не могу от него уклониться».

Обида и гнев овладели горой Виндхья, чье желание было отвергнуто дневным светилом. И тогда, чтобы отомстить богам и солнцу, Виндхья стала расти и расти в вышину, пока вершина ее не уперлась в небесный свод, преградив дорогу и планетам, и звездам, и луне, и солнцу. Нарушилась смена дня и ночи, на земле воцарился беспорядок, и встревоженные боги отправились к гневной горе и стали просить ее освободить путь светилам. Но Виндхья пренебрегла этой просьбой, не удостоив богов даже ответом.

Тогда по совету Брахмы боги обратились к великому подвижнику Агастье, прославленному своей духовной мощью, и просили его удалить преграду с пути луны и солнца. Агастья согласился. Приблизившись к непокорной горе, он сказал ей: «Благо тебе, о великая Виндхья! Ты затмеваешь все горы своей красотою и блеском! Окажи мне милость, склони пониже свою вершину, чтобы открылась мне дорога в южные страны! Я вскоре вернусь обратно, и тогда ты сможешь опять распрямиться и расти вверх, сколько пожелаешь».

Виндхья не могла отказать преславному сыну Варуны в его просьбе; она наклонила свою вершину, открыв ему дорогу в южные страны, и стала дожидаться возвращения мудреца. Но Агастья остался на юге и так и не вернулся, а Виндхья до сих пор пребывает склоненной, открывая путь солнцу, луне и звездам.

В другой раз мудрый Агастья покарал коварного и злобного царя асуров Илвалу, сына Хлады. Это было в ту пору, когда он женился на прекрасной Лопамудре, и вот как это произошло.

Однажды Агастья шел по лесной дороге и встретил на пути большую и глубокую яму. Агастья заглянул в нее и увидел, что в этой сырой и темной яме у самого дна висят вниз головой его предки, давно

ушедшие из жизни*. Эта кара постигла их за то, что у Агастьи, их потомка, до сих пор не было сыновей и род их не имел продолжения. Они взмолились к Агастье о спасении: «Только когда родится у тебя сын, мы сможем уйти в царство Индры». Агастья обещал им избавление и отправился искать себе невесту. Но нигде он не мог найти девы, которая была бы достойна стать его женою. Тогда он задумал сам сотворить для себя невесту. От каждого живого существа на земле он взял то, что было в нем самым прекрасным, и, собрав все это воедино, создал дитя, одаренное несравненной красотой и разумом.

В ту пору у царя видарбхов* не было потомства, и Агастья отдал ему девочку, которую создал. Царь дал ей имя Лопамудра; и он взрастил ее как родное дитя. Он окружил ее роскошью и заботой. Сто прекраснейших дев страны прислуживали царевне Лопамудре, но она всех затмевала красотой, обхождением и добрым нравом.

Так прекрасна была Лопамудра и столь велика была ее слава повсюду, что никто не смел посвататься к ней, заранее ожидая отказа. И сам царь видарбхов думал: «Едва ли найдется на земле жених, достойный ее».

Но вот настал день, когда Агастья решил забрать у царя сотворенную им деву. Он пришел в столицу видарбхов и сказал царю: «Я хочу взять царевну Лопамудру в жены». Не хотелось царю отдавать свою приемную дочь за отшельника, одетого в оленью шкуру, но отказать великому подвижнику он не решился. А царицу, приемную мать Лопамудры, сватовство отшельника повергло в такое смятение, что она не в силах была вымолвить ни слова.

Тогда Лопамудра сказала царю и царице видарбхов: «Не печальтесь из-за меня. Пусть этот отшельник возьмет меня в жены, и да принесет мое замужество благо вам обоим».

После совершения свадебных обрядов Агастья со своей молодой супругой удалился в лесную обитель. Там он повелел Лопамудре снять золотые ожерелья и браслеты, сбросить одежды из роскошных мягких тканей и надеть платье из грубой рогожи, а на плечи набросить оленью шкуру. Прекрасная Лопамудра с кротостью исполнила веление Агастьи и стала жить с ним в уединенной лесной обители, помогая ему в исполнении обрядов и соблюдении суровых обетов.

Красота, кротость и преданность Лопамудры тронули сердце Агастьи и пробудили в нем великую любовь к ней. И однажды, когда она вернулась с берега реки после омовения, он впервые после свадьбы позвал ее на супружеское ложе. Лопамудра приблизилась к нему, почтительно сложив ладони перед лицом, и сказала ему с нежной улыбкой: «Я знаю, ты женился на мне для того, чтобы у тебя было потомство. Но прежде ты мне должен показать, насколько сильна твоя любовь. Я хочу иметь такое же красивое ложе, какое было у меня во дворце царя видарбхов. Я хочу, чтобы на мне были мои дивные украшения, которые я так любила, и я хочу, чтобы ты был одет в нарядное платье, а не в это грубое рыжее рубище и чтобы тебя украшали венки и гирлянды. Разве грешно украшать себя ради любви?».

Смущенный Агастья ей ответил: «Но у меня нет тех богатств, ка-

кими владеет царь видарбхов».— «Разве ты не великий мудрец и подвижник? — возразила ему Лопамудра.— Разве не в твоей власти получить все, чего ты пожелаешь? Ведь я прошу у тебя такую малость!» — «Я не могу обращать свою силу, обретенную отречением от тщеты мирской, на исполнение суетных желаний,— сказал ей Агастья.— Так я могу утратить все мои заслуги». Но Лопамудра стояла на своем: «Либо ты удовлетворишь мою просьбу, супруг мой, либо не будет между нами любви. Пусть останется безупречной твоя добродетель, но и я не отступлюсь от того, что сказала».

И Агастья, видя, что жена его непреклонна, отправился добывать для нее богатство.

Он пришел к государю по имени Шрутаварман и попросил у него даров от избытка его богатств. Но у благородного Шрутавармана не было такого избытка, его доходы равнялись его тратам, и, хотя благочестивый царь готов был отдать славному мудрецу все свое достояние, Агастья не захотел наносить ущерб ему и его подданным, лишая их доли, принадлежащей им по закону.

Взяв с собой Шрутавармана, Агастья пошел к другому царю, которого звали Вриддхашва, в надежде, что у того доходы окажутся больше. Но и у этого царя не было излишков, и, сопровождаемый теперь двумя государями, Агастья отправился к третьему. Но и у третьего царя не было лишних доходов, и тогда они все вместе стали думать, к кому теперь следует идти. И вспомнили доблестные государи, что есть в мире богатейший из царей — Илвала, сын Хлады, внук Хираньякашипу, повелителя асуров; его богатства несметны. И они решили идти с Агастьей к Илвале.

Царь Илвала правил в городе Манимати. Когда-то он обратился к брахманам с просьбой даровать ему сына, силой и доблестью равного Индре, но брахманы ему отказали. С тех пор он мстил им за этот отказ и творил над ними всяческие надругательства. Таков же был и младший брат его Ватапи. Нечестивый Илвала владел даром превращений. По уговору с братом своим Ватапи он превращал его в барана. Потом из мяса этого барана он готовил угощение и предлагал его брахманам, которых приглашал в свой дворец, обещая дары. Когда же брахманы в неведении съедали то запретное мясо, нарушая закон своей варны, Илвала их убивал без пощады.

К этим братьям-злодеям и пришли в поисках богатства Агастья и три благочестивых государя. Илвала встретил их у ворот своей столицы и воздал им должные почести, а затем пригласил во дворец, где предложил им греховное свое угощение. Агастья сразу понял, чем хочет угостить их Илвала; но он решил навсегда покончить с подлым Ватапи и потому не стал отказываться от предложенного мяса. Илвала подал всем гостям равные доли; но Агастья все съел один, не дав своим спутникам притронуться к угощению.

Как только трапеза кончилась, Илвала, полагая, что хитрость его удалась, с насмешливой улыбкой на устах воззвал к брату Ватапи, чтобы вернуть его в прежнее тело. Но тут из желудка Агастьи раздался такой звук, словно грянул гром с неба; и мудрец рассмеялся.

Тщетны были призывы Илвалы к брату; Ватапи растворился в желудке у сына Варуны, и ничего от него не осталось. Так отомстил Агастья Илвале за надругательство над жрецами.

После трапезы Агастья рассказал Илвале, зачем он пришел к нему вместе с тремя государями. Тогда коварный Илвала сказал: «Отгадай загадку, которую я тебе загадаю, и ты получишь все, о чем просишь. Скажи, праведный Агастья, что именно задумал я дать тебе?» Агастья тотчас ему ответил: «Ты хочешь подарить по десяти коров каждому из моих спутников, а мне ты хочешь дать их вдвое больше и в придачу золотую колесницу, запряженную быстрыми, как мысль, конями. Пойди и проверь, правда ли, что эта колесница из золота; ведь ты сам этого еще не знаешь».

Илвала приказал своим советникам пойти и проверить слова Агастьи. Те пошли и, возвратясь, доложили, что колесница и вправду из чистого золота. Опечалился тогда Илвала, думая о том, что, желая надругаться над Агастьей, понапрасну погубил любимого брата, а теперь еще должен подарить неугодному гостю драгоценную колесницу. Но он ничего не мог поделать, и пришлось ему отдать мудрецу и его спутникам предсказанные дары.

На золотой колеснице, полной золотых монет и драгоценных украшений, Агастья и сопровождавшие его государи покинули стольный город асуров Манимати. Цари вернулись в свои государства, а сын Варуны направился в обитель, где ждала его Лопамудра.

Радостно встретила прекрасная Лопамудра супруга, вернувшегося с богатыми дарами. Она обещала подарить ему сына великой доблести и могущества. Тогда Агастья спросил ее, хотела бы она иметь тысячу сыновей или сто сыновей, могучих, как тысяча, или десятерых, равных силою этой сотне, или же одного сына, мощью своей подобного тысяче. И Лопамудра пожелала одного сына, который не имел бы себе на земле равных.

«Да будет так»,— молвил Агастья; и в ту же ночь она зачала от него желанного для них обоих сына. На другое утро Агастья покинул свою обитель и удалился в лес совершать суровое покаяние, а Лопамудра осталась в обители дожидаться рождения сына. Семь лет носила она плод под сердцем и только на восьмой год разрешилась сыном небывалого могущества и разума. Уже с малых лет он знал Веды, упанишады и веданги* и приносил из леса для священного огня огромной тяжести деревья.

И еще рассказывают про Агастью, что однажды он выпил море, чтобы помочь богам в их борьбе с грозными асурами.

Когда боги, победив асуров, загнали их на дно морское, те задумали отомстить и разрушить до основания все три мира. Но прежде всего они хотели истребить тех, кто владеет священным знанием и ведет праведную жизнь. «Мир крепок знанием, добродетелью и верой. Знание, добро и веру сеют брахманы. Если истребить брахманов, мир окажется на краю гибели» — так рассудили асуры и стали по ночам выходить со дна моря на берег и разрушать обители подвижников.

Каждую ночь выходили из океана кровожадные демоны и бродили

по лесам, убивая без жалости брахманов; и они не щадили ни детей, ни женщин. Некому стало совершать обряды, нарушилось привычное течение жизни; люди покидали свои жилища и в страхе прятались в горных пещерах. Только храбрейшие из героев, искусные в стрельбе из лука и метании копья, обходили леса в поисках нарушителей мира, но тщетно — нигде их они не находили. Коварные асуры лишь по ночам выходили из моря и до рассвета возвращались обратно.

Тогда боги во главе с Индрой в смятении пришли за советом к Вишну. Они восславили подвиги и доблесть хранителя мира и сказали: «Мы пришли поведать тебе о наших бедах. Избавь вселенную и небожителей от великого страха. Доныне все живые создания на земле пребывали в покое и мире; люди приносили жертвы богам и благоденствовали, не ведая горя. Но теперь на них обрушились великие невзгоды. По ночам кто-то тайно вторгается в благочестивые обители, лишает жизни мудрецов и подвижников, разрушает алтари и наводит ужас на людей. В страхе они покидают города и селения и ищут убежища в горных пещерах. Погасли священные огни на алтарях, и жизнь остановилась, боги остались без жертвоприношений. Нас снедает тревога; неведомая сила грозит принести разрушение и гибель и в наше царство!»

«Я знаю об этом, братья,—отвечал им Вишну,—и я знаю, кто сеет ужас и смерть на земле. Слушайте меня. Это асуры выходят по ночам из океана для тайных убийств, а до рассвета снова прячутся на дно морское. Есть лишь одно средство вызвать асуров на открытый бой — надо осушить море, чтобы им некуда было скрыться. Ступайте к сыну Варуны, праведному Агастье. Только ему под силу исполнить это».

Благодарные боги склонились почтительно перед всеведущим Вишну и отправились к обители Агастьи. Приблизившись с благоговением к сыну владыки моря, боги восславили его прежние подвиги — свержение Нахуши с престола Индры и удаление преграды с пути луны и солнца — и пожелали ему вечного блага. После этого они поведали подвижнику о новых своих тревогах. Боги просили Агастью помочь им обнажить дно великого океана, чтобы покарать коварных разрушителей мира.

И праведный Агастья отправился к берегу океана, а небожители сопровождали его. Они приблизились к морю, над которым веял могучий ветер; волны с грозным рокотом набегали на берег, оставляя на песке белую пену, и птицы, кормящиеся морской рыбой, с резким криком носились над водой. На берегу океана собрались сонмы гандхарвов и якшей и толпы людей — все хотели своими глазами увидеть небывалое чудо.

Подойдя к самой воде, Агастья сказал: «Я выпью это море, точно так же как вы выпиваете сосуд с водой, когда вас мучит жажда. Смотрите, как я осушу морское дно, и будьте готовы к битве». И Агастья вошел в море и приник к воде устами; и все увидели с изумлением, как морская влага стала быстро исчезать в утробе мудреца.

И вскоре открылось дно морское, и боги с громкими кликами бро-

сились биться со своими врагами, затаившимися в глубинах океана. Жестокой, но недолгой была эта битва; небожители легко одолевали асуров, отягченных грехами, и без пощады их истребляли. Тела убитых асуров устлали дно океана; в золотых доспехах, украшенные золотыми ожерельями, браслетами и серьгами, они лежали там, как деревья, срубленные топором в час цветения. И только немногим из них удалось спастись от смерти, бежав в подземный мир.

Победоносные боги, ликуя, вышли со дна моря на берег и восславили подвиг Агастьи. И они просили мудреца снова наполнить океан водою. Но Агастья их опечалил своим ответом. «Нет больше во мне выпитой влаги,— сказал он богам,— она уже испарилась из моего желудка. Осушенное море я уже не могу наполнить водою снова. Отныне это ваша забота, премудрые боги, как вернуть океану воду». И, пожелав небожителям блага, Агастья удалился. А боги, поразмыслив, отправились во главе с Индрой к всемогущему Брахме, чтобы просить у него совета.

61. СОШЕСТВИЕ ГАНГИ НА ЗЕМЛЮ

Когда боги пришли к Брахме просить у него совета, как наполнить снова водою выпитое Агастьей море, Прародитель им ответил: «Долго придется вам ждать, о премудрые, до тех пор, пока не родится в городе Айодхья государь Бхагиратха из Солнечного рода Икшваку. Только ему суждено вернуть океану утраченные воды».

В ту пору в Айодхье правил могучий и мудрый царь из Солнечного рода по имени Сагара. Он был внуком Рохиты, сына Харишчандры. Отец Сагары умер еще до рождения сына, и царица, оставшаяся вдовою, хотела взойти вслед за умершим мужем на погребальный костер, но верховный жрец Аурва* удержал ее: «Ты носишь дитя во чреве. Грешно губить еще не рожденного сына. Ему же суждено быть великим воителем, покорителем многих племен и народов».

Так случилось, что Сагара родился после смерти отца. Он вырос в лесной обители мудрого Аурвы, ибо оставшееся без правителя царство Айодхьи захватили племена варваров. Когда Сагара вырос, он пошел на варваров войною, разгромил их в жестокой битве и вернул себе владения своих предков. И он покорил варварские племена и подчинил своей власти многие чужие народы: яванов и скифов, камбоджей и пехлевийцев*. Завоевав чужие страны, он заставил их жителей либо обрить себе головы, либо отпустить бороды, чтобы они отличались от его исконных подданных, населяющих его родную страну. Он запретил побежденным изучение Вед и исполнение брахманских священных обрядов; тогда-то яваны, пехлевийцы, скифы и другие покоренные им племена из кшатриев стали презренными млеччхами — варварами.

У царя Сагары было две жены — Кешини и Сумати. Кешини была сестрою царя видарбхов, Сумати — дочерью Кашьяпы и Винаты, сестрою Гаруды, царя птиц. Но ни Кешини, ни Сумати не подарили царю Сагаре потомства. И однажды жаждущий иметь сыновей царь от-

правился вместе с обеими своими женами в горы Хималая и предался там суровому подвижничеству. Когда миновало сто лет жестокого умерщвления плоти, к царю Сагаре явился божественный мудрец Бхригу*, сын Брахмы, и предложил ему дар. «Ты обретешь могучих потомков, о царь, и достигнешь великой славы,— сказал ему Бхригу. — Одна из твоих жен произведет на свет сына, который продолжит твой род; другая даст жизнь шестидесяти тысячам твоих сыновей».

Тогда обрадованные царицы спросили мудреца: «Кто же из нас, о брахман, родит одного сына, а кто — столь многих?» — «Выбирайте сами»,— ответил им Бхригу. Тогда в присутствии царя Кешини выбрала одного сына, продолжателя рода, а Сумати, сестра Гаруды,— шестьдесят тысяч могучих и славных сыновей.

И, поклонившись великому святому, Сагара вместе с женами вернулся в свою столицу. Вскоре обе царицы понесли и в должное время разрешились от бремени. Кешини родила сына, обликом подобного небожителям, а у Сумати из чрева появилась на свет огромная тыква. Когда ее увидел царь Сагара, он пришел в ярость и велел слугам выбросить рожденный Сумати плод вон из его чертогов. Но как только царские слуги прикоснулись к той тыкве, с небес послышался голос: «О царь Сагара! Не совершай греха, не отрекайся от своих детей! Поставь в надежное место шестьдесят тысяч кувшинов, наполни их очищенным маслом и в каждый сосуд бережно помести по одному семечку из этой тыквы. Из каждого кувшина выйдет тебе на радость по доблестному сыну».

Голос смолк, и Сагара, воспрянувший духом, сделал так, как повелело небо.

Через некоторое время семена тыквы, опущенные в кувшины, проросли, и из них вышли шестьдесят тысяч юных царевичей, сыновей Сагары. Они обладали неизмеримой силой и своим грозным обличьем на всех наводили ужас. Однако пока они были юны, их часто обижал и притеснял их сводный брат Асаманджа*, сын Кешини. Он с детских лет отличался злым нравом, а когда вырос, честным людям совсем не стало от него житья; народ Айодхьи жестоко страдал от его недобрых проделок и козней. Его любимой забавой было похищать детей и топить их в водах реки, протекавшей близ города. Наконец Сагара, разгневанный дурным поведением своего старшего сына, изгнал его из страны. Но он оставил при себе сына Асаманджи, своего внука Аншумана. Аншуман совсем не походил на своего злого отца; он был благочестив и кроток нравом, и все любили его.

Когда же подросли шестьдесят тысяч сыновей, рожденных Сумати, они, как и Асаманджа, стали проявлять дурной нрав. Их было так много, и так велика была их сила, что ни перед кем они не испытывали страха и никого не почитали, даже богов. Они чинили обиды и богам, и гандхарвам, и ракшасам, и людям, чванились перед всеми своей мощью и отвагой и с каждым старались затеять ссору. И притеснения злонравных сыновей царя Айодхьи стали наконец так нестерпимы, что и боги и люди прибегли к Брахме, моля о защите.

Брахма утешил молящих его, предсказав, что недолго осталось

им терпеть обиды от сыновей Сагары — скоро злые царевичи погибнут, и к гибели их приведут их собственные деяния. С надеждой вернулись боги в свое небесное царство, а люди — на землю и стали ждать, когда постигнет сыновей Сагары заслуженная ими участь.

И вот настал день, когда Сагара, покоривший всех окрестных государей, решил совершить в ознаменование своих побед великое жертвоприношение коня*. Согласно обычаю, коня, предназначенного для жертвы, выпустили сначала на волю. И всюду, куда он ни шел, за ним следовали шестьдесят тысяч сыновей царя, провозглашая власть Сагары над землями, на которые ступала нога коня.

Но когда конь пришел к морю, лишенному воды со времени великого подвига Агастьи, и ступил на дно морское, он в мгновение ока исчез из глаз царевичей*, словно провалился под землю. Сыновья Сагары бросились искать его повсюду; они обошли все окрестности, но коня нигде не было.

Сыновьям Сагары было невдомек, что коня их похитил не кто иной, как Индра, владыка богов. Чрезмерное возвышение земных царей всегда вызывало недовольство Индры. Государь, совершивший сто жертвоприношений коня, возвышался до равного с Индрой могущества*, а повелитель небесного царства не терпел соперников. Поэтому он постоянно стремился помешать честолюбивым земным владыкам совершить это жертвоприношение; вот и на этот раз он похитил и спрятал коня Сагары.

Но сыновья Сагары знали, что исчезновение жертвенного коня — самое дурное из предзнаменований, грозящее государю крушением всех его начинаний, а может быть, и гибелью. С превеликим рвением устремились они на поиски; они обошли всю землю, обыскали леса и горы, но коня так и не нашли.

Они вернулись в Айодхью с поникшими головами и признались отцу, что не уберегли жертвенного коня. Царь Сагара пришел в великое негодование и послал сыновей искать снова и снова, наказав им без коня не возвращаться. И опять они обошли все стороны света, но поиски их были тщетны.

Скитаясь повсюду, они набрели на глубокую расщелину на дне пересохшего моря. Они решили раскопать ее поглубже в надежде найти утраченное. И сыновья Сагары перекопали все дно морское и углубились в него до пределов подземного мира — Паталы, нагоняя страх на обитавших там ракшасов и нагов и убивая всех, кто попадался им на пути. Много дней и ночей они копали, уходя под землю все глубже и глубже, и добрались наконец до мировых слонов, поддерживающих земную твердь,— Айраваты на востоке, Махападмы на юге, Ваманы на западе и Сарвабхаумы на севере.

Почтив божественных слонов, держащих землю на своих головах, шестьдесят тысяч сыновей Сагары продолжали свои поиски. И вот на северо-восточной окраине подземного мира они узрели своего коня, мирно пасшегося на поляне. А вблизи него сидел на земле отшельник, погруженный в благочестивые размышления.

То был сам Вишну в облике великого мудреца и подвижника Ка-

пилы*. Неразумные сыновья Сагары, пренебрегая добрым обычаем, не оказали мудрецу должного почтения; с превеликим шумом и воплями, размахивая кольями и камнями, которыми рыли землю, они устремились прямо к коню. И они угрожали Капиле: «Это ты, злодей, похитил нашего жертвенного коня; берегись же попасть в наши руки!»

Тогда Капила, потревоженный ими в своих благочестивых размышлениях, обратил на царевичей гневный взор. И своим взором, мечущим пламя, он вмиг обратил в пепел шестьдесят тысяч сыновей Сагары.

Подвижники из обители Капилы принесли в Айодхью весть об участи, постигшей сыновей Сагары и Сумати. Долго царь Сагары был безутешен, но смирился перед волей богов.

Когда прошло время, установленное обычаем для поминания умерших, царь Айодхьи призвал к себе внука своего Аншумана и сказал: «О праведный Аншуман, великие беды постигли меня. Я утратил всех своих сыновей; только ты у меня остался. Шестьдесят тысяч братьев твоего отца погибли, испепеленные гневом великого Вишну, их прах лежит в подземном мире, и не свершены над ним погребальные обряды. Отца же твоего Асаманджу я изгнал за его злодейства из пределов Айодхьи, повинуясь желанию народа. В жестоких битвах я победил врагов, подчинил себе всех земных государей, но до сих пор не могу принести в жертву коня и отпраздновать свои победы. Аншуман, я возлагаю на тебя исполнение того, что не удалось братьям твоего отца. Найди коня, которого мои сыновья не уберегли, и приведи его обратно в Айодхью!»

Аншуман почтительно склонился перед дедом и пошел искать коня по следам погибших сыновей царя Айодхьи. Дорога привела его к лишенному воды океану. На северном краю океана он увидел глубокую расщелину и по широкому ходу, прорытому в ней его родичами, Аншуман спустился в подземный мир и вышел на поляну, на которой сидел Капила, предававшийся созерцанию высшей истины. И, сложив в знак почтения ладони перед лицом, Аншуман тихой поступью приблизился к величавому подвижнику, поклонился ему в ноги и поведал о цели своего прихода.

Капиле пришлись по душе кротость и почтительное обхождение Аншумана, и он обещал внуку Сагары исполнить любое его желание. Аншуман испросил прежде всего разрешения забрать коня, предназначенного для жертвы; потом он сказал: «Поведай мне, о великий мудрец, есть ли средство очистить от греха шестьдесят тысяч погибших сыновей царя, дабы могли они обрести покой в небесном царстве?» Капила ответил ему: «О Аншуман, ты правдив и честен. С твоей помощью царь Сагара добьется исполнения своих желаний. Ты вернешь ему этого коня, и пусть он принесет его в жертву, как подобает. А сын твоего сына в должный срок заслужит благоволение великого Шивы и милостью его низведет на землю небесную реку Гангу*. Воды ее вновь наполнят пересохшее море и омоют прах погибших сыновей царя Айодхьи. Как только священные воды Ганги коснутся их праха, они очистятся от грехов и обретут небесное царство».

Благодарный Аншуман склонился перед добрым подвижником и, взяв с собою коня, вернулся тем же путем в Айодхью. Он рассказал царю Сагаре обо всем, что с ним приключилось, рассказал ему и о предсказании Капилы. Обрадованный счастливым возвращением Аншумана и добрыми предсказаниями, царь Айодхьи совершил торжественное жертвоприношение коня. И боги были довольны Сагарой, и он еще долго правил царством, охраняя мир и благополучие своих подданных.

Но пришел день, когда силы покинули государя Айодхьи и жизнь его склонилась к закату. Тогда он передал царство Аншуману и оставил землю ради небесного блаженства.

Аншумана сменил на престоле Айодхьи его сын Дилипа, Дилипу — Бхагиратха, внук Аншумана. Царь Бхагиратха был прекрасен обликом, могуч и предан закону. В целом мире не было равных ему могуществом и отвагой; трон его окружали толпы подвластных ему государей; брахманы славили его добродетель и мудрость, но память о печальной участи его предков лежала тяжким бременем на сердце Бхагиратхи. Он помнил о том, что предсказал Капила, беседуя с его дедом; и однажды, передав царство своим советникам, он ушел к подножию Хималая и возложил на себя суровые обеты.

Тысячу лет провел Бхагиратха, предаваясь великому подвижничеству на склонах Хималая, чьи величавые вершины возносились к небу, сверкая драгоценными камнями. Дивные рощи украшали там горные склоны, по которым сбегали в долины быстрые чистые реки; в глубоких пещерах таились грозные львы и тигры; диковинные птицы оглашали криками воздух; лотосы цвели на глади глубоких озер, и звучала над ними в вышине чудесная журавлиная песня; на каменных утесах восседали красавицы апсары, и киннары услаждали их слух своей небесной музыкой; а вдали, там, где небо сливается с землею, бродили могучие слоны-великаны; и серебристое сияние окутывало широкие плечи Хималая.

И когда прошла тысяча лет, Ганга, дочь великого Химавата, явилась Бхагиратхе в облике прекрасной девы. В ту пору река Ганга протекала на небесах, и воды ее еще не смешивались с водами земных рек.

Ганга сказала: «О великий царь, чего ты хочешь от меня? Ради чего ты предавался тысячу лет жестоким истязаниям плоти? Назови мне твои желания, о благочестивый подвижник, и я все сделаю для тебя!» Бхагиратха сказал богине: «О великая Ганга! Некогда мои предки дурным поведением разгневали праведного Капилу, и он обратил их в пепел своим взглядом. И нет для них доныне места в небесном царстве. Только твои священные воды могут смыть грехи моих предков, если коснутся их праха. Чтобы испросить у тебя эту милость, я обрек себя на тысячу лет суровых покаяний». Благосклонная Ганга ответила Бхагиратхе: «Я готова помочь тебе, о благочестивый сын Дилипы, но то, о чем ты просишь, исполнить трудно. Если я направлю течение моих вод с небес на землю, земля не выдержит их падения. Во всей вселенной один только Шива мог бы уберечь землю

Ганга

от сокрушающего удара моих вод и низвести их на нее, не причинив ей ущерба. Проси Шиву об этой милости, и, если он согласится, я исполню твою просьбу».

И Бхагиратха, благодарный, поклонился Ганге и пошел к подножию горы Кайласа. Там, близ обители великого Шивы, он вновь предался жестоким истязаниям плоти, чтобы снискать милость грозного владыки. И прошло еще много лет, и наконец Шива явился перед внуком Аншумана и обещал ему, что поможет Ганге снизойти с небес. Поднявшись вместе с Бхагиратхой высоко в горы, Шива повелел ему призвать богиню. И в ответ на призыв Бхагиратхи Ганга появилась на вершине снежной горы. Она направила свои воды с небес на землю; но чтобы падение их не повредило земле, Шива подставил голову и принял на свое чело всю тяжесть низвергнувшихся вод. И по телу его они стекли на землю и направились к океану.

И Бхагиратха пошел вслед за водами Ганги, а за ним следовали боги и небесные мудрецы, гандхарвы и апсары, земные цари и подвижники, желавшие видеть, как Ганга вновь наполнит водою пересохший океан.

Но когда Ганга протекала мимо обители великого подвижника Джахну*, мудреца из рода Каушика, прадеда Вишвамитры, она потревожила его и отвлекла от исполнения благочестивых обетов; и разгневанный мудрец выпил одним глотком священную реку. Теперь Бхагиратхе пришлось умилостивлять мудрого Джахну новыми покаяниями, пока он не смягчился и не выпустил Гангу из своей утробы на волю. Но с тех пор Гангу называют Джахнави — дочь Джахну, ибо он изверг ее из себя, дав ей тем второе рождение.

И воды Ганги потекли дальше, и излились в пересохший океан, и наполнили его. Они проникли в подземное царство и коснулись праха сыновей Сагары. Тотчас погибшие царевичи очистились от греха и обрели небесное блаженство. И Бхагиратха, добившийся всего этого своим великим подвижничеством и благочестием, вернулся радостный в свое царство и правил долго и счастливо.

С тех пор священная река Ганга протекает на земле и впадает в океан, который она наполнила водой.

62. СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ-ЛЮДОЕДЕ

Царь Калмашапада* из рода Икшваку был правнуком благочестивого Бхагиратхи, низведшего Гангу с небес на землю. Он был отважен, и никто на земле не мог сравниться с ним величием. Однажды он отправился на охоту. В густых зарослях леса он повстречал на узкой тропинке отшельника Шакти, старшего сына великого мудреца Васиштхи. Царь повелел отшельнику уступить дорогу; но мудрец не сошел с тропы, и тогда Калмашапада, ослепленный гордостью и гневом, ударил брахмана плетью.

И Шакти проклял неразумного царя: «Ты поступаешь с благочестивым отшельником, словно ракшас! Так пусть же отныне ты ста-

нешь, подобно ракшасам, питаться человеческим мясом! О презреннейший из царей, быть тебе людоедом!»

Калмашапада, напуганный страшным проклятием, стал умолять сына Васиштхи о прощении. Но в то время случилось прийти в страну, где правил Калмашапада, великому подвижнику Вишвамитре. Он пришел в царство Айодхья с тайным намерением занять место верховного жреца у государей рода Икшваку, вытеснив своего заклятого врага и соперника Васиштху. Когда Вишвамитра узнал о проклятии Шакти, он наслал на царя Калмашападу злого ракшаса, и тот вселился в его тело. Так благодаря коварству Вишвамитры исполнилось проклятие Шакти, и несчастный Калмашапада, одержимый ракшасом, забыл о своей человеческой природе.

И когда в следующий раз Калмашапада встретил брахмана Шакти, старшего сына Васиштхи, он сказал ему: «Раз ты наложил на меня это ужасное проклятие, я с тебя и начну людоедствовать!» Он набросился на Шакти, убил его и съел, как тигр пожирает оленя. И, подстрекаемый Вишвамитрой, он пожрал потом одного за другим всех сыновей Васиштхи.

Когда великий подвижник Васиштха узнал, что все его сто сыновей погибли, пожранные царем-людоедом по наущению коварного Вишвамитры, горе его не имело предела. Но отрешившийся от страстей мирских отшельник не стал мстить погубителю своих сыновей. Он решил расстаться с жизнью. Взобравшись на вершину горы Меру, он бросился с нее вниз головой; но скалистое подножие той горы приняло его, словно мягкое ложе, и он остался цел и невредим. Тогда Васиштха пошел в глухой лес, разжег на лесной поляне костер и вошел в огонь. Но огонь не сжег его, и жар его был для мудреца, словно веяние прохладного ветерка. Тогда горестный сын Варуны привязал себе на шею тяжелый камень и бросился с берега в море в глубоком месте, но волны вынесли его обратно на берег живым и здоровым. И тогда неутешный Васиштха, напрасно искавший смерти, вернулся в свою обитель.

Но он не мог оставаться в своем опустевшем доме и, терзаемый горем, вновь удалился оттуда. Он пошел на берег многоводной реки и, связав себе руки и ноги веревками, бросился в ее волны. Но река разорвала его путы и вынесла его на берег. Тогда Васиштха нарек эту реку Випаша* — Освобождающая от уз.

Гонимый душевной мукой, он пошел дальше через леса и горы и достиг берегов другой реки, широкой и глубокой, воды которой кишели страшными крокодилами. Васиштха бросился в эту реку в надежде избавиться от жизни, полной страданий, но крокодилы не тронули его, а река разлилась тотчас же на сто потоков, обмелела и не дала мудрецу утонуть. С тех пор она зовется Шатадру* — Стремящая сто потоков.

А Васиштха, очутившись вновь на суше, в горести воскликнул: «Поистине, я не могу лишить себя жизни!» И снова направил стопы к своей обители. Приближаясь к дому, он услышал голос, читавший гимны Вед; и голос тот был совершенно подобен голосу его старшего

сына Шакти. Мудрец поспешил к своей обители, но не увидел там никого, кроме снохи своей Адришьянти, овдовевшей жены его старшего сына. «Кто читал сейчас Веды голосом Шакти?» — спросил Васиштха. «Это сын твоего сына, которого я ношу в своем чреве,— отвечала ему Адришьянти.— Он еще не родился, но уже знает наизусть все священные книги. Он будет великим мудрецом, о Васиштха!» И Васиштха возрадовался сердцем и воскликнул: «Не прекратится мой род!» Тогда тоска отпустила его, и он отвратился от мыслей о смерти.

Но однажды к его обители приблизился одержимый ракшасом царь Калмашапада, тот, что пожрал его сыновей. Увидев его, Адришьянти сказала Васиштхе, дрожа от страха: «Вот приближается к нам кровожадный ракшас, словно сам бог смерти! Спаси меня от него, о великий мудрец, и спаси своего будущего внука!» Васиштха успокоил ее: «Не бойся, дочь моя, это не ракшас, это царь Калмашапада, околдованный проклятием мудреца. Он не тронет тебя». И премудрый Васиштха заклинанием остановил Калмашападу, а потом окропил его освященной водою и изгнал из него ракшаса, который владел телом царя двенадцать лет.

Избавленный от проклятия царь Калмашапада вновь стал самим собой; он возрадовался и воздал хвалу мудрому Васиштхе. Тот сказал ему: «Ступай, о царь, в свою столицу и отныне управляй своими подданными по закону и справедливости. И никогда более не оскорбляй брахманов, о Калмашапада!» И Калмашапада обещал доброму Васиштхе почитать отныне жрецов и отшельников и никогда не чинить им обид. Он вернулся в Айодхью и правил с тех пор мирно и справедливо до самой своей смерти.

А у благонравной Адришьянти родился сын, которого назвали Парашара*, что значит Спаситель, ибо он спас своего деда Васиштху от смерти еще до того, как родился сам. И он стал великим мудрецом и обладал великим могуществом, которое он обрел благодаря знанию священных заклинаний и суровому подвижничеству. Он дал обет отомстить ракшасам за гибель отца и совершил великое жертвоприношение ради истребления самого рода ракшасов во всех трех мирах.

Встревоженные, пришли тогда к Парашаре Пуластья, Пулаха и Крату, сыновья Брахмы, чтобы утишить его гнев и отговорить его от губительных намерений. Пуластья сказал ему: «Неужели из-за одного людоеда ты обречешь на гибель всех ракшасов, в смерти твоего отца неповинных? Цадь Калмашапада избавился от проклятия; сыновья благородного Васиштхи, твоего деда, вкушают радость на небесах вместе с богами. Зачем же это бессмысленное и несправедливое истребление живых существ? Откажись от жертвоприношения, о сын Шакти!»

И, убежденный словами Пуластьи, Парашара отказался от своего обета. Огонь, предназначенный для истребления ракшасов, он выпустил в дремучий лес на северном склоне Хималая. Там каждую четверть лунного месяца он сжигает ракшасов, которым случится забрести в этот лес.

6 Заказ 5333

63. СКАЗАНИЕ О ЮНОМ ОТШЕЛЬНИКЕ

В давние времена в стране ангов* правил Ломапада, потомок Ану, четвертого сына Яяти. Царь этот проводил свои дни в развлечениях и забавах, забывал приносить богам жертвы, и при нем не было даже приближенного жреца для советов, за что брахманы были на него в немалой обиде.

И пришел день, когда по воле Индры дожди стали обходить стороною царство Ломапады, пренебрегшего законом, реки в его стране обмелели, и земля высохла, и великие страданья и невзгоды выпали на долю ангов. Тогда встревожился Ломапада. Пришлось ему призвать к себе мудрых брахманов и просить у них совета — что сделать, чтобы дожди вернулись на землю ангов.

И тогда сказал один из мудрецов Ломападе, что, если на землю его царства ступит нога Ришьяшринги, юного отшельника, не ведающего греха, Индра вернет свою милость ангам и дожди оросят иссохшие поля.

Ришьяшринга был сыном Вибхандаки, благочестивого пустынника, жившего в уединенной обители в глухой лесной местности. Однажды Вибхандака пришел на берег реки, чтобы совершить омовение, и увидел на другом берегу прекрасную апсару Урваши. Взволнованный ее прелестью, отшельник обронил семя в речные воды. И случилось так, что семя его вместе с водою проглотила лесная лань, пришедшая к реке напиться. И когда пришло положенное время, она родила мальчика с небольшим рогом на лбу. Вибхандака вырастил и воспитал ребенка; он нарек его Ришьяшринга, что значит Олений рог.

Ришьяшринга вырос в лесной обители своего отца, с юных лет преданный обетам, покаянию и благочестивым обрядам. Он не ведал мирской жизни; и он вышел из детских лет и стал красивым и статным юношей, но никогда за все эти годы, оберегаемый отцом от грешного мира, он не видел женщины.

Об этом юном подвижнике рассказал брахман царю Ломападе; но никто из собравшихся мудрецов не знал средства выманить Ришьяшрингу из леса. Царь созвал советников, искушенных в мирских делах, и они подали ему совет, как завлечь Ришьяшрингу в царство ангов.

Царь велел позвать городских блудниц*, искусных в любви, пении и танцах. Он объяснил им, что для блага страны они должны соблазнить Ришьяшрингу и заманить его в пределы царства. Но прекрасные блудницы не решились исполнить его веление. Хотя они и боялись прогневить царя, еще больше страшились они проклятия отшельника; в смущении они ответили Ломападе, что не по силам им такая задача.

У царя Ломапады не было своих детей. Но ему отдал свою дочь государь из рода Икшваку, и Ломапада растил и воспитывал ее с младенческих лет как родное дитя. Во всем свете не было девушки равной по красоте царевне Шанте, приемной дочери царя ангов. Когда

она узнала о том, какая беда грозит государству, она сама вызвалась привести из леса спасителя страны.

По ее приказанию искусные плотники поставили для нее на плоту легкую хижину, обвили ее ветвями деревьев, украсили цветами и устлали пахучими травами. Взяв с собой впрок вкусных яств, и плодов, и вина, царевна в сопровождении немногих служанок, юных и красивых, взошла на плот, который пустили вниз по реке, протекающей через лес, где совершал обряды и покаяния безгрешный Ришьяшринга.

Через некоторое время плот достиг пределов леса и причалил к берегу невдалеке от обители Вибхиндаки. Прочно привязав плот к дереву, девы сошли с него; и царевна Шанта послала своих спутниц отыскать лесные тропы, ведущие к обители, и посмотреть, как проводит Ришьяшринга утро, день и вечер.

Затем, выждав удобное время, когда Вибхиндака, отец Ришьяшринги, ушел в лес за топливом для жертвенного костра, царевна отправилась одна к обители, оставив служанок стеречь плот. Выйдя из лесной чащи, она приблизилась к Ришьяшринге, отдыхавшему в одиночестве на поляне перед хижиной, и сказала: «О благочестивый подвижник, я вижу, ты здоров, у тебя вдоволь плодов и кореньев, и тебе здесь радостно и приятно. Ты, наверно, утешаешь отца своего прилежанием и усердием в исполнении обрядов и праведной жизнью и поведением». Удивленный появлением неведомого ему существа, Ришьяшринга ответил: «От тебя исходит сияние, как от яркого светила. Кто ты? Позволь, я принесу воды, чтобы омыть тебе ноги как благому гостю. Может быть, ты хочешь отведать сочных плодов из нашего леса? Присядь на эту циновку. Она сплетена из священной травы куша и покрыта шкурой черной антилопы. На ней сидеть удобно и приятно. Скажи мне, где твоя обитель? О чудесный брахман! Лицом и станом ты подобен богу! Поведай мне, какие ты исполняешь обеты!»

«О сын Вибхиндаки,— отвечала ему юная дева,— по ту сторону холма, в трех йоджанах отсюда, в прекрасной местности стоит моя обитель. Ты не спеши нести мне воду для омовения ног; не подобает мне принимать от тебя услуги. А главный обет мой в том, чтобы заключить тебя в мои объятия!»

Тогда Ришьяшринга стал угощать ее спелыми и сочными плодами. Но лукавая дева отказалась от них и сама стала угощать его принесенными ею плодами, каких ему еще не приходилось отведать. Ее шутки и шалости пленили Ришьяшрингу и развеселили его необычайно. Она принялась украшать его гирляндами и венками, надела на него блистающие драгоценные ожерелья и браслеты и напоила пряным и хмельным напитком. И юная прелестница весело смеялась, забавляясь смущением Ришьяшринги. А потом она стала играть с мячом, поднимала его с земли и подбрасывала высоко в воздух, чтобы Ришьяшринга мог любоваться гибкостью ее тела. Играя вокруг него, она касалась его своими нежными руками и завлекала его, бросая на него робкие и нежные взгляды. Когда она увидела, что сердце его

задето, она крепко его обняла и тихой поступью удалилась прочь от обители, бросив ему ласковый взгляд на прощанье.

Она ушла, а Ришьяшринга остался сам не свой от охватившей его страсти и уже не властен был над собою. Мысли его неотрывно следовали за чудесной гостьей, покинувшей его, и он чувствовал себя одиноким. И он все время тяжко вздыхал, как будто случилось с ним великое несчастье.

Вскоре вернулся в обитель великий подвижник Вибхиндака. Он сразу увидел, что Ришьяшринга не вычистил жертвенную утварь и не приготовил молока и масла для жертвенных возлияний. Он увидел сына своего, печального, с поникшей головою, словно угнетенного тяжким горем. Вибхиндака спросил сына, что случилось с ним сегодня, и Ришьяшринга ему ответил: «Сегодня приходил сюда юный подвижник, никогда не виданный мною раньше. Его густые и длинные волосы, блестящие, иссиня-черные, завивались кольцами и приятно пахли; они повязаны были золотой лентой. Он был невысокого роста, со светлым лицом и большими черными глазами, подобными лотосам, с тонким станом и высокой грудью. На шее у него сверкало ожерелье, как молния в небе, платье было расшито золотыми нитями, а на ногах, красивых и стройных, звенели блестящие украшения. От него исходило сияние, и обликом он был прекрасен, как небожитель. Смотреть на его лицо было приятно, и голос его радовал сердце. Речь его была сладостна, как пение кокилы, и проникала в самую душу. От него исходило благоухание, как от леса в пору цветения. Когда он встряхивал головою, волосы его спадали красивыми прядями на лоб и на лицо и рассыпались по плечам. В руке он держал удивительный круглый плод, который от удара о землю подскакивал и взлетал высоко в воздух. И когда я глядел на этого юного подвижника, отец, сердце мое было исполнено радости. Он не взял у меня воды для омовения и отказался от предложенных мною плодов, он не стал пить из нашего родника. Он дал мне других плодов, необычайного вкуса, и поднес мне чудное питье; когда я отведал его, голова моя закружилась, и на душе у меня стало легко, как никогда раньше. Он надел мне на шею эти гирлянды цветов и эти драгоценные ожерелья. А потом он обхватил меня руками, и притянул к себе мою голову, и прижался устами к моим устам, произведя негромкий, не слыханный мною раньше звук; и трепет объял мое тело. Отец мой, с тех пор как этот юный отшельник ушел, печаль томит меня и словно огонь жжет мое тело; и мысли мои устремляются только к нему. С ним я хочу быть всегда и хочу исполнять те обеты, которые он исполняет; они мне больше по сердцу, чем те, которым ты меня учил. И нет у меня других желаний».

Выслушав рассказ Ришьяшринги, отец, встревоженный, отвечал ему: «О сын мой, злые бесы бродят по лесам в прекрасном обличье! Они только о том и мечтают, чтобы совратить подвижника с праведного пути! То был ракшас, Ришьяшринга, задумавший нарушить твои обеты; с ракшасами не надо иметь никакого дела, не надо ни смотреть на них, ни вступать с ними в разговоры — не доверяй им! И те-

бе, отрешившемуся от мира, не подобает украшать себя венками и ожерельями».

Повелев сыну впредь не пускать никого в пределы обители, Вибхиндака отправился в лес искать ракшаса, смутившего покой Ришьяшринги. Три дня он ходил по окрестному лесу, но поиски его были тщетны, и он вернулся в обитель. Но когда в другой раз Вибхиндака ушел в лес собирать плоды и коренья, чудесный гость пришел в обитель снова. И едва Ришьяшринга увидел царевну, он бросился ей навстречу, охваченный радостью, и сказал: «Поспешим скорее в твою обитель, пока отец мой не вернулся из леса!»

Шанта привела Ришьяшрингу к своей плавучей хижине, и они взошли на плот, украшенный ветвями и цветами. И пока они разговаривали, плот отчалил от берега и поплыл к столице Ломапады.

Когда они прибыли туда, радостный царь ангов принял Ришьяшрингу с великим почетом и ввел его во внутренние покои своего дворца. И едва сын Вибхиндаки переступил порог дворца Ломапады, как хлынул дождь, обильный и плодоносный, и напоил земли и наполнил водоемы страны ангов. Царь Ломапада, довольный исполнением своих желаний, пышно отпраздновал свадьбу своей приемной дочери Шанты с Ришьяшрингой. А чтобы Вибхиндака не гневался на него за похищение сына, царь решил богато одарить и своего зятя, и его отца. Своим подданным, пасшим стада по всему пути от лесов, где стояла обитель отшельника, до царской столицы, Ломапада повелел оказывать Вибхиндаке, едва они его увидят, царские почести и говорить ему, что и земли их, и стада, и сами они принадлежат Ришьяшринге.

И все исполнилось так, как предусмотрел Ломапада. Когда Вибхиндака вернулся из леса и не нашел в обители сына, его охватил великий гнев. Он догадался, что Ришьяшрингу увезли в царство Ломапады, и отправился туда, во гневе готовый испепелить властелина ангов и его столицу. Но по дороге в столицу ангов люди на пастбищах и в пастушьих хижинах встречали Вибхиндаку с великим почетом, как знатного владыку. Пастухи, отвечая на его вопросы, говорили, что и скот, и земли, и они сами принадлежат царскому зятю Ришьяшринге. Гнев Вибхиндаки понемногу стихал, и, когда отшельник добрался до столицы и Ломапада с почестями встретил его у городских ворот и щедро одарил его, Вибхиндака примирился с тем, что произошло. Но, покидая столицу ангов, он сказал Ришьяшринге: «О сын мой! Когда ты исполнишь все просьбы Ломапады и у тебя родится сын, возвращайся без промедления в нашу лесную пустынь!»

Ришьяшринга так и поступил. Но впоследствии он склонился на просьбы царя Айодхьи, благочестивого Дашаратхи, родного отца его жены Шанты, и стал у него верховным жрецом. Он совершил жертвоприношение, чтобы у царя появилось мужское потомство, и у Дашаратхи родился могучий сын — великий Рама, победитель ракшасов.

64. СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ СОМАКЕ И СЫНЕ ЕГО ДЖАНТУ

Был в стране панчалов* славный царь по имени Сомака, отпрыск Лунного рода. У него было сто жен, и все они были беззаветно преданы государю. Царь очень хотел иметь сыновей, но проходили годы, а жены его оставались бездетными. И вот, когда царь Сомака уже состарился, одна из жен наконец родила ему сына, и давнее желание государя панчалов исполнилось. Царевичу дали имя Джанту, и мальчик рос, нежно любимый всеми женами Сомаки. Они всячески заботились о Джанту, с радостью исполняли каждое его желание, и дни юного царевича протекали в забавах и удовольствиях.

Как-то раз царского сына укусил в бедро муравей, и Джанту громко вскрикнул от боли. Все жены государя взволновались, окружили царевича и запричитали; и великий шум поднялся во дворце. Когда царю Сомаке доложили, что муравей укусил его сына, он в волнении и испуге поспешил со всеми своими советниками в женские покои. Но оказалось, что с Джанту не случилось ничего страшного, и боль у него уже прошла без следа. Тогда Сомака вернулся к делам царского совета, сетуя на горькую судьбу отца, у которого всего один сын.

«Уж лучше бы быть мне совсем бездетным,— сказал Сомака своим советникам. — Когда у тебя всего один сын, тревога о нем постоянно давит на сердце — ведь страшно его потерять. Всю жизнь я стремился иметь много сыновей. Жены мои все здоровы и желают потомства, и все они, кроме одной, остались бездетны. Только одного сына они подарили мне к старости. Печальна судьба государя, вступившего в преклонные годы, но не имеющего многочисленного потомства; а ведь и жены мои становятся с каждым годом все старше. Неужели нет средства избавить меня от этой печали? Я готов на любые испытания ради того, чтобы каждая из моих жен принесла мне по сыну!»

На эти слова царский жрец, мудрый брахман, искушенный в науке обрядов, отвечал Сомаке, что средство такое существует. «Но оно жестоко и потребует от тебя великой силы духа и твердости, государь»,— сказал жрец. Царь Сомака, согласный на все ради обретения потомства, повелел брахману открыть ему это средство.

Тогда брахман сказал: «О государь, ты должен принести в жертву Джанту, твоего первого и пока единственного сына, и если ты сделаешь это, жены принесут тебе спустя некоторое время сто других сыновей, прекрасных и отважных. В тот час, когда пламя жертвенного костра охватит тело Джанту и жены твои вдохнут дым жертвоприношения, они почувствуют тяжесть в теле; и каждая из них родит тебе по сыну. А первенец твой Джанту обретет новое рождение в чреве своей матери; ты узнаешь его по золотой родинке на спине».

Так велико было желание царя Сомаки иметь многочисленное потомство, что он дал согласие принести Джанту в жертву. Верховный жрец приказал брахманам развести огонь на алтаре и приготовить утварь для жертвенного обряда. Потом он отправился на женскую половину дворца за Джанту.

Когда жены царя узнали о готовящемся жертвоприношении, скорбь, ужас и жалость охватили их; они толпой окружили Джанту и не хотели отдавать его суровому жрецу. Но тот силой вырвал царевича из рук рыдающих женщин, привел его к алтарю и принес в жертву, творя заклинания.

И, как предсказал жрец, когда жены царя Сомаки вдохнули дым жертвенного костра, они почувствовали в теле неведомую им раньше тяжесть; и через десять месяцев каждая из них родила царю по сыну. И Джанту снова родился у своей матери, как было предсказано, и он считался среди сыновей Сомаки самым старшим, и жены государя любили его, как и прежнего Джанту.

Спустя некоторое время жрец, принесший в жертву юного Джанту, умер. А вскоре после того расстался с жизнью и престарелый царь Сомака. После смерти царь, направляясь в небесное царство Индры, проходил через страшные владения Ямы. Там он увидел своего верховного жреца, который горел в пламени неугасимого костра и корчился в нестерпимых муках. Царь Сомака узнал от него, что он терпит эту кару за то, что принес в жертву царевича Джанту. Тогда Сомака пожелал разделить с ним его муки, ибо почел несправедливым, чтобы за общую их вину расплачивался один брахман. И царь и брахман оба горели в пламени костра в обители Ямы, пока не очистились от прегрешений. Тогда Царь справедливости отпустил их обоих в небесные пределы.

65. СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ УШИНАРЕ

В давние времена жил на земле могучий царь Ушинара из рода Ану. Слава о его благочестии разносилась повсюду, и люди говорили, что могуществом праведности своей он превосходит самого владыку небес Индру. И вот однажды боги Индра и Агни решили убедиться сами, правду ли рассказывают о царе Ушинаре. Индра обернулся соколом, Агни — голубем, и в птичьем облике оба появились перед царским дворцом. Голубь, будто спасаясь от сокола, бросился в ноги царю Ушинаре и просил его о защите. Сокол же обратился к Ушинаре с такими словами: «Все на земле считают тебя справедливым и праведным, государь. Рассуди же нас по закону. Меня давно мучит голод. Ведь не станешь же ты отнимать у меня пищу, предназначенную мне от века самим творцом вселенной? Неужели из жалости к голубю ты обречешь меня на голодную смерть? Или ты станешь спасать эту птицу ради славы добросердного и сострадательного государя?»

Ушинара ответил ему: «Эта малая птица вся дрожит от страха перед твоими острыми когтями и твоим алчным клювом. Она пришла ко мне за защитой и спасением, и мой долг оградить ее от тебя и сохранить ей жизнь».

Тогда сокол сказал Ушинаре: «О великий царь, разве не ведомо тебе, что только пища поддерживает и сохраняет нам жизнь? Даже человек не может сохранить себе жизнь, если у него не будет пищи. Всякое живое существо без пищи гибнет. И если ты лишишь меня мо-

ей законной пищи, ты отнимешь у меня жизнь. Голубя ты спасешь, но меня ты погубишь. Если тебя, государь, лишить твоей пищи, жизнь покинет тебя и ты не сможешь защитить от гибели ни своих подданных, ни эту трусливую птицу. А если я погибну, лишенный моей добычи, вслед за мной погибнут от голода и моя жена, и мои малые дети. И все мы умрем ради одного этого голубя. Тогда на праведную душу твою ляжет великий грех. Так всегда бывает в мире — то, что для одного становится благом, другому приносит несчастье и оборачивается неправедным и греховным поступком. Чтобы не ошибиться, следует хорошо поразмыслить, какое деяние принесет больше блага. Что лучше — спасти многих, принеся одного в жертву, или спасти жизнь одному и обречь на погибель многих?»

Удивленный этой разумной речью птицы, Ушинара сказал: «О мудрый сокол! Ты рассуждаешь так умно, словно ты Гаруда, царь пернатых. И я не посмею сказать, что тебе не ведомы пути закона. Но ты можешь утолить голод, поискав себе другую пищу и не требуя, чтобы я выдал птицу, которая в страхе за свою жизнь ищет у меня защиты. Я наделю тебя пищей лучшей, чем этот маленький голубь. Хочешь, я прикажу дать тебе мяса буйвола, кабана или оленя?» Сокол ответил Ушинаре: «Нет, великий государь, мне не нужно ни кабана, ни буйвола, ни оленя. Отдай мне голубя. Само небо послало его сегодня мне и моим детям. Голуби — пища, определенная нам от века».

«Проси у меня чего хочешь, сокол,— сказал Ушинара.— Я могу отдать тебе владения моих предков, любую свою драгоценность: золото, жемчуг, рубины — все, чего ты пожелаешь. Только не проси у меня голубя, который припал к ногам моим, ища у меня защиты. Скажи, что ты хочешь получить от меня взамен этой птицы?» Тогда сокол сказал: «О царь, если ты так жаждешь спасти этого голубя, который трясется от страха за свою жалкую жизнь, отрежь от своего тела кусок мяса такого же веса, как этот голубь. Пусть твое тело послужит пищей мне, моей жене и моим детям».

И Ушинара с радостью согласился отдать за голубя свою плоть. Не дрогнув, отсек он от своего тела кусок мяса, а когда заметил, что голубь тяжелее, отрезал второй кусок, чтобы вес его отсеченного мяса был равен весу голубя. Залитыми кровью руками он взвесил голубя и оба куска своей плоти и с удивлением обнаружил, что голубь все еще тяжелее. Тогда Ушинара стал срезать со своего тела кусок за куском, чтобы выполнить данное им слово, но голубь становился все тяжелее, и вскоре на костях царя совсем не осталось плоти.

И тогда сказал царю Ушинаре сокол: «Узнай, о праведный Ушинара, я — Индра, а этот голубь — бог Агни. Мы пришли к тебе, чтобы испытать доброту твоего сердца и убедиться самим, сколь правдива молва о твоей добродетели. Отныне, о справедливый царь, слава твоя будет сиять, как солнце, и распространится по всей вселенной. До скончания века люди будут рассказывать о тебе предания, а сам ты вознесешься в небесные пределы».

И все, что предсказал Ушинаре всемогущий Индра, исполнилось. Слава о добродетельном царе осталась в веках.

66. РОЖДЕНИЕ СКАНДЫ*, БОГА ВОЙНЫ

В давние времена, когда шла война между богами и асурами, Индра, предводитель небесного воинства, уничтожил в битве могучих и доблестных дайтьев, сыновей Дити. Горестная мать их затаила ненависть к губителю своих сыновей. Она пришла к своему супругу Кашьяпе и сказала: «О великий! Индра погубил моих детей, не дав им насладиться жизнью. Я прошу тебя, подари мне сына, обладающего такой силой, чтобы он мог покарать Индру и отомстить ему за мою обиду!».

Кашьяпа обещал Дити, что желание ее сбудется и она родит могучего сына. Счастливая, она удалилась в леса, возложив на себя суровые обеты. И когда пришел срок, Дити родила сына, огромного, как горная вершина, и крепкого, как железо. Она дала ему имя Ваджранга*. Никакое оружие не было ему страшно, даже молнии и громовые удары Индры были бессильны против него.

Когда Ваджранга возмужал и приобрел познания, необходимые воину, он спросил Дити: «О мать! Скажи мне, что я должен для тебя сделать?» И тогда Дити, дождавшаяся своего часа, глядя с улыбкой на своего могучего сына, повелела: «Послушай, Ваджранга! Небесный владыка Индра загубил множество твоих кровных братьев. Ступай в Амаравати и покарай Индру!»

Ваджранга послушно отправился в небесные пределы, разыскал Индру в его царских чертогах, схватил небесного владыку своими могучими руками, словно ребенка, связал его, взвалил себе на спину и вернулся с этой ношей к матери. Приблизившись к Дити, Ваджранга бросил к ее ногам связанного Индру, как бросает лев своей львице пойманного в лесу оленя. Но не успела обрадованная Дити и слова молвить, как перед ними явился сам Прародитель и сказал Ваджранге: «О сын мой! Что ты хочешь сделать с Индрой? Поверь, нет кары страшней, чем бесчестье, оно хуже, чем смерть. Послушайся меня, освободи от пут небесного владыку. Лучше будет, если он получит свободу по твоей доброй воле, а не по моему велению. Он и сам сейчас не радуется жизни — так ты унизил его». Ваджранга с почтением отвечал Брахме: «Мне ничего от Индры не надо. Я только исполнял волю моей матери. Ты же, о Брахма, наш прародитель, и мне подобает следовать твоим советам. Я сейчас отпущу владыку небес. У меня нет к нему ни вражды, ни злобы. Но я прошу тебя о великом благе. Научи меня праведной и добродетельной жизни, о великий Брахма!» И Ваджранга умолк, склонившись перед Брахмой в ожидании ответа.

«Если ты хочешь праведной и добродетельной жизни, сын мой,— сказал ему Брахма,— то оставайся в лесах и возложи на себя строгие обеты. Откажись от суетных желаний, не ищи ни власти, ни мирских наслаждений. Праведная жизнь вдали от страстей, зависти и злобы очистит твою душу и наполнит ее благостным покоем. А чтобы тоска по мирскому счастью не томила твое сердце, я подарю тебе прекрасную и нежную деву». Так сказал Ваджранге Творец вселенной и то-

гда же создал для его счастья прекрасную деву со стройным станом и высокой грудью и с чарующими очами, подобными лотосам. Прародитель нарек ее Варанги и подарил сыну Дити.

Ваджранга со своею юной супругой удалился в тихую лесную обитель и стал вести праведную жизнь, исполняя суровые обеты. Первую тысячу лет он стоял, воздев кверху руки; вторую тысячу лет он стоял, согнувшись и упираясь головой в землю; третью тысячу лет он изнурял себя палящим зноем, а на четвертую — погрузился в студеную воду. И все эти годы его прекрасная супруга Варанги просидела на берегу водоема, соблюдая обет молчания и отказавшись от всякой пищи.

В то самое время, когда они совершали суровое покаяние, Индра, обернувшись огромной обезьяной, появился перед Варанги. При виде его она пришла в ужас. Он рычал и ломал все, что попадалось ему под руку, он разбил домашнюю утварь отшельников и учинил великий беспорядок. Затем, превратившись в огромного змея, он обвился кольцами вокруг перепуганной Варанги и утащил ее из обители супруга.

Тем временем пришел к концу срок покаяний Ваджранги. Брахма был доволен его подвижничеством и обещал Ваджранге, что его минует недобрая участь асуров и тело его будет вечным. Радостный Ваджранга прекратил тогда истязания плоти, отведал наконец вкусной пищи и пошел в свою обитель, чтобы возвестить милость Брахмы своей Варанги. Но в хижине он ее не увидел. Встревоженный Ваджранга стал повсюду искать свою супругу и наконец нашел ее в глухом лесу на горном склоне. Напуганная Индрой, она испускала жалобные крики, и Ваджранга долго не мог ее успокоить. Когда он узнал о происшедшем и о том, кто был виновником испуга Варанги, он пришел в такую ярость, что решил отомстить не только Индре, но и всем обитателям его царства. Но теперь Ваджранга был уже в преклонных летах, и к тому же он обещал Брахме никогда не покидать свою отшельническую обитель. Тогда он решил подвижничеством добиться от Брахмы еще одной милости — обрести сына, обладающего еще большей мощью, нежели он сам.

И снова долгие годы Ваджранга изнурял свою плоть в суровых обетах, пока Брахма наконец не обещал ему желанного сына. Тогда, прекратив подвижничество, он вернулся к возлюбленной своей супруге.

Когда пришло положенное время, Варанги зачала обещанного Брахмой сына и стала терпеливо дожидаться его рождения. Но проходил год за годом, а дитя все не появлялось на свет. Тысячу лет протомилась Варанги, дожидаясь разрешения от бремени, и наконец этот день наступил. Сын Ваджранги появился на свет, красивый, могучий и статный, и голос у него был зычный, как рокот грома. Ваджранга дал сыну имя Тарака. Он рос так быстро, что вскоре стал огромным, как горная вершина, и с младенческих лет он был сведущ в науках, как мудрейший из брахманов.

Все асуры радовались, глядя на сына Ваджранги; они гордились его силой и его знаниями и признали его своим вождем и полководцем.

На него асуры возложили все лучшие свои надежды. «Сила и отвага сына Ваджранги принесут нам власть над всем миром»,— думали они. Сам же Тарака, зная об обидах, нанесенных Индрой его матери Варанги, думал только о том, чтобы покорить небесное царство и наказать его коварного владыку. Он решил уйти в леса на горные склоны Химапая и там предаться небывалому подвижничеству. Прежде чем начинать битву с богами, Тарака задумал получить от Брахмы величайший дар.

Он поселился в уединенной горной пещере, разжег на поляне перед пещерой кольцо неугасимых костров, отказался от всякой пищи и стал томить свое тело огнем и солнечным зноем. Так провел он долгие годы; потом он стал срезать со своего тела мясо, кусок за куском, и бросать его в огонь костров, принося самого себя в жертву Брахме. Наконец пришел день, когда на теле Тараки совсем не осталось плоти; он стоял среди пылающих костров, бестелесный, и это не виданное доселе на земле покаяние повергло в ужас обитателей трех миров. Сам Брахма, изумленный, явился к сыну Ваджранги и спросил его: «Скажи, великий подвижник, чего ты хочешь? Выбирай любой дар, ты заслужил своими подвигами мою милость».

Тарака попросил Брахму даровать ему бессмертие. «О Прародитель,— сказал он Творцу вселенной,— тебе ведомы сокровенные помыслы всех тварей, живущих в трех мирах. Ты знаешь, сколь сильна вражда асуров и богов. Помоги мне завоевать победу для асуров. Сделай так, чтобы никто не мог поразить меня в битве ни рукой, ни ногой, ни оружием. Ничего другого я не прошу у тебя». Но Брахма сказал Тараке, что асур не может избежать смерти; зато он волен выбрать себе кончину, какую сам пожелает. Тогда Тарака сказал: «Сделай так, чтобы только семидневный младенец мог лишить меня жизни». И Брахма согласился дать этот дар Тараке, сыну Ваджранги.

Когда Тарака вернулся с этим даром Брахмы к асурам, они воспряли духом, и среди них воцарилось веселье. С таким вождем, как Тарака, они перестали бояться Индры и воинства небожителей, и жизнь их стала покойной и беззаботной. Но Тарака, великий воитель, не мог долго наслаждаться покоем и миром. Душу его томила жажда сразиться с богами. Однажды он собрал асуров и сказал им: «Что за радость править подземным миром и не иметь власти над небом? Сердце мое жаждет радости битвы с богами! Боги живут жертвоприношениями, идущими к ним отовсюду, они пьют священную сому, наслаждаются красотой апсар и развлекаются играми в небесных рощах. Мы же терпим все это и не хотим отомстить за причиненные нашим предкам обиды! А тем, кто не мстит за обиды, не видеть вовеки ни богатства, ни славы. О братья, я начинаю смертельную войну с богами. Снарядите мне колесницу о восьми колесах, водрузите на ней мое боевое знамя и готовьте к битве наше войско. Завтра мы выступим против Индры и всех обитателей небесного царства!»

И, повинуясь воле Тараки, асуры собрали большое войско, вооружили его согласно правилам воинской науки, а для Тараки запрягли в колесницу о восьми колесах тысячу коней, быстрых, как мысль, на-

грузили ее копьями, дротиками, луками и стрелами и поставили на ней его золотое знамя.

Впереди грозных полчищ асуров, конных, пеших, едущих на колесницах и на слонах, шли барабанщики и музыканты. Воины запели боевые песни, угрожая врагам ужасной смертью, и земля задрожала под их тяжкой поступью.

А тем временем Индра, встревоженный могуществом Тараки, удалился на гору Манаса и там в уединении размышлял о том, как укрепить силу своего воинства. «Асуры одолевают нас,— думал он,— и я уже не в силах отразить их натиск. Нужен новый вождь для моего войска, могучий муж, способный спасти нас от разгрома».

И когда он сидел там, погруженный в такие мысли, он услышал внезапно крики о помощи. Индра поднял свой взор и невдалеке, на горном склоне увидел Кешина, демона-исполина, подобного утесу из красной меди; в одной руке держа палицу, он другою рукою увлекал за собой прекрасную деву. «Как ты смеешь творить насилие над этой девой! — вскричал царь богов, приблизившись к исполину.— Перестань мучить ее. Знай, пред тобою громовержец Индра, повелитель небесного царства, и он не допустит, чтобы творилось беззаконие в мире».

Кешин ответил ему с усмешкой: «Оставь ее мне, это моя добыча, и я хочу владеть ею. Ступай в свое небесное царство, Индра, и будь доволен тем, что остался в живых после встречи со мною». Индра, разгневанный, двинулся на демона, чтобы покарать его за дерзость; тогда Кешин метнул в него свою огромную палицу, но бог рассек ее надвое своей ваджрой. Разъяренный асур сорвал вершину горы и хотел метнуть ее во врага, но и ее разбил Индра ударом ваджры, и она обрушилась на самого Кешина. И Кешин, раненный, отпустив деву, обратился в бегство.

Когда он скрылся, Васава спросил деву: «Кто ты, красавица? Чья ты? Как ты попала сюда?» Та отвечала: «Имя мое Девасена*, я — дочь Дакши, Владыки созданий. Сестра моя, Дайтьясена*, уже стала добычей Кешина. Обе мы с разрешения отца часто приходили сюда, на гору Манаса, развлечься со своими подругами, и Кешин уже пытался похитить нас. Сестра моя воспылала к нему страстью, и ее он похитил,—меня же ты спас, о могучий повелитель богов. И теперь я прошу тебя, найди мне супруга, чью силу я могла бы безмерно умножить».

«Поведай мне, в чем твоя сила, о дева, сестра моей матери»,— вопросил Индра. Девасена ответила: «Во мне самой, о могучий, нет никакой силы, но тот, кто возьмет меня в жены, обретет силу, равной которой не было в мире,— таков дар, полученный мною от отца. Супруг мой будет непобедимым воителем; вместе с тобою он одолеет любого врага».

Тогда Индра задумался: «Где же мне найти супруга, достойного этой девы?»

А между тем день склонился к закату, и повелитель богов увидел, что заходящее солнце, окруженное зловещим сиянием, погружается в кроваво-красные облака. И он увидел океан, обитель Варуны,— во-

ды в нем словно окрасились кровью. На земле шакалы с огнедышащими пастями выли, обратив морды к солнцу. «Быть завтра великой битве»,— подумал Индра.

Вместе с Девасеной он направился к Брахме и, поклонившись ему, молвил: «Избери мужа для этой девы. То должен быть великий воитель». И Брахма сказал: «Вскоре родится дитя великой мощи. Ему предназначено быть вождем твоего воинства и супругом этой девы».

Тогда Индра со спасенной им от асура девой отправился в священную обитель Васиштхи, где пребывали семь великих мудрецов*, возвысившихся в мирах совершенством познания истины: Атри, Вишвамитра, Бхригу, Гаутама, Джамадагни, Бхарадваджа и Васиштха. Вместе с женами своими они поселились там все вместе близ вершины Меру. Они совершили ради жаждущего победы Индры великое жертвоприношение, и Агни вознес эту жертву богам.

А Индра вернулся в свою столицу Амаравати, куда гонцы уже принесли весть о выступлении войска асуров. В тревоге царь богов обратился за советом к Брихаспати, мудрому наставнику небожителей, и тот сказал Индре, что надо готовиться к битве. «Враг грозит тебе войной,— сказал Брихаспати царю богов.— Если ты будешь сейчас искать примирения, Тарака подумает, что ты боишься его. Если ты захочешь утишить дарами его ненависть и злобу, он подумает, что ты слаб, и захочет отнять у тебя все, что ты имеешь. Только бой и победа, о владыка, могут привести тебя к миру с Таракой».

Индра согласился с мудрым Брихаспати и стал готовить свое воинство к битве.

Страшным и жестоким был бой асуров с богами. Тысячи воинов погибли в той битве, и тела их устлали поле сражения. Как горы, громоздились на залитом кровью поле сломанные колесницы, убитые слоны и кони. Пернатые стервятники кружили над побоищем, ожидая своего часа, и стаи гиен и шакалов с алчно горящими глазами сбежались отовсюду к бранному полю.

Все меньше оставалось воинов у Индры, все сильнее теснили его асуры, жаждавшие победы над богами. Вишну, Варуна и Кубера не раз уже отступали с поля боя, чтобы отдохнуть и собраться с силами, и потом снова бросались биться, но одолеть асуров они не могли. Наконец, небесный владыка и Тарака сами вступили в жестокое единоборство. Тучи стрел обрушили они друг на друга, они метали друг в друга копья и диски. Уже ранены были кони, запряженные в их колесницы, сражены их возничие, пали на землю знамена, сбитые стрелами, а оба противника все еще продолжали свой поединок. Воины небесной рати устремились на помощь Индре против могучего сына Ваджранги, но все их усилия одолеть его были напрасны. Как смерть, разящая неотвратимо, неслась по полю сражения грозная колесница Тараки и сокрушала и давила все живое. Стрелы Тараки разили без пощады и промаха, и ужас овладел войском Индры. Гонимые неодолимым страхом, бежали его воины с поля боя не разбирая дороги, и боги не могли остановить их.

Великая победа досталась Тараке и асурам и вместе с нею — власть над тремя мирами. С торжеством вернулся Тарака в свою столицу, и жители ее встретили его радостными кликами и цветами. У ворот дворца Тараки толпились плененные небожители, закованные в цепи, и асуры радовались их унижению и позору. Но сын Ваджранги повелел своим слугам снять с пленных оковы и отпустить их на свободу.

Униженные боги во главе с Индрой явились со скорбными сердцами в чертоги Брахмы и, приблизившись к его трону, склонили головы перед творцом вселенной. «О Прародитель,— сказали боги,— ты даешь жизнь земным тварям и держишь в своих руках судьбу обитателей неба. О великий! Ты вечен и не гнетет тебя бремя рождений*. Ясное небо — твое чело, а луна и солнце — твои очи, власа твои — ползучие змеи, страны света — твои уши, океан —пуп на твоем бессмертном теле, а сама земля — воистину твои ноги. Ты — причина, ты — деяние, ты — покой, ты — мир во вселенной. Наши заветные желания — все в твоей воле, ибо ты — отец и владыка вселенной. Ты велик, ты могуч, ты беспределен, ты прекрасен. Так будь же нашей защитой, будь нам опорой!» Так восхваляли Брахму униженные поражением боги, ожидая от него помощи и совета.

«Что случилось с тобою, о Индра? — спросил тогда Прародитель. — Ты похож на женщину, потерявшую мужа и лишенную своих украшений. Волосы твои спутаны в беспорядке, и лик твой бледен. А ты, Агни? Я не вижу ни огненного сияния твоего, ни сопутствующего тебе дыма. Ты подобен лесу после пожара, опаленному и покрытому пеплом. Что с тобою, Варуна? Ты высох, словно твои воды все испарились. А ты, блистательный Кубера? Ты был так испуган, что готов был отказаться от всех своих сокровищ? И ты, великий Вишну! Как это случилось, что твое грозное оружие оказалось бессильным в битве?»

Боги стояли перед Творцом вселенной, понурив головы, опустив вдоль тела могучие руки, и ничего не могли сказать в свое оправдание. Они опять воззвали к Брахме: «О создатель! Тарака лишил нас нашего царства и стал в нем господином. Асуры захватили горные вершины и пещеры Хималая и там поселились. Этот чудесный горный край, который всегда был для нас желанным, теперь недоступен нам. Асуры забрали все наши богатства, наших небесных музыкантов и танцовщиц. Они разбили наши колесницы и поломали оружие, которое ты некогда нам даровал, и мы теперь совсем беззащитны. В собраниях асуры отводят нам худшее место, всячески нас оскорбляют и не дают нам сказать ни слова — они говорят, что мы слишком болтливы. Нас заставляют только трудиться, но не допускают к играм и забавам. Тарака не различает высокородных и низких по рождению и оделяет дарами, невзирая на сан и заслуги. Помоги нам, великий Брахма, вернуть наше царство, избавь нас от этого унижения!»

Творец вселенной ответил небожителям: «Тарака не может погибнуть от руки мужа, будь то бог или простой смертный. Только дитя семи дней от роду может лишить его жизни; таков дар, полученный асуром за его заслуги. Потому и потерпели вы поражение в битве,

Кама и Рати

о боги!» И Брахма поведал богам, что лишить Тараку власти над тремя мирами сможет только сын Шивы и дочери Химавата, прекрасной Умы, но он еще не родился. «Ступайте к Шиве, боги,— молвил Брахма.— Склоните его к женитьбе на Уме, и пусть у них родится сын вам на счастье. На седьмой день своей жизни он отправит Тараку в царство Ямы».

Низко поклонившись Прародителю, боги покинули его чертоги, вернулись в разграбленный асурами город на небесах — Амаравати — и стали размышлять о том, как бы им побудить Шиву жениться на прекрасной Дочери гор.

Грозный и мрачный бог в ту пору обитал в горах, вдали от всех небожителей. С того времени как погибла его благочестивая супруга Сати, дочь Дакши, он не замечал женщин и дни и ночи проводил в безмолвном созерцании истины; и никто не смел отвлечь его от благочестивых размышлений. Но боги знали, что Парвати, Дочь гор,— та,

что зовется еще Умой или Гаури,— преданно любит сурового Шиву, он же не отвечает на ее любовь.

С юных лет полюбила Шиву прекрасная Ума; в ней обрела второе рождение Сати, прежняя супруга и возлюбленная великого бога. Все дни свои Ума проводила в поклонении божественному подвижнику, грозному Пашупати. Она совершала возлияния маслом на священное изображение Шивы, собирала благоуханные цветы и приносила их ему в жертву, она возносила к нему страстные молитвы; но все ее усилия пробудить любовь в сердце Шивы были напрасны.

Тогда Индра решил прийти к ней на помощь. Он призвал к себе Каму*, сына Лакшми, бога любви, от стрел которого еще никто не мог уберечься, и повелел ему вселить в сердце Шивы неодолимую страсть. «Ступай на священную гору Кайласа,— сказал ему Индра.— Там, на неприступной горной вершине, Шива, великий подвижник, пребывает, погруженный в глубокие размышления, сосредоточив дух свой на созерцании сокровенного. Натяни свой лук и пусти незаметно стрелу любви в сердце грозного бога. Если ты сумеешь пробудить страсть в сердце Шивы, он женится на прекрасной дочери Химавата и они дадут миру сына, который избавит нас от Тараки и его притеснений».

И Кама, вечно юный бог любви, вооруженный луком Желания и цветочными стрелами, согласился исполнить волю Индры. Вместе со своей супругой Рати, прекрасной богиней любовного наслаждения, он отправился к обрывистым склонам Кайласы.

То было в пору весеннего цветения, когда таяли снега на горных вершинах и весело сбегали по склонам горные ручьи и реки. Густые леса в долинах наполняли окрестности благоуханием цветов. Звери и птицы в страстной жажде потомства затевали свои весенние игры. Только грозный Шива оставался недвижим и в священном своем созерцании не замечал совершающихся вокруг него перемен.

Кама осторожно подкрался к тому месту, где сидел погруженный в размышления Шива, и, спрятавшись за скалою, выглядывал оттуда, никак не решаясь в страхе перед гневом великого бога нарушить его благочестивое уединение. Кама ждал, пока влюбленная Ума не приблизится к Шиве, чтобы совершить ему поклонение и почтить его молитвой и подношением цветов,— он надеялся, что она его заслонит от всевидящего ока сурового бога. И когда появилась прекрасная дочь гор, Кама натянул лук и наложил на тетиву одну из своих неотразимых стрел, но в то же мгновение Шива увидел его и в гневе сжег нарушителя благочестивых размышлений пламенем своего взора.

Даже пепла не осталось от прекрасного тела Камы, и с той поры бог любви стал бестелесным, и его стали называть Ананга, Бестелесный. Горько зарыдала Рати, узрев гибель своего супруга, но голос, раздавшийся в небесной вышине, ее утешил: «Не плачь, прекрасная Рати! Кама не погиб, он только лишился тела. Когда великий Шива женится на Уме, он помилует Каму, и бог любви снова явится миру».

Прелестная Рати осушила слезы, но Ума оставалась безутешной. Погибла ее надежда на помощь Камы, на то, что стрелы его вселят любовь в сердце Шивы. «Зачем мне моя красота?— в отчаянии вос-

кликала она.— К чему мне мои темные очи, белые зубы, на что это нежное тело, этот светлый лик, если мой возлюбленный Шива к ним равнодушен? Нет, не стану я больше беречь и холить мое тело, мою красоту, я уйду в уединенную пустынь, облачусь в рубище из рогожи и предам свою плоть жестоким истязаниям!»

И Ума ушла из роскошных чертогов своего отца Химавата, властелина гор, и удалилась в тихую отшельническую обитель. Она сняла с себя нарядные платья из драгоценных тканей, сверкающие ожерелья и золотые браслеты и оделась в оленью шкуру. Она отказалась от воды и пищи и наложила на себя изнурительные обеты. В летнюю жару она томила себя огнем и дымом костров, в стужу стояла неподвижно в холодной воде ручья. Так истязала себя прекрасная Ума долгие годы, стремясь заслужить благоволение Шивы. И вот однажды в ее отшельническую обитель явился некий юный брахман. Она его встретила приветливо и с почетом, омыла ему ноги, поднесла чистой воды, плодов и кореньев, усадила на почетное сиденье из травы куша.

Отдохнув с дороги и поблагодарив Уму за угощение, брахман спросил ее, почему она не щадит свою красоту и юность, почему не следует велениям своего сердца, а предается суровым покаяниям. Тогда благочестивая дева рассказала гостю, как она полюбила Шиву, как надеялась прельстить его юностью и красотой и как оказались напрасны все ее надежды и усилия. «Потому и решила я предаться подвижничеству,— сказала дочь Химавата.— Красота моя не принесла мне удачи».

Юный брахман выслушал ее и сказал: «Ты поведала мне все по истине, о благочестивая отшельница. Но скажи, зачем нужна тебе благосклонность Шивы? Что тебе в этом угрюмом и одиноком подвижнике, предающемся созерцанию и умерщвлению плоти? Он грозен и страшен обликом; вместо ожерелья он носит на шее ядовитую змею, а бедра оборачивает окровавленной слоновьей шкурой —то шкура демона-оборотня, которого он когда-то убил. Он ездит на быке устрашающего обличья, он любит посещать погребальные пепелища, и нет у него никакого богатства».

Но Ума не захотела слушать дальше речи брахмана, хулящие ее возлюбленного Шиву, и возгорелась гневом.

«Напрасно ты стараешься отвратить мое сердце от Шивы, о брахман, — сказала рассерженная дочь Химавата. — Поистине, велик, прекрасен и грозен бог Шива, и моя жизнь отдана ему всецело. Что из того, что ездит он на страшном быке и носит на шее змею? Что бы ни говорили о нем, будь то ложь или правда, моя любовь к нему никогда не иссякнет». И не успела верная своей любви Ума произнести эти слова, как на глазах у нее гость ее преобразился, и вместо молодого брахмана перед дочерью Химавата, изумленной и обрадованной, предстал сам великий Шива. Голосом, подобным раскатам небесного грома, он объявил ей, что любовь ее и беззаветная преданность тронули его сердце и он хочет взять ее в жены.

В великой радости поспешила Ума к отцу своему Химавату рассказать ему, что сбылись наконец ее надежды — Шива берет ее в же-

Шива и Ума

ны. Благая весть о женитьбе великого Шивы на дочери гор обежала все три мира, и боги, и асуры, и люди поспешили на север, чтобы присутствовать на торжественном свадебном обряде. После свадьбы Шива со своей супругой удалился на вершину Кайласы.

Целый год длилась брачная ночь Шивы и Умы, весь долгий небесный год* не размыкали объятий счастливые супруги, и столь сильна была страсть, соединившая обоих, что небожители стали уже опасаться за благоприятный исход борьбы с Таракой.

«Надо прервать их объятия,— говорили боги Брахме.— Иначе страсть их породит такое потомство, что его не смогут нести на себе ни земля, ни небо». В тревоге боги во главе с Брахмой и Вишну направились к горным склонам Кайласы, воззвали к Шиве и восхвалили его.

«Куда удалился ты, Махадева, Великий бог,— вскричал Вишну, обратившись к вершине Кайласы.— Страшно притесняет нас злой Тарака, защити нас от него!» Долго взывали боги и наконец мольбами своими отвлекли Шиву от ласк прекрасной Парвати. Великий бог явился пред очами молящих; он выслушал благосклонно обитателей небесного царства и, вияв поданному ими совету, обронил свое плодоносное семя в пламя Агни.

Тотчас языки огня окутались белым дымом; но Агни не сумел удержать семя Шивы и в свой черед уронил его в божественные воды Ганги. Но и светлая богиня не стерпела его палящей силы, и волны ее выбросили семя Махадевы в прибрежные тростники.

Здесь и появилось на свет божественное дитя, принявшее удивительный облик. И это дитя, порожденное страстью Шивы к дочери Химавата, стали называть Сканда, Отпрыск.

А Парвати, когда Шива покинул ее, чтобы выслушать просьбу богов, разгневалась и сказала: «Вы думаете только о собственном благе, о боги, вы возносите хвалу моему супругу только ради достижения своей цели; я же из-за вас осталась бесплодной». И она прокляла Вишну и других богов: «Отныне и ваши жены станут бесплодны, и не будет у вас потомства!»

Когда семеро великих мудрецов еще до рождения Сканды совершали жертвоприношение перед первою битвой Индры с Таракой, они призвали на помощь Агни для вознесения жертвы к богам. А когда обряд был доведен до конца и Агни был уже на пути домой, близ обители семерых мудрецов он увидел ненароком их жен, купавшихся в реке и блиставших красотою, как звезды в небе. Чудная красота их пленила сердце бога огня. Он возгорелся страстью, но сумел обуздать себя.

«Я желаю их, но они, благочестивые жены, не ведают греховных желаний. Я не смею ни коснуться их, ни взирать на них праздно, но я войду в огонь их домашних очагов, и красота их всегда будет услаждать мой взор». Так подумал влюбленный Агни, и с той поры он поселился незримо в обители семерых мудрецов, чтобы всегда взирать на прекрасных жен, любезных его сердцу. И страсть не оставляла его, но разгоралась все жарче и жарче; и наконец, измученный ею Агни покинул ту обитель и удалился в лес Читраратхи, царя гандхарвов,

чтобы покинуть там свое тело, ибо он не мог обладать желанными ему женами святых мудрецов.

А между тем беспорочная Сваха, одна из дочерей Дакши, давно уже втайне любила Агни, но не знала, как завоевать его, какой слабостью его для этого воспользоваться — ибо ни одной у него не находила. Но когда прознала она, что он удалился в лес, обуреваемый страстью к женам семи мудрецов, она подумала, гневная: «Теперь я обману его; я утолю его страсть и сама достигну своей цели».

Она приняла облик прекрасной и добродетельной жены божественного мудреца Атри, пришла к богу огня и сказала: «О Агни, я сгораю от любви к тебе, прими меня в свои объятия. Я умру, если ты отвергнешь меня. Я — Анасуйя, супруга Атри, я пришла к тебе с ведома и согласия моих подруг, жен святых мудрецов».

Агни спросил: «Как ты узнала, что я томлюсь по вас, и откуда узнали это твои подруги?» Она ему отвечала: «Все мы давно любим тебя, но мы страшились твоей грозной мощи. Когда же мы догадались о твоих желаниях, меня послали к тебе. Не медли же и насладись любовью со мной».

И, одолеваемый любовной страстью, Агни соединился с богиней Свахой, принявшей облик Анасуйи. А после она, боясь, что ее увидят в этом облике и дурно подумают о невинной жене мудреца, обернулась орлицей и улетела из леса.

В другой раз она пришла к Агни, приняв облик жены Вишвамитры, и все повторилось сначала. И так шесть раз приходила Сваха в лес к богу огня, принимая каждый раз новый облик, и шесть раз она соединялась с ним, и он достиг удовлетворения своей страсти. Только облика Арундхати, жены Васиштхи, Свахе не удалось принять — слишком сильна была преданность Арундхати мужу.

При появлении Сканды на свет задрожала земля и небо и страны света озарились чудным сиянием. Смятение охватило живущих на земле, и слухи о грядущих бедствиях стали распространяться повсюду. Люди, жившие близ леса Читраратхи, видели, как шесть раз приходила туда Сваха в чужом обличье, и говорили: «Шесть жен мудрецов, вступили в греховный союз с богом Агни и навлекают на нас беду». Когда мудрецы услышали эту молву и когда они узнали, что появился на свет младенец небывалого вида, они поверили молве и решили, что жены им изменили и что этот младенец — плод греховного союза их жен с богом Агни. В гневе шестеро мудрецов отреклись от своих жен. Только Арундхати осталась с супругом своим Васиштхой.

Шесть покинутых жен пришли на берег Ганги и нашли в тростниках новорожденного Сканду. Агни тоже пришел туда, обернувшись человеком с козлиной головою; он играл с малышом, развлекал его и охранял неусыпно как своего приемного сына. А жены мудрецов вскормили и взрастили его; и так как у юного Сканды было шесть кормилиц, на плечах у него выросло шесть голов с шестью устами, и рук выросло у него тоже шесть.

Вскормив сына Шивы и Умы, шесть добродетельных жен мудрецов, не повинных в грехе, возведенном на них людской молвою, взошли на

небо и там стали звездами Криттиками*. И по имени своих приемных матерей юный бог получил еще одно прозвание — Карттикея.

Тогда семеро мудрецов убедились, что жены их были невиновны в грехе. Сваха сама во всем призналась. Первым узнал об этом Вишвамитра и остальным поведал. Он же первым пришел к Сканде и восхвалил его священным песнопением и совершил для новорожденного положенные обряды.

А мудрецы тоже все взошли на небо и стали звездами Большой Медведицы — созвездием Семи мудрецов. Близ него мерцает в небе маленькая звездочка — то Арундхати*, преданная супруга Васиштхи, остававшаяся с ним неразлучной.

А юный Сканда восстал из тростников, излучая свет, как восходящее солнце. Одной рукой он схватил огромный лук Шивы, вселяющий в сердца трепет, в другой руке он держал копье, еще в двух — великолепную раковину, в которую он затрубил так громко, что его услышали во всех концах вселенной. На пятый день после рождения Сканда взошел на вершину горы, огляделся вокруг и издал торжествующий клич, услышав который, люди повсюду попадали на землю со страха и смутились духом даже самые могущественные существа в трех мирах. Сканда же натянул отцовский лук и стал пускать стрелы в белоснежную гору Краунча*. Стрелы его пробили гору, расщепив ее глубоким ущельем, сквозь которое с тех пор летят журавли, и гуси, и другие птицы, стремящиеся к священному озеру Манаса*. Пронзенная стрелами Сканды гора Краунча рухнула, испуская жалобные крики, и все горы кругом возопили в страхе. Сканда тогда метнул в них свое копье; и перепуганные горы сорвались с места и взлетели в небо, спасаясь от ударов юного бога. И сама земля содрогнулась, пораженная этими ударами. Она покорилась Сканде, и горы склонились перед ним и вернулись на прежнее место.

Небожители же, встревоженные деяниями божественного дитяти, сказали Индре: «Мощь его непомерна и грозит гибелью не только асурам. Его должно убить немедля, пока он не вырос, иначе он займет твое место и станет владыкой вселенной и господином над всеми нами».

Тогда Индра сел на своего слона Айравату и двинулся на Сканду во главе войска богов, но душа его была исполнена сомнений относительно исхода предстоящей битвы. И Агни не присоединился к богам, он остался на стороне Сканды.

Все быстрее и быстрее надвигалось ведомое Индрой грозное воинство богов, блистающее разноцветными стягами, великолепными колесницами и оружием. Завидев его, Сканда вышел ему навстречу. Тогда Индра издал грозный клич, чтобы воодушевить свое войско, и устремился на невиданного доселе младенца, стремясь поразить его первым же ударом.

В ответ Сканда взревел, как океан, взволнованный бурей, и от того ужасающего рева войско богов рассыпалось во все стороны в великом смятении. А гневный Сканда изверг огонь изо всех своих уст, и этим огнем опалил тела и головы ошеломленных богов, их оружие, коней,

слонов и колесницы. И тогда все боги обратились в бегство, покинули Громовержца, и пламя, обжигавшее их, погасло.

Индра же, оставшись один, нанес Сканде страшный удар своею ваджрой, разверз ею правый бок сына Шивы, и оттуда вышел на свет юноша в золотых доспехах и с копьем в руке — то был Вишакха, сын Сканды.

И тогда Индра пал духом. Сойдя со слона Айраваты, он смиренно сложил перед лицом ладони и поклонился Сканде, прося его о мире. И могучий младенец великодушно простил покорившегося владыку Амараватп и обещал ему свою дружбу. Сын Шивы примирился и с другими богами; и небожители ободрились и преисполнились ликования.

На шестой день после рождения Сканды все боги во главе с Брахмой, все гандхарвы, апсары, якши, киннары и все живые твари земли пришли почтить юного сына Шивы и Умы. Они восславили Карттикею приветливым словом и пожелали ему всяческих благ и удачи; и они любовались его красотой и силой. Шива и Ума попросили тогда Брахму наделить их сына каким-нибудь счастливым даром, который был бы угоден и богам, и ему самому.

Великий Брахма не сразу ответил им на их просьбу. Все три мира он уже давно поделил между другими богами, и нелегко ему было найти достойный дар для могучего сына Шивы. Но недолго размышлял Прародитель; он учредил для Сканды высокий сан предводителя небесного воинства и бога битвы; и все небожители приветствовали решение Брахмы кликами одобрения и радости.

Тогда Индра привел прекрасную Девасену, воплощение могущества небесного воинства, и отдал ее Карттикее в жены. Вишну подарил ему грозное оружие, тысячу тысяч якшей отдал в войско Сканды царь царей Кубера, Агни наделил его огненным сиянием, Ваю — быстролетной колесницей, а искусный Тваштар подарил ему красивого павлина, умевшего по желанию менять свое обличье. Затем боги, склонившись перед сыном Шивы, восславили его такими словами: «Мы чествуем тебя, о Шестиликий, и возлагаем на тебя свои надежды! Ты могуч, ты бесстрашен, ты блистаешь, как солнце в полдневный час на небосводе! Ты — великий воитель, ты — владыка небесного войска, ты — наша опора и защита! Ты знаешь, о Сканда, что асур Тарака лишил нас, небожителей, власти над миром и всячески нас унижает. Мы просим тебя, могучий Карттикея, покарай Тараку и верни нам покой и радость!»

«Ничего не бойтесь, о боги, — ответил им сын Шивы. — Я расправлюсь с вашими врагами и уничтожу их. Не избегнет кары и Тарака, причинивший вам великие обиды». И тотчас Карттикея, сопровождаемый небесным воинством, выступил в поход против Тараки.

Впереди его войска в столицу Тараки помчался вестник, посланный Индрой. Он намного опередил рати Сканды, предстал перед владыкой асуров и сказал ему: «Меня послал к тебе Индра, о могучий воитель! Он повелел передать тебе, что власть над небесным царством и над всеми тремя мирами принадлежит ему, и никому другому. И он

возвещает, что за все зло, содеянное тобою, ожидает тебя жестокая расплата».

Надменное послание царя богов Тараку привело в ярость. «О вестник Индры,— сказал он,— не говорил ли тебе твой господин о том, что он уже разгромлен был однажды мною на поле битвы и побывал у меня в плену? Неужели он успел забыть об этом? Поистине, нет у него стыда, если он смеет угрожать мне, освободившему его от оков вместе со всеми его соратниками!»

Отпустив, однако, вестника с миром, Тарака погрузился в глубокое раздумье. «Индра не осмелился бы так говорить со мной,— решил он про себя,— если бы не был твердо уверен в победе. Кто же пришел к нему на помощь? На кого хитроумный Индра возложил ныне свои надежды?»

Тут зловещие знамения прервали размышления Тараки, и его охватила тревога. Внезапно во рту у него пересохло, и задергалось левое веко; на дороге перед дворцом закружился столб желтой пыли; жуткий вой и вопли раздались повсюду, и взору Тараки открылось неисчислимое небесное воинство, ведомое в бой сыном Шивы. И, внимая чутким ухом, услышал Тарака слова восхвалений, которые громко возглашали небесные певцы и сказители: «О юный Карттикея, ты сияешь несравненным блеском! Твоя мощь и воинское твое искусство принесут тебе желанную победу. Твою боевую колесницу влечет павлин — чудесное творение Тваштара. Не остановят ее ни грозный Тарака, ни все вражье войско. Ты блистаешь на этой золотой колеснице, как солнце на небесах. Слава тебе, о Сканда, слава тебе и победа, божественное дитя!»

Тогда Тараке вспомнился дар, испрошенный им у Брахмы, и он припомнил, что смерть ему суждена от руки младенца семи дней от роду. Но он не дрогнул и, повелев своему войску готовиться к битве, выехал на колеснице навстречу врагам.

«О дитя,— сказал он Сканде,— неужели ты стремишься к бою не на жизнь, а на смерть? Играть с мячом тебе больше пристало. Ты еще не видел асуров в яростной схватке. Видно, твой младенческий разум не остерег тебя от опасности».

«Напрасно, сын Ваджраити, ты тратишь время на пустые речи,— ответил владыке асуров Сканда.— Взгляни на юное солнце, когда рано утром оно лишь появляется на небосводе. Долго ли ты сможешь смотреть на него, не зажмурясь? Возьми в руки молодую кобру. Долго ли будешь ты держать ее в руках, не опасаясь смертельного укуса?» И, когда Тарака услышал эти слова младенца, он понял, что пришел конец его власти и самой его жизни.

Но он не хотел сдаваться добровольно. И началась битва. Тучи стрел затмили небо, полетели в Карттикею брошенные со страшной силой дротики и копья, но сын Шивы не дрогнул на своей колеснице. Он легко отводил удары, а его оружие столь тяжко разило врагов, что они в ужасе стали отступать от него и старались держаться подальше, в страхе перед его смертоносными стрелами. А стрелы Тараки не причиняли Сканде вреда, и он неудержимо продвигался вперед

сквозь ряды войска асуров, сея кругом себя смерть, подобный беспощадному и непобедимому Яме.

Вскоре асуры дрогнули и побежали с поля битвы, оставив Тараку один на один со Скандой. И начался жестокий поединок. Противники не уступали один другому в отваге, но Тарака не в силах был одолеть неуязвимого для него сына Шивы. Взмахом окованной железом палицы Сканда снес голову Тараки с могучих плеч, и владыка асуров рухнул мертвый на поле боя, как поваленное бурей огромное дерево. В пыль упал золотой венец Тараки, и вместе с ним покрылись пылью его былые деяния, его сила, власть и слава.

А боги, ликуя, праздновали победу, и радостные крики огласили поле сражения. Так подвиг юного Сканды, славного сына Шивы и Умы, избавил небожителей от страданий и унижений, и власть над вселенной снова вернулась к богам.

67. РОЖДЕНИЕ ГАНЕШИ, СЛОНОГОЛОВОГО БОГА

Парвати, супруга Шивы, страстно желала потомства. Сканда родился помимо нее, не выношенный ею во чреве, и взлелеян он был чужими женами; ей же хотелось самой взрастить собственного сына. С этой просьбой она обратилась к супругу.

«Каждый должен иметь сына,— сказала она,— чтобы он чтил предков своих предписанными обрядами». Шива отвечал ей с улыбкой: «О Дочь гор, ты, я вижу, принимаешь меня за простого мирянина, который нуждается в сыне ради спасения души. Но мне сын не нужен. Ведь я бессмертен, и поминальные обряды мне ни к чему. Зачем мне обременять себя потомством? Достаточно и того, что себялюбивые боги прервали мое подвижничество и соединили нас ради рождения Сканды. Он родился, и Агни усыновил его. Мы же с тобой предадимся теперь любовным ласкам ради одного лишь наслаждения, о потомстве не помышляя».

Парвати сказала: «О Владыка, справедливы твои речи, и все же я хочу иметь родное дитя, чтобы я могла ласкать его и целовать его лицо. Потом ты сможешь вернуться к своему подвижничеству — я сама взращу сына. А у него пусть уже не будет детей, если ты не хочешь больше потомства». Но Шива, разгневанный ее настойчивостью, отвернулся от супруги и удалился, не дав ей ответа.

Богиня опечалилась и долго не могла утешиться. Ее подруги пошли к Шиве, и умилостивили его, и уговорили вернуться к Парвати. «Если уж ты так томишься по сыну,— сказал ей Шива,— если тебе хочется целовать его лицо, я его тебе дам». Он свернул полу одеяния богини и подал ей в руки: «Вот тебе сын, Парвати, целуй его, сколько хочешь».— «Как может этот кусок ткани заменить мне сына? — возразила она.— Не смейся надо мной, Шива».

Но, когда она так говорила, она случайно прижала сверток к своей груди. И лишь только сверток этот коснулся груди богини, он вне-

запно ожил. И она увидела это и вскричала: «Живи! Живи!» — лаская его руками, украшенными лотосами. Тогда ребенок обрел дыхание и закричал, взывая к матери. Она же склонилась над ним с любовью и дала ему свою грудь; и из груди ее полилось молоко.

Тогда Парвати возликовала и повелела жрецам совершить обряды, полагавшиеся при рождении сына. Все боги пришли, чтобы поздравить Шиву и Парвати, и принесли дары новорожденному. Каждому из них Парвати показывала младенца, и каждый возносил хвалу его красоте. Среди всех гостей только владыка планеты Шани, сын Вивасвата, хотя и воздал почести богине и ее сыну, не пожелал взглянуть на него и смиренно склонился перед Парвати, опустив глаза долу. «Почему не смотришь ты на мое дитя?» — спросила обиженная Парвати. Тогда Шани рассказал ей, что он провинился перед своей супругой, слишком долго пренебрегая ею, и за это она прокляла его: «О ты, не обращающий ко мне взора,— молвила она,— да станет отныне недобрым твое око; пусть гибнет все, на что ни упадет твой взор!» — «С тех пор ни на кого я не подымаю глаз»,— сказал Шани богине; но Парвати пренебрегла его предупреждением. «Ничто не может повредить моему дитяти»,— подумала она и повелела Шани взглянуть на младенца. Но едва Шани обратил свой взор на лик сына Парвати, голова у того отделилась от тела и упала на землю.

Вне себя от горя Парвати обхватила руками обезглавленное тело младенца. «О дитя мое, дитя мое!» — восклицала она, проливая горькие слезы. Шива, пораженный, поднял отпавшую голову с земли и обратился к жене со словами утешения: «Не плачь, о прекрасная Парвати! Нет горя большего, чем горе о сыне, ничто так не терзает душу. Но я воскрешу твоего сына. Приставь его голову к телу». Парвати приставила голову к телу, но она не удержалась и опять отпала. Шива снова взял ее в руки и погрузился в раздумье. Тогда раздался голос с неба: «О Шива, голова твоего сына загублена дурным оком, он уже не сможет жить с нею. Приставь к его плечам любую другую голову, и он оживет. Ты держишь в руках его голову лицом к северу; возьми же голову у кого-нибудь, почивающего лицом к северу*, и она станет головой твоего сына». Услышав эти слова, Шива утешил богиню и послал своего верного слугу Нандина на поиски головы.

Нандин отправился в путь и после долгих странствий по трем мирам пришел в Амаравати, столицу небесного царства. Там он увидел Айравату, слона Индры; он увидел его, возлежащего у врат города с головой, повернутой к северу! Нандин занес над ним свой меч, но слон громко затрубил в тревоге, и тотчас явился Индра в сопровождении своей свиты. «Кто ты такой, кто послал тебя? — вопросил он Нандина.— Как смеешь ты поднимать меч на моего слона?» — «Я — Нандин, слуга Шивы, пославшего меня,— отвечал тот.— Я хочу отрубить голову этому царственному слону для сына Шивы — он лишился головы от недоброго взгляда Шани».

Индра разгневался и метнул в Нандина свою тяжелую палицу, намереваясь убить его, но Нандин поймал ту палицу на лету левой рукою. «Возьми свою палицу, Индра»,— сказал он, улыбаясь, и мет-

нул ее обратно. Палица поразила царя богов в грудь; он покачнулся, но пришел в себя, воссел на Айравату и с ваджрой в руке устремился на слугу Шивы, сопровождаемый ратью Марутов и другими богами. Боги окружили Нандина со всех сторон и осыпали его ливнем стрел. Но могучий Нандин, чье тело было твердо, как скала, устоял против стрел, отбивая их левой рукой. И на глазах у богов он отсек голову Айравате своим мечом, и они не смогли воспрепятствовать ему.

Он вернулся к Шиве с головою слона, и тот приставил ее к телу своего сына. И мальчик ожил и воссел, блистая, в собрании богов. Юный бог со слоновьей головою имел короткое тело и толстый живот, похожий на горшок, и за это прозвали его Гхатодара, Толстобрюхий. Но Шива поставил его во главе ган — сонмов своих слуг и спутников божественной и демонской природы, и потому он более известен под именем Ганеша, Владыка сонмов. Так нарек его Брахма и даровал ему милость: имя его поминалось отныне прежде имен других богов.

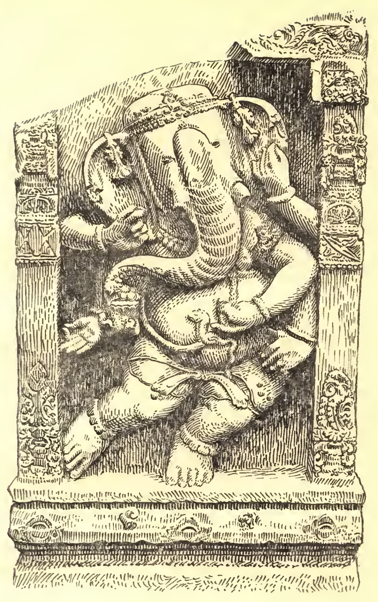
Сарасвати, богиня мудрости, принесла ему в дар перо и чернила, и Ганеша стал богом учености; этим пером впервые записал он со слов мудрого Вьясы, сына Парашары, сказание о великой битве потомков Бхараты на поле Куру*.

И милостью Брахмы он стал покровителем купцов, и путешественников, и торговых, и иных предприятий. Брихаспати подарил Ганеше священный шнур через левое плечо, отличающий брахмана; Притхиви, богиня земли, пожаловала ему крысу в вечное услужение; с той поры Ганеша всегда ездит на крысе.

Когда все боги восславили Ганешу, Индра обратился к Шиве и молвил с покаянным видом: «О Владыка, твой слуга Нандин убил моего слона. Прости меня за то, что по невежеству своему я бился с ним вместо того, чтобы сразу отдать просимое, как подобает благочестивому». Тогда Шива сказал ему: «Брось тело Айраваты в океан, и он снова восстанет из него, живой и невредимый, обретя новую голову». Индра сделал так, как сказал ему Шива, и Айравата, воскресший, вернулся к нему.

А в то время на берегу океана Сома, бог луны, воздвиг великолепный храм, посвященный Шиве. И он просил у Шивы милости, чтобы каждый, посетивший это святилище, сразу же освобождался бы от грехов и обретал доступ в небесное царство. И вот в сумрачное время между Медным и Железным веками несметное множество народа — женщины, варвары, шудры, невежды и грешники всякого рода — все обрели доступ на небеса через одно лишь посещение храма Шивы. Люди отвернулись от добродетелей, обрядов, подвижничества, подаяния милостыни, изучения Вед — все, стар и млад, устремлялись к святилищу Шивы в Соманатхе*, чая обрести спасение без труда и лишений.

И вскоре небесное царство оказалось переполнено ими. Индра и другие боги, удрученные, воззвали к Шиве: «О Владыка, твоей милостью небо переполнено людьми, и они уже вытесняют нас из наших законных владений. Яма, Царь справедливости, изумляется, пересчитывая их добрые и дурные деяния — полчищам их уготован был ад,

Ганеша

но, посетив твое святилище, они очистились от грехов и достигли райской обители». Шива отвечал на это: «Я не могу нарушить обещания, данного богу луны, — все, побывавшие в храме Сомапатха, должны взойти на небо. Но ступайте к моей супруге, она измыслит средство помочь вам».

Боги тогда обратились к Парвати, и восхвалили ее, и просили ее о помощи. Тронутая их мольбою, богиня призвала к себе своего сына Ганешу и сказала ему: «Отныне да станешь ты изобретателем препятствий для людей, стремящихся в Сомапатх! Соблазняй их и помрачай их разум; пусть стремятся они к богатству и наслаждениям. Воздвигай всем препятствия на пути к спасению, но не ставь их для тех людей, которые будут почитать тебя и восхвалять в гимнах под именем Вигхнеша». Ганеша повиновался матери. Усердно исполняющий ее веление, с тех пор он зовется также Вигхнеша, Владыка препятствий.

И нередко Владыка препятствий становился на страже у дверей дома Шивы на Кайласе, сменяя Нандина. Однажды на ту гору пришел Парашурама, чтобы посетить чтимого им великого бога. Но у входа во внутренние покои дома Шивы путь ему преградил Ганеша; в то время Шива почивал на своем ложе и бдительный Владыка препятствий охранял сон отца. Парашурама же разгневался, встретив нежданную препону, и хотел войти во что бы то ни стало. Подняв свой топор, он ринулся на Ганешу, но слоноголовый поддел его на бивень и отшвырнул далеко от входа. Сын Джамадагни грянулся оземь и лишился сознания. Но, придя в себя, он поднялся и, пылая гневом пуще прежнего, метнул свой топор в Ганешу. Ганеша увидел, что в него летит топор, подаренный некогда герою Шивой; чтя оружие своего отца, он не стал уклоняться от него, но подставил свой бивень — и топор отсек его. И все же он не пустил Парашураму в опочивальню отца, пока Шива не восстал от сна. С той поры у Ганеши только один бивень, и потому его зовут еще Экаданта, Однозуб.

68. СЛЕПОРОЖДЕННЫЙ АНДХАКА

Однажды, когда Шива пребывал со своею супругой на горе Мандара, прекрасная Парвати неслышно подошла к нему сзади и, шутя, закрыла ему глаза своими руками, подобными золотым лотосам. И тотчас вселенная погрузилась во мрак. А на челе Шивы выступил пот, рожденный страстью, и капля его упала на землю и превратилась в дитя ужасающего облика — уродливое, темное, волосатое существо с косматой головой и бородою. И так как оно родилось во тьме, у него не было глаз. Оно взревело страшным голосом и принялось плясать, хохоча и рыдая.

А у Шивы во лбу появился тогда третий глаз, сияющий, как солнце, и извергающий пламя. Дочь гор отняла свои руки от очей Владыки, и свет воссиял повсюду. Она увидела чудовищное дитя и спросила: «Кто это?» — «Это дитя, обладающее великой силой и свирепостью, родилось, когда ты закрыла мне глаза,— отвечал Шива.— Оно

родилось из моего пота, имя его — Андхака, Слепец. Возьми его под свое покровительство. Пусть подруги твои вместе с тобою охраняют его». И Парвати преисполнилась жалости к уродливому дитяти и взяла его под свою защиту.

А в то время вождь асуров Хираньянетра*, брат Хираньякашипу, предавался в лесах суровому подвижничеству ради обретения сына. Многие годы пребывал он в совершенной неподвижности, словно деревянный, а исполнив обет, обратился к Шиве и просил его о даре. «Нет у меня сына, который бы продолжил мой род, и потому я принял на себя этот обет,— сказал Хираньянетра.— Даруй же мне могучего сына, достойного стать царем асуров».

Шива, удовлетворенный его подвижничеством, сказал: «О владыка асуров, не суждено родиться сыну от тебя, но я отдам тебе моего сына Андхаку. Он равен тебе могуществом, и его не одолеет никакой враг. Прими его как собственного сына, и он будет твоим счастьем». Вождь асуров принял дар Шивы; он восхвалил великого бога, обошел его почтительно справа налево и с новообретенным сыном удалился в свои владения.

Прошло некоторое время, и Шива покинул свой дом, чтобы посетить обитель семерых мудрецов. Он оставил своего верного слугу Нандина охранять дом, а Вишну, Брахма и другие боги взяли на себя попечение о Парвати и в отсутствие Шивы служили ей, приняв женский образ, как ее служанки. Между тем злобный Андхака, возросший в доме вождя асуров, задумал похитить супругу своего истинного отца. Обезумевший от страсти, он пришел к горе Мандара, но не мог проникнуть в дом Шивы, двери которого бдительно охранял Нандин. Тогда Андхака обратился в птицу и влетел через окно в опочивальню Парвати. Здесь он принял свой истинный облик; но в то же мгновение перед ним явился сам грозный Шива, потрясая трезубцем. Он воздел Андхаку на острие трезубца и принялся танцевать. И пока он танцевал, грехи Андхаки, воздетого на трезубец, покинули несчастного, и он прозрел истину и восхвалил великого бога. Шива, удовлетворенный, снял его с трезубца и сказал: «Отныне ты останешься со мною, сын Хираньянетры. Ты будешь одним из вождей моего войска под началом Ганеши и Нандина, и больше ты не будешь знать невзгод, и даже боги будут почитать тебя». Он взял его за руку и подвел к Парвати, и та милостиво приняла его. Он же простерся ниц перед великой богиней и восхвалил ее. С той поры она вновь взяла его под свое покровительство как собственного сына. Он же возглавил сонмы ужасных обликом духов, составляющих свиту Шивы.

69. РАЗРУШЕНИЕ ТРИПУРЫ

В давние времена жил могучий асур Майя, сын Випрачитти, владыки данавов. Велика была его сила, и был он искусен и хитроумен. Он-то и был творцом искусства колдовского внушения, названного по его имени майей*.

Когда в борьбе с врагами он потерпел неудачу, то решил отречься от мирской жизни и предаться суровым истязаниям плоти, чтобы стать непобедимым. Зимой он погружался в холодную воду, летом окружал себя кострами и не покрывал головы под палящими лучами солнца, в дожди не искал себе крова. Дикие плоды, коренья и травы служили ему единственной пищей, и жажду он утолял только водой из ручьев.

Суровое подвижничество освободило его душу от нечестивых помыслов, а тело — от плоти, и стал он столь тонким и прозрачным, что сквозь кожу у него видны были кости. И столь велика была сила его духа, обретенная подвижничеством, что раскалились от нее все три мира и окутались облаками горячего пара.

Тогда к нему явился Брахма, Творец вселенной, и спросил его: «Чего ты желаешь, Майя? Я доволен твоим благочестием и исполню то, о чем ты попросишь». Майя ответил Брахме: «Давняя вражда существует между богами и асурами. Боги одолевают нас в битвах и всячески угнетают. Мы не можем от них оборониться — всюду они нас настигают — и на земле, и под землей, и на дне океана! Я хочу воздвигнуть для защиты асуров крепость, которую никто не мог бы разрушить — ни боги своим оружием, ни брахманы своими проклятиями».

«Никому и ничему не дано существовать вечно,— отвечал с улыбкой Брахма,— ни человеку, ни асуру, ни крепости. Я не могу выполнить такую просьбу». Тогда Майя попросил Прародителя, чтобы крепость его была неуязвима для всех, кроме Шивы, и чтобы сам Шива не мог разрушить ее иначе как одной-единственной стрелою при первом же выстреле из лука.

«Да будет так»,— ответил Брахма и удалился в свои чертоги, а Майя, обрадованный даром Творца вселенной, стал размышлять о том, как бы ему построить такую крепость, чтобы никто не мог разрушить ее одним выстрелом из лука.

У могучего асура Тараки, побежденного Скандой, было три сына — Таракакша, Камалакша и Видьюнмалин. После гибели отца они предались суровому подвижничеству и заслужили милость Брахмы. Тою милостью им было дано воздвигнуть три города на земле — один из золота, другой из серебра и третий из железа. И они воцарились в этих городах — Таракакша в золотом, Камалакша в серебряном и Видьюнмалин в железном, и жили они в них мирно тысячу лет. Искусный строитель Майя решил соединить эти три города в один и назвать его Трипурой. Так он и сделал с согласия сыновей Тараки. Он воздвиг крепость из трех укреплений, каждое длиной и шириной по сто йоджан. Первое было сделано из железа и врыто в землю; второе, из серебра, встало над первым, упираясь в небо, а третье, из золота, поднялось над вторым, возвышаясь над небесной твердью. Так объединились три города в один, огражденный железными, серебряными и золотыми стенами.

У высоких ворот Трипуры днем и ночью стояли грозные стражи, вооруженные острыми копьями и мечами. Вдоль всей дороги, ведущей в золотую крепость, были выставлены красивые сосуды с вином и цветами, а внутри Трипуры Майя построил дворцы и храмы, провел доро-

ги и соединил их широкими площадями; вдоль дорог он возвел высокие и роскошные палаты, украсил город ашоковыми рощами и садами, посадил цветущие тенистые деревья вокруг прохладных водоемов. В золотых палатах Майи всегда слышны были музыка и перезвон серебряных и золотых колокольчиков; приятный ветерок разносил благоухание цветов и пряные дымки жертвоприношений. Счастливые асуры с женами и потомством сошлись отовсюду в Трипуру, поселились в приготовленных для них чертогах и славили в благодарственных гимнах и молитвах искусного строителя, великого зодчего и вождя асуров Майю.

Несметное множество дайтьев и данавов жило в Трипуре, и ни в чем они не знали недостатка. Свободные от страха перед небожителями, развлекались они в манговых и ашоковых рощах, на берегах светлых водоемов, умащенные благовониями, одетые в нарядные платья, украшенные золотыми браслетами и драгоценными ожерельями. Асуры проводили свои дни в Трипуре счастливые, как боги в небесном царстве Индры, и сердца их всегда были полны веселья, и они не знали ссор и раздоров.

Так в благоденствии и покое жили асуры в чудесном городе год за годом. Но однажды ночью Майе приснился страшный сон; привиделось ему, что в Трипуру проникли болезни и раздоры, зависть и нищета. На следующее утро он собрал асуров в роскошной палате царского совета и сказал: «О братья! Я видел сегодня недобрый сон, и он гнетет мою душу предчувствием бедствий. Приснилось мне, что пришло в Трипуру множество женщин ужасного облика. Они проникли в ваши жилища и посеяли в ваших сердцах раздор, ненависть и зависть друг к другу. А потом я увидел некоего мужа чудовищного обличья, с четырьмя ногами и тремя глазами. Он стал преследовать этих женщин, но тут наступило, утро, и я проснулся. Мне неведомо, что сулит Трипуре этот сон, но я знаю наверное, что боги питают к нам вражду, что им не по сердцу наше благополучие, могущество и богатство, и они хотели бы вновь прогнать нас на дно океана или в подземное царство. Поэтому я взываю к вам: будьте добры друг к другу! Не допускайте в сердца ваши зависти и злобы. Пусть будет жизнь ваша праведной и благонравной».

Асуры выслушали Майю в мрачном молчании и вышли из его чертогов, унося с собой его советы; но на другой же день их словно подменили. Вещим оказался сон властителя Трипуры. С той поры навсегда исчезли из города Майи и счастье, и покой, и доверие, и дружба. Зависть, алчность и злоба поселились в душах асуров, глаза их стали красными от постоянного гнева и недовольства. Раздоры и драки вспыхивали в Трипуре ежечасно, и нелегко было Майе водворять мир и порядок среди своих подданных, с некоторых пор одержимых каким-то безумием. Асуры стали пренебрегать обрядами, они подвергали жрецов гонениям и чинили им всяческие притеснения и обиды. Храмы опустели, огни на алтарях погасли, жрецы, спасая жизнь, укрылись в тайных убежищах, и некому стало в Трипуре читать молитвы, петь гимны Брахме, приносить на алтари жертвы.

Асуры перестали оказывать уважение старшим и почитать предков. Они перестали отличать день от ночи — днем спали, а после заката пировали и развлекались; их больше не смущала нечистота тела, и они забыли об омовениях. Они восходили на ложе грязные, после нечистых отправлений, не омывали ни рук, ни ног, не очищали тело после супружеских объятий. Они перестали украшать свои жилища, топтали цветы, вырубали рощи, разрушали обители отшельников, совершали жестокие набеги на жителей небесного царства. Все это предвещало грядущую гибель Трипуры.

Свирепые набеги асуров наводили ужас на все живые существа во вселенной. Индра вместе с ратью Марутов напал на Трипуру, но оружие его было бессильно против крепостных стен, неуязвимых по милости Брахмы, и повелителю небесного царства пришлось отступить ни с чем. Тогда боги в страхе отправились к Брахме искать у него совета и защиты.

«О великий Брахма,— сказали они творцу миров,— укрой и охрани нас от диких и кровожадных жителей Трипуры. Они прячутся за неприступными стенами своей столицы и потешаются над нашим бессилием. Их кровавые набеги всегда внезапны, а потом они сразу уходят в Трипуру и укрываются там, недосягаемые для нашего оружия. Люди на земле трепещут от страха при их приближении, как гуси перед бурей, как олени перед львами. От асуров и небожителям нет покоя. Так тяжко всем нам приходится ныне, что мы стали забывать имена наших жен, сыновей и внуков. Земля и небо опустеют, если ты, великий Брахма, не придешь нам на помощь».

Прародитель внимал богам, и лик его светился покоем и благоволением. Он сказал небожителям: «Я дал Майе дар за великую силу духа, за его невиданное подвижничество. Я обещал ему, что его крепость будет неприступна. Но ему не удалось смирить злобу и кровожадность асуров, и они снова сеют всюду страх и беды. А посему стольный град Майи должен быть разрушен, а жители его изгнаны из земных и небесных пределов. Но непросто разрушить Трипуру. Эту крепость можно уничтожить только одной стрелою, единственным выстрелом из лука, и стрела эта должна быть неотразимой. Только Шива способен на этот подвиг. Ступайте к Шиве, о боги, и просите его покарать обитателей Трипуры».

Боги отправились к грозному Шиве, восседавшему вместе с Умой на горной вершине Кайласы. Его окружало золотое сияние, и три его ока блистали слепящим огнем, как три солнца, а на челе его светил серебристый месяц. Небожители воспели Шиве хвалу, восславили его чудесные деяния в гимнах и, преклонившись перед ним, обратились к нему с великой мольбой — покарать обитателей Трипуры и разрушить ненавистную богам крепость.

«О Шива,— сказали они,— Майя, сын Випрачитти, могучий и коварный, воздвиг неприступную крепость Трипуру и оттуда угрожает нашей власти. Асуры насмехаются над нами, как над рабами, и нет у нас защиты от них. Они погубили сады и рощи в нашем царстве; там, где раньше веселила наши взоры божественная роща Нандана,

ныне голо и пусто. Они похитили самых красивых апсар и насильно увели их в Трипуру. Они угнали в свою столицу слонов и коней Индры; и коней небесного владыки они ныне запрягают в свои колесницы. Они унесли с собой в Трипуру наши сокровища, и мы не знаем, как вернуть их обратно. Сама наша жизнь в опасности ныне, и нам осталось уповать только на тебя и твое могущество».

«Да будет вам благо, о боги,— ответил им преславный Шива.— Я всегда желал вам мира и счастья и теперь желаю того же. Отбросьте страх ваш и тревогу; я уничтожу твердыню асуров, которая вам столь ненавистна. Но и вы должны помочь мне снарядить к бою мою колесницу».

И боги принялись готовить к битве колесницу великого Шивы*. Не было равных ей ни у кого из бессмертных властителей мира. Земля была ей основой, гора Меру — сиденьем, гора Мандара — осью, а солнце и луна — ее золотым и серебряным колесами; небесная твердь была передком той колесницы. Четыре Веды стали конями, запряженными в колесницу Шивы, а дугами были четыре юги* — четыре века, на которые разделяется время, прошедшее с сотворения мира: Критаюга — Золотой век, Третаюга — Серебряный, Двапара — Медный и Калиюга — нынешний, Железный век. Огромный змей Дхритараштра заменял поводья в этой упряжке.

Страшные ядовитые наги, сыновья и внуки Васуки, властителя змей, стали огненными стрелами в колчанах грозного Шивы; луком ему служил Самватсара — Год, отмеряющий время, а тетивой на нем была Каларатри* — Ночь кончины мира — сестра Ямы.

Боги снарядили эту вселенскую колесницу, и Шива, довольный, похвалил их искусство. Потом он сказал: «О боги, мне нужен теперь искусный колесничий, чтобы превосходил он и меня, и все, из чего сделана эта колесница».— «Кто же может быть возничим на этой колеснице?» — подумали боги. Они пришли в замешательство, и тревога охватила их. «Что нам делать? Неужели никогда не будет сокрушена Трипура?» — причитали они. Тогда сам Брахма, видя их смятение, сжалился над ними и молвил: «Я буду возничим у Шивы». Он стал на колесницу и взял бразды в свои руки, а боги возликовали и испустили радостные клики.

И Шива, довольный, взошел на колесницу; кони-Веды натянули постромки, но от тяжести великого бога они склонились до самой земли и, упав на колени, зарылись мордами в прах. Шива поднял их могучей рукою, и снова боги испустили ликующий крик, подобный реву океана во время бури. «Победа, победа тебе, о Шива!» — восклицали они. И Брахма, божественный возничий, повел колесницу Шивы к Трипуре.

Боги последовали за колесницей; Яма ехал на своем огненном буйволе*, держа в руках жезл и петлю, которою он уловляет грешников; Индра восседал на белом слоне Айравате, потрясая своей грозной ваджрой; Сканда следовал за колесницей своего отца верхом на павлине, Агни ехал на баране, Ваю — на олене. Змей Шеша охранял передок колесницы Шивы, где стоял Брахма, а Ушанас и Брихаспати, блиста-

тельные мудрецы, охраняли ее колеса; сзади же ехал слуга Шивы Нандин на его быке, с его знаменем и трезубцем*, за ним — Ганеша верхом на крысе, а позади, возглавляемые Андхакой, шли праматхи*, зловещие демоны из свиты Шивы, оглашая окрестность страшными кликами, подобными львиному рыку.

И вскоре колесница Шивы приблизилась к Трипуре. На высоких стенах ее ожидали боя несметные полчища асуров. Воины Майи притаились в крепостных башнях, держа оружие наготове. Все затихло кругом перед неотвратимой битвой.

Шива окинул взглядом твердыню асуров, возвышающуюся над небесным сводом, и неисчислимое войско Майи; и он сказал, обращаясь к Индре: «Асуры приготовились к бою. Их рать несметна, и воины Майи горят злобой и жаждут победы над нами. Видно, были у асуров зловещие знамения, и они почуяли, что близится час кровавой битвы. Отвлеки, о Индра, от меня их внимание и начни в стороне горячий бой с асурами Майи. Возьми в помощь себе мою свиту. А сам я буду стоять здесь на колеснице и постараюсь отыскать брешь в укреплениях Майи, а когда наступит благоприятное время, одной стрелой обращу всю Трипуру в пепел».

По знаку Индры небесное воинство двинулось на Трипуру. Загремели барабаны, воины запели боевые песни, и великое волнение охватило защитников крепости. Одни из них пылали злобой и, потрясая оружием, яростно рычали, с нетерпением ожидая схватки. Другие в предчувствии неминуемой гибели метались по крепости и вопрошали друг друга: «Почему такой страх сковал наши души? Что ожидает нас в этой битве — смерть или победа? Зачем сюда явился сам грозный Шива, что восседает, как лев перед прыжком, на своей огромной, как горная вершина, колеснице? Почему предчувствие недоброго сжимает наши сердца? Что надо Шиве от обитателей Трипуры?»

Но никто не мог ответить им на их вопросы. Войско Индры уже подступило к стенам крепости, и вскоре закипела ожесточенная схватка между асурами и воинством неба. Тетивы луков грозно рокотали, как гром перед бурей. Тучи стрел затмили ясное небо, и, пораженные насмерть, падали воины Майи и бойцы из стана Индры. Рекой заструилась кровь под стенами Трипуры, и земля покрылась мертвыми телами. Головы, руки и ноги, отсеченные острыми мечами, громоздились грудами на поле битвы и мешали бойцам сойтись в рукопашной схватке. Стоны раненых, конское ржание, треск ломающихся колесниц, крики боли и ярости разносились над полем сражения.

Воины Индры пошли на приступ сразу всех трех крепостей Трипуры, отвлекая внимание асуров Майи от выжидавшего своего часа Шивы. Они все сильнее теснили воинов Майи и наконец загнали их под защиту крепких стен Трипуры. Тогда Майя решил применить против небесного воинства силу своего колдовского искусства. И вскоре воинам Индры стало казаться, что палящий огонь стеной надвигается на них отовсюду; со всех сторон света грозили им языки пламени, а за ними двигались на них с рычанием и воем дикие львы и тигры и ползли кровожадные крокодилы и ядовитые змеи; с грохотом

рушились на них горные кручи и падали огромные деревья; и ужас объял войско Индры. От страха воины лишались чувств и цепенели, подобно тому как цепенеют и впадают в бесчувствие от истязаний плоти святые подвижники.

Тогда в бой вступили великие боги — хранители мира: сам Индра, а с ним Варуна, Сурья, Яма и Кубера. Они освободили от наваждения свое войско, и оно с новыми силами подступило к самым стенам твердыни асуров. И снова закипел бой, в котором тяжко пришлось защитникам Трипуры. Все меньше оставалось воинов у Майи, все больше мертвых тел громоздилось на поле битвы. Боги теснили асуров с необоримой силой, и те в великом беспорядке бежали под защиту крепостных стен. Так солнце, поднимающееся утром от края земли, рассеивает ночной мрак.

Наконец силы оставили защитников крепости, и даже сам полководец асуров Майя утомился от боя. Тогда он поднялся на верхнее укрепление Трипуры, чтобы там отдохнуть в своих палатах от непосильной битвы и собраться с силами снова. Он тяжко вздыхал, и руки его повисли вдоль тела, а голова поникла. Мрачные раздумья одолевали властителя Трипуры. «Увы,— говорил себе Майя,— нет таких крепостей, которые стояли бы вечно. Казалось, Трипура неуязвима и неприступна, но даже ее можно разрушить. Все преграды преодолевает неуклонное Время. Как же нам выстоять в этой битве, если само неодолимое Время обратилось против нас? Все подвластно Времени во вселенной — таков закон великого Брахмы. Как же нам найти спасение? Я не боюсь ни Индры, ни Варуны, ни Куберы, но против нас выступил сам грозный Шива, и, видно, настал час гибели Трипуры. Но мы будем сражаться до последнего вздоха, и я должен поддержать в моих соратниках воинский дух. Сейчас явлю я моему народу свое могущество тем, что верну к жизни асуров, павших на поле брани. Тогда вера в победу вновь придет к защитникам Трипуры».

Силой своего колдовского искусства Майя пробудил в своем войске надежду и бодрость. Чудесным образом возник в Трипуре на глазах у изумленных асуров прекрасный водоем* длиною в шестнадцать и шириною в восемь йоджан, окаймленный горным камнем. К водоему вели широкие ступени, над водой благоухали цветы, и веял тихий ласковый ветерок. Лотосы плавали на водной глади, подобные звездам на небосводе. Дивные птицы в золотом оперенье летали над голубым водоемом и пели, резвостью своей вселяя в душу веселье.

На глазах асуров, пораженных этим чудом, Майя погрузил убитого воина в теплую влагу водоема, и тот мгновенно восстал из мертвых — так вспыхивает пламя на жертвенном алтаре, когда жрец плеснет в огонь немного масла. И воскресший асур вскричал: «Где Индра? Где его войско? Мы будем сражаться, мы сокрушим наших врагов и навеки уничтожим их силу! Или мы сегодня добьемся победы, или, не дрогнув перед лицом грозного владыки небес, все до одного сойдем в царство Ямы!»

Сотворенное Майей чудо вдохнуло в асуров новые силы. С ликованием и верой в победу они восклицали: «Мы будем биться! Мы не

Бог солнца Сурья

отступим!» — и с яростью бросались на воинов Индры, нанося им сокрушительные удары. «Братья, сражайтесь, не страшась смерти,— воодушевляли друг друга асуры.— Если вы падете в битве, чудесный водоем Майи снова вернет вас к жизни».

И, не ведая страха, асуры устремились в бой, подобные львам, кидающимся на свою жертву во время ночной охоты. Тысячами падали асуры, орошая землю кровью, под ударами бойцов Индры, и тысячами возвращал их к жизни Майя в своем водоеме. Все труднее приходилось воинству Индры, все смелее становился натиск защитников Трипуры. И снова асуры стали теснить богов, а те не знали, как отразить их напор.

Тогда боги обратились за помощью к Вишну. Великий хранитель мира тотчас взвился высоко в небо, пролетел над головами защитников Трипуры и незаметно для них проник в неприступную крепость. Там, обратившись в быка, он приблизился к чудесному водоему, потоптал цветы, разогнал певчих птиц и выпил животворную влагу всю до последней капли. Потом он вернулся обратно в стан Индры. Так солнце, опускаясь за край земных пределов, погружает землю в темноту ночи.

Теперь боги стали брать верх; они обрушились на асуров, истребляя их сотнями и тысячами. Кровь струилась рекой по полю сражения; уныние охватило воинов Трипуры, и они опять стали отступать к стенам своей крепости. «Победа! Победа! — восклицали ликующие боги.— Наконец-то мы подчиним себе вселенную от края до края и будем владеть ею безраздельно!» Асуры же укрылись в стенах Трипуры, чтобы залечить раны и собраться с силами для нового боя.

Владыка Трипуры, бесстрашный и могучий Майя, собрал на городской площади своих усталых воинов и сказал им: «О асуры! Вы отступили, но не покорились, не преклонили колен перед врагом! Воистину, доблестно сражалось сегодня войско богов. Но вы не должны падать духом. Слава и удача до сих пор не изменяли вам, все время сопутствовала вам победа, но сейчас нам нужно готовиться к отступлению из Трипуры. Увы! Время никому не дает пощады, и даже крепость из железа, серебра и золота ему подвластна. Только само Время не знает поражений. Взгляните, грозные враги кольцом охватили нашу твердыню!»

Скорбные речи Майи повергли асуров в отчаяние. Лица их побледнели, как бледнеют звезды в ночь лунного сияния. И едва Майя закончил свою речь, как прибежали стражи чудесного водоема и поведали страшную весть о быке, выпившем животворную воду. Майя не выказал гнева и не стал порицать стражей; он понял, что Вишну, от которого ничто во вселенной не сокрыто, обманул его воинов.

«Это великое несчастье для нас,— сказал он.— Если нет больше в нашем водоеме чудесной влаги, мы не сможем отныне возвращать убитых воинов к жизни, и здесь, на этой равнине без гор, без лесов, без всяких укрытий, нам не устоять против богов, не удержать нам Трипуры. О асуры, нам придется уйти под защиту бурных вод океана. Там, в пучине моря, боги не смогут преследовать нас и не подчинят нас своей власти. А если они сойдут туда вслед за нами, там мы

сумеем их одолеть в смертельной схватке, там уничтожим мы все их войско».

Майя дал знак, и Трипура вдруг тронулась с места, погрузилась в воды океана и исчезла из глаз изумленных богов. Тогда Шива обратился к Брахме с просьбой вести его колесницу туда, где сокрылась Трипура. И всеведущий Брахма указал Шиве и его войску путь к Трипуре, вновь поднявшейся на поверхность у западного края океана. Не успели асуры приготовиться к новой битве, как воины Индры опять устремились на приступ твердыни Майи.

Океан взволновался и окрасился кровью. Тела асуров, погибших в битве, погружались в соленые морские воды и становились добычей морских чудовищ. Огромные хищные рыбы, алчущие крови и плоти убитых, приплыли туда отовсюду и, пожирая трупы, яростно дрались из-за добычи.

Небожители пошли на приступ всех ворот Трипуры сразу. Железо, серебро и золото подались под натиском войска Индры, жаждущего победы. Неотвратимая гибель нависла над городом. Матери, сестры, жены и невесты асуров издавали жалобные вопли, и горестные их голоса, звеневшие над морем, лишали силы сражающихся воинов Майи.

Наконец владыка Трипуры еще раз собрал вокруг себя асуров и сказал им: «О воины! Узнайте, что приближается время, когда луна и созвездие Пушья* начнут сходиться на небосводе, и в этот час наша твердыня окажется на одной линии с ними. Тогда Шива сможет поразить Трипуру одной-единственной стрелой. Близится час, о братья, предсказанный Брахмой в минувшие времена. Если Шива не пропустит мгновения и рука и лук ему не изменят, у нас не останется нашей крепости и нам придется спасаться бегством. Но если мы сумеем в нужное время столкнуть колесницу Шивы с места и помешаем ему попасть стрелой в Трипуру, боги вернутся в свои пределы ни с чем. Так будьте же тверды и бесстрашны, о асуры, и забудьте о поражении и о смерти, что нам угрожают!»

Асуры выслушали слова Майи и сказали: «Мы сделаем все так, как ты повелишь, о владыка, и помешаем Шиве поразить Трипуру стрелою. Мы не дадим ему разрушить нашу крепость и убьем его раньше, чем он успеет натянуть тетиву своего лука». И, преисполненные решимости отстоять Трипуру в предстоящей битве, асуры ушли на отдых в ожидании того часа, когда луна начнет сближаться с созвездием Пушья.

И вот наступила ночь, и луна взошла на небосвод над Трипурой, и сияние ее озарило улицы и площади города асуров. Служанки зажгли светильники и факелы в палатах дайтьев и данавов, и вся Трипура загорелась огнями, и стало в ней светло, как в час восхода. Надежда на победу, вера во всемогущество Майи и в его чудесное колдовское искусство веселили души асуров, и они, забыв заботы, предались в этот полуночный час развлечениям и любовным утехам. Благоухание цветов наполняло воздух, в ночной тиши звучали песни и нежная музыка; и любовная истома овладела жителями Трипуры, не чающими грядущих несчастий.

Но прошла ночь, и наступило утро; и войско Индры приготовилось к новому бою. Когда солнце коснулось вершины горы Меру, воинство небожителей взволновалось и зашумело, как океан в час гибели вселенной. Боги Варуна, Кубера и тысячеокий Индра вновь повели на приступ войско богов, ощетинившееся тысячами копий и стягов, и, казалось, необозримая лесная чаща движется к стенам Трипуры. Загудели тетивы боевых луков, запели в воздухе стрелы, заблистали копья и дротики. Снова заструилась кровь на поле брани, и тела павших устлали землю. Воины асуров, искусные в ратном деле, ободряли друг друга победными кликами, а врага они старались смутить, осыпая его обидной хулой и проклятиями. Лица их, бледные после бессонной ночи, сияли грозной решимостью; и они готовы были умереть ради спасения Трипуры.

Но небесные воины превосходили ратников Майи силой и воинским искусством. Не выдержав их натиска, вскоре снова бежали асуры под защиту крепостных стен. И едва закрылись за ними железные ворота, как луна и созвездие Пушья стали сближаться над твердыней асура Майи.

Тогда Шива взял в руки свой грозный лук, наложил на тугую тетиву стрелу, неотвратимую, как Яма, бог смерти, и пустил ту стрелу в неприступную крепость Трипуру. Через мгновение раздался страшный гром в вышине, небо запылало золотым огнем над гибнущей Трипурой, и твердыня асуров, вспыхнув, как смоляной факел, рухнула в пучину океана. Вода в море вскипела, и поверхность его окуталась белым паром. А развалины славной крепости Майи навсегда опустились на дно морское и вместе с ними все подданные могучего владыки асуров.

Никому из воинов Трипуры не суждено было спастись от огненной стрелы великого бога Шивы, уцелел только сам Майя; Шива пощадил его за прежние заслуги и позволил ему уйти живым и невредимым из горящей Трипуры. Майя поселился потом далеко на краю вселенной и больше не воевал с богами.

А небожители, избавленные отныне от притеснений обитателей Трипуры, вернулись с торжеством в Амаравати, ликуя и славя великий подвиг Шивы.

70. СКАЗАНИЕ О ДЖАЛАНДХАРЕ

Однажды Индра, владыка небожителей, возжелал почтить великого Шиву и развлечь его музыкой и танцем. В сопровождении своих гандхарвов и чаранов, с прекрасными апсарами, блиставшими драгоценными нарядами, Индра отправился к горе Кайласе, где пребывал Шива; и мудрый Нарада был при нем, устроитель сладкогласных хоров, со своей чудесной ви́ной.

Они явились к вратам обители Шивы, и Нандин, верный страж, охраняющий покой своего владыки, пошел доложить о них. Супруг Умы благосклонно принял весть о приходе небожителей и повелел Нандину впустить их немедля. Индра, войдя, поклонился почтительно Шиве

и молвил: «О Владыка, дозволь слугам моим явить перед тобою свое искусство в музыке, пении и танце; да развлекут они тебя среди твоих благочестивых занятий!» Победитель Трипуры милостиво дал свое согласие, и по знаку Индры небесные музыканты, руководимые Нарадой, огласили обитель Шивы чарующей слух мелодией, а прелестные танцовщицы закружились в дивной пляске перед хозяином дома. И столь велико было их искусство, что сам суровый Шива заслушался и засмотрелся на них, преисполненный восхищения; и, довольный всем, он сказал Индре: «О властелин небожителей, поистине, ты развлек меня и угодил мне; какого дара за это ты от меня желаешь?»

Индра же возгордился без меры, слыша похвалу великого бога. И он сказал ему: «О Владыка! Да буду я равен тебе в битве могуществом и отвагой!»

Дерзость царя богов пришлась не по сердцу Шиве. Грозно нахмурив брови, он знаком отпустил небожителей вместе с их повелителем. И столь велик, столь нестерпим был гнев Шивы, что темным облаком исторгся он из уст яростного бога и принял телесный образ. И Шива сказал ему: «Да войдешь ты в воды небесной Ганги и да воплотишься ты в сыне ее, который родится от слияния ее с Океаном, чтобы покарать царя богов за дерзость». И Гнев Шивы повиновался велению своего господина.

Воля Шивы совершилась, и божественная Ганга и Владыка рек, могучий океан, слились в любовных объятиях, и сын небывалой мощи и величия родился от их союза. При рождении его сотряслась земля, и громовой голос прозвучал из глубин морских, отдавшись эхом во всех трех мирах. Сам Брахма очнулся тогда от своих священных дум и увидел, что вселенная объята ужасом. Воссев на небесного гуся*, Прародитель направил его полет к Океану и, достигнув его, вопросил Супруга рек: «Зачем, о могучий, поднял ты этот рев, повергающий вселенную в трепет?» Океан отвечал: «Это не я, о великий Брахма, это вскричал новорожденный сын мой. Позволь ему видеть твой лик, столь редко доступный для взора; и пусть эта милость будет ему защитой от бедствий в грядущие дни».

И он обратился к прекрасной супруге своей и сказал: «Покажи Творцу вселенной нашего сына». И Ганга принесла младенца и, поклонившись Брахме в ноги, положила сына ему на колени. И пока с изумлением взирал Брахма на дивный облик сына Океана, дитя цепко ухватилось за его бороду, по которой струились слезы умиленного Прародителя.

Восхищенный силой и прелестью малого дитяти, Брахма сказал: «Да будет имя ему, державшему в руках влагу очей моих, Джаландхара, Держащий влагу. И да будет он победоносен и неодолим для самих богов!» И, наделив этим даром юного сына Океана, Брахма исчез.

Прошло время, и юный Джаландхара подрос; и часто на крыльях ветра он летал над бескрайними водами океана, оглашая воздух воинственными кликами. То он нырял в глубины морские и нападал на тамошних обитателей, истребляя их ради забавы, то взмывал в вышину

и, настигая могучих птиц, сбрасывал их с высоты вниз. Все живое страшилось мощи неистового сына Океана и Ганги. Многие обитатели моря в страхе за свою жизнь бежали в горы Химавая, а птицы совсем перестали летать над морскими волнами.

Однажды в обитель Океана явился Ушанас, мудрый наставник асуров; принятый с должным почетом, он сказал хозяину: «Сын твой обладает неизмеримою силой, поистине, он достоин властвовать над тремя мирами. Между тем нет у него пока во владении ни клочка земли. Ты должен найти для него такую страну, где он мог бы править». Тогда Океан, следуя совету хитроумного Ушанаса, отхлынул от берега, обнажив участок суши в триста йоджан длиною и в сто шириною. Из любви к сыну он отдал ему во владение эту страну, по его имени названную Джаландхара.

Потом Океан призвал к себе Майю, знаменитого зодчего асуров, и повелел ему воздвигнуть на той земле столицу для Джаландхары. И Майя построил великолепный город с высокими зданиями из драгоценных камней и золота, окруженными благоухающими садами с красивыми водоемами; там круглый год цвели чудесные цветы и пели сладкоголосые птицы. В этом городе Океан и Ушанас торжественно венчали Джаландхару на царство. Океан дал сыну множество подданных и грозное бесчисленное войско. Ушанас, сын Бхригу, стал при нем верховным жрецом и советником; он обучил Джаландхару владению оружием всякого рода и поведал ему тайное заклинание, возвращавшее к жизни мертвых.

А через некоторое время Ушанас нашел и невесту для Джаландхары; он выдал за него прекрасную апсару Вринду, которую Джаландхара полюбил с первого взгляда, и они обвенчались по обычаю гандхарвов, и супружество их было счастливым.

Но не пожелал Джаландхара наслаждаться мирной жизнью в своем царстве. Он призвал к себе однажды своего приближенного советника и друга Дурварану и повелел ему отправиться послом к царю богов. Дурварана выслушал и запомнил слова послания, которое ему надлежало передать Индре, и пустился в путь.

Достигнув Амаравати, он предстал перед повелителем богов и возгласил: «Меня послал к тебе Джаландхара, доблестный сын Океана, государь, могущественнейший в трех мирах. Некогда вместе с другими богами и асурами ты осмелился взволновать великий Океан, пахтая его горою Мандара ради обретения амриты*. Тогда исторг ты у Океана его сокровища — амриту, светлый месяц, чудесного коня Уччайхшраваса, слона Айравату, дерево Париджата. Ныне Джаландхара, сын Океана, повелевает тебе: верни похищенное! И если ты дорожишь своей жизнью, повинуйся без промедления воле владыки вселенной!» Индра отвечал послу, улыбаясь: «Я не верну сыну Океана того, что взято по праву. Но я готов предложить ему свою дружбу и покровительство, как и прочим земным царям. Если же он вздумает ссориться с нами, если пойдет на нас войною, пусть пеняет тогда на себя — он встретит здесь свою гибель!» И с этими словами Индра отпустил Дурварану.

Вернувшись в Джаландхару, Дурварана передал своему господину слова царя богов, и могучий сын Океана в великом гневе повелел готовить к походу войско. Несметные полчища асуров собрались под его знамена, и все они двинулись в поход на богов, сотрясая землю тяжкой поступью и воинственными кликами оглашая вселенную. На сотни йоджан растянулось огромное войско демонов, пеших, конных, едущих на колесницах и на слонах. На второй день пути оно подошло к горе Меру. Здесь Джаландхара остановил свое войско, расположившееся у подножия горы и на ее южном склоне. Асуры рассыпались по окрестностям, разоряя божественный край, губя дивные сады и рощи, принадлежащие Индре. И страшный шум, поднятый войском Джаландхары, разносился далеко вокруг и достиг слуха богов, пребывающих в Амаравати.

Индра, встревоженный, призвал небожителей готовиться к битве. По совету Брихаспати он послал немедля за Вишну, прося его о помощи, и великий бог обещал через посла, что не оставит братьев своих в беде и придет к ним на выручку в час невзгоды.

Могучее войско небожителей выступило из Амаравати, возглавляемое Индрой. Он ехал впереди на колеснице, а за ним следовали сын его Джаянта на небесном слоне, Митра и Варуна, блистающие в великолепных воинских доспехах, Сурья, озаряющий окрестность сиянием своих лучей, Кубера в паланкине, несомом якшами, Ваю на олене, Агни на баране, грозные Маруты на боевых колесницах, а за ними шли неисчислимые, как волны в океане, сонмы якшей, гухьяков, гандхарвов, чаранов, нагов и других обитателей небесного царства и подданных богов, хранителей мира.

Небожители заняли северный склон горы Меру; напротив них стало войско асуров, и когда зазвучали боевые трубы и барабаны, рати двинулись навстречу одна другой и сошлись в ожесточенной схватке. Колесницы устремились на колесницы, сталкиваясь в сражении с громоподобным грохотом, тучи стрел затмили небо, слоны враждующих станов яростно набрасывались один на другого; кони метались, сбрасывая всадников наземь, и потоки крови заструились по полю битвы.

Вишну, присоединившийся к войску богов, сошелся в единоборстве с могучим асуром Каланеми; Яма сражался с Дурвараной, Сома и Сурья напали на Раху, Агни дрался с Кету*, Кубера — с Ниходой, Джаянта — с Самхрадой, а Индра бился с неустрашимым Бали, старым царем асуров.

В той битве Вишну победил Каланеми, повергнув его наземь ударом своей палицы, сокрушающей горы. Раху, уклонившись от меча Сомы, устремился на Сурью и сбросил его с колесницы; потом, возвратясь к Соме, он победил и его, проглотил его и извергнул — с той поры лунный лик Сомы стал желтым. Дурварана одолел в бою грозного Яму; Самхрада, сын Хираньякашипу, пронзил многими стрелами Джаянту, сбросил его со слона на землю, а слона захватил и отвел к Джаландхаре; а Раху передал сыну Океана солнечного коня Уччайхшраваса, которого он выпряг из колесницы Сурьи. Нихода обезоружил и заставил отступить Куберу.

Долгим и жестоким был бой между Индрой и Бали. Царь асуров поразил повелителя богов боевым топором в грудь; Индра покачнулся и закричал от страха. Тогда Бали рассмеялся; и смех его зернами жемчуга исторгся из его уст. Увидев это, Индра, восхищенный, воздал хвалу Бали. Тот благодарно молвил: «О повелитель богов, проси у меня дар за эту хвалу». На это Индра ответил немедля: «О Бали, я прошу у тебя в дар твое тело!» Встревоженный Бали подумал: «Могу ли я отвергнуть его просьбу? Благочестивый не отказывает в даре даже злейшим врагам. Тело тленно — только душа стоит заботы». И Бали сказал: «Прими мой дар, о Индра». Обрадованный царь богов тотчас поразил благородного врага своею ваджрой; и тело Бали под тем ударом распалось на многие части, упавшие на окрестные горы. Кости Бали, сокрушенные ваджрой, стали алмазом*, глаза превратились в аметисты, кровь — в рубины, костный мозг — в изумруд, мясо — в горный хрусталь, язык — в кораллы, зубы — в жемчуг. «Воскреси его!» — вскричал сын Океана, обращаясь к Ушанасу. Но сын Бхригу с печалью ответил: «Как вернуть к жизни того, кто сам добровольно избрал себе смерть? Тело его уже не воскреснет, но дух воспарит к небесам и обретет бессмертный образ»*.

Тогда разгневанный Джаландхара сам вступил в битву и вскричал, обращаясь к Индре: «О недостойнейший из воителей! Только обманом погубил ты доблестного Бали». И он осыпал царя богов и его колесничего дождем стрел. Дрогнул Индра под ударами этих стрел, но, оправившись, метнул в Джаландхару свою неотразимую ваджру. Сын Океана, однако, поймал ее на лету рукою и, соскочив со своей колесницы, одним прыжком вознесся на колесницу Индры, стремясь пленить царя богов, но испуганный Индра успел бежать под защиту Вишну. А Джаландхара, завладев колесницею повелителя небесного царства, принудил его возничего, Матали, служить ему и вести колесницу против войска богов.

После поражения Индры Вишну призвал к себе Гаруду, царя птиц, воссел на него и, взлетев в поднебесье, напал оттуда на войско асуров. Сверху он нанес сокрушительные удары, повергшие в прах множество пеших воинов, коней и слонов и опрокинувшие тысячи боевых колесниц. Тогда по велению Джаландхары могучие вожди войска асуров обернулись все против Вишну и пустили в него такой ливень стрел, что вскоре и великий хранитель вселенной, и птица Гаруда совершенно скрылись от взоров.

Но Вишну отразил все удары, сам напал на врагов и заставил их отступить. Тогда Джаландхара взошел на свою колесницу и устремился на Вишну. Оба они осыпали друг друга потоками стрел. Джаландхара тяжко поразил Гаруду, и царь птиц упал на землю. Вишну тогда взошел на колесницу и устремился на войско асуров. И множество асуров полегло под его смертоносными ударами.

Видя, что войско его убывает, Джаландхара сказал Ушанасу: «О мудрый! Настало время применить твое чудесное искусство, твои тайные познания!» — «Узри, о царь, могущество брахмана на поле битвы!» — ответил ему Ушанас. Он обрызгал павших воинов водою и про-

изнес заклинания; и асуры, сраженные оружием богов, тотчас воскресли и вновь устремились в бой.

Глядя на это чудо, Вишну сказал Брихаспати: «Неужели ты допустишь, чтобы наставник асуров посрамил тебя своим искусством? Ты должен вернуть к жизни сраженных в бою небожителей». — «Мне неведомо заклинание Ушанаса, — сказал наставник богов, — и все же я постараюсь не уступить ему в этом деле». Силою своего чародейства Брихаспати в мгновение ока перенесся в дальние пределы вселенной, где посреди молочного океана возвышалась чудесная гора Дрона, на которой росли целебные травы, оживлявшие мертвых. С этими травами Брихаспати незамедлительно вернулся на поле битвы и быстро исцелил всех убитых воинов небесной рати.

Джаландхара удивился, увидев множество воскресших врагов, снова вступивших в бой. «Как восстали они из мертвых? Ведь боги не знают твоего заклинания», — обратился он к Ушанасу. Тот поведал ему о горе Дрона в молочном океане и о растущих на ней волшебных травах. Тогда Джаландхара поручил предводительство в битве Ушанасу, а сам поспешил к молочному океану. Он обратился к его владыке, брату отца, с упреками за потворство небожителям, враждебным его родичам; когда же Молочный океан отвечал ему, что никому из просящих он отказать не может, а потому Брихаспати и впредь будет открыт путь к чудесным горным травам, Джаландхара в ярости ударил гору Дрону ногою, и та провалилась сквозь дно морское и скрылась в недрах подземного мира. А Джаландхара вернулся на поле битвы и, обрушившись на войско небожителей, истребил несметное множество вражеских ратников. Тогда Брихаспати вновь отправился к Молочному океану, но не нашел посреди его волн горы Дрона и вернулся ни с чем к своему войску. Когда он поведал об исчезновении горы с целительными травами, великое уныние охватило богов.

Джаландхара же продолжал истреблять воинов Индры, и в страхе и смятении они бежали от ударов его оружия под защиту Вишну. И снова тот выступил против неукротимого сына Океана. Могучий Джаландхара пеший приблизился к его колеснице и, ухватив ее за ось одной рукою, метнул ее высоко в небо. Другой рукой он схватил Гаруду и швырнул его в другую сторону. Колесница, с которой свалился Вишну, и сын Винаты вскоре грянули оземь в разных концах вселенной, на дальних материках.

Когда Вишну поднялся с земли, он, пылая яростью, устремился на Джаландхару, осыпая его стрелами. Приблизившись к врагу, он метнул острый дротик, глубоко вонзившийся в грудь отважного сына Океана, и Джаландхара поник на своей колеснице, а возничий поспешно направил ее прочь с поля боя, увозя своего господина от вражеских ударов. Но вскоре Джаландхара вновь обрел силы. Тучи стрел обрушил он на великого бога, вернувшись в сражение, и Вишну, изнемогший под этим убийственным ливнем, пал наконец без сознания на землю. Джаландхара занес уже над поверженным врагом руку, чтобы нанести ему смертельный удар, когда Индра вскричал: «Пощади супруга своей сестры!» И Джаландхара тут вспомнил, что жена Виш-

ну — Лакшми, дочь Океана, и не тронул его, распростертого на земле у его ног. Когда Вишну пришел в себя, Джаландхара поклонился ему и воздал хвалу и ему и сестре своей Лакшми. «Какой дар за твою хвалу пожаловать мне тебе, о владыка асуров?» — спросил его Вишну. И Джаландхара пожелал, чтобы Вишну с супругой своей Лакшми удалился в обитель отца ее Океана* и больше не вмешивался в борьбу асуров и богов.

После поражения Вишну боги сложили оружие, будучи не в силах противостоять далее асурам, и Джаландхара торжественно вступил в Амаравати, столицу небесного царства, покорившегося победителю. Сын Океана взял себе сокровища, полученные некогда богами у его отца, и воцарился в городе богов. Власть его простиралась отныне на все три мира; и долго было его царствование счастливым и безмятежным. Повсюду неукоснительно исполнялись должные обряды, и все его подданные неуклонно следовали стезей добродетели. Младшие повиновались старшим, жены преданно служили супругам, нужда и бедность исчезли, не стало воров и разбойников, у всех было вдоволь еды, все были щедры, каждый жаждал дарить, и никто не требовал воздаяния. Не было тогда ни убийств, ни насилий, и неведомы были долги. Не было ни калек, ни уродов, ни злодеев. Во все время царствования Джаландхары никто в его царстве не умирал и не старился; и никто не питал вражды к другому.

Но боги, изгнанные с небес и лишенные жертвоприношений, были недовольны. Они пришли с жалобой к Брахме, и он вместе с ними отправился на Кайласу к великому Шиве. Боги склонились перед Шивой с мольбою: «Забудь свой гнев, о Владыка, прости Индру и смилуйся над нами—мы просим тебя о защите!» Шива, улыбаясь, ответил: «Как могу я помочь вам, когда сам Вишну оказался бессилен против вашего врага? Нет еще такого оружия, которым можно было бы сразить Джаландхару». Но Брахма сказал: «О Шива, только твоим могуществом может быть укрощен сын Океана!» Тогда Шива, поразмыслив, призвал богов слить воедино свой гнев на Джаландхару; и из гнева богов возник огненный диск, который Шива взял в руку. «Вот оружие против Джаландхары!» — сказал он и подал диск в руки Брахме. Его огнем опалило бороду Брахме, и тот отшатнулся в испуге, и все боги устрашились невиданного оружия. Шива, смеясь, взял у него диск обратно: «Дар не идет на пользу* тому, кто его не стоит».

Между тем Нарада, прослышав о новой войне с Джаландхарой, замышляемой богами, отправился в Амаравати и поведал ему о намерениях его врагов, прибегших к помощи Шивы. Джаландхара сказал: «Я не прочь сразиться и с Шивой, если от этой войны можно ожидать богатой добычи. Скажи мне, Нарада, какие сокровища хранятся в обители этого бога». Нарада отвечал: «Шива стар и страшен обликом; тело его покрыто пеплом, шею обвивает змея, он ведет жизнь подвижника и равнодушен к благам этого мира. Единственное сокровище, которым он владеет, — прекрасная супруга его Парвати, равной которой нет в трех мирах. Ни прелестнейшие из апсар, ни даже твоя жена Вринда не могут соперничать с ней красотою». Так молвил лукавый Нарада,

всегда готовый к подстрекательству и сеянью раздоров. А Джаландхара, загоревшийся от его речей, подумал, что стоит попытать счастья в войне с Шивой ради обретения красавицы Парвати.

И Джаландхара отправил послом на Кайласу демона Раху. Тот явился в обитель Шивы и, пропущенный Нандином, узрел божественного подвижника восседающим на троне, с месяцем во лбу и змеей, обвивающей шею. Сыновья его Сканда и Ганеша натирали золой его тело, и сонмы мрачных и жутких обличьем созданий окружали трон Владыки.

Раху приблизился к нему и молвил: «О Шива, меня послал к тебе Джаландхара, повелитель трех миров. Он хочет, чтобы ты признал его верховную власть над вселенной и изъявил ему свою покорность. Признай его своим властелином и повинуйся отныне его велениям!»

Ничего не ответил Шива на эти слова. Между тем змея, обвивавшая его шею, потревоженная руками его сыновей, усердно растиравших тело Владыки, упала на землю и набросилась на крысу Ганеши. Ухватив ее за хвост, змея стала заглатывать крысу, но павлин Сканды испустил такой пронзительный крик, что испуганная змея отпустила крысу и поползла на свое место на шее у бога. От ядовитого дыхания рассерженной змеи померк свет месяца, и стало совсем темно в сумрачной обители.

Раху, смущенный этим диковинным зрелищем, отступил было от трона Шивы, но оправился и опять обратился к великому богу. «Если ты предался подвижничеству и отринул мирские утехи, — сказал он ему, — зачем тебе власть, зачем тебе семья — жена и дети? Подчинись Джаландхаре и отдай ему все: и жену свою Парвати, и сыновей Сканду и Ганешу, — пусть служат они могущественному сыну Океана».

И опять ничего не ответил Шива. Раздраженный Раху обернулся к стоявшему рядом Нандину и сказал: «Разве прилично обычаю, чтобы государь не удостаивал ответом речи посла?» Но и Нандин ничего не ответил ему. По знаку Шивы он молча вывел Раху вон из обители. Раху вернулся к Джаландхаре и рассказал ему о том, как приняли его в обители великого бога на Кайласе.

Тогда воинственный Джаландхара немедля собрал свои рати и двинул их на Кайласу. Но сначала он предстал перед отцом и поведал ему о своих намерениях. «Не делай этого, сын мой, — сказал ему Океан. — Оставь в покое великого подвижника и наслаждайся властью у себя в царстве». Но Джаландхара не послушал отца. И Вринда сказала ему, уходящему в поход: «Достойно ли владыки вселенной, царя царей, идти войной на нищего отшельника? Я знаю, ты возмечтал о Парвати, но что тебе в ней? Чем она лучше меня? Напрасно поверил ты россказням Нарады, нарочно подстрекавшего тебя к войне. Подави нечестивую страсть и останься со мною». Но и жены не послушался Джаландхара. «Не будет покоя моей душе, пока я не увижу Парвати», — молвил он и поспешил к своему войску.

Но когда Джаландхара поднялся на Кайласу и достиг обители Шивы, она оказалась пустою; великий бог со всеми домочадцами и слу-

гами покинул ее, не дожидаясь прихода асуров. «Куда удалился он, оставив мне свой дом со всем убранством?» — спросил Джаландхара Ушанаса. Сын Бхригу ответил ему: «С женой и сыновьями и со всей своей свитой Шива удалился на высочайшую и недоступную гору к северу от озера Манаса». И Джаландхара, не задерживаясь, повел к той горе свое войско.

Завидев приближающееся войско Джаландхары, Шива повелел Парвати подняться на самую вершину горы, а Нандину он сказал: «Возьми моих воинов и спустись навстречу врагу». И Нандин стал во главе войска Шивы и встретил передовые отряды Джаландхары, уже начавшие подниматься по склону.

У самого подножия горы и на ее склонах закипела жаркая схватка. Демоны Шивы устремились на демонов Джаландхары, осыпая их стрелами, разя копьями, палицами и мечами. Они стали теснить их вниз, но все новые полчища нападающих подходили к горе и упорно карабкались вверх по ее кручам. Долго длилась эта битва, и земля у подножия той горы покрылась телами убитых и окрасилась кровью. Но не смогли воины Джаландхары одолеть защитников горы и отхлынули от нее прочь.

Тогда в бой вступили могущественнейшие из асуров. Дурварана напал на Нандина, Раху сражался со Скандой, Джамбха с Ганешей, Шайлароман с Пушпадантой. Дурварана ранил Нандина в грудь, и предводитель воинства Шивы упал без чувств на своей колеснице. Сканда метал дротики в Раху, но тот искусно уклонялся от смертоносных ударов бога войны. И утомленный Сканда покинул поле боя и поднялся на своем павлине в гору. Пушпаданта палицей сбил с ног Шайларомана, и тогда на него напал Гирикету. Воин Шивы мечом снес с плеч голову Гирикету, но тот продолжал нападать на него, потрясая мечом и щитом. Тогда голова Гирикету вскричала: «Остановись! Не стыдно ли тебе сражаться в таком виде?» И она снова воздвиглась на плечах Гирикету. Пушпаданта срубил ее снова, но она опять приросла к телу, и наконец асур принудил Пушпаданту отступить на гору.

Джамбха осыпал стрелами Ганешу, тот же устремился на врага с боевым топором и пытался поразить его ударами своего хобота. Но Джамбха сам нанес ему удар дротиком в рот, и Ганеша огласил поле боя жалобным воплем: «О мать моя! О мой отец! О брат! О моя любимая крыса!»

Услышав крики сына, Парвати поспешно спустилась с вершины горы и, приблизившись к Шиве, сказала: «Асуры убивают Ганешу, и Сканда, верно, уже пал на поле битвы, а ты спокойно отдыхаешь здесь вдали от боя! Вооружись и поспеши на помощь сыновьям!»

По знаку Шивы слуги привели ему его быка. Он надел доспехи, сел на быка и стал спускаться с горы, сказав на прощание Парвати: «Не тревожься, но будь осторожна на случай, если какой-нибудь злокозненный асур сумеет пробраться сюда».

Громкие клики раздались с обеих сторон на поле брани, когда сражавшиеся завидели Шиву, приближавшегося на белом быке. Нандин,

Сканда, Пушпаданта и другие вожди его войска воспряли духом и последовали за ним.

И битва между ратями Шивы и Джаландхары разгорелась с удвоенной силой. Но сам сын Океана не принял еще в ней участия. Воспламененный мыслью о прекрасной Парвати, он призвал к себе одного из асуров и повелел ему стать во главе войска, приняв облик своего повелителя. А сам Джаландхара, приняв образ Шивы, тайно покинул свое войско. В сопровождении одного Дурвараны он миновал незримо защитников горы и стал подниматься на ее вершину.

Тем временем Вишну, отвратившийся от войны и пребывавший мирно в обители Молочного океана, послал Гаруду на поле битвы узнать, победил ли уже Шива Джаландхару. Гаруда быстро полетел туда и, обозрев с высоты толпы сражавшихся, не увидел среди них сына Океана. Тогда он поднялся к самой вершине горы и вдруг узнал его: в облике Шивы Джаландхара приближался к обители Парвати. В клюве у царя птиц был волшебный шар — средство распознания оборотней, который дал ему Вишну; и Гаруда тотчас распознал Джаландхару. Он вернулся к Вишну и поведал ему об увиденном. Вишну подумал: «Не вмешиваясь в ход битвы, я окажу услугу Шиве и Парвати, если отвлеку Джаландхару, прибегнув к его же коварной уловке».

В образе благочестивого брахмана Вишну перенесся в столицу Джаландхары; вместе с ним был змей Шеша, принявший человеческий облик. Вблизи города был обширный лес, под сенью которого в часы досуга отдыхали и развлекались жители столицы Джаландхары. В глубине того леса Вишну воздвиг силою своих чар отшельническую обитель и поселился в ней вместе с Шешей, прислуживавшим ему; и он пожелал, чтобы прекрасная Вринда, супруга Джаландхары, оставленная им дома, вышла в лес и посетила его обитель.

Ночью Вринде приснился страшный сон. Она увидела во сне мертвую голову Джаландхары, отсеченную от тела, с отрезанными ушами и носом и глазами, выклеванными стервятниками. Проснувшись поутру, она, встревоженная, призвала к себе брахманов и рассказала им свой сон. «О царица, — молвили брахманы, — сон твой предвещает недоброе. Дабы отвратить беду, одари брахманов коровами, одеждой и драгоценностями!»

Вринда щедро одарила брахманов, но страшный сон не шел у нее из головы. Чтобы рассеять тревогу, лежавшую у нее на сердце, она взошла на колесницу и вдвоем со своей наперсницей Смарадути отправилась в лес на прогулку.

В лесу веял прохладный ветерок и весело щебетали птицы. Колесница Вринды, запряженная мулами, неспешно катилась среди деревьев, на сердце у царицы стало веселее, и ни она, ни подруга ее не заметили, как колесница сбилась с дороги. Мулы завезли их в глухую часть леса, где под огромными деревьями, не пропускавшими свет солнца, царил полумрак, где не пели птицы, а в густых зарослях слышались зловещие шорохи и рычание хищников.

Между тем как Вринда и Смарадути в растерянности озирались вокруг, не зная, в какую сторону им повернуть колесницу, чтобы вы-

браться на дорогу, которая вывела бы их из леса, из зарослей вышла страшная косматая людоедка с тремя ногами, пятью руками и львиной пастью. Вринда и Смарадути в ужасе закрыли глаза руками, дрожа, как молодые деревца на ветру, а людоедка бросилась на колесницу и перевернула ее. Царица со служанкой упали на землю; людоедка же сожрала мулов, а потом схватила Вринду своими львиными когтями и сказала: «Супруг твой убит в бою могучим Шивой, защитить тебя некому. Оставайся со мною в лесу и живи по обычаю людоедов!»

Но тут появились Вишну и Шеша в грубой отшельничьей одежде из рогожи, с корзинками для сбора плодов в руках. Обращаясь к людоедке, Вишну гневно вскричал: «Сейчас же отпусти эту красавицу, эту нежную жену, которую ты держишь в когтях! Уж не возомнила ли ты, что каждый, кто встретится тебе в этом лесу, должен стать твоею добычей!» — «Попробуй вырвать ее из когтей моих, если у тебя хватит силы», — ответила ему людоедка. Тогда пламя гнева изверглось из очей Вишну и тотчас обратило страшную демоницу в пепел.

Вринда поклонилась в ноги своему избавителю и сказала: «О благочестивый отшельник, ты спас меня! Кто ты и где твоя обитель?» Мнимый отшельник отвечал ей: «Я — Девашарман, сын Бхарадваджи, великого мудреца. Обитель моя неподалеку отсюда в этом лесу. Пойдем, я провожу тебя туда, чтобы ты могла отдохнуть и оправиться от пережитого страха». И он покинул с Шешей те заросли, где была испепелена людоедка, а Вринда и Смарадути последовали за ним.

Когда они достигли обители, расположенной там, где деревья источали мед, струились прозрачные ручьи и пели сладкоголосые птицы, Вишну воссел на блистающий трон, покрытый тигровой шкурой, и облик его чудесным образом изменился. Потрясенная Вринда увидела, что перед нею сидит уже не отшельник, который встретился ей в лесной чаще, а супруг ее Джаландхара в пышном одеянии и со знаками царской власти.

Она склонилась перед ним, восклицая: «О супруг мой! Чем ублажить мне тебя? Что привело тебя в этот лес?» Коварный Вишну в облике Джаландхары ей отвечал: «О царица! Долго длилась моя битва с Шивой, но он одержал победу, срубив мне голову своим оружием. Однако волей судьбы голова моя вновь соединилась с телом, и я поспешил сюда, зная, что ты томишься в разлуке со мною и ждешь с нетерпеньем моего возвращения». Обманутая Вринда крепко обняла того, кого почитала за своего супруга, она жарко целовала и ласкала его, и ее поцелуи показались Вишну слаще поцелуев Лакшми. И много дней провели они вместе в той лесной обители, наслаждаясь любовью и забыв о беге времени.

Но наступил день, когда Вринда, обнимая Вишну, внезапно увидела, что то не супруг ее, а кто-то ей незнакомый. «Кто ты?» — вскричала она в испуге, отшатнувшись от него. И Вишну открылся ей. Он сказал: «Твой супруг отправился в поход, чтобы победить Шиву и похитить его жену. Но знай, что я и Шива — одно*. Шива победил Джаландхару, я же похитил его супругу. Муж твой убит в сражении, и ты можешь оставаться со мною».

«Ты обманул меня, — сказала ему Вринда. — Обманом ты похитил меня у моего законного мужа. Быть может, он и заслужил это, возжелав чужую жену. Но да понесешь и ты кару за свой обман, и да похитят в грядущие времена и у тебя твою супругу!»

Проклятый Вриндой, Вишну исчез, она же, безутешная, покинула обитель и в сопровождении верной Смарадути пошла к лесному озеру, где совершила омовение, дабы очиститься от греховных объятий Вишну. На берегу того озера она и осталась, предаваясь покаянию, отказавшись от пищи и отвратив свои мысли от всего мирского.

Апсары, небесные сестры ее, спустились к ней и звали ее с собою в царство богов, но она отказалась идти с ними и осталась у лесного озера, пока жизнь не покинула ее. Тогда Смарадути собрала хворост в лесу и сложила погребальный костер. И тело добродетельной Вринды сгорело в огне костра, но душа ее обрела вечное спасение*, как и душа преданной ей Смарадути, бросившейся в тот же огонь, и сгоревшей вместе со своей госпожой.

С той поры этот лес стал называться Лесом Вринды—Вриндавана*. Через много лет местность эта прославилась тем, что в ней провел свои юные годы великий герой Кришна, укрываясь от своего врага, нечестивого царя Кансы.

Проклятие же Вринды исполнилось, когда Вишну воплотился в образе праведного царя Рамы: Равана, царь ракшасов, похитил его супругу Ситу, в которой воплотилась Лакшми, богиня счастья.

Когда Джаландхара предстал перед Парвати в образе Шивы, она спросила его удивленно: «Почему твое лицо так печально? Ведь ты возвращаешься с победой; расскажи мне, как разгромил ты войско асуров». Джаландхара, безмолвствуя, скинул плащ с плеча и показал ей головы Сканды и Ганеши, которые он прятал под ним — он создал подобия этих голов ве́домым ему колдовством. Увидев их, Парвати зарыдала, горестно взывая к своим сыновьям. А Дурварана, принявший облик Нандина, сказал ей: «Все вожди нашего войска погибли в сражении с асурами, уцелели только мы двое. Головы твоих сыновей мы нашли на поле битвы». И он взял их из рук мнимого Шивы и положил перед Парвати наземь.

Она припала к ним, жалобно причитая. А Джаландхара в образе Шивы сказал ей: «Не плачь о сыновьях, ведь я остался в живых. Я пришел к тебе после тяжкого боя, чтобы найти утешение в твоих объятиях. Взойдем на супружеское ложе, и пусть любовные ласки помогут нам забыть горе». Парвати отвечала ему, негодуя: «Неприличны твои речи в такое время. Как можешь ты говорить о любви в час, когда надлежит совершить погребальные обряды? Могу ли я сразу утешиться и забыть о гибели своих сыновей?»

Но Джаландхара, воспламененный страстью, упорствовал: «Жена, отказывающая мужу в исполнении его желаний, обречена на муки в глубочайшем из адов Ямы. Я потерял все — сыновей, войско, все свое достояние и власть, — только ты осталась у меня. Но ты отвергаешь меня, — и я удалюсь отсюда в тайную обитель и там избавлюсь от моей тягостной жизни!»

Парвати

И он покинул обитель Парвати вместе с Нандином, но не ушел далеко, чтобы она могла его отыскать. Парвати же, оставшаяся в недоумении и растерянности, направилась со своими подругами и служанками к берегу священной Ганги, чтобы там поразмыслить и успокоить свою душу. Омывшись в водах Ганги, она призвала к себе Джаю, свою подругу, и сказала ей: «Прими мой облик и пойди к нему. Если

он заключит тебя в объятия в этот час скорби, значит, это не Шива, но асур, принявший его образ».

Когда Джая в облике Парвати приблизилась к Джаландхаре, он не стал медлить и сразу же заключил ее в свои объятия. Она вернулась от него к своей госпоже и сказала: «Это не Шива, о богиня, это Джаландхара, обернувшийся твоим супругом». Услышав эти слова, супруга Шивы из страха, как бы владыка асуров не нашел ее, скрылась в лотосе, а подруги ее обратились в пчел и порхали вокруг цветка.

Тем временем асур из войска Джаландхары, оставленного им у подножия горы, поднялся на вершину и предстал перед своим повелителем. «Наше войско разгромлено грозным Шивой, владыка, — поведал он Джаландхаре. — А из страны твоей пришла весть, что царица Вринда похищена богом Вишну, принявшим облик отшельника».

«О коварство богов! — вскричал разъяренный Джаландхара, обращаясь к Дурваране. — Каково вероломство Вишну, обманом похитившего мою супругу!» — «Всякий пожинает плоды своих деяний, о царь, — возразил ему Дурварана. — Ведь ты же сам пытался похитить супругу Шивы; так же поступил с тобою Вишну». — «Что же мне делать теперь? — спросил Джаландхара в растерянности. — Поспешить ли мне к войску или вернуться в столицу, чтобы отомстить обманщику Вишну?» — «Вернись к войску, — посоветовал ему Дурварана. — Если ты победишь Шиву, ты обретешь исполнение всех своих желаний, и Вишну не избежит твоей мести». И сын Океана спустился к подножию горы.

Вернувшись на поле боя, Джаландхара увидел, что оно все покрыто мертвыми телами его воинов, усеяно отрубленными головами и руками, залито потоками крови. Он огляделся и увидел мрачного Шиву, восседавшего на белом быке, обвитого страшными змеями и со светлым месяцем на челе. «Почему вы не убили этого жалкого отшельника?» — вскричал в ярости Джаландхара, обращаясь к Раху, Джамбхе и другим уцелевшим вождям войска асуров. «Его нельзя убить, — возразили те угрюмо. — Нам не по силам справиться с этим отшельником, он истребил несметное множество наших воинов».

И тогда сын Океана сам устремился на Шиву, напрягая тетиву своего мощного лука. Тучи стрел Джаландхары, пущенных им во врага, затмили небо; и Шива ответил ему потоком метких стрел, выбивших щит из его руки и пронзивших во многих местах его доспехи. Кровь хлынула потоками из ран Джаландхары; и многих асуров поразили смертоносные стрелы Шивы, а остальные в смятении обратились в бегство. Один Джаландхара не дрогнул, он вскричал, обращаясь к Шиве: «Ты превосходный стрелок, о божественный подвижник! Но погоди, ты еще узнаешь силу моего оружия. Я сражу тебя своими стрелами, если только ты не сбежишь с поля боя». И он осыпал великого бога множеством острых, метко разящих стрел. Слуги Шивы, могучие великаны Вирабхадра и Манибхадра набросились на Джаландхару, стремясь оградить своего господина от его стрел, и попытались опрокинуть его колесницу; но он нанес Вирабхадре удар кулаком,

а Манибхадру в тот же миг ударил погою; и от тех ударов оба отлетели далеко от его колесницы и распростерлись без чувств на земле.

Тогда сын Океана снова стал пускать стрелы в Шиву, а воины его, ободренные его успехом, вновь устремились в битву. И они сошлись на поле с полчищами праматхов, страшных спутников Шивы, и завязалось жестокое побоище.

В единоборство с Джаландхарой вступил Сканда, но Шива, опасаясь за сына, вмешался в их поединок и заступил место шестиликого полководца богов. Джаландхара наложил на тетиву своего лука неотразимую стрелу, подобную жезлу бога смерти, и пустил ее в Шиву; но пламенем, извергнувшимся из его третьего ока, Шива испепелил ее и обрушил на владыку асуров ливень губительных стрел. И Джаландхара пал без чувств на землю, подобный огромному дереву, рухнувшему под ударами молний. И пока он пребывал в беспамятстве, Шива нанес великий урон войску асуров, истребив сотни и тысячи вражеских ратников. Но Джаландхара пришел в себя и опять вступил в бой, воодушевляя своих воинов и нанося удары неприятелю. «Берегись, Шива! — вскричал он. — Я сокрушу тебя и твое войско, и Брахма и Вишну волей или неволей признают мое владычество, и вселенная будет принадлежать мне безраздельно». И под натиском Джаландхары и ободрившихся с его появлением асуров войско праматхов стало отступать к горе.

Тогда Джаландхара силою колдовства создал женщину, подобную обликом Джае, подруге Парвати; и по его воле этот призрак приблизился к Шиве и с плачем обратился к нему: «О Владыка! Асуры похитили супругу твою с вершины горы, и она теперь во власти их повелителя!» Шива взглянул в сторону Джаландхары и увидел на его колеснице подобие Парвати, сотворенное колдовским искусством владыки асуров*. Мнимая Парвати с плачем простирала руки к Шиве, умоляя о спасении, и он, не подозревая обмана, устремился к вражеской колеснице, чтобы отбить у Джаландхары свою жену. Демон Шумбха преградил ему дорогу; Шива метнул в него свой трезубец, но Шумбха уклонился от удара, и потрясенный Шанкара увидел, что оружие его вонзилось в грудь его несчастной супруги.

Лишившись чувств от ужаса и горя, великий бог упал на землю, асуры же возликовали и уже готовы были торжествовать победу. Но тогда Брахма поспешно спустился с небес и сказал пришедшему в себя Шиве: «Как же ты, провидец, дал обмануть себя колдуну Джаландхаре. Супруга твоя в безопасности, она надежно укрылась от вражьей силы. То был призрак, который сотворил владыка асуров, чтобы лишить тебя силы и отваги. Восстань и покарай злодея!»

И Шива восстал и продолжил бой с Джаландхарой. А Шумбхе он сказал: «Погоди, нечестивый асур, в грядущие времена ты еще сам падешь от руки моей супруги». На своем белом быке Шива устремился на вражеское войско, рассеял его в мгновение ока, и асуры обратились в беспорядочное бегство. И только Джаландхара остался один на поле битвы. Долго сражались Шива и Джаландхара, осыпая друг друга тучами стрел. Наконец стрелы Шивы разбили колесницу Джаландхары,

сразили его колесничего и опрокинули коней. Покинув колесницу, сын Океана ринулся на грозного бога и сбросил его с быка на землю. А белого быка Шивы, ухватив за хвост, он зашвырнул на отдаленную вершину Хималая.

Могучие противники снова сошлись в стремительном поединке, и земля под ними сотрясалась. Шива выбил оружие из рук Джаландхары, но тот продолжал сражаться и, обхватив руками супруга Парвати, пытался задушить его в своих объятиях. Но Шива разжал руки Джаландхары и сказал ему: «Я восхищен твоей отвагой, сын Океана. Какого дара хочешь ты от меня?» — «Не убивай меня, Шива, своей рукою, — сказал Джаландхара. — Избавь меня от позора. Я сам лишу себя жизни».

Он взял из рук бога острый дротик, вонзил его себе в грудь, и в тот же миг Шива, призвав в свою десницу сверкающий диск, который сотворили из своего гнева боги, отсек тем диском голову Джаландхаре. Кровь рекою хлынула из тела сына Океана и разлилась по земле. И семь демониц из свиты Шивы, прозванных Семью Матерями*, пожрали мертвое тело Джаландхары, выпили его кровь и весело заплясали на бранном поле.

А Шива, вернув себе белого быка, воззвал к Парвати, своей супруге, и она вышла из лотоса, в котором скрывалась от Джаландхары. И Шива с Парвати и свитой вернулся в свою обитель на горе Кайласа.

71. БОГИНЯ КАЛИ

Некогда асуры и боги сошлись в жестокой битве, и в той битве сыновья Адити победили и истребили сыновей Дити. Тогда Дити, горюя о погибших сыновьях, сказала своей дочери: «Ступай в леса и предайся истязанию плоти. Пусть силою твоего подвижничества родится у тебя могучий сын, который отомстит Индре и другим богам за твоих братьев». Дочь поклонилась матери и, обернувшись дикой буйволицею, отправилась в лес. Там она предалась неслыханно жестокому подвижничеству, от которого содрогнулись миры, а Индра и боги оцепенели в безмерном изумлении и тревоге. И за это подвижничество ей было даровано родить могучего сына в облике буйвола. Имя его было Махиша, Буйвол. С течением времени сила его возрастала все больше, как вода в океане в час прилива. Тогда ободрились вожди асуров; во главе с Видьюнмалином пришли они к Махише и сказали: «Некогда мы царили на небесах, о мудрый, но боги обманом отобрали у нас наше царство, прибегнув к помощи Вишну. Верни нам это царство, яви свою мощь, о великий Буйвол. Разгроми в битве супруга Шачи и все воинство богов». Выслушав эти речи, Махиша воспылал жаждой битвы и двинулся на Амаравати, а за ним пошли рати асуров.

Страшная битва между богами и асурами длилась целых сто лет. Махиша рассеял войска богов и вторгся в их царство. Свергнув Индру с небесного трона, он захватил власть и воцарился над миром.

Богам пришлось покориться асуру-буйволу. Но нелегко было им выносить его гнет; удрученные, они пошли к Брахме, Шиве и Вишну

и рассказали им о бесчинствах Махиши: «Он отобрал все наши сокровища и превратил нас в своих слуг, и мы живем в постоянном страхе, не смея ослушаться его приказаний; богинь, наших жен, он заставил служить в своем доме, апсарам и гандхарвам повелел развлекать его, и теперь он дни и ночи веселится в их окружении в небесном саду Нандана. Он повсюду ездит на Айравате, божественного коня Уччайхшраваса он держит в своем стойле, буйвола Ямы запрягает в свою повозку, а сыновьям разрешает кататься на баране, принадлежащем Агни. Своими рогами он вырывает из земли горы и баламутит океан, добывая сокровища его недр. И никто не может справиться с ним».

Выслушав богов, властители вселенной разгневались; пламя их гнева изошло из их уст и слилось в огненное облако, подобное горе; в том облаке воплотились силы всех богов. Из этой огненной тучи, озарившей грозным блеском вселенную, возникла женщина. Пламя Шивы стало ее лицом, силы Ямы — ее волосами, мощь Вишну создала ее руки, бог луны сотворил ее грудь, опоясала ее сила Индры, могущество Варуны даровало ей ноги, Притхиви, богиня земли, сотворила ее бедра, пятки ей создал Сурья, зубы — Брахма, глаза — Агни, брови — Ашвины, нос — Кубера, уши — Ваю. Так возникла Великая богиня, могуществом и грозным нравом превосшедшая всех богов и асуров. Боги дали ей оружие. Шива дал ей трезубец, Вишну — боевой диск, Агни — копье, Ваю — лук и колчан, полный стрел, Индра, владыка богов, — свою прославленную ваджру, Яма — жезл, Варуна — петлю, Брахма даровал ей свое ожерелье, Сурья — свои лучи, Вишвакарман дал топор, искусно сработанный, и драгоценные ожерелья и перстни, Химават, Владыка гор, — льва, чтобы ездить на нем, Кубера — чашу с вином.

«Да победишь ты!» — вскричали небожители, а богиня издала воинственный клич, потрясший миры, и, оседлав льва, отправилась на битву. Асур Махиша, услышав этот устрашающий клич, вышел ей навстречу со своим войском. Он увидел тысячерукую богиню, простершую длани, которые затмили все небо; под ее поступью содрогались земля и подземные миры. И началась битва.

Тысячи врагов напали на богиню — на колесницах, на слонах и верхом на конях, — поражая ее ударами палиц, и мечей, и топоров, и копий. Но Великая богиня, играючи, отразила удары и, невозмутимая и бестрепетная, обрушила свое оружие на бесчисленное войско асуров. Лев, на котором она восседала, с развевающейся гривой ворвался в ряды асуров словно пламя пожара в лесную чащу. А из дыхания Богини возникли сотни грозных воинов, последовавших за нею в сражение. Богиня рубила могучих асуров своим мечом, ошеломляла их ударами палицы, колола копьем и пронзала стрелами, набрасывала им петлю на шею и волочила за собой по земле. Тысячами валились под ее ударами асуры, обезглавленные, рассеченные пополам, насквозь пронзенные или изрубленные в куски. Но некоторые из них, даже лишась головы, еще продолжали сжимать в руках оружие и сражаться с Богиней; и потоки крови лились по земле там, где она проносилась верхом на своем льве.

Многих воинов Махиши сразили воины Богини, многих растерзал лев, бросавшийся и на слонов, и на колесницы, и на конных, и на пеших; и войско асуров рассеялось, разбитое наголову. Тогда сам буйволоподобный Махиша появился на поле битвы, устрашая воинов Богини своим обликом и грозным ревом. Он кинулся на них и одних потоптал копытами, других воздел на рога, третьих сразил ударами хвоста. Он устремился на льва Богини, и под ударами его копыт сотряслась и растрескалась земля; хвостом же он хлестал по великому океану, который взволновался как в самую страшную бурю и выплеснулся из берегов; рогами Махиша рвал в клочья тучи в небе, а от его дыхания валились высокие утесы и горы.

Тогда Богиня набросила на Махишу страшную петлю Варуны и затянула ее крепко. Но тотчас асур покинул буйволиное тело и превратился во льва. Богиня взмахнула мечом Калы — Времени — и снесла голову льву, но в то же мгновение Махиша обернулся человеком, держащим в одной руке жезл, в другой — щит. Богиня схватила свой лук и пронзила стрелой человека с жезлом и щитом; но тот в один миг превратился в огромного слона и с ужасающим ревом устремился на Богиню и ее льва, размахивая чудовищным хоботом. Богиня топором отрубила хобот слону, но тогда Махиша принял свой прежний облик буйвола и принялся рыть землю рогами и метать в Богиню огромные горы и скалы.

Гневная богиня отпила между тем хмельной влаги из кубка владыки богатств, царя царей Куберы, и глаза ее покраснели и загорелись, как пламя, и красная влага потекла у нее по губам. «Реви, безумный, пока я пью вино! — сказал она. — Скоро боги взревут, ликуя, когда узнают, что я убила тебя!» Исполинским прыжком она взвилась в воздух и сверху обрушилась на великого асура. Ногой она ступила на голову буйвола и копьем пригвоздила его тело к земле. Стремясь ускользнуть от гибели, Махиша попытался принять новый облик и высунулся наполовину из буйволиной пасти, но Богиня тотчас мечом отсекла ему голову.

Махиша пал на землю бездыханный, и боги возликовали и возгласили хвалу Великой богине. Гандхарвы воспели ее славу, а апсары пляской почтили ее победу. И когда небожители преклонились перед Богиней, она им сказала: «Всякий раз, когда вам будет грозить большая опасность, взывайте ко мне, и я приду вам на помощь». И она исчезла.

Минуло время, и опять беда посетила небесное царство Индры. Двое грозных асуров, братья Шумбха и Нишумбха, могуществом и славой безмерно возвысились в мире и одолели богов в кровопролитной битве. В страхе бежали перед ними боги и укрылись в северных горах, там, где с поднебесных круч низвергается на землю священная Гавга. И они воззвали к Богине, прославляя ее: «Защити вселенную, о Великая богиня, чье могущество равно силе всего небесного воинства, о ты, непостижимая даже для всеведущих Вишну и Шивы!»

Туда, где боги взывали к Богине, пришла прекрасная Парвати, Дочь гор, омыться в священных водах Ганги. «Кого это славят бо-

ги?» — спросила она. И тогда из тела нежной супруги Шивы появилась грозная Богиня. Она вышла из тела Парвати и сказала: «Это меня славят и призывают боги, которых опять теснят асуры, меня, великую Кали, они призывают, меня, гневную и беспощадную воительницу, чей дух заключен, как второе я, в теле Парвати — милостивой богини. Суровая Кали и нежная Парвати, мы — два начала, соединенных в одном божестве, два лица Махадеви, Великой богини!» И боги восславили Великую богиню под разными ее именами: «О Кали, о Ума, о Парвати, смилостивись, помоги нам! О Гаури, прекрасная супруга Шивы, о Дурга, Труднoодолимая, да одолеешь ты мощью своей наших врагов! О Амбика, Великая матерь, защити нас своим мечом! О Чандика, Гневная, огради нас от злых врагов своим копьем! О Деви, Богиня, спаси богов и вселенную!» И Кали, вняв мольбам небожителей, снова отправилась на битву с асурами.

Когда Шумбха, могучий предводитель воинства демонов, увидел блистательную Кали, он был пленен ее красотою. И он послал к ней своих сватов. «О прекрасная Богиня, стань моей женою! Все три мира и все их сокровища ныне в моей власти! Приди ко мне, и ты будешь владеть ими вместе со мною!» — так сказали от имени Шумбхи богине Кали его посланцы, но она отвечала: «Я дала обет: только тот, кто победит меня в бою, станет моим мужем. Пусть он выйдет на поле битвы; если он или его войско одолеют меня, я стану его женою!»

Посланцы вернулись и передали слова ее Шумбхе; но он не захотел сам сражаться с женщиной, и послал против нее свое войско. Асуры бросились на Кали, стремясь захватить ее в плен и привести к своему господину укрощенной и покорной, но Богиня легко разметала их ударами своего копья, и множество асуров полегло тогда на поле боя; одних сразила Кали, других разорвал на части ее лев. В страхе бежали уцелевшие асуры, а Дурга преследовала их верхом на льве и учинила великое побоище; лев ее, потрясая гривой, рвал асуров зубами и когтями и пил кровь поверженных.

Когда Шумбха увидел, что войско его уничтожено, им овладел великий гнев. Он собрал тогда все свои рати, всех асуров, могучих и отважных, всех, кто признавал его своим владыкой, и отправил их против Богини. Несметная сила асуров двинулась на бестрепетную Кали.

Все боги тогда пришли к ней на помощь. Брахма появился на поле боя на колеснице своей, запряженной лебедями; Шива, увенчанный месяцем и обвитый чудовищными ядовитыми змеями, выехал верхом на быке с трезубцем в деснице; Сканда, сын его, ехал верхом на павлине, потрясая копьем; Вишну летел на Гаруде, вооруженный диском, палицей и луком, с раковиной-трубою и жезлом, а его ипостаси — вселенский вепрь и человеколев — следовали за ним; Индра, властелин небожителей, явился на слоне Айравате с ваджрой в руке.

Кали послала Шиву к повелителю асуров: «Пусть он покорится богам и заключит с ними мир». Но Шумбха отверг предложение мира. Он послал во главе своих ратей полководца Рактавиджу*, могуче-

го асура, и повелел ему расправиться с богами и не давать им пощады. Рактавиджа повел неисчислимое войско асуров в битву, и вновь они сошлись с богами в смертельной схватке.

Небожители обрушили на Рактавиджу и его воинов удары своего оружия, и многих асуров они истребили, сразив их на поле брани, но они не могли одолеть Рактавиджу. Боги нанесли полководцу асуров множество ран, и кровь хлынула из них потоками; но из каждой капли крови, пролитой Рактавиджей, вставал на поле сражения новый воин и устремлялся на битву; и потому войско асуров, истребляемое богами, вместо того чтобы уменьшаться, умножалось бесконечно, и сотни асуров, возникших из крови Рактавиджи, вступали в бой с небесными воинами.

Тогда богиня Кали вышла сама на бой с Рактавиджей. Она поразила его своим мечом и выпила всю его кровь, и пожрала всех асуров, рожденных из его крови. Кали, ее лев и боги, следовавшие за нею, уничтожили тогда все несметные полчища асуров. Богиня вторглась верхом на льве в обитель нечестивых братьев; тщетно пытались они противостоять ей. И оба могучих воина, отважные предводители асуров Шумбха и Нишумбха, пали, сраженные ее рукою, и отправились в царство Варуны, уловляющего петлей своей души асуров, погибших под бременем своих злодеяний.

72. СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ДИВОДАСЕ

Вторым сыном Аюса, сына Пуруураваса, был Кшаттравриддха, от которого пошел род царей Каши*, великого города, основанного на Ганге его правнуком Кашираджей. Дальним потомком Кашираджи был царь Рипунджая, прославившийся своим подвижничеством и благочестием в черные времена всеобщего разврата и падения добродетели.

Пришло время, когда государи земли отступили от добрых обычаев и священных обрядов, и беззаконие воцарилось на ней. Разгневанные боги перестали посылать земле дожди, и настала великая засуха, которая длилась шесть лет. Повсюду высохли деревья и травы, земля перестала давать урожаи, голод и болезни сгубили множество людей, опустели города и селения. Цари и вельможи уподобились разбойникам, отбирая последнее достояние у своих несчастных подданных. И добродетель и благочестие окончательно преданы были забвению.

Тогда Прародитель Брахма, проникнутый состраданием к людскому роду, претерпевающему великие бедствия, явился к Рипунджае, царю Каши, который один среди всеобщего безумия и злодейства не уклонился с праведного пути.

«О благочестивый царь, — сказал Брахма Рипунджае, — тебе, поистине, суждено спасти от гибели эту землю и род человеческий, ее населяющий. Я дарую тебе божественную силу и милостью моею да станешь ты властителем мира! Сами небожители будут служить тебе, и потому да будет отныне имя твое — Диводаса, Тот, кому служит

небо». Юный царь склонился почтительно перед Брахмой и молвил: «О Прародитель, почему на меня ты возлагаешь бремя такой власти, разве нет на земле других государей?» — «Все другие государи предались греху и забыли о долге, — отвечал ему Брахма. — Они перестали почитать богов и приносить им жертвы, славить и величать их в своих молитвах. Потому и наказал их Индра засухой, голодом и мором. Только тебе, о праведный царь, могут доверить боги власть над всей землею. И если ты, первый среди властителей земли, примешь бремя этой власти, обильные дожди оросят переставшие родить поля и исчезнут навсегда засуха и голод».

Царь со вниманием выслушал Творца вселенной и, поразмыслив, ответил: «О всемогущий Брахма, я возьму на себя тяжкое бремя верховной власти, если ты не оставишь меня без помощи и совета, а все бессмертные боги пусть покинут землю и вернутся в свое небесное царство. Я хочу править людьми единодержавно, чтобы не были мне соперниками ни земные цари, ни небесные боги, чтобы только из моих рук получали подданные мои свою долю добра и счастья».

«Да будет так», — молвил Брахма и повелел всем богам оставить землю, отданную безраздельно во власть Диводасе. Боги охотно подчинились Брахме, лишь грозный Шива был недоволен, он с давних пор избрал себе любимой обителью и святилищем погребальное пепелище на берегу Ганги в городе Каши, столице Диводасы. Но Брахма умолил его покинуть на время святилище в Каши и удалиться на гору Мандара.

А Диводаса взял в жены прекрасную Анангамохини, дочь Васуки, царя нагов, и принял власть над всей землею. И было правление его мудрым и милостивым, и снова вернулись на землю благочестие и порядок. Горожане и земледельцы в должное время приносили богам жертвы и славили их в гимнах и молитвах, и прекратилась засуха, пролились обильные дожди, плодоносная земля щедро одарила урожаями подданных Диводасы.

Царь Диводаса, беспощадный к злодеям и милостивый к праведным, правил землею восемь тысяч лет. Подобно Сурье, грозным взглядом своим он испепелял врагов, но благосклонный лик его, как лик Сомы, бога луны, радовал сердца его добрых подданных. Как Яма, Царь справедливости, он карал грешников и одарял благочестивых, в битве он был отважен, как Индра; он истреблял неприятелей, как Агни пожирает леса; злокозненных он связывал, как Варуна вяжет асуров своей петлей; как Кубера, он щедр был к достойным, а обликом подобен был Ашвинам. И процветающее царство его уподобилось царству Индры, а подданные его благоденствовали и были счастливы, как небожители.

Но боги возревновали, взирая с небес на безмятежное существование смертных; когда прошло восемь тысяч лет счастливого правления Диводасы, они пришли к своему наставнику Брихаспати и сказали: «О божественный мудрец, царь Диводаса облагодетельствовал подданных своих, мы же остались к этому непричастны. Он оскорбляет богов, но он так умен, что не дает нам повода для мести. К подданным

он добр, как к собственным детям; из врагов никто не может противостоять ему. Жители царства его благоденствуют; нет там бедняков, нет бездетных, никто там не умирает, не достигнув глубокой старости. Каждый прилежно занимается своим делом, все соблюдают установленные обряды. У самого царя и у каждого из его приближенных лишь по одной жене, и жены у них хранят верность мужьям. Младшие в его царстве чтут старших, и нет там ни раздоров, ни зависти, ни преступлений. Нет в царстве Диводасы ни воров, ни обманщиков, ни убийц, ни виноторговцев, ни игроков, ни заимодавцев, ни безбожников, ни скоморохов. В каждом доме звучат счастливые песни, но не слышно там ни лютней, ни флейт, ни тамбуринов, ни разгульных возгласов праздных гуляк и пьяниц. Брахманы там учены и благочестивы, кшатрии храбры, вайшьи трудолюбивы, шудры смиренны и послушны. Свое богатство царь тратит на устройство дорог, на рытье каналов и прудов, на посадку плодовых деревьев. Не стало в том царстве нищеты и горя. И всего этого Диводаса достиг помимо богов, и потому мы больше не можем ни благодетельствовать смертным, ни карать их. Но все, кто в былые времена восставал против богов, были низвергнуты — и Бали, и Равана, и могучий Джаландхара, и другие враги наши — почему же Диводасе дозволено унижать нас?»

«Пока Диводаса правит по справедливости и подданные его довольны его правлением, мы бессильны помешать ему, — сказал богам Брихаспати. — Нам нужно настроить брахманов против него. Если нам удастся посеять среди них недовольство, его благополучие тотчас разрушится». И боги попытались воспользоваться советом Брихаспати, но безуспешно; брахманы не вняли наущениям их посланцев, отвергли все соблазны и сохранили верность своему государю.

Всех больше среди богов гневался на Диводасу Шива, отлученный от своего любимого святилища в Каши. Он тоже послал своих лазутчиков в царство благодетельного государя разведать, каковы его слабости; но посланцам Шивы так приглянулась безбедная жизнь во владениях Диводасы, что они остались жить в городе Каши и уже не вернулись обратно.

Сам Брахма отправился к Диводасе по настоятельной просьбе Шивы, чтобы увещанием побудить царя уступить священный Каши супругу Умы; но и он столь очарован был мудростью и благочестием правителя земных стран, что остался в Каши надзирать за жертвоприношениями и учить тамошних брахманов мудрости Вед.

Вслед за Брахмой Шива послал в Каши собственного сына Ганешу. Но и тот, прибыв в благословенный город, медлил возвращаться оттуда. Наконец Шива обратился за помощью к Вишну. Тот обещал ему сделать все для исполнения его желания и отправился в Каши вместе с Лакшми и Гарудой. К северу от города Вишну основал чудесную обитель, в которой поселился как вероучитель под именем Будды. Лакшми пребывала при нем в той обители как послушница, а Гаруда принял облик его ученика и не отходил от него ни на шаг, благоговейно внимая его речам. В этом образе Вишну стал прельщать искусным словом бесхитростные души подданных Диводасы.

«Только знание, — говорил он людям, — дает нам блаженство, а невежество ведет к страданию и несчастью. Брахманы говорят вам, что вселенную создали всемогущие боги Брахма, Вишну и Шива, что они поддерживают в ней справедливость и порядок, что богов надо ублажать обильными жертвами, что надо соблюдать установленный издревле обычай. Но ведь никто, даже брахманы, богов не видел и не слышал; и есть ли они или нет их, никто наверное сказать не может. Вы называете имена — Брахма, Вишну, Шива, — вы наделяете имена эти мыслью и плотью и верите, что все в этом мире — и смерть и жизнь — им подвластны.

Я же говорю вам, люди, что в знании только — истинное блаженство, а невежество — великое несчастье. Только знание облегчает жизнь, и бессмысленна вера во всемогущество обряда.

Брахманы поделили всех людей на высших и низших, на лучших и худших, воздвигли между людьми обидные непроходимые преграды. Но для тех, кто стремится к истине, мудрости и справедливости, все равны: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры.

Оберегайте жизнь, люди! Все, в ком теплится она, — священны, и никто не вправе посягать на чужую жизнь. Любите радость, о люди! В ней — истинное небо, доподлинный ад же — боль, телесная мука. Но смерти не бойтесь. Это всего лишь сон, умиротворяющий и благодатный, в нем затихают все страсти, все муки, все несчастья».

Так говорил Будда людям, приходившим его послушать, а ученик его разносил эти речи по всему обширному и многолюдному городу Каши. И не стало вскоре в городе ни одного человека, не смущенного и не зачарованного этой проповедью, новой и необычной. А кроткая и прелестная ликом послушница Будды увлекла и растревожила словом своим всех женщин в столице Диводасы. «Сколь прекрасна любовь! — говорила она юным девам Каши. — Как много сулит она счастья! Что в жизни может быть выше наслаждений любви? А женский век так недолог, так скоротечен! Быстро вянет в трудах и заботах нежная красота ваша, а вместе с нею уходит и радость жизни. Так не скупитесь же на любовь, пока вы молоды и прекрасны, не губите великую радость плоти воздержаньем и жертвой!» И она щедро наделяла женщин разными дарами; а те, покоренные ее красотой, щедростью и искусной речью, стали мало-помалу пренебрегать благочестием и своим долгом, а потом и вовсе утратили всякий стыд и позабыли про женскую добродетель.

И вот настало в священном городе Каши смутное время, когда люди совсем отреклись от древних обычаев и обрядов, от послушания государю, от почитания брахманов и старших, когда жены и юные девы перестали беречь свою чистоту и добродетель. Тогда великое неустройство началось в государстве, и не по силам стало Диводасе нести претяжкое бремя верховной власти. Весть о чудесном проповеднике дошла и до него. Он призвал к себе Будду и просил у него совета. Будда сказал ему: «О государь, непомерная гордыня погубила тебя. Ты нанес великую обиду грозному богу Шиве, лишив его любимого пепелища в городе Каши. Теперь смирись и отрекись от царства,

передай державу своему сыну, сам же удались в лесную обитель. Там сотвори лингам и поклоняйся образу всемогущего бога, пока Шива не вернет тебе и твоим подданным свою милость».

Так молвил горестному Диводасе Вишну в образе Будды, а потом он принял обычный свой облик и удалился вместе с Лакшми и Гарудой в небесные пределы. Престарелый царь последовал его совету. Он передал бремя правления сыну и удалился в храм Шивы, где воздвиг лингам и всецело предался почитанию великого бога. Прошло время, и в ту священную обитель, где поклонялся Шиве Диводаса, низошли с небес слуги Владыки. Они надели на шею праведника небесную гирлянду цветов, и облик его вдруг изменился чудесным образом. Во лбу у него открылся третий глаз, шея посинела, побелело тело, волосы спутались на голове, шею обвили змеи, а на челе заблистал ясный месяц. И слуги Шивы вознесли его живым на небо, где он присоединился к их числу, подобный обликом их господину.

Так вознагражден был за свою добродетель праведный царь Диводаса. А великий бог Шива с тех пор опять владеет священным городом Каши на берегу Ганги.

73. ВОСХОЖДЕНИЕ АРДЖУНЫ НА НЕБО

Некогда правили на земле два брата, два царя из рода славного Бхараты. Старшего звали Дхритараштрой, младшего — Панду. Панду умер молодым, и Дхритараштра взял пятерых его осиротевших сыновей в свой дворец и воспитывал их вместе со своими детьми. Но Кауравы — так звали сыновей Дхритараштры, потомка Куру, — невзлюбили своих двоюродных братьев и коварством и обманом добились изгнания Пандавов — сыновей Панду — из царства в глухие леса сроком на тринадцать лет.

Долго скитались братья Пандавы по дремучим лесам, питаясь плодами и кореньями, прикрывая тела свои грубыми оленьими шкурами, и ждали истечения срока изгнания, чтобы вернуться домой и возвратить себе царство отца, попавшее в руки коварных Кауравов. Но для победы над могучими врагами Пандавам нужно было добыть себе оружие, неотразимое в бою.

Арджуна, третий из сыновей Панду, самый искусный и отважный воин среди них, решил добыть для грядущей битвы оружие богов, испытанное в сражениях с асурами. Провожаемый добрыми напутствиями братьев, он отправился на север, к горным склонам Хималая. Долгим и трудным был путь доблестного Арджуны. Он шел через глухие чащи лесов, переплывал многоводные реки, переходил вброд горные ручьи. И когда он добрался наконец до крутых склонов северных гор, он услышал вдруг громовой голос, раздавшийся с небес: «Остановись здесь, могучий сын Панду!»

Удивленный Арджуна остановился, повинуясь небесному голосу, и, оглядевшись, увидел изможденного подвижника, сидевшего неподалеку в тени большого дерева. Благочестивый отшельник спросил Арджуну: «Кто ты, сын мой, и зачем ты пришел сюда, вооруженный ме-

чом и луком со стрелами? Здесь, на священных склонах Хималая, нет нужды в оружии. Здесь прибежище мирных брахманов, отрешившихся от мирских страстей, от радости и печали. Сними этот меч, и лук, и колчан со стрелами. Тут не найдешь ты для себя соперников ни в силе, ни в воинском умении».

Так с приветливой улыбкой говорил брахман Арджуне, но грозный воин сказал ему: «Не затем я шел сюда, чтобы отрешиться от ратной жизни. Я должен добыть небесное оружие для себя и для своих братьев». Тогда благочестивый отшельник, убедившись, что Арджуна тверд в своих намерениях, открылся ему: «О доблестный сын Панду, перед тобой не брахман, а Индра, владыка небесного царства. Я рад видеть тебя, могучий воин. Скажи мне, чего ты хочешь, и я исполню твое желание».

Арджуна почтительно сложил ладони, склонился перед Индрой и ответил: «О владыка, я стремился увидеть тебя, и мое желание исполнилось. Есть у меня одна просьба: научи меня искусству владеть оружием небожителей». Индра, улыбаясь, спросил: «К чему тебе здесь оружие небожителей? Оно не понадобится тебе на этих мирных склонах. Проси о чем-нибудь другом, доблестный Арджуна». Но сын Панду не отступался от своей просьбы. «Я не ищу ни святости, ни небесного блаженства,— молвил он. — Я не стремлюсь к спокойной жизни без воинских подвигов и ратных забот. Доброе имя Пандавов будет запятнано, если я брошу в беде моих братьев-изгнанников и стану наслаждаться блаженством в твоей небесной обители, о Индра!».

Индра был доволен ответом Арджуны и пообещал сыну Панду удовлетворить его желание. «Но ты должен выполнить мое условие,— сказал царь богов. — Если тебе удастся увидеть Шиву, грозного разрушителя мира, ты получишь желанное тебе оружие».

И властитель небесного царства удалился в свои пределы, а доблестный и непреклонный Арджуна остался на том горном склоне и предался суровому подвижничеству, чтобы снискать милость всемогущего Шивы. Он питался только листьями, опавшими с деревьев; когда же минул первый месяц покаяния, он и эту пищу стал принимать только через две ночи на третью, а когда прошел второй месяц — через пять ночей на шестую; через три месяца Арджуна совсем отказался от пищи. С поднятыми вверх руками, привстав на цыпочки, безо всякой иной опоры, он стоял день и ночь неподвижно, устремив глаза к небу. И так силен был жар его покаяния, что земля раскалилась и окуталась дымом. Небожители встревожились, опасаясь могущества Арджуны, которое несло ему это подвижничество, и стали просить Шиву помешать сыну Панду продолжать столь жестокое умерщвление плоти. «О великий бог, — сказали они, — Арджуна подвижничеством достиг такой силы духа, что его огнем может спалить все три мира. Нам неведомо, к чему он стремится, но нас страшит его святость. Помоги нам, Шива, умерь его рвение!»

Шива успокоил небожителей, открыв им, что Арджуна не ищет бессмертия и не стремится к завоеванию небесного царства, и обещал им избавить их от этой тревоги. Он обернулся лесным охотником,

взял в руки колчан со стрелами и спустился по склонам Хималая, сверкая огненным взором. За ним последовала Ума в обличье жительницы лесов, а за ней ее свита — тысяча прекрасных дев.

Когда Шива приблизился к тому месту, где Арджуна, стойкий в обетах, совершал свои покаяния, он увидел, что на сына Панду собирается напасть ракшас, обернувшийся диким вепрем. Злобный рев зверя отвлек Арджуну от праведного созерцания. Он схватил свой грозный лук, наложил стрелу на тетиву и сказал: «Я пришел сюда не за тем, чтобы причинить тебе вред, но раз ты стремишься лишить меня жизни, я нанесу тебе удар первым и отправлю тебя в царство Ямы, о злобный зверь!» И тетива, натянутая могучей рукою Арджуны, загудела на всю окрестность; но Шива, появившийся в облике горца-охотника, остановил Арджуну. Он сказал ему: «Постой, не торопись, отважный воин. Я первым нацелил мою стрелу на этого огромного, как скала, вепря». Арджуна, однако, его не послушал, и пустил свою стрелу в вепря одновременно с ним. Когда зверь упал мертвым, он принял настоящее свое обличье, и Арджуна увидел, что перед ними лежит сраженный насмерть чудовищный ракшас.

Радуясь победе, Арджуна спросил охотника, вместе с ним стрелявшего в ракшаса: «Я хочу знать, кто ты, о лесной скиталец. Почему тебя окружает столько прекрасных женщин? Почему от тебя исходит сияние, как от пресветлого бога? Неужели тебе не страшны эти дремучие лесные чащи? Отчего ты хотел нарушить обычай воинов и охотников и пытался лишить меня моей добычи? Ведь дикий вепрь искал не твоей, а моей смерти, и я прицелился в него первым. Ты нанес мне обиду и заплатишь за это жизнью». Невозмутимый Шива ответил сыну Панду: «Не гневайся на меня, отважный воин. Для нас, извечных обитателей леса, эти горные склоны — обычное место охоты. Лучше скажи, зачем ты, кшатрий, привыкший к неге и роскоши, пришел в эту дикую и безлюдную местность. Зачем ты здесь поселился?» Арджуна отвечал: «С моим луком и стрелами я живу в этом лесу, как Карттикея! Ты видел, как я убил этого злобного ракшаса, обернувшегося диким вепрем».— «Ты говоришь неправду,—возразил охотник.— Это моя стрела поразила вепря, я, а не ты отправил ракшаса в царство Ямы. Ты возгордился своею силой и покушаешься на чужую добычу. За это я лишу тебя жизни моей меткой стрелою, подобной молнии Индры. Защищайся же, натяни свой лук что есть мочи и спускай с тетивы свои стрелы!»

Дерзкие речи лесного охотника вывели из себя сына Панду. Он натянул лук что было силы и обрушил на охотника ливень стрел, смертоносных, как ядовитые змеи. А охотник лишь повторил, усмехаясь: «Спускай с тетивы, спускай с тетивы, злодей, свои неотразимые стрелы!» И Арджуна, прославленный стрелок из лука, прилагал все свое умение, чтобы сразить дерзкого обитателя леса, но его стрелы не причиняли охотнику никакого вреда.

Тогда сына Панду охватил страх впервые в жизни. Пораженный явленным ему чудом, он опустил лук, снял стрелу с тетивы и вскричал: «Кто это передо мной? Почему против него бессильны мои стре-

лы? Быть может, это сам всемогущий Шива? Ведь небожители опускаются временами на эти горные склоны. Нет сомнения, это — сам Шива, супруг дочери гор; никто другой не устоял бы перед моими стрелами!» И, охваченный гневом и страхом, Арджуна снова осыпал градом стрел охотника, стоявшего неподвижно со спокойной улыбкой на устах.

Скоро в колчане Арджуны не осталось ни одной стрелы, а охотник по-прежнему стоял невредимый. Тогда сын Панду хотел нанести ему удар луком, острым его концом. Но прежде чем он успел замахнуться, охотник вырвал у него лук и отшвырнул его в сторону. В гневе Арджуна выхватил меч и ударил им изо всей силы охотника по голове, но тот даже не шелохнулся, а меч Арджуны разлетелся на куски. Еще больше разъярился сын Панду, могучий воин, и он стал вырывать из земли деревья с корнем, стал отламывать от утесов огромные камни и метать их в непобедимого жителя леса, но все его усилия оставались напрасны. Тогда Арджуна принялся наносить охотнику страшные удары своими тяжелыми кулаками, но и они не причинили горцу никакого вреда.

Арджуна подступил к своему неуязвимому противнику, обхватил его своими могучими руками и сжал, напрягая все силы в своих всесокрушающих объятиях. Но горец не дрогнул и не поддался; когда же он сам сжал в объятиях Арджуну, герой, задохнувшись, упал на землю без чувств, без всяких признаков жизни.

Когда Арджуна пришел в себя, он поднялся с земли весь в крови, охваченный стыдом и печалью. Он устремил свои мысли к великому Шиве и, слепив его изваяние из глины, преклонил перед ним колени, увенчал его цветочной гирляндой и вознес к нему горестную молитву.

Но когда он поднялся с колен и взглянул на охотника, его одолевшего, то увидел с удивлением и радостью, что голову горца венчает та самая гирлянда цветов, которую он возложил на глиняное изваяние Шивы. Арджуна сразу узнал в охотнике великого бога, пал ему в ноги и смиренно просил простить ему его дерзость. И Шива, не гневаясь, голосом, подобным гулким раскатам грома, сказал ему с приветливой улыбкой: «Ты порадовал меня сегодня, сын Панду, своей отвагой и беспримерной силой. Мощью рук своих ты почти сравнялся со мной; нет равных тебе среди смертных. В награду за твою доблесть, о Арджуна, я ныне явлюсь тебе в своем истинном облике!»

И Шива предстал перед Арджуной в своем облике разрушителя вселенной, и рядом с ним стояла прекрасная Ума, возлюбленная жена его. Арджуна упал на колени, склонил голову к стопам Шивы и стал славить его такими словами: «О великий Шива, ты — прибежище и защита для небожителей и для смертных! Твои три всевидящих ока проникают взором в глубь вселенной, и тебе ведомо все, что происходит в трех мирах. Ты — великий источник жизни и силы, я склоняюсь перед тобой и молю тебя о милости. Ты — великий, ты — всеблагой, все доступно тебе на земле, в воздушном пространстве и в небесных пределах. Прости ж мне мою дерзость. Ведь ради тебя, ради встречи

с тобою я пришел в эти горы и подверг себя суровому покаянию. О Шива, я ищу твоей милости и защиты!»

Великий бог явил Арджуне свою милость, простил его и заключил в свои объятия в знак благосклонности. И он обещал сыну Панду, что отныне его тело не испытает ни боли, ни недуга и никто не сможет победить его в битве. «Проси у меня все, что хочешь, я выполню твое желание», — сказал Шива Арджуне. Тогда сын Панду попросил у него для победы над врагами неотразимое оружие богов, способное разрушить три мира.

Шива обещал Арджуне свое оружие, которым не в силах был владеть никто из богов, кроме него самого. «Но тебе, Арджуна, это оружие будет по силам, — молвил Шива. — Я научу тебя, как применять его в бою, как метать его во вражеское войско и возвращать обратно». И он показал сыну Панду, как управлять этим чудесным оружием — мыслью, словом и руками.

«Теперь ступай в царство Индры и проси у него грозное его оружие», — сказал Шива Арджуне на прощание и удалился вместе с Умой в свою обитель на вершине горы Кайласа.

Встреча с Шивой вселила радость и надежду в сердце Арджуны. Изумленный происшедшим, он сказал себе: «О, сколь счастлива моя судьба, сколь велика моя удача! Мне, смертному, довелось видеть воочию самого великого Шиву и касаться его рукою! Я обрел его милость, и тем предопределена моя победа над врагами. Усилия мои не остались напрасны!»

И в то время когда он предавался этим радостным упованиям, он не заметил, как предстал перед ним некий кшатрий величественного и грозного облика, в белой одежде, усыпанной драгоценными камнями, с палицей в одной руке и страшною петлей — в другой. И Арджуна узнал его — то был Варуна, владыка вод, а за ним следовали обитатели моря и прекрасные девы — богини рек и источников.

Вслед за Варуной явился человек диковинного обличья, одноглазый, с тремя ногами, облаченный в золотые одежды. И его узнал Арджуна — то был Кубера, царь царей, владыка богатств, вооруженный палицей. Он ехал на золотой колеснице, а за ним следовали сонмы якшей, киннаров и ракшасов, грозных стражей его сокровищ.

Следом за Куберой приблизился к Арджуне могучий великан в ярко-красной одежде, с венцом на голове, блистающим, как солнце, статный и величественный, с бледным лицом и пронзающим огненным взором. Он вооружен был луком и стрелами и держал в руке булаву и петлю, подобную петле Варуны. То был Яма, властитель предков, бог смерти, блюститель справедливости. Пришедший в сопровождении нагов и гандхарвов, он озарил окрестности своим божественным сиянием.

Последним появился сам царь богов Индра. Он восседал на божественном слоне Айравате вместе с супругой своей, прекрасной Шачи, увенчанный цветами, в белом платье, с золотыми браслетами на могучих руках, златокудрый и златобородый, и над головой его две апсары держали белое опахало, подобное светлому облаку над сияю-

щей луною. Он вооружен был ваджрой и сетью, а также луком-радугой, и его сопровождали прекрасные апсары, сиддхи и чараны — небесные певцы, поющие славу великому победителю асуров.

Когда все небожители торжественно воссели на горных вершинах Хималая, Яма обратился к Арджуне с такими словами: «Подними взор, доблестный сын Панду. Мы, хранители мира, пришли сюда и явились тебе в своем истинном облике — ты заслужил эту награду своими подвигами. Я предрекаю тебе — все твои враги будут повержены тобою в грядущей битве, никто не сможет устоять перед тобой. Я вручаю тебе мое оружие, мою булаву, поражающую неотвратимо; с этим оружием ты одержишь великие победы».

Арджуна почтительно склонился перед владыкой предков и, радостный, принял его дар. Тогда заговорил Варуна голосом, грохочущим, как буря в океане: «Взгляни на меня, отважный сын Панду! Я — Варуна, повелитель вод, земных и небесных. Я дарую тебе мою петлю, разорвать которую никто не в силах. Любой враг, попавший в нее, теряет силы и гибнет. Даже страшная петля Ямы не крепче моей, которой враги твои не избегнут». И Варуна дал Арджуне свою петлю, а также лук, стрелы, палицу и боевую колесницу.

Когда сын Панду, склонившись перед Варуной, принял его дары, он услышал обращенные к нему слова Куберы: «Я тоже хочу порадовать тебя, храбрый воин. Я дарую тебе силу взгляда, неведомую другим смертным. Взглядом ты сможешь погрузить в глубокий сон твоих врагов, и они будут бессильны перед тобою. С помощью этой силы ты уничтожишь сыновей Дхритараштры, жаждущих твоей гибели». И едва царь царей произнес эти слова, как Арджуна уже ощутил дарованную им силу. Взгляд его стал острее и проникал в неведомые ему ранее пределы.

Тогда обратился к нему сам Индра, владыка богов. Голосом, подобным небесному грому, он сказал могучему сыну Панду: «Твои подвиги, равных которым не совершал смертный воин, принесли тебе высочайшую награду. Ты, Арджуна, достоин, поистине, посетить небесное царство при жизни. Приготовь свою душу к восхождению на небо. Матали, мой возничий, скоро явится за тобой и доставит тебя в мое царство. Там, о храбрый, ты получишь оружие, которым я сам владею».

И Арджуна, радостный и изумленный совершившимся чудом, восславил небожителей и благодарно склонился перед ними, они же, пожелав сыну Панду удачи в битвах, удалились в небесные пределы.

А спустя некоторое время в небе раздался гром и, раздвигая тучи над вершинами Хималая, появилась чудесная колесница Индры. На ней сверкало оружие царя богов — дротики и булавы, диски, палицы и копья, луки и стрелы и огненные молнии. По краям колесницы поднимали страшные головы огромные змеи. Они широко разевали ядовитые пасти и извергали огонь и клубы дыма. Десять тысяч золотистых коней, быстрых, как ветер, влекли по небу колесницу повелителя бессмертных. На золотом передке стоял могучий колесничий Индры, прославленный в трех мирах своим искусством управления ко-

нями Матали, а над головой его развевался голубой стяг владыки небесного царства. Колесница опустилась на землю, и Матали сказал Арджуне: «Да будет благо тебе, доблестный воин. Мой господин прислал меня за тобою; он желает видеть тебя в своих чертогах. Не медли же, сын Панду, и вступи без страха на колесницу. В небесном городе Индры ждут тебя боги, гандхарвы и апсары».

Арджуна тотчас взошел на небесную колесницу, вознося благодарственные молитвы Шиве, и чудесные кони Индры унесли его ввысь. Через несколько мгновений уже не видно было земли, и Арджуна с великим изумлением озирался вокруг, плененный невиданным зрелищем.

Здесь, высоко в небе, не видно было ни луны, ни солнца, но все пространство озарялось чудесным светом. И вскоре колесница приблизилась к Амаравати, к вратам блистательной столицы Индры.

У ворот города Арджуна увидел слона Айравату, а вокруг городских стен — цветущие рощи, радующие сердца небесных красавиц, овеваемые прохладными ветерками и наполняющие окрестность дивным благоуханием. В самом городе, на пути к чертогам небесного владыки, Арджуна увидел множество великолепных дворцов и встретил многих гандхарвов и апсар, божественных мудрецов и прославленных в битвах витязей, и все они приветствовали доблестного сына Панду как дорогого и желанного гостя.

Войдя во дворец Индры, воздвигнутый самим повелителем неба, и приблизившись к его трону, Арджуна низко поклонился; царь богов заключил отважного воителя в свои объятия и посадил его рядом с собой на своем престоле под высоким белым балдахином. И небожители с радостью взирали на них обоих, блиставших могуществом и красотою, как на божественного отца и его земного сына*; гандхарвы и чараны воспели их в благозвучных песнях, а красавицы апсары закружились вокруг них в веселой пляске.

Индра исполнил все заветные желания сына Панду и подарил ему свое неотразимой силы оружие — сокрушительные огненосные стрелы.

Получив от небожителей все, что ему хотелось, Арджуна затосковал по братьям, оставшимся в лесных дебрях, но владыка небесного царства не захотел с ним сразу расстаться; он оставил его в своих чертогах, окружил всяческой роскошью и отдал на попечение многочисленных слуг. А чтобы Арджуна не скучал в Амаравати по земной жизни, Индра повелел гандхарву Читрасене обучить витязя игре на лютне и других музыкальных инструментах. Сын Панду подружился с Читрасеной и долгое время был спокоен и счастлив, перенимая у гандхарва его искусство. Но потом он снова загрустил по своим братьям, и снова проснулась в нем жажда мести врагам, похитившим царство у Пандавов.

Снова Индра стал думать, как отвлечь Арджуну от его печальных размышлений. Раз он заметил, что Арджуна с восхищением взирает на Урваши, прекраснейшую из апсар; и он опять призвал к себе Читрасену. «Ступай к Урваши, о Читрасена, — повелел Индра, — пере-

дай ей мою волю. Пусть она навестит сына Панду. Он уже получил небесное оружие, которого добивался, и научился владеть им, и он изучил здесь с твоей помощью все искусства. Теперь Урваши пусть даст ему познать все женские хитрости и уловки, все свойства женского нрава — когда-нибудь это ему пригодится»*. Читрасена, повинуясь воле Индры, пошел к Урваши и передал ей веление владыки небес: «О прелестная Урваши, Индра желает, чтобы Арджуна вкусил все радости жизни небесной. Ступай к нему тотчас и сделай так, чтобы он сердцем склонился к тебе».

Урваши отвечала посланцу Индры с улыбкой: «Почему бы мне и не одарить своей любовью доблестного сына Панду? Мне по душе могучий воин, и я рада исполнить веление Индры. Ступай, Читрасена, будь спокоен, я немедля отправлюсь к Арджуне».

Когда Читрасена ушел, прелестная Урваши, красавица с лучезарной улыбкой, совершила омовение, украсила себя драгоценными камнями и золотыми браслетами, возложила на голову и на плечи венки из благоуханных цветов и, воспламененная Камой, богом любви, стала думать о пленительном сыне Панду. Когда наступила ночь, она, легко и плавно ступая, направилась к Арджуне. Ее длинные и мягкие волосы, украшенные белыми лилиями, ниспадали на стройные плечи, умащенные сандалом нежные перси колебались, и стан изгибался при каждом шаге, вселяя любовь даже в сердца суровых подвижников; округлые бедра, прикрытые тонкой прозрачной тканью, прибежище Камы, манили взоры; маленькие изящные ступни окрашены были красным порошком, и на лодыжках ее золотыми колокольчиками звенели браслеты. Урваши шла ко дворцу сына Панду, опьяненная вином и любовным желанием, а за нею следовали гандхарвы, сиддхи и чараны, восхищенные ее красотою.

Едва Урваши вступила в роскошные палаты Арджуны, извещенный о ее приходе, он вышел ей навстречу, и сердце его затрепетало, когда он увидел ослепительную красоту небесной девы. И он сказал ей, приняв ее с почетом: «Нет прекрасней тебя в небесных пределах, о Урваши. Я готов служить тебе и ожидаю твоих повелений».

Смущенная и обрадованная встречей с Арджуной, Урваши некоторое время безмолвствовала, стараясь справиться с волнением, а затем поведала сыну Панду о велении Индры, которое передал ей Читрасена. «Царь богов пожелал, чтобы я отвлекла тебя от тоски по твоим братьям, — сказала Арджуне Урваши, — а я хочу быть любимой тобою. Я помню, как ты, не отрывая взора, смотрел на меня одну, когда апсары услаждали очи небожителей пляской на празднестве в чертогах Индры. С тех пор власть Камы влечет меня к тебе неодолимо, и я жажду твоей любви, о прекрасный витязь».

Повергнутый в смущение страстными речами Урваши, Арджуна прикрыл руками уши и ответил: «Не подобает мне слышать от тебя слова любви, о лучшая из женщин! Ведь ты — супруга прародителя нашего Пуруравaса, давшая начало нашему роду! Я почитаю тебя как праматерь мою, я поклоняюсь тебе с тем же благоговением, как и Шачи, царице небес. Когда я с восторгом глядел на тебя, я думал:

„Вот та преславная Урваши, что дала начало великому роду Бхаратов", — и любовь моя была любовью потомка к своей прародительнице. Как же я могу питать к тебе иные чувства, кроме сыновних?»

В ответ на эти речи Урваши сказала: «О доблестный сын Панду, небесные красавицы апсары не то, что земные женщины, они свободны в своих чувствах и выбирают своими возлюбленными тех, кого пожелают. Потомок Пуру и Бхараты, заслуживший своими подвигами место в небесном царстве, не впадет в грех, если полюбит меня или какую-нибудь другую из апсар. Но, отвергнув меня, влюбленную, ты поступишь неправедно, Арджуна!»

Однако Арджуна был непреклонен в своем решении уйти от соблазна. Тогда Урваши в гневе прокляла его и предрекла, что суждено ему долгое время жить в женских покоях в немужском обличье, и никто из красавиц его не полюбит. Это проклятие исполнилось через несколько лет, когда Арджуна, скрываясь со своими братьями от преследований врагов, поступил на службу к царю матсьев* и в облике евнуха стал учителем танцев и музыки у царских жен и царевны Уттары.

Испуганный Арджуна рассказал о проклятии Урваши Читрасене, а тот поведал об этом Индре. Царь богов призвал к себе Арджуну и утешил его. Он сказал ему: «Воистину, счастлива мать твоя, сын мой. Этой ночью ты совершил такой подвиг, который едва ли под силу и великим подвижникам. Не всякий отшельник устоит перед прелестью Урваши. Но не тревожься, проклятие Урваши послужит тебе на благо; оно спасет тебя и твоих братьев в час испытаний». И Арджуна оставил тревогу и проводил дни свои по-прежнему с другом своим Читрасеной, наслаждаясь жизнью в небесном царстве.

Наконец настал день, когда Арджуне пришла пора возвращаться к братьям на землю. И на чудесной колеснице Индры, ведомой Матали, забрав с собой оружие, дарованное ему богами, Арджуна спустился с небес и предстал перед братьями в глухой лесной местности, где они его давно поджидали и уже истомились тревогой о нем. Матали простился с отважным сыном Панду и вернулся на небо. Братья же радостно приветствовали Арджуну, а он рассказал им обо всем, что с ним случилось на горных склонах Хималая, и о жизни своей в светлом царстве Индры.

Когда истек срок изгнания, исполнилось все, что предсказали Арджуне боги. В великой битве на Курукшетре, длившейся восемнадцать дней, Пандавы победили своих врагов, сыновей Дхритараштры, и обрели царскую власть для себя и для своих потомков.

74. ПОЧИТАТЕЛИ ВИШНУ И ТАЙНА ЕГО МАЙИ

Жил некогда царевич Камадамана*, с юных лет прославившийся мудростью и благочестием. Государь той страны, отец Камадаманы не мог нарадоваться на своего добродетельного сына, но одно печалило его: предавшийся суровому подвижничеству царевич отверг все мирские утехи и дал обет безбрачия; отец сватал ему многих царевен

из славных и могущественных родов, но не мог заставить его жениться, позаботиться о продолжении своего рода.

«Женщины — источник счастья и благополучия, — говорил царь сыну. — Нет друга лучше жены; неженатый не ведает блага. И нет без жены продолжения рода; а неимеющий сына после смерти попадает в ад, ибо некому свершать по нем установленные поминальные обряды. Я уже стар, и мне, а не тебе пристало затворничество и умерщвление плоти. Женись, и я передам тебе бразды правления царством, а сам удалюсь в лесную обитель, зная, что род наш не угаснет, не прекратится вместе с тобою».

Царевич ему отвечал: «Отец, я давно отринул мирские заботы ради мудрости высшей, чем та, которую исповедуешь ты. Открылась мне божественная мощь Вишну, проникающая нас и все в мире, что нас окружает. Не проси, никогда не нарушу я своего обета. Не говори мне о бремени царской власти, о продолжении рода. Память о прошлых рождениях* дарована мне, и ведомо мне, что уже тысячи раз пережил я старость и смерть, соединение и разлучение с женами. Я был травой, был кустом, был лианой, был деревом*; я рождался домашним скотом и хищным зверем; я был женщиной и мужчиной, простолюдином и брахманом, я жил среди бессмертных. Был я и асуром, и ракшасом, и якшей, и гандхарвом, и апсарой, и царем нагов. Стократ исчезал я с гибелью и растворением вселенной и снова появлялся с новым творением для новой цепи перерождений. И снова и снова падал я жертвой обманного существования— и всякий раз потому именно, что брал себе жену.

Знай, что за рождение до этого, — продолжал царевич, — имя мое было Сутапас, я был благочестивым отшельником. Уже тогда предался я всецело почитанию великого Вишну; и вот за преданность мою дано мне было узреть его воочию. Всемогущий бог явился мне, восседающий на Гаруде, и молвил: „Я доволен твоим поклонением, назови желание свое, и я его исполню". Я сказал ему: „Дозволь, о боже, мне постигнуть великую тайну твоей майи, волшебной силы твоей, порождающей этот видимый нами мир".

„Никто не постиг моей майи, никто не может постичь ее", — отвечал мне бог, — так продолжал свой рассказ царевич. — И он поведал мне повесть о святом мудреце Нараде, сыне Брахмы.

Нарада тоже хотел постичь тайну майи и просил Вишну ее открыть ему. Тогда Вишну привел его к некоему пруду и повелел Нараде окунуться в его воды. И Нарада нырнул в те воды и вышел оттуда в облике девы. Он забыл о прежнем своем существовании. Звали его теперь Сушила, и стал он дочерью могущественного государя, правившего в Каши. Отец просватал Сушилу за сына соседнего царя Видарбхи, и она познала счастье любви и долгие годы провела в благополучии и почете. Сушила стала царицей, и у нее родилось много сыновей, а потом появились и внуки. Но вот возникла распря между мужем ее и отцом, и оба они пали в битве, и тогда же полегли на поле брани многие ее сыновья и внуки. На этом поле она оплакала их, воздвигла громадный погребальный костер, на который возложила те-

ла погибших, и сама бросилась в него, заливаясь слезами. Но чудо! — костер превратился в пруд, и Вишну вывел из него Нараду за руку и спросил: „О чем ты плачешь? Это и есть подобие моей майи, о Нарада!" Тогда мудрец попросил себе у бога совершенство веры и преданности высшему божеству и память о прошлых рождениях. И он пожелал, чтобы пруд этот стал отныне священным и чтобы вода его смывала грехи паломников, которые окунутся в него.

Обещав все это Нараде, Вишну позвал его за собою и вывел из сени тенистого леса, в котором находился тот пруд, на просторы голой пустыни, беспощадно палимой солнцем. Долго шли они по той пустыне, страдая от зноя и жажды, и вот наконец кончилась она и вдали завиднелась деревня. „Я не могу уже идти дальше, — сказал Нараде Вишну и опустился на землю в тени дерева, росшего на пригорке. — Ступай в это селение и принеси мне воды". Нарада отправился туда и постучался в дверь первой же хижины; ее открыла девушка невиданной красоты, с чарующими глазами, которые были похожи на очи самого Вишну. Мудрец полюбил ее, как только увидел.

В этом доме его встретили с таким радушием, что он позабыл о своем спутнике, оставшемся у дерева за селением, и посватался к девушке, и родители ее ответили согласием. Он женился на той деве и поселился в ее доме. Прошло всего двенадцать дней, а у них было уже трое детей, и Нарада принял это как должное и нимало тому не удивился. А вскоре умер его тесть, и он унаследовал его имение.

Одиннадцать лет он прожил в том селении со своей любимой супругой и детьми, наслаждаясь семейным счастьем. Но на двенадцатый год хлынули небывало обильные дожди, ближняя река вышла из берегов и затопила все вокруг, и ночью, в бурю и ветер Нарада бежал, спасаясь, из своего дома с женой и детьми. Бурная вода захлестнула их, подхватила и понесла; и во тьме и потопе Нарада потерял и жену и детей. Сам же он спасся, вынесенный водою на некий холм, едва возвышавшийся над волнами. Рыдая, он тщетно взывал с того холма к своим близким, как вдруг услышал знакомый голос: „Куда же ты запропастился, Нарада? Я жду тебя уже полчаса". И тотчас рассеялась тьма, и стихла буря, и в ясном свете дня Нарада увидел Вишну — он восседал под тем же самым деревом на пригорке, а кругом простиралась все та же пустыня. Вишну взглянул, улыбаясь, на изумленного Нараду и спросил его: „Что же, понял ли ты, наконец, тайну моей майи?"

Когда Вишну поведал мне это, — закончил свой рассказ царевич, — он привел меня к такому же точно пруду, как тот, в котором обрел свое новое рождение Нарада, и подал мне тот же совет. И я вошел в пруд как отшельник Сутапас, а вышел оттуда девой для другой жизни. Но больше меня уже не смущали ни радости, ни страдания этого мира, и теперь, в этом последнем моем рождении ничто не отвлечет меня от почитания Вишну, в котором обрету я вечное избавление от череды сих призрачных существований!»

75. ВИДЕНИЕ МАРКАНДЕИ

Маркандея, великий мудрец из рода Ангираса, странствовал по земле. Он скитался многие тысячи лет и посетил многие священные места омовений и обители отшельников, побывал во многих странах и городах, и сердце его радовалось благочестию и добродетелям брахманов и царей, горожан и земледельцев, чтущих священный закон и богов и соблюдающих предписанные Ведами обряды.

И сам Маркандея в течение многих тысяч лет предавался благочестивым размышлениям, совершал жертвоприношения и подвиги умерщвления плоти. В награду он пожелал узнать тайну сотворения вселенной.

Едва он помыслил об этом, как, сам того не заметив, очутился вдруг за пределами этого мира. В страхе и в отчаянии он увидел себя в глубокой тьме, и вокруг него в необозримую даль простирались бескрайние воды; и он оставил надежду на спасение.

Не было там ни солнца, ни луны и ни клочка земли; одни лишь воды. Но потом Маркандея увидел вдруг человека, который спал, возлежа на водах; его огромное тело светилось собственным светом и озаряло непроглядную тьму. Наполовину погруженное в воду, оно плавало в ней, подобное горе или облаку.

Маркандея узнал великого Вишну и, радостный, приблизился к нему. В это мгновение спящий приоткрыл рот и, вдохнув воздух, проглотил мудреца. И Маркандея опять очутился в зримом мире с его горами, лесами и реками, городами и селениями. И он решил, что все виденное им было сном.

Опять он странствовал по городам, и весям, и священным местам, и протекли еще тысячи лет, и он обошел вселенную и не мог найти ей конца. Но однажды снова привиделся ему удивительный сон.

Снова был он один в пустоте и безлюдье; небо над ним было покрыто мглою, а внизу простирались бескрайние водные пространства. Но потом Маркандея увидел маленького мальчика, спящего на ветви баньянового дерева. Ослепительное сияние исходило от него, и Маркандея закрыл глаза руками, не в силах смотреть на божественное дитя.

«Я уже видел прежде этого мальчика, в этом нет сомнения», — подумал Маркандея и подошел ближе. Вдруг он услышал голос: «Не бойся, Маркандея, дитя мое! Ты можешь приблизиться ко мне».

«Кто ты, дерзкий, обратившийся без почтения к старцу, прожившему много тысяч лет и исполнявшему суровые обеты? — спросил разгневанный мудрец. — Даже Брахма воздает мне должные почести, именуя меня долговечным. Или ты ищешь гибели своей?»

Мальчик отвечал ему, улыбаясь: «Сын мой, я — древний Пуруша, твой прародитель. Я — Вишну-Нараяна*, которому принадлежит эта вселенная, созданная мною и заключенная во мне. Сын Кашьяпы и Адити, избавивший мир от асура Бали и его власти, — лишь одно из моих воплощений. Много раз нисходил я на землю в разных обликах,

чтобы спасти ее от зла. Рыба, спасшая Ману от потопа, Черепаха, что помогла богам добыть амриту из океана, Вепрь, извлекший землю из вод, Человеколев, Карлик, Парашурама, Рама, победивший Равану, Кришна*, герой, избавивший землю от притеснений злого царя Кансы, Будда, принесший на землю ложное учение, чтобы испытать благочестивых в истинной вере и отделить праведных от грешников,— все это мои аватары, мои нисхождения. Десятым моим воплощением на земле будет Калкин*, грядущий судия, который придет в час кончины вселенной.

Но не только эти воплощения, вся вселенная: солнце, луна и звезды, земля и море, страны света и годы — мое проявление, в них я создаю, охраняю и уничтожаю себя самого. Я — Тримурти*, бог, единый в трех образах. Как Брахма — я создаю мир, как Вишну—храню его, как Шива— его разрушаю.

Один год жизни смертных, о Маркандея, — это всего лишь день и ночь для богов. Двенадцать тысяч божественных лет, слагающихся из таких дней и ночей, — это один день жизни Брахмы, и в течение этого дня существует вселенная. Когда творец засыпает и наступает ночь Брахмы, вселенная гибнет. Ночь Брахмы длится столько же времени, сколько его день; когда она минует и настает новый день, Брахма творит вселенную заново. О Маркандея, эта вселенная уже возникала и гибла не раз, и много раз она будет разрушаться и воссоздаваться снова. А жизнь Брахмы длится сто его лет.

День Брахмы, двенадцать тысяч божественных лет, составляет Махаюгу*. Махаюга же — Великая юга — состоит из четырех юг — веков человечества. В начале творения наступает Критаюга, Золотой век, который длится четыре тысячи божественных лет; ему предшествует период утренних сумерек, а за ним следуют вечерние сумерки— и каждый из этих периодов длится по четыреста божественых лет. В эту югу люди рождаются добродетельными, на земле живут одни лишь праведные брахманы, неукоснительно соблюдающие закон; и священная корова Дхармы — Закона—твердо стоит на всех четырех ногах. Потом наступает Третаюга, Серебряный век, который длится три тысячи божественных лет, а до него и после него проходит по триста божественных лет утренних и вечерних сумерек. В этот век добродетель на земле убавляется на одну треть, люди начинают забывать о долге, и для поддержания дхармы вводится разделение людей на варны— сословия. В Третаюге Корова Закона стоит лишь на трех ногах. Двапараюга, Медный век, продолжается две тысячи божественных лет, и с ним смыкаются дважды по двести лет сумерек. Еще меньше становится добродетели в мире, колеблющемся между мраком и светом, между злом и справедливостью. Люди, ослепленные дурными страстями, отвращаются от исполнения священного долга, и Корова Закона стоит на двух ногах. Наконец, наступает Калиюга, нынешний мрачный век, когда умножается безмерно порок на земле и в мире остается всего четверть дхармы. Оттого срок его краток — только тысяча божественных лет и дважды по сто лет сумерек. После него придет гибель погрязшего во грехе мира; страшный огонь, тащийся на

дне океана, вырвется на поверхность и пожрет вселенную. А потом, когда минет ночь Брахмы, все начнется сначала.

Гибель вселенной и ее создание будут повторяться снова и снова в течение ста лет Брахмы. А когда истечет жизнь этого Брахмы, Господь сотворит нового Брахму, и все начнется сначала».

И Вишну сказал: «О Маркандея, от меня происходит все, что было, есть и будет. Повинуйся моим вечным законам и странствуй по вселенной, заключенной в моем теле. Все боги, все святые мудрецы и все живые существа пребывают во мне. Я — тот, кем проявляется мир, но чье волшебство проявления — майя — остается непроявленным и непостижимым». И он опять проглотил Маркандею.

И, оказавшись в знакомом мире, полном жизни, и движения, и света, Маркандея уже не знал, что же было сновидением, а что — явью. «Этот ли мир и я вместе с ним — лишь греза бога? — думал он. — Или та непроглядная тьма, где пребывает Нараяна, мне только приснилась?»

1. Творение

Древнеиндийская литература, начиная с Вед, содержит множество версий мифа о творении. Обычно даже в пределах одного памятника, такого, как «Ригведа» или «Махабхарата», отсутствует единая космогоническая концепция и излагаются самые разноречивые представления о происхождении вселенной. Версия о происхождении мира из Золотого Зародыша (Хираньягарбха), возникшего в первозданных водах, является наиболее распространенной, начиная с литературы Брахман и на протяжении всего эпического периода. В нашем изложении использованы космогонические тексты двенадцатой книги «Махабхараты», а также «Шатапатха-брахманы» (кн. XI), где основные представления совпадают. В «Шатапатха-брахмане» бог-творец именуется Праджапати. Использован также космогонический текст первой книги «Брихадараньяка-упанишад», где творцом выступает Пуруша (Человек). (Другую, более раннюю версию мифа о творении см. в № 13.)

Но тогда творец огляделся вокруг... и ему стало страшно. Мотив страха перед одиночеством как побудительной причины для порождения потомства находим в космогоническом мифе «Брихадараньяка-упанишад». В этой версии, однако, Пуруша создает женщину, распадаясь на две половины. Мы следуем далее эпической версии с характерным для мифологии патриархата устранением женщины из акта рождения (ср. рождение Афины из головы Зевса в греческой мифологии и т. п.).

...Он породил шестерых сыновей... Число и имена сыновей Брахмы варьируются в различных эпических и пуранических текстах; нами избран наиболее распространенный вариант. В «Махабхарате» и пуранах сыновьями Брахмы кроме перечисленных шести и седьмого — Дакши именуются также Бхригу (см. № 2), Рудра—Шива (см. № 3), Нарада (см. № 29), Васиштха, Дхарма и др.

Владыка созданий — Праджапати. В литературе Брахман это имя принадлежит богу-творцу; в эпосе и пуранах это обычный эпитет сыновей Брахмы, первых существ, рожденных в созданном им мире.

...рожденный из души Творца... Нередко все шестеро объявляются «духорожденными» («манасоджа»), но в некоторых версиях пуран только Маричи рождается из души Брахмы, остальные же — чудесным образом из различных частей его тела, как в нашем тексте, хотя версии разнятся. Иногда и Маричи имеет иное происхождение: например, в мифе «Брахмавайварта-пураны» (кн. I) Маричи рождается из плеча Брахмы, Атри — из правой ноздри, Крату — из левой, и далее изложение отличается от принятой нами версии. См. также ниже о рождении других сыновей Брахмы — Бхригу (№ 2), Рудры (№ 3), Нарады (№ 29) — и о происхождении ракшасов и якшей (№ 34).

Кашьяпа — в некоторых текстах именуется сыном самого Брахмы; в эпосе тоже часто носит эпитет Праджапати.

Дхарма — бог справедливости, олицетворение понятия закона морального правопорядка — дхармы (см. № 75). В эпосе и позднее иногда идентифицируется с Ямой, богом смерти.

Ангирасы — упоминаемый уже в «Ригведе» род мифических мудрецов и провидцев, посредников между богами и людьми; исследователи сближают санскритское Aṅgiras с греческим aggelos «вестник» (ангел).

Дакша (в Ведах — один из Адитьев) *...вышел из большого пальца на правой ноге...* Имя это родственно латинскому dexter, славянскому «десница», что объясняет ассоциацию с правой стороной. В «Брахмавайварта-пуране» Дакша рождается из правого бока творца (из левого — Бхригу).

Вирини, отождествляемая с Ночью (Ратри), в некоторых текстах именуется Дакши.

Пятьдесят дочерей — в некоторых источниках говорится о шестидесяти дочерях и о том, что десять из них были отданы в женыМану, прародителю человечества.

Старшая из дочерей Дакши... Часто перечень жен Кашьяпы начинается в эпических текстах с Адити, за которой следуют Дити и Дану, но представление об асурах-демонах как о старших братьях богов, отражающее древнейшее мировоззрение, отчетливо выражено в «Махабхарате».

Адитьи — в Ведах эта группа богов состоит из семи или восьми членов. В послеведийский период число их возрастает до двенадцати, в группу включаются боги Индра, Тваштар, Савитар и др., раньше к ней не принадлежавшие, вместе с тем из нее исключается Дакша. Имя Адитья чаще всего относится к богу Вивасвату (см. № 6) и становится синонимом Солнца.

Младший из сыновей Адити, Вишну — в Ведах Вишну второстепенное божество (как полагают, связанное с мифологией солнца) и не причисляется к Адитьям. Начиная с Брахман значение его стремительно возрастает, и в позднем эпосе он уже стоит особняком от Адитьев; сын Адити и Кашьяпы считается тогда лишь одним из его воплощений (см. № 75). В индуистской религии Вишну — одно из верховных божеств, хранитель мироздания.

2. Асуры, старшие братья богов

В Ведах асуры изображаются как змееподобные чудовища, воплощение враждебных человеку сил природы (см. изложение мифов о демонах Вале — № 5, Вишварупе и Вритре — № 15). В эпосе их образы антропоморфизированы.

Шалмали — шелковичное дерево (Salmalia Malabarica).

Майя — в ранних памятниках означает сверхъестественные способности, которыми обладают демоны и боги, всякого рода волшебство, оборотничество и т. п. Позднее, в индуистской религиозно-философской концепции майя — иллюзорность бытия, внушаемая верховным божеством (см. № 74).

...соединили эти три города в один... Представление о трех городах асуров в небе восходит к ведийской литературе. Позднее слагается сказание о трех объединенных городах — Трипуре (см. № 69).

Шукра — в индийской астрономии название планеты Венера.

Брихаспати — планета Юпитер.

3. Рудра и жертвоприношение Дакши

В основу описания образа Рудры положены ведийские источники. Миф о том, как было расстроено жертвоприношение Дакши, восходит также к Ведам. Образ Сати, дочери Дакши и жены Шивы, и мотив ее обиды и самосожжения вводятся в послеведийские версии мифа, во многих деталях отличающиеся от ведийских. Рудра — прототип Шивы, одного из верховных божеств эпического и индуистского пантеонов,— по-видимому, уже в Ведах отражает весьма архаические представления мифологии доарийского населения Индии. В мифе о жертвоприношении Дакши отразилось включение культа Рудры в ведийский ритуал, которому он был, очевидно, чужд изначально.

Химават, или *Хималая,*— в индийской литературе название гор Гималаев, а также божества, олицетворяющего их вершину.

Шива, что значит Милостивый — таково традиционное толкование имени (как эвфемистического эпитета). Однако современные исследователи предполагают его дравидийское происхождение и видят в нем то же значение, что и в арийском Рудра — Красный.

Сати («Добродетельная») — миф о ее самосожжении связывается с варварским обычаем сожжения вдов в средневековой Индии, получившим то же наименование.

Золотой век — о делении истории человечества на четыре «века» в индийской мифологии см. № 75.

Мригаширша («Голова антилопы») — созвездие из трех звезд, соответствующее частично Ориону; *Ардра* соответствует α Ориона.

...жертвой... был сам Владыка созданий... Излагаемая версия отражает миф о жертвоприношении Дакши в «Айтарея-брахмане» (кн. III), где рассказывается о кровосмесительной связи Праджапати (в Брахманах это, как упоминалось, имя бога-творца, не идентичного с Дакшей) с собственной дочерью, прекрасной богиней зари Ушас. Боги, его сыновья, создают Рудру, соединив в нем самые грозные свои ипостаси, именно для того, чтобы покарать Праджапати. Уже в этой версии появляется астральная символика — Праджапати отождествляется с созвездием Мригаширша, Рудра — с Ардра, Ушас же — с созвездием Рохини (созвездие Тельца), что дает еще одну связь с мифологией эпического Дакши, отца созвездий лунного зодиака (см. № 1). Отголосок мифа о прегрешении Праджапати в эпических версиях — упоминание о козлиной голове Дакши, но в остальном он уже не связывается в послеведийской литературе с рассказом о жертвоприношении Дакши, отражающим первоначальное исключение Рудры из общего ритуала сомы, главного у арийских племен древнейшей эпохи; единственным мотивом гнева Рудры—Шивы остается пренебрежение богов, не пригласивших его на жертвоприношение. В «Каушитаки-брахмане» (кн. VI) версия о кровосмесительном грехе несколько иная; там боги, сыновья Праджапати, видят сестру свою Ушас, явившуюся на востоке, и из семени их, выпавшего при этом и собранного Праджапати в золотой сосуд, рождается тысячеглазое и тысяченогое божество — Рудра.

Большинство других ведийских текстов, посвященных этому сюжету, следуют той версии, которая в нашем изложении приводится первой (по «Шатапатха-брахмане» с включением эпизодов и деталей, относящихся к родственным связям Шивы и Дакши, из «Ваю-пураны»).

Рудры — в ведийской мифологии зловещее воинство демонических змееподобных существ, составляющих свиту Рудры. В послеведийский период — группа из одиннадцати второстепенных божеств, составляющих вместе с двенадцатью Адитьями и восемью Васу, а также двумя Ашвинами (или Дьяусом—Небом и Притхиви—Землей) традиционный пантеон «Тридцати трех».

...вступил в брак с Землею... В ведийской мифологии матерью Марутов именуется Пришни («Пятнистая»), мифическая корова, отождествляемая иногда с землею, иногда с дождевым облаком. В пуранах матерью Марутов называется Дити.

4. Деяния Индры

В этом сказании образ Индры дается преимущественно по ведийским источникам. Однако сыном Адити Индра становится только в эпической мифологии; в ведийской литературе говорится о его чудесном рождении, но имя его матери обычно не называется. В «Атхарваведе» матерью его названа Экаштака — богиня, отождествляемая с Ратри, Ночью. Отцом Индры называют Дьяуса или Праджапати (в Брахманах Индра часто называется младшим сыном Праджапати или говорится, что боги сами создали Индру и избрали его своим владыкой).

...родился... необычным путем... Об этом говорится уже в «Ригведе», но в неопределенных выражениях, сам способ появления Индры на свет не указывается. Ср. чудесное рождение сыновей Брахмы в № 1.

Эмуша. Миф о победе Индры над этим демоном очень смутно упоминается в «Ригведе». В Брахманах Эмуша — имя демонического вепря, поднявшего землю на клыке; очевидно, это — прототип знаменитой аватары («воплощения») Вишну (см. № 22).

Ваджра — мифическое оружие бога-громовержца Индры, которое сковал для него Тваштар; согласно некоторым текстам, его даровал Индре Кавья Ушанас. Ваджра описывается как золотая или железная, о четырех или о ста углах или в форме диска, позднее — как крестообразная. В «Махабхарате» рассказывается, что ваджра была сделана из костей святого отшельника Дадхичи, который добровольно пожертвовал свой скелет для этой цели.

Сома — ритуальный опьяняющий напиток; приготовлялся из сока растения сомы, идентифицировать которое в настоящее время представляется затруднительным (некоторые современные исследователи видят в нем мухомор, употреблявшийся жрецами как наркотическое средство); параллель в древнеиранском ритуале — хаома указывает на большую древность культа сомы. Уже в Ведах ритуал сомы связывается — не совсем ясно — с мифологией луны; впоследствии сома отождествляется с луной, а в эпосе Сома — имя бога луны (см. № 12). Чаша для сомы, сделанная Тваштаром, Гефестом индийской мифологии,— луна. В послеведийской мифологии сома отождествляется с амритой, напитком бессмертия (см. № 24). Миф о принесении сомы с небес орлом, птицей Индры, смутно упоминается в нескольких гимнах «Ригведы».

Пуломан — сын Дану, победа Индры над Пуломаном бегло упоминается в эпосе и пуранах; очевидно, идентичен Пуломану из сказания о Пуломе (см. № 19).

Шачи — имя, произведенное от того же корня, что и эпитет Индры — Шакра («Могучий»). В Ведах имя супруги Индры — Индрани.

Намучи. Миф о победе Индры над Намучи рассказывается в «Шатапатха-брахмане» и некоторых других источниках. В «Махабхарате» основной мотив этого мифа включается в изложение версии мифа о Вритре — Индра покрывает свое оружие пеной в битве с Вритрой.

Сура — в ведийскую эпоху крепкий хмельной напиток, в отличие от сомы не имевший священного характера.

Ашвины — см. № 6 и примеч.

...обрушил удар... на колесницу Ушас... В этом мифе, упоминаемом в Ведах, некоторые исследователи видят отражение солярного аспекта в образе Индры (заря бежит от лучей солнца) и проводят параллель с греческим мифом об Аполлоне и Дафне (одно из имен Ушас в ведийской литературе — Дахана, Горящая); другие усматривают здесь торжество патриархального начала над архаическим культом сходящего со сцены матриархального божества.

5. Похищение коров

Миф излагается по знаменитому гимну-диалогу в кн. X «Ригведы», откуда взяты речи Сарамы и паниев, и по «Брихаддевате» Шаунаки (IV—III в. до н. э.).

Пании. В изображении этого демонического племени в ведийской литературе мифологические черты смешиваются с чертами какого-то реального народа; некоторые исследователи отождествляют паниев с иранским племенем париев, обитавшим на Оксе (Амударье). Высказываются также предположения о дравидийском происхождении этого этнонима.

Сарама («Быстрая») — мифическая собака, мать адских псов, стерегущих путь в царство мертвых (см. № 40), иногда рассматривается как прародительница хищных животных. Ее образ исчезает из послеведийской мифологии.

Вала («Пещера») — демон мифической пещеры, в которую заточаются похищенные коровы-воды; именуется иногда братом Вритры (см. № 15).

Миф о рождении восьмого сына Адити, отвергнутого матерью, упоминается в кн. X «Ригведы» и приводится в «Шатапатха-брахмане» (кн. III). В ведийской мифологии восьмой (в некоторых версиях седьмой) сын Адити Вивасват или Мартанда («Мертворожденный») — последний из ее сыновей Адитьев. С Сурьей, богом солнца, он отождествляется позднее.

Саранью — дочь Тваштара, иногда выступает в зооморфическом образе. Миф о женитьбе Вивасвата на Саранью упоминается в кн. X «Ригведы» и более подробно излагается в комментарии Саяны (XIV в.). В позднейших пуранических версиях Саранью заменяет Санджяя, дочь Вишвакармана (см. ниже).

Яма («Близнец»). Миф о Яме и Ями — один из древнейших в Ведах (на что указывает и иранская параллель — Йима и Йимак) — отражает, видимо, арийский вариант близнечного мифа. В иранской мифологии Йима — царь людей Золотого века, когда на земле не было смерти и страданий. В мифологии индийского Ямы этот момент отсутствует, но одним из наиболее отчетливо сохранившихся мотивов является отказ Ямы от кровосмесительного брака с сестрой, составляющий содержание знаменитого гимна-диалога в кн. X «Ригведы». В некоторых ведийских текстах, однако, этот греховный союз представляется осуществленным (см. № 8), и, возможно, он и рассматривался как причина смерти Ямы (ср. библейский миф о грехопадении Адама и Евы), хотя прямого подтверждения этому мы не находим в текстах. В позднейших версиях грехом Ямы оказывается оскорбление мачехи (см. ниже).

Шани, или *Шанайшчара,* — в индийской астрономии название планеты Сатурн. *Тапати,* Знойная, как и Шани, появляется в числе детей Вивасвата только в позднейших версиях мифа; впоследствии она становится матерью Куру, предка героев «Махабхараты».

Дхарма — см. выше примеч. к № 1.

Санджня. В позднейших версиях, где Санджня — имя дочери Вишвакармана (см. примеч. выше), ее заместительница носит имя Чхая, что также значит «Отражение» (букв. «Тень»). В этих версиях мотив бегства супруги бога солнца иной — она не может выдержать жара, который от него исходит. Впоследствии, чтобы умерить этот жар, отец ее Вишвакарман обтесывает Вивасвата, удалив избыток его огненной массы, и придает ему «прекраснейший» облик (см., например, версию в «Маркандея-пуране»).

Ашвины («Рожденные от коня») — рассматриваются обычно как боги утренних и вечерних сумерек или утренней и вечерней звезды, хотя в действительности природный феномен, лежащий в основе этих образов, в ведийских текстах явственно не обнаруживается. Исследователи сближают образы Ашвинов с Диоскурами греческой мифологии, с которыми у них много общего.

Сурья — солнечная дева; женский вариант имени Сурьи, бога солнца. Ср. греческую параллель — Гелиос и Елена, имена одного происхождения с индийскими; Елена — сестра Диоскуров. Дева Сурья в некоторых текстах также выступает как сестра Ашвинов (возможно, в этом отношении ее дублирует дочь Вивасвата Тапати, см. выше); иногда она отождествляется с Ушас, богиней зари. В некоторых текстах Ушас — мать Ашвинов. Исследователи полагают, что в основе здесь — сочетание образа Богини-Матери с двумя зооморфными спутниками, засвидетельствованное в мифологии и иконографии также и за пределами индоевропейского мира (Ашвины первоначально, по-видимому, почитались в образе коней). В некоторых версиях мифа о сватовстве Сомы Ашвины выступают как сваты Сомы, а не как женихи дочери Савитара; они приходят к Солнцу просить руки его дочери для бога луны (здесь указывают на параллель в литовской мифологии, где двое братьев, «Божьих сыновей», являются верхом на конях и сватаются за дочь Солнца). В Ведах Ашвины именуются обычно «детьми Неба» (Дьяуса). По именам — Насатья и Дасра — они различаются уже в эпической мифологии (хотя и тогда чаще именуются общим — Ашвины), в Ведах это — эпи-

теты, равно относящиеся к обоим («Дружественный», «Помогающий»; хотя первое, как полагают, восходит в действительности к неарийскому названию лошади, т. е. однозначно с именем Ашвины).

Бхуджью — миф о нем смутно упоминается в нескольких гимнах кн. I «Ригведы».

Ямуна — древнее название реки Джамны.

Матаришван — третьестепенное божество ведийской мифологии, неясного происхождения; начиная с «Атхарваведы» выступает как дух ветра, иногда отождествляется с огнем, который он принес с небес на землю (индийский вариант мифа о Прометее, лишенный, однако, мотива богоборчества).

7. Сказание о происхождении Смерти

Излагается в «Махабхарате» дважды, в кн. VII и кн. XII, но стоит в эпической мифологии особняком. Обычно в эпосе и пуранах Смерть — Мритью — божество мужского рода, спутник Ямы (см. ниже № 45, где в русском изложении мы оставили, однако, Смерть в женском роде), иногда с ним отождествляется. В некоторых текстах эпоса перенаселение земли приводит ко второму потопу; этот миф обычно связывается с третьим воплощением Вишну (см. № 22).

...*одетая в темно-красное платье*. В древней Индии красный цвет ассоциировался со смертью.

...*направилась к югу своим путем*. Юг в древнеиндийской мифологии — страна смерти, место, где пребывают души усопших (см. ниже № 40).

8. Сказание о создании ночи

Излагается почти без изменений по тексту «Черной Яджурведы» («Майтраяния-самхита», кн. I).

9. Сказание о потопе

Излагается в основном по ведийской версии («Шатапатха-брахмана», кн. I), некоторые детали заимствованы из мифа о потопе в кн. III «Махабхараты». Версия «Махабхараты» в целом существенно отличается от ведийской; рыба, спасшая Ману, в эпосе выступает как воплощение бога Брахмы. В более поздних версиях, в пуранах, рыба — одно из воплощений («аватар») Вишну (см. № 75).

10. Гандхарвы и наги

Мифология гандхарвов и нагов излагается здесь в основном по эпическим памятникам. В «Ригведе» Гандхарва (ед. число) — дух, обитающий на небосводе, где он сторожит сому; ассоциируется с радугой (иранская параллель — Гандарева, имя дракона). В «Атхарваведе» гандхарвы (мн. число) вместе с апсарами выступают как вредоносные духи лесов и вод, оборотни, иногда — зооморфического облика, определенными чертами напоминающие суккубов и инкубов христианской средневековой демонологии. Некоторые исследователи сопоставляют индийских гандхарвов с кентаврами греческой мифологии. Наги появляются только в послеведийской мифологии.

Другие десять его жен... В различных текстах эпоса генеалогия мифических существ и животных, происходящих от жен Кашьяпы, сильно расходится и общепринятой родословной нет (так же как нет и единого перечня имен жен Кашьяпы). Обычно во всех версиях Вината — мать птиц-супарнов, а Кадру — мать змей-нагов (см. № 25). Относительно потомства других жен Кашьяпы мы наблюдаем в эпических текстах значительный

разнобой. Ариштa именуется либо матерью некоторых пернатых, либо матерью гандхарвов, Капила — коров, но также гандхарвов и апсар, Муни — гандхарвов, но в других текстах — апсар (иная версия происхождения апсар приводится ниже). Кроме того, в различных текстах эпоса и пуран упоминаются Симхика — мать Раху и других демонов затмения, Дану — мать Вритры (см. № 15, где Вритре приписывается другое происхождение) и прочих драконов, Кродха — мать демонов гнева, и многие другие.

Патала — общее название для семи подземных областей, в которых обитают наги и демоны.

Сарасвати — в Ведах речная богиня, воплощение или олицетворение реки Сарасвати, протекавшей в ведийскую эпоху на границе области расселения арийских племен и почитавшейся священной. Позднее отождествляется с богиней Вач, персонификацией Речи, и в эпический период становится богиней мудрости и красноречия, именуется дочерью, а чаще — женой Брахмы или дочерью Дакши. В Брахманах излагается миф о богине Вач, выманившей у гандхарвов сому по поручению богов (в кн. III «Шатапатха-брахманы»).

Апсары, или *апсарасы* («движущиеся в водах») — образы низшей мифологии, первоначально, видимо, сходные с нимфами, наядами или русалками европейских мифологий; постоянно ассоциируются с гандхарвами. В небесную сферу переносятся, очевидно, позднее, где становятся танцовщицами и куртизанками в царстве Индры (ср. гурий арабской мифологии). Согласно некоторым версиям апсары появляются в числе прочих сокровищ при знаменитом пахтании океана; или это происхождение приписывается лишь одной из их числа — Рамбхе (см. № 24).

Город гандхарвов — Гандхарвапура, соответствует европейской Фата Моргане.

...гандхарвы... напали... на нагов... — об этом рассказывается в кн. III «Вишну-пураны».

11. Бегство Агни, бога огня

Этот миф находим уже в «Ригведе», в гимне-диалоге между Агни и Варуной в кн. X. Различные версии его излагаются в ведийской литературе и в «Махабхарате» кн. V и XIII; в эпической версии Агни проклинает лягушек.

Васу... Благодетельные (или «Блистательные») — эта группа богов первоначально, очевидно, находилась на периферии ведийского пантеона; боги Анила и Анала не идентифицировались с главными божествами ветра и огня — Ваю и Агни — и позднее нередко от них отграничиваются. Агни в пуранах именуется обычно сыном Ангираса (хотя в кн. III «Махабхараты» говорится об Ангирасе как о приемном сыне Агни).

Ахан — в других перечнях старшим из Васу называют Апа — воплощение вод.

Дхрува («Твердый, Неколебимый») — в индийской астрономии название Полярной звезды. Иногда персонифицируется как земной царь, внукМану, перенесенный за благочестие на небо.

Сома — первоначально олицетворение ритуального напитка или растения, из которого он приготовлялся (см. примеч. к № 4); в послеведийском пантеоне окончательно становится богом луны. Чаще именуется сыном Атри, иногда — сыном Дхармы или еще иначе.

Дьяус, Небо — одно из древнейших божеств ведийского пантеона и первоначально, видимо, его глава, соответствующий Зевсу греческой мифологии (имена их восходят к одному индоевропейскому прототипу). Однако уже в «Ригведе» культ Дьяуса-Неба, который постоянно ассоциируется с Притхиви-Землею («всеобщие родители») в древнейших гимнах, находим на стадии угасания. Впоследствии он совсем исчезает из пантеона и появляется только эпизодически в «Махабхарате», где он причисляется к Васу. Его отождествляют с младшим братом Васу — Прабхасой.

Возноситель жертвы (Хутаваха) — один из эпитетов Агни; имеется в виду ритуальная функция огня, на котором сжигают жертву; Агни «возносит» жертву к богам.

Варуна, владыка ночи — в Ведах Варуна постоянно ассоциируется с ночью, так же как брат его Митра — с днем.

12. Сома, бог луны

Война богов и асуров из-за похищенной жены Брихаспати — Тары часто упоминается в индийской литературе эпического и послеэпического периодов как событие глубочайшей древности. В основе мифа лежит астральная символика (само имя Тара означает Звезда). Сказание излагается здесь по версии «Вишну-пураны» (кн. IV).

Сказание о женах Сомы и проклятии Дакши излагается по тексту кн. XII «Махабхараты».

Планета Будха — Меркурий.

...где она впадает в океан. Река Сарасвати (Сарсути), ныне теряющаяся в песках пустыни в Раджастхане, в древности достигала океана.

13. Жертвоприношение Пуруши

Этот миф, где впервые в индийской литературе упоминаются четыре варны — четыре основных сословия древнеиндийского общества — излагается в знаменитом «Гимне Пуруше» («Пуруша-сукта») в кн. X «Ригведы». Воинское сословие в гимне названо «раджанья», но позднее постоянно обозначается словом «кшатрия», «кшатра».

14. Сказание о Пуруравасе и Урваши

Этот знаменитый миф, индийская версия распространенного в мировой литературе и фольклоре сказания о любви смертного к сверхъестественному существу, излагается здесь в основном по «Шатапатха-брахмане» (кн. XI). Диалог Пурураваса и Урваши, встретившихся после разлуки, взят из гимна-диалога в кн. X «Ригведы». Использована также кн. IV «Вишну-пураны», откуда взяты эпизоды с Митрой и Варуной и с жаровней гандхарвов, и некоторые другие источники.

Иная версия этого сказания (близкая к версии «Матсья-пураны») использована в знаменитой драме Калидасы «Викраморваши».

Ила, или *Ида*,— дочь Ману, созданная им из жертвоприношения после потопа (см. № 9); согласно некоторым сказаниям, милостью Митры и Варуны была превращена в мужчину. Как женщина родила от Будхи (олицетворение планеты Меркурий) сына Сомы, бога луны (см. № 12), Пуруравaса — родоначальника Лунной династии, к которой принадлежат герои основного сказания «Махабхараты».

Икшваку — старший из сыновей Ману, родоначальник так называемой Солнечной династии царей, к которой принадлежат герои «Рамаяны»; согласно некоторым текстам, Икшваку — второй сын Ману, первым же является порочный царь Вена, павший жертвой собственного греха; по другим версиям, Вена происходит из рода Дхрувы (см. № 52). Другие сыновья Ману также дают начало различным царским родам (см. № 31, 42, 72).

Желание, Выгода и Добродетель — соответственно Кама, Артха и Дхарма — воплощения трех традиционных жизненных целей брахманской этики («триварга»), т. е. брачной жизни ради произведения потомства, обеспечения материального благосостояния семьи и соблюдения религиозных предписаний и обрядов. Этот эпизод заимствован нами из версии «Матсья-пураны».

Митра — божество, которое постоянно ассоциируется с Варуной в Ведах, где они соответственно олицетворяют день и ночь. В ведийской литературе Митра — то божество, к которому особо взывают при заключении всякого рода дружеских соглашений и союзов; отсюда имя его становится символом дружественности и позднее означает нарицательное «друг». Но значение этого древнего божества тускнеет уже в ведийскую эпоху.

Нандана — мифическая роща в небесном царстве Индры (см. № 27).

Агастья — обычно именуется сыном Варуны, в пуранах — иногда сыном Пуластьи (см. № 60).

Васиштха — в эпосе часто выступает как сын Брахмы, рожденный из его дыхания (см. примеч. к № 1).

Курукшетра — равнина в Северной Индии, в районе нынешнего Дели, где произошла великая битва, описанная в «Махабхарате»; историческая область, страна куру, народности, которая вместе с панчалами составила ядро образования первых рабовладельческих государств в долине Ганга.

Шами — Mimosa suma.

Ашваттха — священная смоковница (Ficus Religiosa).

...посягнул на имущество брахманов... О гибели Пуруравaса из-за конфликта с брахманами рассказывается в кн. I «Махабхараты».

15. Победа Индры над Вритрой

Этот миф, один из древнейших в индийской литературе, излагается здесь в основном по ведийским источникам. В версии «Махабхараты» его содержание претерпевает кардинальные изменения, образ Вритры антропоморфизируется, теряется всякая связь с природным феноменом, собственно мифологический элемент стирается; на первый план выдвигается образ Вишну, оттесняющий первоначального героя сказания — Индру. В Ведах миф отражает распространенный во многих мифологиях древний мотив победы бога-громовержца над драконом, олицетворяющим враждебную человеку стихию или (согласно некоторым толкованиям) первозданный хаос,— в мифе заключается космогоническое содержание. Уже в ведийской литературе в сказании о Вритре сочетаются два мифологических сюжета — победа над трехглавым драконом Вишварупой и победа над самим Вритрой — космическим змеем.

Тваштар — в ранней ведийской литературе иногда выступает как отец Индры, но мотив вражды сохраняется и в этих версиях (Индра убивает своего отца).

Вишварупа («Принимающий все образы»), или *Триширас* («Трехглавый»), как он чаще именуется в «Махабхарате»,— один из древнейших образов в индийской мифологии, и первоначально, по-видимому, миф о нем не был связан с мифом о Вритре. В «Ригведе», в одном из гимнов кн. X, говорится об убиении трехглавого змея богом Тритой, освободившим проглоченных драконом коров. Это, очевидно, древнейшая версия мифа, параллель которой мы находим в иранской мифологии, где герой Траэтаона убивает трехглавого дракона и освобождает, правда, не коров, а двух прекрасных дев (ср. греческий миф об убиении Гераклом трехглавого Герионея и освобождении похищенных чудовищем у бога коров); видимо, только позднее этот подвиг был приписан Индре и связан с мифом о Вритре.

Индра... страшился могущества, которое тот обрел... подвижничеством. Этот мотив появляется в мифе только в версии «Махабхараты», хотя идея магической силы, достигаемой аскетическими подвигами, развивается уже в литературе Брахман и с этого времени становится одним из ведущих мотивов индийских мифов. Из «Махабхараты» заимствован также эпизод с апсарами, безуспешно соблазняющими Вишварупу.

Трита — очень древнее ведийское божество, как полагают, олицетворение молнии. Впрочем, уже в «Ригведе» его мифология и культ отражены на стадии угасания, и происхождение его неясно. В эпический период Трита окончательно сходит со сцены (в эпосе — это имя одного из второстепен-

ных мудрецов, связанное с мифологией Агни); в версии «Махабхараты» не фигурирует вовсе. В Ведах одна из его функций, как указано в нашем тексте,— «отпущение» греха, принятие вины на себя; в этом качестве Трита и выступает в одной из ведийских версий мифа об убиении Вишварупы; согласно другой версии, он сам совершает этот подвиг (по наущению Индры). В версии «Махабхараты» вместо Триты фигурирует некий плотник, который по просьбе Индры срубает убитому Вишварупе его три головы (описание голов Вишварупы в нашем изложении заимствовано из «Махабхараты») и тем (не совсем понятным образом) очищает Индру от греха убиения брахмана.

Вритра — традиционно толкуется как демон засухи в индийской мифологии, и победа над ним бога-громовержца понимается как аллегория грозы, освобождающей проглоченные змеем воды. Но в ведийских изложениях этого мифа нет прямых подтверждений такому толкованию, и некоторые исследователи усматривают здесь отражение древнейшего, возникшего до прихода ариев в Индию, мифа о победе солнца над демоном зимы, сковавшим реки. Существует также космогоническое толкование: убиение богом чудовища, олицетворяющего первозданный «бесформенный» хаос, символизирует акт творения. Имя Вритры производят от корня «вар»—«покрывать, окутывать, заключать внутри себя»; но истинная этимология его остается неясной. Некоторые исследователи сближают его через гипотетические промежуточные формы с древнеисландским Лодурр — одним из имен злого божества Локи в скандинавской мифологии.

Только храбрые Маруты... В некоторых ведийских версиях мифа Маруты тоже бегут, оставляя Индру одного.

...еще остался с ним Вишну. В версии «Махабхараты» главная заслуга в победе над Вритрой принадлежит Вишну, который вселяется в ваджру Индры и тем придает ей сокрушительную силу.

И тогда... Вритра... проглотил Индру. Этот эпизод приводится в эпических версиях. В «Бхагавата-пуране» Индра сам изнутри распарывает брюхо дракона и выбирается наружу. В «Махабхарате» Индра, выбравшись из брюха Вритры, вторично терпит поражение, боги обращаются за помощью к Вишну, тот советует заключить с Вритрой мир, но затем входит в оружие Индры и добивается гибели дракона; далее в миф о Вритре вводится мотив убиения пеной из ведийского мифа о Намучи (см. примеч. к № 4).

...послал Марутов разведать... Этот момент вводится в версии «Тайттирия-брахманы»; в «Шатапатха-брахмане» (кн. IV) боги посылают на разведку бога ветра Ваю. Уже в ведийских версиях появляется мотив греха Индры, убившего жреца, но в некоторых текстах его бегство объясняется лишь страхом вследствие неуверенности в окончательной гибели дракона. В эпосе подчеркивается грех Индры, которым мотивируется его изгнание и последующее воцарение Нахуши (см. № 16).

16. Сказание о Нахуше

Излагается по тексту кн. V «Махабхараты». Другая версия сказания содержится в кн. XIII, откуда заимствованы некоторые детали, в частности проклятие Бхригу, спрятавшегося в волосах у Агастьи; в версии кн. V Нахушу проклинает сам Агастья, после того как тот попирает ногой его голову. В версии кн. XIII Нахуша в своей гордыне принимает за обычай ездить на мудрецах — на плечах у них, или на колеснице, запряженной мудрецами, или в несомом ими паланкине; Шачи в этой версии вообще не фигурирует. Этот миф, относительно позднего происхождения, явственно проводит мысль о превосходстве брахманов над божеством, которая составляет характерную черту мифов и сказаний древнеиндийской литературы начиная с периода Брахман.

Меру — мифическая гора, согласно древнеиндийской космографии возвышающаяся в центре вселенной, т. е. в центре материка Джамбудвипа, во-

круг которого располагаются еще шесть материков и шесть океанов (кольцеобразно). В индийской мифологии гора Меру соответствует греческому Олимпу. Вокруг нее обращаются солнце, луна и планеты (см. № 60). Описание горы Меру см. в № 24.

Пусть он принесет мне в жертву коня. Жертвоприношение коня («ашвамедха») — торжественный обряд, связанный с упрочением царской власти. См. ниже примеч. к № 61.

Богиня ночи Ратри упоминается изредка в ведийской литературе, где она именуется сестрой Ушас, Зари; самостоятельной роли почти не играет.

Юдхиштхира — один из героев основного сказания «Махабхараты». Рассказ о встрече его с одним из своих предков в образе змея, которого он освобождает от проклятия, содержится в кн. III эпоса.

17. Сказание о Дадхьянче

Миф о Дадхьянче излагается в ведийской литературе довольно неясно. В нашем изложении мы соединили несколько версий. В «Шатапатха-брахмане» Дадхьянч открывает Ашвинам тайну возлияний сомы (кн. XIV). В «Ригведе», в гимне кн. I, говорится о «меде Тваштара», скрытом от Ашвинов, в другом гимне упоминается корова Тваштара, скрывающаяся на луне, и конская голова Дадхьянча, найденная Индрой в горах, костями которой он истребил девяносто девять драконов; эти мотивы поясняются в позднейшей комментаторской литературе, которая используется в данном изложении мифа. В «Махабхарате» образ Дадхьянча (Дадхичи), восходящий, видимо, как и Ашвины, к культу зооморфного божества, непосредственно связывается с мифом о Вритре и происхождении ваджры (см. примеч. к № 4).

Всесозидатель (Вишвакарман) — в ранней литературе употребляется иногда как эпитет Тваштара; позднее Вишвакарман — имя самостоятельного божества, сменяющего Тваштара в пантеоне (см. № 3).

...Дадхьянч из рода Ангираса... В комментарии Саяны Дадхьянч именуется сыном жреца-атхарвана. Атхарван, жрец огненного культа, иногда понимается как имя собственное, принадлежащее мифическому основателю культа огня и сомы, отождествляемому с Ангирасом.

...был близок асурам... В комментарии Саяны говорится, что асуры черпали силу уже в одном лицезрении Дадхьянча; но подробнее связь его с асурами не объясняется. Можно полагать, что Дадхьянч, как и Тваштар, принадлежит мифологии более архаической стадии исторического развития, вытесняемой героической мифологией Индры; отсюда «демонизация» этих образов.

...божественная корова Тваштара скрывается на луне. В комментарии Саяны корова Тваштара отождествляется с солнцем. О связи луны с сомой см. примеч. к № 4.

18. Падение Дьяуса

Этот миф излагается в кн. I «Махабхараты». Из-за проклятия Дьяус рождается впоследствии на земле как один из героев основного сказания эпоса — Бхишма. О Дьяусе см. примеч. к № 11.

19. Сказание о Пуломе

Излагается по кн. I «Махабхараты».

...обещал отдать ее в жены асуру Пуломану... Согласно пуранам, Пулома сама — дочь асура, прародительница демонического племени пауломов, разновидности данавов. См. примеч. к № 4.

20. Шива и божественные мудрецы на Химавате

Этот миф, объясняющий происхождение фаллического культа Шивы, излагается в пуранах в различных версиях. В основу нашего изложения взята версия «Брахманда-пураны» (кн. I). В версии «Падма-пураны» (кн. VI) Шива оскопляется вследствие проклятия Бхригу. Мудрецы в упомянутой выше версии отождествляются со знаменитыми Семью мудрецами (см. № 66 и примеч.).

Лингам — фаллический символ в культе Шивы, обычно короткий цилиндрический столб с закругленной вершиной. Почитание Шивы в образе лингама распространено в Индии с древнейшей эпохи до наших дней, особенно на юге. Культ этот (несомненно, доарийского происхождения) был включен в индуизм, по-видимому, незадолго до начала нашей эры.

Кокила — копл, индийская кукушка; в индийской поэзии образ кокилы играет роль, сходную с образом соловья в европейской поэзии.

21. Подвижничество Ушанаса

Сказание излагается по версии «Падма-пураны» (кн. V).

..лишая жизни живые существа. Здесь в проповеди Брихаспати отражается протест против кровавых жертвоприношений брахманизма, содержащийся в вероучениях раннего буддизма и джайнизма.

Ложное учение Брихаспати... Знаменательно, что в индийской философской традиции именно Брихаспати приписывается развитие материалистических взглядов; в сказании «Падма-пураны», однако, проповедь Брихаспати, толкуемая как провокационная, отражает, скорее, буддийское учение (ср. № 72).

Обнаженные, с бритыми головами... Отказ от ношения платья характеризует древнюю джайнскую секту дигамбаров; бритые головы — намек на джайнское и буддийское монашество.

22. Воплощения Вишну

Доктрина об «аватарах» — нисхождениях на землю в различных воплощениях Вишну, верховного бога-спасителя, которые происходят всякий раз, когда на земле переполняется мера зла,— полностью развивается только в позднейшей индуистской религии. Этим путем вишнуизм ассимилирует многие местные самостоятельные культы и мифологические образы, некоторые очень древние, по-видимому, культы зооморфных божеств (Рыба, Черепаха, Вепрь), популярные образы эпических героев (Рама, Парашурама, Кришна). Полный перечень десяти аватар Вишну, канонизированный в позднем индуизме, см. в № 75. Вепрь, Человеколев и Карлик — аватары, ранее других включенные в мифологию Вишну, описаны здесь в основном по тексту «Вишну-пураны», хотя версии их встречаются уже в «Махабхарате». Мы излагаем их в последовательности мифической «хронологии», принятой в эпосе и пуранах, согласно которой Бали является внуком Прахлады и правнуком Хираньякашипу. В действительности Бали — наиболее древний из этих образов. Хираньякашипу — образ более позднего происхождения. Аватара Карлика (Вамана) является самой древней в мифологии Вишну (этот миф упоминается уже в «Ригведе»). Более позднего происхождения — Человеколев (Нарасимха) и Вепрь (Вараха). В тексте «Вишну-пураны» миф о Нарасимхе носит ярко выраженный вишнуистский характер, несколько смягченный в нашем изложении. Второй потоп, с которым связан миф о космическом Вепре (в ранних версиях в ведийской литературе отождествляемом не с Вишну, а с Брахмой), приурочен в «Вишну-пуране» к началу текущей кальпы, т. е. «дня Брахмы» (см. № 75 и примеч.); миф о первом потопе (см. № 9) в «Вишну-пуране» не излагается.

23. Сказание о Яяти

Излагается по кн. I «Махабхараты». Мотивы этого сказания в дальнейшем неоднократно использовались в индийской литературе.

...обошел его почтительно слева направо... Обходить кого-нибудь по часовой стрелке (обратив к нему правую сторону) считалось знаком почтения в древней Индии.

Ашока — дерево с красными цветами, из породы стручковых (Jonesia Asoka Roxb.).

Сыновья Яяти — мифические родоначальники народностей и племен Северной Индии и чужеземных народов. Пуру, яду, друхью, турвасу и ану — в «Ригведе» названия арийских племен, членов коалиции, потерпевшей поражение в войне с племенем бхаратов (см. примеч. к № 57). *Ядавы*, согласно эпосу,— племя, обитавшее на территории современного Гуджарата; *яванами* в древней Индии называли греческих пришельцев («ионийцев»), а позднее — все чужеземные народы на запад и на северо-запад от Индии; *бходжи* — народность, в середине I тысячелетия до н. э. обитавшая на севере современной Махараштры; *млеччхи* — в древней Индии общее название для племен и народов, пребывающих вне системы брахманизма, его сословного деления и религиозных институтов, т. е. чужеземцы, «варвары». *Пауравы* в дальнейшем идентифицируются с народностью куру, которая вместе с панчалами положила начало созданию первых государств Северной Индии в поздневедийскую эпоху.

Амаравати («Обитель бессмертных») — помещается к востоку от горы Меру, в космографии пуран — на Пушкарадвипе, самом отдаленном из шести материков, располагающихся вокруг Джамбудвипы. Столица небесного царства Индры; см. ее описание в № 27.

24. Пахтание океана

Этот знаменитый миф излагается в различных версиях в «Махабхарате», «Рамаяне» и нескольких пуранах. В настоящем изложении использована в основном версия «Махабхараты» (кн. I), а также кн. I «Вишну-пураны» (откуда заимствована, в частности, мотивировка решения богов пахтать океан). В источниках мы не находим единого перечня добытых из океана сокровищ, и они расходятся в определении числа и последовательности их появления. В «Махабхарате» названо 9 сокровищ, в «Вишну-пуране» — 8, в «Рамаяне» и «Падма-пуране» — по 9, в «Ваю-пуране» — 12, в «Матсья-пуране» — 13. В нашем изложении последовательность появления сокровищ наиболее близка версии «Махабхараты» — с некоторыми отклонениями по другим источникам.

Амрита — мифический «напиток бессмертия» (ср. греч. «амброзия»).

Мандара — в мифической географии эпоса и пуран эта гора помещается в Гималаях, на восток от Меру. В различных местах «Махабхараты» о ней говорится как о местопребывании Вишну, Шивы или богини Умы. Отождествляется с горой Мандарагири, находящейся в области Бхагалпура.

Йоджана — мера длины в древней Индии, равна примерно 16 км.

Царь черепах — в версии «Махабхараты» космическая черепаха, помогающая богам при пахтании океана, еще не отождествляется с Вишну и не включается в число его аватар, что происходит позднее.

...появился... Месяц... — так и версии «Махабхараты». Связь месяца с амритой в этом мифе отражает связь луны и сомы в индийской мифологии, но остается противоречие с другими версиями происхождения луны — Сомы (см. № 11 и примеч.).

Лакшми (другие имена — Шри, Падма) — богиня счастья, красоты и богатства в индийской мифологии. Согласно другим версиям мифа о ее происхождении, она возникла при творении, плавающая на поверхности

первозданных вод на лепестках распустившегося лотоса (постоянно ассоциируется с лотосом, который считается ее обителью и с которым она отождествляется под именем Падма, Лотос), или именуется дочерью Бхригу или Дакши. В поздней индуистской мифологии выступает постоянно как жена Вишну; но иногда называется также супругой Сурьи, или Брахмы, или одной из десяти жен Дхармы и матерью Камы, бога любви. Иногда говорится о Лакшми, богине счастья, и Сарасвати, богине мудрости, как о двух соперничающих женах Брахмы, враждебных одна другой; чаще супругой Брахмы называют богиню Савитри.

Рамбха — в некоторых версиях все апсары возникают из вод при пахтании океана, хотя им приписывается и другое происхождение (см. № 10 и примеч.). Апсар называют также дочерьми Муни или Капилы, жен Кашьяпы (см. примеч. к № 10). Урваши, прекраснейшая из апсар, именуется дочерью Брахмы. В «Ваю-пуране» говорится о двух родах апсар — «мирских» *(лаукика)* и «божественных» *(дайвика)*; к последним относятся знаменитые апсары, посылаемые богами для соблазнения святых подвижников,— Менака, Рамбха и др.; Урваши же объявляется дочерью Вишну, не принадлежащей ни к одному из этих родов. В кн. I «Вишну-пураны» говорится о том, что апсары возникли при творении из тела Брахмы в числе прочих сверхъестественных существ.

Сура — олицетворение хмельного напитка (см. № 4 и примеч.), в пуранах именуется также Варуни и рассматривается как жена или как дочь Варуны, бога океана. Далее в тексте приводится вымышленная этимология слов «асура» и «сура», характерная для индийской мифологической литературы.

Уччайхшравас — белый небесный конь, в индийской мифологии — зооморфический символ солнца; хотя в некоторых текстах его берет себе Индра, в дальнейшем он с Индрой почти не ассоциируется; в «Рамаяне» фигурирует как конь Сурьи, бога солнца.

Каустубха — чудесный драгоценный камень, в индуистской мифологии один из постоянных атрибутов Вишну или Кришны.

Айравата, или *Айравана,*— мифический слон Индры, который рассматривается как прародитель слонов и глава «мировых слонов» — диггагов, поддерживающих вселенную (см. № 27 и 40); персонификация дождевой тучи.

Париджата — небесное дерево, в версии «Махабхараты» отсутствует в числе сокровищ.

Дханвантари — («Движущийся по излучине») — бог врачевания, мифический автор «Аюрведы», системы древнеиндийской медицины.

Калакута, или *халахала,*— смертельный яд; согласно «Рамаяне» и некоторым другим версиям, появляется в самом начале пахтания.

Кроме перечисленных сокровищ в пуранах упоминается также чудесная корова изобилия Сурабхи (по другим версиям — дочь Дакши, прародительница коров и лошадей, мать чудесной коровы Нандини,— см. № 18); «Матсья-пурана» добавляет белое опахало, взятое Варуной, и серьги, взятые Индрой и отданные им Адити; в поздних источниках число сокровищ еще более умножается.

Раху — демон затмения (в ведийской литературе — Сварбхану), прародитель комет и метеоров, изображаемый в виде головы дракона; в позднейшей литературе антропоморфизируется, как и другие асуры (см. № 10). В древнеиндийской астрономии рассматривался как самостоятельная планета. С кометой отождествлялся хвост его — Кету, иногда персонифицируемый особо.

Диск («чакра») — метательное оружие с острыми краями, постоянный атрибут Вишну.

Нара, сын Дхармы — в эпосе постоянно ассоциируется с Нараяной; оба рассматриваются как сыновья Дхармы и Ахинсы (олицетворение «непричинения зла»), боги или мудрецы; в пуранах идентифицируются с Вишну (см. ниже; Нараяна становится употребительным именем этого бога).

25. Спор Кадру и Винаты

Этот миф о происхождении птиц-супарнов и змей-нагов излагается в кн. I «Махабхараты».

Аруна, или *Ариштанеми*,— бог рассвета, колесничий Солнца (Сурьи), пребывает на востоке. В некоторых версиях пуран он — сын Кадру или Дану. Имя Ариштанеми носит также один из сыновей Брахмы или сам Кашьяпа.

26. Гаруда

Изложение дается по кн. I «Махабхараты». Гаруда, солнечная птица, прародитель и царь птиц,— один из популярнейших образов индийской мифологии. Олицетворяет солнечную природу, так же как змеи, его извечные антагонисты, олицетворяют в индийской мифологии природу вод. Мотив антагонизма змеи и птицы вообще распространен в мифологии, фольклоре и иконографии Индии. Гаруда в эпосе и в индуистской мифологии пуран постоянно ассоциируется с Вишну, который часто изображается летящим в небе верхом на птице.

Миф о Гаруде в «Махабхарате» отражает древнейший ведийский миф об орле Индры, принесшем сому с неба (см. примеч. к № 4).

Гора Гандхамадана — отождествляется с горной цепью Рудра-Хималая в Гархвале (северные отроги Гиндукуша).

Валакхильи — мифические мудрецы, числом шестьдесят тысяч, каждый величиной с палец; в пуранах именуются сыновьями Крату, шестого сына Брахмы.

Куша — трава с острыми краями (Poa cynosuroides), почитавшаяся в Индии священной и употреблявшаяся в ритуальных целях.

27. Царство Индры

Описание царства Индры дается здесь в основном по текстам «Махабхараты».

28. Индра и жены мудрецов

Приведенные здесь сказания о соблазнении Индрой жен мудрецов, знаменующие снижение этого образа в эпической литературе, излагаются по кн. XIII «Махабхараты» (версия эпизода с Ахальей содержится также в кн. V).

Чандала — в древней Индии низшая и наиболее презираемая из каст, традиционно определяемая как потомство отца-шудры и матери-брахманки (т. е. от запретного брака). Общение с чандалами считалось оскверняющим для представителей высших каст (см. № 58).

29. Нарада и сыновья Дакши

Этот миф излагается по кн. I «Вишну-пураны». Он повторяется также во многих других пуранах. В версии «Ваю-пураны» Дакша порождает сыновей раньше, чем дочерей, выданных впоследствии замуж за Кашьяпу и других. В «Брахмавайварта-пуране» Нарада препятствует умножению потомства самого Брахмы, который его и проклинает и которого, в свою очередь, проклинает в ответ и Нарада. В «Брахма-пуране», напротив, Брахма заступается за Нараду, которого Дакша хочет погубить проклятием, и смягчает Дакшу, вследствие чего Нарада рождается снова уже как сын Кашьяпы и одной из дочерей Дакши. Сыном Кашьяпы Нарада именуется и в неко-

торых других пуранах. Вообще Нарада в индийской мифологии рисуется как мудрец, склонный к подстрекательству и сеянию раздоров (ср. № 45, 70).

Вина — струнный инструмент, наиболее популярный в древней Индии, род арфы или лютни.

30. Богиня Савитри

Миф о сотворении Савитри и появлении у Брахмы пяти голов излагается в кн. III «Матсья-пураны»; он отчасти дублирует миф о Тилоттаме (см. № 33). В индийской мифологии и иконографии Брахма часто изображается с четырьмя головами; в некоторых текстах сообщается, что пятой головы его лишил Шива в наказание за гордыню; иногда головы Брахмы отождествляются с четырьмя Ведами. Сказание о ссоре Савитри с Брахмой содержится в «Сканда-пуране».

Савитри — первоначально название знаменитого гимна богу Савитару в кн. III «Ригведы», почитавшегося особенно священным (каждое утро с ним обращается к Солнцу (Савитару) правоверный индуист). Богиня Савитри рассматривается иногда как дочь Савитара (другое имя девы Сурьи), иногда — как персонификация упомянутого гимна; тогда она носит также имя *Гаятри* (другое название того же гимна); или же, как в излагаемом сказании, Гаятри выступает как самостоятельный мифологический образ. Иногда Савитри именуется дочерью Дакши и женою Дхармы.

Самосущий (Сваямбху) — в эпосе обычный эпитет Брахмы как боготворца, существующего изначально, никем не сотворенного.

31. Сказание о Чьяване

Излагается в основном по версии кн. III «Махабхараты». Более древняя версия содержится в «Шатапатха-брахмане» (кн. IV). Миф о Чьяване, которому Ашвины вернули молодость, упоминается уже в «Ригведе» (кн. I).

В племени Шарьяти начался раздор... Так в версии «Шатапатха-брахманы», а также в изложении этого мифа в «Джайминия-брахмане» (кн. III). В «Махабхарате» Чьявана насылает на войско Шарьяти запор и задержание мочи.

...он подал ей знак... Эта деталь взята из версии «Джайминия-брахманы». В «Шатапатха-брахмане» о погружении Ашвинов и Чьяваны в озеро вообще не говорится.

Чьявана... создал... чудовище... В «Джайминия-брахмане» чудовище создают провидцы-риши в борьбе с врагами. В «Махабхарате» особенно подчеркивается превосходство Чьяваны над Индрой, который униженно молит мудреца о прощении. В «Шатапатха-брахмане» эпизод борьбы Чьяваны с Индрой вообще отсутствует; Чьявана указывает Ашвинам средство, которым они склоняют богов к добровольному признанию их права на долю в жертвоприношении сомы.

32. Цари Солнечного рода

Излагаемые здесь сказания о знаменитых царях Солнечной династии содержатся в кн. IV «Вишну-пураны».

Шравасти — древний город, находившийся, по-видимому, не на самом Ганге (вопреки тексту), а на одном из его притоков — Гхагхре, северо-восточнее современного Лакхнау. Этот город, в который была перенесена из Айодхьи столица Кошалы, стал одним из ранних центров распространения буддизма.

Уттанка — легендарный мудрец, упоминающийся в «Махабхарате»; сказание о вражде его с демоном *Дхундху*, представляющим собой, очевидно,

персонификацию вулкана, бегло упоминается в «Вишну-пуране», но подробно не излагается.

Бахуда — река, отождествляемая с современной Рапти, притоком Ганга.

Мандхатар — это имя, означающее «Сын благочестивца», в тексте производится из предшествующей фразы Индры непереводимой игрой слов.

33. Сказание о Сунде и Упасунде

Излагается по кн. I «Махабхараты». Это одна из ранних версий мифа о демоне, подвижничеством добивающемся победы над богами и власти над миром (ср. изложение мифа о Раване в № 34).

Виндхья — невысокая горная цепь, отделяющая Северную Индию от Декана. См. ниже № 60.

Дваждырожденные — приобщенные к знанию, представители высших варн — сословий.

Вишвакарман («Всесозидатель») — первоначально эпитет бога-творца, в послеведийской мифологии заменяет бога Тваштара в функции божественного мастера и зодчего (см. выше примеч. к № 17). Иногда именуется сыном Брахмы, иногда — сыном бога Прабхасы из группы Васу (см. № 11), а также внуком Дхармы.

Тилоттама — «Совершеннейшая в каждой частице (своего тела)». В «Хариванше» (кн. XIX «Махабхараты») названа в числе апсар, дочерей Кашьяпы и Муни (см. примеч. к № 10 и 24). Мотив борьбы богов с опасным подвижничеством демонов и людей посредством соблазнения подвижников красотой апсар — один из распространенных в мифологии эпоса (ср. № 15 — о безуспешной попытке соблазнения Вишварупы, и № 56).

Четыре лика Шивы — иногда упоминаются в эпосе; говорится, что южный лик его губителен для взирающего. Чаще, однако, в эпосе четырехликим именуется Брахма (см. примеч. к № 30), иногда также Вишну.

Тысячеглазый (Сахасракша) — один из употребительных эпитетов Индры в эпосе. В других текстах «тысяча глаз» на теле Индры объясняется как тысяча позорных знаков, появившихся вследствие проклятия Гаутамы как кара за соблазнение Ахальи (см. № 28).

34. Потомство Пуластьи

Содержание излагаемого здесь мифа заимствовано в основном из кн. VII «Рамаяны», согласно которой дается и вся генеалогия Куберы и ракшасов.

Кубера — именуется также Вайшравана, т. е. сын Вишраваса, Царь царей (Раджараджа); образ, относительно поздно включенный в пантеон. В «Махабхарате» Илавила — не бабушка, а мать Куберы. В некоторых эпических текстах Кубера — сын Пуластьи, рожденный коровой, Вишравас — его младший брат, Равана с братьями — его племянники. В поздней индуистской мифологии Кубера частично утрачивает свою божественную природу (см. также № 40).

Якши — в индийской мифологии сверхъестественные существа, по-видимому действительно тесно связанные в своем происхождении с ракшасами. В некоторых текстах якши фигурируют как демонические, вредоносные существа, но в отличие от ракшасов в эпической литературе и позднее они чаще выступают в положительном аспекте как горные духи, хранители сокровищ Куберы, как полубоги, прекрасные обликом. Иногда якши идентифицируются с гухьяками (другой разновидностью горных духов).

Ланка — название мифического острова в Южном океане и города, расположенного на нем. Позднее означает Цейлон (Шри Ланка), но в древнейшую эпоху это название, по-видимому, относилось к другому острову; в нем некоторые исследователи видят фантастическое представление древних индийцев о Мадагаскаре.

Ракшасы — один из основных классов демонов в индийской мифологии, начиная с «Ригведы». В поздневедийской литературе различаются три клас-

са демонов — асуры, ракшасы и пишачи,— которые противостоят соответственно трем классам существ положительного характера — богам, людям и предкам — как их враги. В Ведах ракшасы изображаются как ночные бесы, оборотни, являющиеся в облике различных зловещих животных или птиц; в «Атхарваведе» они уже чаще принимают человеческий облик, обычно чудовищный и устрашающий — трехголовые, четырехглазые, с рогами на руках и т. п. Позднее ракшасы — великаны-людоеды, живущие в лесах, нарушающие обряды святых отшельников. В «Рамаяне», откуда заимствованы эпизоды с ракшасами в настоящем изложении, их образы в известной мере теряют характер чисто мифологический, и в них проглядывают черты какой-то реальной народности, возможно — аборигенных народностей Южной Индии, оказавших сопротивление арийской экспансии в древнейшую эпоху. В эпосе происхождение ракшасов объясняется различно, иногда прародителем их и якшей называется Пуластья, определенная разновидность ракшасов — найрриты — происходит от зловещего божества Ниррити — Разрушения. Приведенный здесь по кн. VII «Рамаяны» миф о порождении ракшасов Брахмой как хранителей первозданных вод (так же как и якшей) связан с этимологией слова «ракшас», производимого от «ракш» — «защищать, охранять» (вредоносные существа, от которых следует защищаться,— другое толкование). Другие названия ракшасов — ятудханы («колдуны»), ништчары («бродящие в ночи»).

Дашагрива — букв. «Десять шей».

Кайласа — гора в Гималаях, к северу от озера Манаса; в индийской мифологии — резиденция Шивы и Куберы.

Киннары — мифические существа, небесные музыканты, ассоциирующиеся с гандхарвами; иногда изображаются как люди с конскими головами, иногда — как греческие кентавры (см. примеч. к № 10).

35. Паломничество Раваны к Шиве

Излагается в кн. IV «Падма-пураны».

Вайдьянатха — известный храм фаллического культа Шивы в Южной Индии.

Кхусру — видимо, небольшая речка в Южной Индии, идентифицировать которую в настоящее время затруднительно.

36. Соперничество Варуны и Утатхьи

Излагается по кн. XIII «Махабхараты». Миф отчасти дублирует сказание о подвигах Агастьи (см. № 60). Отражает, по-видимому, реальный факт обмеления реки Сарасвати в историческую эпоху (см. примеч. к № 12).

37. Сказание о Руру

Излагается по кн. I «Махабхараты». Имя Руру означает «Олень». В пуранах упоминается как имя одного из незначительных божеств группы Вишведевов.

Менака — апсара, славящаяся своей красотой; мать Шакунталы (см. № 57). В пуранах и эпосе именуется дочерью Брахмы и женой Химавата.

Дундубха — неядовитая водяная змея.

38. Рождение божественных обезьян

Излагается по кн. VII «Рамаяны».

Сугрива — букв. «Прекрасная шея»; один из главных персонажей сказания о Раме.

39. Детство Ханумана

Излагается по кн. VII «Рамаяны».

Хануман — точнее это имя означает «Имеющий (большие) челюсти». Образ Ханумана, одного из главных героев «Рамаяны», восходит к культу обезьяньего божества, распространенного в народе с древнейших времен до наших дней.

40. Хранители мира

Хранители мира (локапалы) — понятие, развивающееся в эпической мифологии для обозначения восьми (первоначально четырех) божеств, занимающих в иерархии пантеона ступень, следующую непосредственно за тремя верховными богами — Брахмой, Вишну и Шивой. В ранних эпических текстах выступают четыре хранителя мира: Индра, Яма, Варуна и Агни или Индра, Сома, Варуна и Яма, т. е. древние ведийские божества, оттесненные в эпический период на второй план тремя верховными богами и занимающие подчиненное, но все же достаточно высокое положение. Каждому отдается во власть одна из стран света; распределение их несколько колеблется в ранних текстах, хотя Варуна, как правило, ассоциируется с западом, Яма — с югом. Место Куберы, относительно поздно включенного в пантеон, как хранителя севера первоначально занимает Сома (или Индра; хранителем востока тогда называется Агни). Окончательное распределение сфер власти, указанное в нашем изложении, с определением четырех промежуточных локапал фиксируется уже в пуранах.

Дигнаги, или *диннаги* («слоны стран света»),— космические слоны, согласно представлениям древних индийцев поддерживающие землю с четырех (или восьми) сторон. Имена слонов варьируются в разных текстах; нами избран наиболее распространенный в эпической мифологии перечень.

Сиддхи («совершенные, святые») — в эпической мифологии сверхъестественные существа, полубоги, обитающие в воздушных пространствах, в поднебесье; считаются бессмертными до истечения махаюги (см. № 75), т. е. до гибели вселенной; сходны по характеру с ангелами христианской мифологии.

Раджасуя — торжественное жертвоприношение, совершаемое при восшествии царя на престол.

Питрилока («Мир предков») — уже в Брахманах отграничивается от мира *Девалока* («Мир богов»).

Шарбара, или *Шабала* («Пятнистый»),— некоторыми исследователями сближается с именем Цербер (греч. Керберос) античной мифологии. В ряде текстов это имя только одного из псов, а другого зовут Удумбала («Черный»).

Расатала — в эпической космографии низшая сфера мироздания, ад, расположенный под семью подземными мирами Паталы. В пуранах царство Ямы включает огромное количество адов *(нарака),* для каждого греха — свой ад и свои виды наказания. О царстве Ямы см. № 45.

Вайтарани — мифическая река, протекающая между землей и царством мертвых в подземном мире, Стикс индийской мифологии.

Сиддхи — жена Варуны, олицетворение искусства и колдовства.

Макары и *тимингалы* — мифические морские чудовища.

Видьядхары («ведуны») — духи гор и лесов, ассоциируемые с Куберой и Шивой; в индийской мифологической литературе появляются относительно поздно. Роль их возрастает в классический период. По своему мифологическому характеру видьядхары более всего напоминают эльфов европейского фольклора.

Ума, дочь Химавата (другие имена: Парвати, Гаури, Дурга, Деви и др.) считается второй супругой Шивы, в которой возродилась древняя Сати (см. № 3). О женитьбе Шивы на Уме см. № 66.

41. Сказание об Аурве

Излагается по кн. I «Махабхараты». В поздней мифологии Аурва — сын Чьяваны (см. № 31) и внук Бхригу.

Вадавамукха («Кобылья пасть») — распространенное в индийской космографии (также в буддийской) представление об огнедышащем входе в подземный мир на дне океана, близ Южного полюса.

42. Сказание о царе Марутте

Излагается по кн. XIX «Махабхараты». Сказание о знаменитом жертвоприношении Марутты упоминается также в «Рамаяне» и — неоднократно — в пуранах (см. № 44). Марутта, царь Солнечной династии, считался в индийской традиции «чакравартином» (см. № 57).

...почти великого Шиву, назвав его многочисленные имена... В позднем индуизме перечень имен Шивы, достаточно обширный уже в эпосе, возрастает еще больше. Перечисление его многочисленных имен становится частью шиваитского ритуала, этому акту приписывается особая заслуга. *Шарва* — в ведийской литературе имя зловещего божества, иногда именуемого сыном Рудры, позднее идентифицируется с Шивой; *Шанкара* («Благодетельный») — эпитет Рудры уже в поздневедийской литературе, особенно часто употребляется в индуистский период; *Пашупати* («Повелитель животных»), *Махадева* («Великий бог»), *Хара* («Разрушитель»), *Ишана* («Владыка») — употребительные эпитеты Рудры—Шивы, начиная с ведийской литературы.

43. Нашествие ракшасов на Север

Это сказание и следующие за ним (№ 44—51) посвящены мифической истории завоеваний Раваны, царя ракшасов; излагаются по кн. VII «Рамаяны».

Нандин («Счастливый») — имя слуги Шивы, а также мифического белого быка, на котором ездит Шива.

44. Война Раваны с кшатриями

Анаранья — согласно генеалогии «Рамаяны» — потомок Икшваку, первого царя Айодхьи (современный Аудх) в пятом поколении; дед Тришанку (см. № 58).

...царь Айодхьи Рама... События, здесь упоминаемые, составляют основное содержание древнеиндийского эпоса «Рамаяны» (см. наше литературное изложение в кн. «Три великих сказания древней Индии». М., 1978).

45. Вторжение ракшасов в царство Ямы

Описание царства Ямы дается здесь по эпическим источникам.

Время (Кала) — в эпосе постоянно ассоциируется с Ямой, причем ставится выше его, как Яма — выше Смерти.

Царь справедливости (Дхармараджа) — в эпосе постоянный эпитет Ямы.

Смерть (Мритью) — в эпосе иногда отождествляется с Ямой, иногда же рассматривается как самостоятельное божество, подчиненное Яме (в подлиннике в отличие от нашего перевода — муж. р., не идентично Смерти — жен. р., фигурирующей в мифе о гневе Брахмы в «Махабхарате»; см. № 7 и примеч.).

Киншука — дерево с красивыми красными цветами, часто упоминаемое в индийской поэзии (Butea frondosa).

Пашупата — «Освященное Пашупати, Владыкой зверей (эпитет Шивы)»; мифическое оружие, стрела Шивы.

Жезл («данда») — карающий жезл Ямы, наводящий страх и поддерживающий добродетель в людях, иногда персонифицируется как ипостась Ямы.

46. Равана в царстве Варуны

Прахаса, или *Прабхаса*,— советник Варуны в «Рамаяне», в других текстах именуется Сунабха.

47. Равана в подземном мире и на небесах

Описание встречи Раваны с плененным царем асуров Бали (см. № 22) в кн. VII «Рамаяны» — образец вишнуитского мифа довольно позднего происхождения. Страж у дверей Бали как одно из воплощений Вишну — мистическое отождествление, характерное для поздних индуистских легенд. См. ниже № 70, где Бали опять появляется на сцене, сражающийся с богами,— явная непоследовательность.

Чараны («странники») — мифические певцы и сказители поднебесья, ассоциирующиеся с сиддхами (см. примеч. к № 40).

48. Похищение женщин

Мадху — ракшас. Согласно кн. I «Вишну-пураны», на месте его обители Шатругхна, младший брат Рамы, основал впоследствии город Матхуру.

Мальяван — вождь ракшасов, старший брат Сумалина (см. № 34).

Кадамба — дерево с ароматными оранжевыми цветами (Nauclea Cadamba). Часто упоминается в индийской поэзии.

Мандара — цветы кораллового дерева (Erythrina Indica).

49. Война Раваны с Индрой

Джаянта — сын Индры, бледная фигура, очень редко упоминаемая в эпосе.

Матали — колесничий Индры, упоминается во многих сказаниях. В кн. V «Махабхараты» приводится сказание о странствиях Матали по свету с мудрецом Нарадой в поисках жениха для прекрасной дочери Матали — Гунакеши.

50. Битва Раваны с царем хайхаев

Хайхаи — в древнеиндийском эпосе племя, обитавшее по среднему течению реки Нармады и севернее гор Виндхья.

Даттатрейя — в эпосе сын Атри, великий подвижник, в некоторых текстах объявляется воплощением Вишну.

Махишмати — столица хайхаев, отождествляемая с городом Чхули Махешвар на реке Нармаде.

Шала — ценная порода тропического дерева (Vatica Robusta).

...с небес... низвергся дождь цветов — традиционный мотив в индийской эпической поэзии — небесная награда герою.

...предложил ему медвяное питье, корову и воду для омовения ног... — начиная с ведийской эпохи традиционное подношение гостю в древней Индии, предписываемое брахманскими сводами ритуальных установлений.

51. Битва Раваны с царем Кишкиндхи

Вальмики — легендарный автор эпоса «Рамаяны», «первый поэт» в индийской традиции.

52. Сказание о царе Вене и сыне его Притху

Излагается по кн. I «Вишну-пураны». О Дхруве см. выше примеч. к № 11. Миф, очевидно, позднего происхождения, хотя в образе Притху отражается весьма древний мифологический образ культурного героя.

Бог жертвоприношения (Яджняпуруща) — точнее, «Дух жертвоприношения», эпитет Вишну, который начиная с поздневедийской эпохи особо ассоциируется или даже отождествляется с жертвоприношением.

Нишада — мифический прародитель нишадов, горного племени охотников и рыболовов, стоявшего на примитивной стадии исторического развития, потомков древнейшего доарийского населения Индии, говоривших на языке группы мунда (аустро-азиатской семьи языков); нишады иногда отождествляются с современными бхилами. «Нишадами» называли иногда представителей разных внекастовых этнических групп, париев. Возведение имени Нишада к глаголу «нишад» («садиться») — характерный пример ложной этимологии, весьма распространенный в древнеиндийской ритуально-мифологической литературе прием.

Сута и *Магадха* — здесь имена мифических прародителей сказителей, рапсодов и бардов, называвшихся в древней Индии сутами и магадхами и составлявших особые касты. *Сута* («колесничий») в древности сопровождал царя в битвах и затем воспевал его подвиги. *Магадха*, т. е. «магадхиец, житель Магадхи (страны, занимавшей территорию современного Бихара)», означает также представителя касты профессиональных певцов и сказителей, традиционно определяемой как потомство отца-кшатрия и матери из варны вайшья.

Он призвал Ману... В «Вишну-пуране» здесь назван Ману, сын Брахмы, отличаемый от Ману, сына Вивасвата, но также рассматриваемый как прародитель человечества. Роль «теленка», отведенная ему в этом мифическом ритуале, означает магическое умножение потомства; последующие вариации обряда описываются в «Матсья-пуране» и некоторых других текстах.

Дочь Притху — возведение слова «притхиви» («земля») к имени Притху — еще один пример ложной этимологии (см. выше).

53. Сказание о Прачетасах

Излагается по кн. I «Вишну-пураны».

Дакша, сын Прачетасов, отграничивается от Дакши, сына Брахмы. В тексте «Вишну-пураны» здесь поясняется, что в каждом мировом периоде («махаюге» или «манвантаре» — см. примеч. к № 75) боги, мудрецы и другие мифологические персонажи возрождаются снова и снова, в новых образах. Так оправдывается разнобой в генеалогии этих персонажей, характерный для текстов эпоса и пуран. Далее порождение сыновей ради умножения населения мира (см. № 29) приписывается именно Дакше, сыну Прачетасов.

54. Сказание о Парашураме, сыне Джамадагни

В изложении этого известного сказания мы пользовались в основном двумя версиями — в кн. III «Махабхараты» и в кн. IV «Вишну-пураны». Из «Вишну-пураны» взят рассказ о рождении Джамадагни.

Гадхи не хотел отдавать свою единственную дочь за... отшельника... — так в «Вишну-пуране». В «Махабхарате» Гадхи с радостью готов отдать

дочь за Ричику без всякого выкупа, и тот сам настаивает на обретении чудесных коней Варуны. В пуране мотивировка действий царя гораздо убедительнее и отражает распространенный в фольклоре мотив трудной или невыполнимой задачи для претендента на руку царевны.

Ричика приготовил... освященное кушанье... В «Махабхарате» это кушанье для Сатьявати и ее матери готовит Бхригу, предок Ричики.

...Сатьявати родила сына... Ср. № 59, где, согласно «Рамаяне», у Ричики совсем другое потомство.

55. Сказание о мудреце, возжелавшем потомства

Излагается по кн. IV «Вишну-пураны».

Женская половина дворца (антахпура) — гинекей, покои царских жен и наложниц во дворце, в которые не допускались посторонние; однако в древней Индии антахпура была, видимо, менее строго изолирована, чем средневековые мусульманские гаремы.

Высший Дух (Параматман) — здесь то же, что Брахман, Мировая душа, Абсолют индийских идеалистических систем. Созерцание Высшего Духа, медитация,— наиболее действенное средство достижения конечного спасения (см. ниже) в индуизме, особенно в учении йоги.

Избавление от перерождений (мокша) — высшая цель человеческого существования в религиозном учении индуизма, заключающаяся в слиянии с Мировой душой, Брахманом, и обретении вечного блаженства.

56. Индра и святые подвижники

Приводимые здесь мифы, использующие характерный мотив борьбы богов с подвижничеством смертных, взяты из «Махабхараты». Сказание о Бхангасване содержится в кн. XIII, сказание о Явакри — в кн. III «Махабхараты». Рассказ о подвижничестве Вишвамитры, царя Каньякубджи (совр. Канаудж в области среднего течения Ганга), открывает обширный цикл сказаний, связанных с этим популярным персонажем эпической мифологии в кн. I «Махабхараты». Версия сказания о соперничестве Вишвамитры и Васиштхи из-за чудесной коровы содержится также в кн. I «Рамаяны» (см. в нашем изложении в кн. «Три великих сказания древней Индии», с. 32—36).

Нандини — так называется чудесная корова Васиштхи в версии «Махабхараты»; в версии «Рамаяны» она носит имя Шабала.

Малини — древнее название реки Чука, протекающей на территории исторической области Аудх.

Канва из рода Ангираса — легендарный мудрец, упоминаемый еще в «Ригведе».

57. Сказание о Шакунтале

Излагается по кн. I «Махабхараты». Другая версия этого сказания содержится в кн. III «Падма-пураны», и, как полагают, именно она послужила источником для знаменитой драмы Калидасы, содержание которой значительно отличается от сказания в эпосе; при неопределенности датировки «Падма-пураны» можно предположить и обратное влияние драмы на версию пураны.

...взять Шакунталу в жены по обычаю гандхарвов... Брак по обычаю гандхарвов — один из восьми узаконенных брахманистской религией видов брака; он совершается без согласия родителей и без свадебных обрядов и основан только на взаимном желании жениха и невесты. В тексте «Махабхараты» перечисляются и остальные семь видов: брак по обычаю брахманов, когда невесту отдают жениху с должным приданым и с соблюдением

установленных обрядов; божественный брак, когда приносящий жертву богам отдает свою дочь в жены жрецу, совершающему обряд; брак по обычаю провидцев (риши), когда отец невесты берет с жениха выкуп в виде одной или двух пар коров; брак, освященный Праджапати,— выдача дочери замуж и без приданого, и без выкупа; брак по обычаю асуров, с уплатой выкупа за невесту, ее отцу или роду; брак по обычаю ракшасов — умыкание невесты, при котором происходит избиение ее родных в вооруженной стычке; брак по обычаю пишачей, самый низкий и, очевидно, порицаемый,— овладение девушкой во время ее сна или опьянения.

Хастинапур — древний город в верхнем течении Ганга, юго-восточнее современного Дели, легендарная столица Кауравов в «Махабхарате», согласно данным археологии, существовал с XI по IX в. до н. э.

Бхарата — имя мифического основателя рода Бхаратов (то же, что Паравы, Кауравы или Лунная династия в легендарной генеалогии царственных героев эпоса), который дал впоследствии имя всей стране (Индия — Бхаратаварша, Страна Бхаратов, т. е. потомков Бхараты). Исторически бхарата — название древнего арийского племени, упоминаемого еще в «Ригведе» (см. примеч. к № 23). Очевидно, ведийские племена, названия которых отразились в именах мифических царей Лунной династии в эпосе, входили в тот этнический конгломерат, который составил основу сложения народностей Северной Индии, образовавших первые государства начала I тысячелетия до н. э.

Чакравартин (букв. «вращающий колесо») — в древней Индии титул царя, владеющего «всей землею», от моря до моря. В индийской традиции Бхарата, сын Душьянты и Шакунталы,— первый из двенадцати «чакравартинов», правивших страной.

58. Сказание о царе, обратившемся в чандалу

Излагается по кн. I «Рамаяны». Версия того же сказания содержится в кн. IV «Вишну-пураны». В пуранах герой этого сказания именуется также Сатьяврата и описывается как порочный и распутный царевич, изгнанный собственным отцом из царства. Имя Тришанку толкуется комментатором «Вишну-пураны» как прозвище «Совершивший три греха», а именно: совращение чужой жены, вызвавшее гнев его отца; убиение коровы его наставника Васиштхи во время голода; употребление в пищу неосвященного мяса. За эти грехи, согласно пуранам, он и был низведен до положения парии. Зато во время голода он доставлял пищу детям и жене Вишвамитры, чем и заслужил его благосклонность.

Муштика, или *домба,*— одна из низших каст в древней и средневековой Индии, бродячие певцы и скоморохи, как полагают — предки современных цыган.

...Тришанку остался навсегда среди созвездий южного неба. В индийской мифологии Тришанку отождествляется с созвездием Южного Креста.

59. Сказание о Шунахшепе

Один из древнейших мифов в индийской литературе, в котором отразился важный момент отказа от человеческих жертвоприношений в древнем обществе. Впервые встречается в кн. VII «Айтарея-брахманы», версия которой послужила основой для нашего изложения. Другая версия содержится в кн. I «Рамаяны»; герой сказания неоднократно упоминается во многих памятниках индийской литературы, начиная с «Ригведы» и кончая пуранами.

Отец, узревший лик сына... Последующий монолог Нарады из «Айтарея-брахманы» (в подлиннике стихотворный) выражает характерные воззрения ведийской эпохи и неоднократно цитируется в позднейшей литературе.

Варуна... покарал царя Харишчандру, наслав на него водянку. В Ведах водянка — обычная кара Варуны, насылаемая им на нарушивших его веления. В «Рамаяне» этот мотив отсутствует.

...Рохита повстречал... брахмана Ричику... Ричика — имя отца Шунахшепы в версии «Рамаяны», в «Айтарея-брахмане» он зовется Аджигарта («Голодающий», имя со значением). В «Рамаяне» вообще отсутствуют история обета Харишчандры и мотив обмена сына царя на сына брахмана. В эпосе Шунахшепу хочет принести в жертву царь Айодхьи Амбариша по совету своего жреца взамен жертвенного животного, украденного Индрой до обряда.

Шунахпучча, Шунахшепа и Шунолангула — все три имени сыновей брахмана, приводимых в ведийской версии, означают «собачий хвост».

...Шунахшепа... увидел... родича своего... Вишвамитру... «Рамаяна» и «Бхагавата-пурана» делают Вишвамитру братом матери Шунахшепы. Обращение Шунахшепы к Вишвамитре за помощью и мантры, которые тот ему сообщает,— моменты, введенные только в эпической версии. В «Айтарея-брахмане» Шунахшепа читает молитвы богам по собственной инициативе.

Мантры — ведийские гимны, молитвы, священные формулы; магические заклинания.

...Шунахшепу обрядили в красное платье... В древней Индии осужденных на смерть одевали в красное; см. выше примеч. к № 7.

Если мне дадут еще сто коров, я сделаю это. Эти слова произносит Аджигарта в версии «Айтарея-брахманы»; в «Рамаяне» этот мотив — отец, соглашающийся за дополнительную плату привязать к жертвенному столбу и заклать своего сына,— отсутствует.

Ушас — богиня зари в ведийском пантеоне, древний образ, имеющий многие параллели в индоевропейских мифологиях (имя одного происхождения с греч. Эос, лат. Аурора, лит. Аушра, рус. «утро» и др.). В послеведийскую эпоху фактически исчезает из пантеона. В версии «Рамаяны» молитва Ушас не упоминается.

...да будет он мне сыном. Об усыновлении Шунахшепы Вишвамитрой говорится в версии «Айтарея-брахманы» и в «Бхагавата-пуране».

60. Деяния Агастьи

Излагается по кн. III «Махабхараты». Агастья — образ, относительно поздно введенный в мифологию эпоса; традиционно он считается святым — покровителем дравидийского Юга, и, возможно, в сказаниях о нем отразились какие-то черты доарийской мифологии; переселение его на юг, как полагают, символизирует распространение на Южную Индию арийской цивилизации. Агастья традиционно считается сыном Урваши от Митры и Варуны (см. № 14), но в пуранах именуется сыном Пуластьи; или ему приписывается другое происхождение. В поздней мифологии он отождествляется со звездой Канопус.

...его предки, давно ушедшие из жизни. Здесь в изложении «Махабхараты» явное противоречие с традиционной генеалогией Агастьи. Представление о предках, висящих вниз головой в адской яме, пока потомок их пренебрегает своей священной (с точки зрения традиционной брахманской морали) обязанностью продолжения рода, весьма распространено в эпической мифологии, и этот мотив мы встречаем в других частях «Махабхараты» (ср. сказание об Астике в кн. I). Однако Агастья — сын бессмертного бога, и все его предки принадлежат к роду бессмертных и, кроме того, имеют других потомков. Это характерное для древней эпической поэзии противоречие может объясняться механическим заимствованием популярного мотива из другого сказания (возможно, из того же сказания об Астике); либо в «Махабхарате» здесь имеется в виду другая генеалогия Агастьи, отличная от традиционной.

Видарбхи — народность. Страна Видарбха была расположена к югу от гор Виндхья, на территории современного Берара.

Упанишады («Сокровенные учения») — древние памятники религиозно-философской литературы, примыкающие к Ведам. *Веданги* («Члены Веды») — поздний слой ведийской литературы, трактаты, касающиеся ведийского ритуала, грамматики, фонетики, этимологии, метрики и астрономии.

61. Сошествие Ганги на землю

В изложении этого популярного сказания использованы две основные версии — из кн. III «Махабхараты» и из кн. I «Рамаяны». История рождения Сагары и покорения им варварских племен дана по версии «Вишну-пураны» (кн. III).

Эти сюжеты впоследствии неоднократно использовались в индийской литературе и изобразительном искусстве.

Аурва — мифический мудрец из рода Бхригу; см. выше сказание о нем, № 41.

Скифы (шаки), *камбоджи и пехлевийцы* (парфяне) — ираноязычные народности, занимавшие территории к северо-западу от индийского Пенджаба в середине и конце I тысячелетия до н. э. *Яваны* (ионийцы) — очевидно, греческие переселенцы (см. примеч. к № 23) — упоминаются вместе с камбоджами в источниках эпохи империи Маурьев; по-видимому, те и другие обитали на смежных территориях в области современного Южного Афганистана. Скифы появились на северо-западных границах Индии уже около VI в. до н. э. и к началу нашей эры захватили обширные территории в самой Индии. В других пуранах — «Ваю», «Брахма» и «Хариванше» — перечень покоренных Сагарой народов возрастает. Описание завоеваний мифического Сагары, возможно, отражает экспансию империи Маурьев в III в. до н. э.

...к... Сагаре явился... Бхригу... — так в «Рамаяне». В версии «Махабхараты» потомство дарует Сагаре Шива.

...их часто обижал и притеснял... Асаманджа... В версии «Рамаяны» говорится, что Асаманджа забавлялся тем, что топил своих маленьких братьев в водах реки Сараю; однако в дальнейшем число сыновей Сагары не уменьшается.

Жертвоприношение коня («ашвамедха») — один из наиболее торжественных и значительных обрядов, который, согласно эпической литературе, мог совершаться только царем, претендующим на верховное господство в стране и подчинение соседних государств. Жертвенный конь сначала отпускался на волю, и царь (или сын царя) следовал за ним со своим войском, подчиняя своей власти территории, чёрез которые проходил конь. Через год коня приносили в жертву; этот обряд символизировал признание за царем, его совершившим, политической гегемонии в данном районе Индии. Похищение жертвенного коня считалось крайне неблагоприятной приметой.

...конь... исчез из глаз царевичей... Изложение следует здесь версии «Махабхараты». В «Рамаяне» Индра, приняв облик демоницы-ракшаси, похищает жертвенного коня из-под стражи у самого царя Сагары, который затем посылает сыновей на его поиски.

...возвышался до равного с Индрой могущества... — Один из распространенных в эпосе эпитетов Индры — Шатакрату, «Совершивший сто жертвоприношений (коня)».

Капила — легендарный мудрец, основоположник философского учения санкхья; считался воплощением Вишну.

...низведет на землю небесную реку Гангу. В «Рамаяне» это предсказание произносит Гаруда.

...когда Ганга протекала мимо обители... Джахну... Этот эпизод содержится в «Рамаяне» и отсутствует в «Махабхарате». Кроме того, в «Рамаяне» рассказывается, что Ганга, низвергнувшись на голову Шивы, пыталась сбросить его в подземный мир, в наказание за что Шива заставил ее долгие годы блуждать в его волосах, пока Бхагиратха новым подвижничеством не склонил его отпустить Гангу семью потоками на землю.

Нисхождение Ганги составляет содержание знаменитого наскального барельефа в Маммалапураме (южнее Мадраса), изображающего сонмы сопровождающих Бхагиратху мифических персонажей и иллюстрирующего ряд известных мифологических сюжетов.

62. Сказание о царе-людоеде

Излагается по кн. I «Махабхараты». Другая версия содержится в кн. IV «Вишну-пураны», где царя Калмашападу проклинает по ошибке сам Васиштха вследствие козней некоего ракшаса. Сюжет этого сказания неоднократно упоминается и в других памятниках древнеиндийской литературы.

Калмашапада — «Пятнистоногий». Другие имена — Митрасаха, Саудаса.

Випаша — древнее название реки Биас, притока Сатледжа.

Шатадру — древнее название реки Сатледж.

Парашара — древний мудрец, внук Васиштхи и отец Вьясы, легендарного автора «Махабхараты».

63. Сказание о юном отшельнике

Излагается по кн. III «Махабхараты». Другие версии этого сказания содержатся в кн. I «Рамаяны» (близкая версии «Махабхараты», несколько более краткая), в кн. IV «Падма-пураны» и в палийской книге «Джатаки» (в двух последних памятниках, очевидно, более древние версии сказания).

Страна ангов — Западная Бенгалия.

Царь велел позвать городских блудниц... В версии «Махабхараты» далее одна из блудниц и осуществляет план соблазнения Ришьяшринги. Несомненно, однако, что более древняя версия содержится в «Джатаках», где юношу приводит в столицу ангов сама царевна (позднее, видимо, эта миссия сочтена была слишком унизительной для царевны, и она была заменена блудницей). В основе сказания лежит, очевидно, древний обряд культа плодородия, образ же Ришьяшринги восходит к зооморфическому божеству такого культа.

64. Сказание о царе Сомаке и сыне его Джанту

Излагается по кн. III «Махабхараты».

Панчалы — древняя народность, занимавшая область Доаба, двуречья Ганга и Джамны, восточнее и юго-восточнее современного Дели; в начале I тысячелетия до н. э. панчалы вместе с куру составили ядро первых государственных образований Северной Индии.

65. Сказание о царе Ушинаре

Излагается по кн. III «Махабхараты», где содержатся две версии этой легенды; третья содержится в кн. XIII. Другие версии мы находим в буддийском каноне на языке пали, в книгах «Чария-питака» и «Джатаки», где герой выступает под своим родовым именем Шиби (на пали — Сиви). В эпосе излагаются и другие легенды о его необычайной щедрости к брахманам и благочестии; вместе с царем Яяти (см. № 23) он восходит на небо. В одной из версий (кн. III «Махабхараты») он не колеблясь убивает собственного сына ради исполнения желания брахмана.

66. Рождение Сканды, бога войны

В изложении этого сказания использован ряд источников. В основу положена версия «Матсья-пураны». Эпизоды о спасении Девасены от демона и о соблазнении бога Агни Свахой заимствованы из кн. III «Махабхараты». Другие версии сказания о рождении Сканды содержатся еще в ряде памятников древнеиндийской литературы (ср. в санскритской классической литературе поэму Калидасы «Рождение Кумары»).

Сканда (другие имена: Карттикея, Кумара — «Дитя», Гуха — «Спрятанный») — по-видимому, весьма древнее божество (некоторые исследователи видят прототип его в полузооморфном божестве, изображенном на печатях цивилизации Индской долины), но в эпический пантеон оно включается относительно поздно. В эпосе нет единой версии его происхождения; он именуется сыном Шивы, Агни, Брахмы, Санаткумары — старшего сына Брахмы, Криттик или Ганги. Согласно некоторым текстам, он — сын Агни, усыновленный Шивой. В мифологии Сканды много архаических элементов, такой характер, в частности, носит сопровождающая его, как и Шиву, свита всяких демонических существ чудовищного облика, духов болезней (особенно детских болезней, и одно из его имен — Кумара — связывается с представлением о нем как о губителе и одновременно покровителе детей), древних Матерей (см. ниже примеч. к № 70), людоедов, бесов войны и т. п. В поздней мифологии и иконографии он изображается едущим на павлине (согласно некоторым версиям в эпосе, павлина подарил ему при рождении Гаруда), но в ранних текстах он часто ассоциируется с козлом, который в древнейшей мифологии выступает как зооморфический символ огня. Имя Сканда толкуется как «Прыгающий» (подобно огню или козлу).

Ваджранга — «с телом (твердым, как) ваджра (или как алмаз)».

Девасена — букв. «Войско богов». В некоторых версиях она выступает как дочь Индры (олицетворение его войска).

Дайтьясена — букв. «Войско демонов (дайтьев)».

Семь мудрецов («саптаршаяс») — весьма популярная в индийской мифологии группа персонажей божественного или полубожественного происхождения. Часто в этой группе объединяются «духорожденные» сыновья Брахмы, те, что именуются Праджапати (см. выше № 1 и примеч.), изначальные творцы, но позднее в ее состав включают великих мудрецов и другого происхождения; иногда «семь мудрецов» отождествляются с Ангирасами (см. выше примеч. к № 1). Вообще имена членов этой группы сильно варьируются в различных текстах. Нами избраны одни из употребительных в эпосе перечней. Помимо названных в группу включаются нередко Кашьяпа, Маричи, Ангирас, Пуластья, Пулаха, Крату, Дакша. Семь мудрецов сопровождают Ману на корабле в некоторых версиях мифа о потопе, выступают героями в версиях мифа об оскоплении Шивы (см. № 20). В индийской астрономии название Семь мудрецов носит созвездие Большой Медведицы, со звездами которой они отождествляются (см. ниже в изложении сказания о Сканде).

...не гнетет тебя бремя рождений. Верховная триада богов индуистской религии — Брахма, Вишну и Шива — обычно исключается из общего закона «кармы», чреды новых рождений, которому подвластны все прочие живые существа, в том числе и второстепенные боги. Однако о Брахме в позднем индуизме говорится, что его жизнь ограничена определенным сроком; он умирает и рождается снова, абсолютно вечны только Вишну и Шива (см. № 75 и примеч.).

Кама — бог любви, относительно поздно появляется в эпическом пантеоне. Изображается, подобно античному Эроту или Амуру, с луком и стрелами (из цветов), которыми он поражает сердца. Именуется иногда сыном Брахмы, иногда — Дхармы и Лакшми (которая рассматривается в этом случае как одна из десяти дочерей Дакши, жен Дхармы — см. примеч. к № 24).

Небесный год (год богов) составляет 360 «земных», обычных лет (см. ниже № 75).

Криттики — в индийской астрономии созвездие Плеяд.

Арундхати — в индийской астрономии название малозаметной звезды Алькор, принадлежащей к созвездию Большой Медведицы.

Краунча — гора в Гималаях, на севере Ассама; миф объясняет происхождение находящегося там глубокого ущелья.

Манаса — озеро на горе Кайласа, место паломничества; известно также как излюбленное место гнездовий диких гусей, куда они устремляются в сезон размножения, о чем нередко упоминается в индийской поэзии.

67. Рождение Ганеши, Слоноголового бога

Излагается по версии мифа в кн. II «Брихаддхарма-пураны». Другую версию рождения Ганеши находим в «Вараха-пуране», где это божество возникает из сияния величия Шивы, которого боги просят создать его, дабы оно препятствовало свершению злых деяний; голову Ганеша теряет вследствие проклятия Парвати, недовольной его появлением на свет. И прочие версии этого мифа в пуранах («Матсья», «Шива», «Брахманда» и др.) сильно разнятся между собой. Бог мудрости Ганеша появляется весьма поздно в индуистском пантеоне, но занимает в нем сразу почетное положение. В средневековой Индии он принадлежит к числу наиболее почитаемых божеств; с молитвы Ганеше начинаются почти все тексты этого периода. В образе его, несмотря на позднее появление в пантеоне, проглядывают весьма архаические черты.

...возьми голову у... почивающего лицом к северу...— Спать, обратившись лицом к северу, считалось опасным, подвергало спящего, согласно суевериям той эпохи, влиянию злых сил.

Сказание о великой битве потомков Бхараты на поле Куру — эпос «Махабхараты», сложившийся в устной традиции и записанный, видимо, относительно поздно. Авторство его приписывается мифическому мудрецу Вьясе (см. выше примеч. к № 62).

Сомапатх (Сомнатх) — знаменитый храм Шивы в Гуджарате, на полуострове Катхиавар, славившийся своими сокровищами и разоренный в 1024 г. Махмудом Газневийским.

68. Слепорожденный Андхака

Сказание о рождении Андхаки содержится в «Шива-пуране»; о борьбе Шивы с Андхакой рассказывается в кн. I «Курма-пураны»; образ этот фигурирует и в других пуранах.

Хираньянетра («Златоглазый») — то же, что Хираньякша (см. выше, № 22), обычно с ним отождествляется.

69. Разрушение Трипуры

Излагается в основном по версии «Матсья-пураны», в которой, однако, Майя строит Трипуру с самого начала сам; трое сыновей Тараки заимствованы нами из версии кн. VIII «Махабхараты». Другие версии содержатся в «Хариванше», «Падма-пуране», «Линга-пуране» и др. В поздней мифологии Трипура олицетворяется в образе демона, побежденного Шивой. Представление о трех городах демонов, соответственно из железа, серебра и золота, восходит к ведийской литературе, где они помещаются в поднебесье (см. № 2 и примеч.), уже в ведийских текстах говорится, что их разрушает Рудра. Миф о разрушении Трипуры отражает функцию разрушения вселенной в образе индуистского Шивы (акт противоположный космогоническому); Трипура символизирует вселенную (три мира) в негативном аспекте.

...названного по его имени майей. Связь имени Майя с понятием «майи» — «колдовства», «иллюзии» (см. № 74 и примеч. к № 2) выводится здесь, разумеется, искусственно. Майя — зодчий асуров, параллель божественному Вишвакарману, имя его, возможно, связано по значению с глаголом «ма» — «мерить».

...боги принялись готовить к битве колесницу... Шивы. Следующее за тем описание колесницы, отождествляемой со вселенной, типично для содержания «Матсья-пураны», одного из основных литературных памятников шиваизма. Но и в версии «Махабхараты» описание колесницы Шивы дается в сходном аспекте и подчеркивается главенство этого бога; Брахма становится у него колесничим и т. д.

Четыре юги — см. № 75 и примеч.

Калaратри — олицетворение ночи гибели вселенной (см. № 75); идентифицируется в эпосе и пуранах с Ями, сестрой Ямы; иногда же именуется сестрой Калы, Времени; считается матерью ракшасов, женой Хети, прародителя ракшасов, возникшего из стопы Брахмы при творении (ср. № 34 и примеч.).

Яма ехал на... буйволе... Здесь и далее перечисляются так называемые «ваханы» богов — животные, ассоциируемые с определенными богами; в индийской мифологии и иконографии эти «ваханы», зооморфические символы божеств, изображаются как средства их передвижения: Яма верхом на буйволе, Индра — на слоне, Шива — на быке, его жена Ума (в ипостаси Кали, см. № 71) — на льве или тигре, Сканда — на павлине, Ганеша — на крысе, Вишну — на птице Гаруде, Брахма — на гусе, Ваю — на олене и т. д.

Трезубец («шула») — один из постоянных атрибутов Шивы.

Праматхи — разновидность ракшасов, включаются в числе прочих демонических существ в зловещую свиту Шивы; описываются как незримые призраки, мучающие людей во сне.

Чудесным образом возник в Трипуре... водоем... В версии «Махабхараты» чудесный водоем с живой водой создает подвижничеством Хари, внук Тараки.

Пушья — одно из созвездий лунного зодиака, соответствует части созвездия Рака.

70. Сказание о Джаландхаре

Содержится в кн. V «Падма-пураны»; в других пуранах не излагается. Принадлежит, очевидно, к поздним шиваитским мифам, использующим мотивы более ранних сказаний. Как черты позднего происхождения можно отметить вполне антропоморфизировавшийся образ дракона Раху (см. выше примеч. к № 24), участие в битве бога Ганеши (примечательно ироническое снижение этого образа в сказании). Джаландхара (упоминается также в «Линга-пуране», кн. I) — образ неясного происхождения (толкование значения его имени в сказании представляется явно натянутым), он выступает как сын Океана (Сагары, отождествляемого иногда с царем того же имени), Супруга (или Владыки) рек, второстепенного божества (олицетворение океана, как такового), дублирующего Варуну в своих функциях. О Джаландхаре говорится также как о приемном сыне Океана, родившемся от соприкосновения пламени взгляда Шивы с морскими водами.

Небесный гусь — «вахана» Брахмы (см. выше примеч. к № 69), относительно поздно включается в мифологию этого божества.

...взволновать великий Океан, пахтая его... ради обретения амриты. В нашем изложении Джаландхара требует у Индры возвращения сокровищ отца. В «Падма-пуране», однако, в соответствии с некоторыми версиями мифа об обретении амриты подразумевается, что сокровища были добыты из Молочного океана (Кширадхи), не идентичного Океану, отцу Джаландхары, но приходящегося ему братом (Джаландхаре же дядей). Во избежание противоречия с версией мифа в № 24 мы не стали вводить этот новый персонаж в наше изложение.

Кету — персонификация кометы или точки пересечения орбит, понимаемой как тело или хвост дракона Раху, отделенный диском Вишну от его головы; в древнеиндийской астрономии Кету рассматривался иногда как самостоятельная (девятая) планета (см. примеч. к № 24).

Кости... сокрушенные ваджрой, стали алмазом... — мифологическое объяснение двойного значения слова «ваджра» — «перун (оружие Индры)» и «алмаз».

...дух...обретет бессмертный образ. В «Падма-пуране» Ушанас вслед за этим все же воскрешает Бали по просьбе его жены Прабхавати, и он живым восходит на небеса.

...обитель отца ее Океана... — в «Падма-пуране» подразумевается Молочный океан (см. примеч. выше).

Дар не идет на пользу... В оригинале реплика Шивы еще более унизительна для Брахмы. Резкое снижение образа Брахмы — свидетельство позднего происхождения сказания.

Но знай, что я и Шива — одно. В позднем индуизме возрастает тенденция отождествления Вишну и Шивы, слияния их образов в один, именуемый часто Харихара (объединение имен соответственно Вишну и Шивы — Хари и Хара).

Вечное спасение («мокша») — т. е. избавление от перерождений и слияние с Брахманом, Мировой душой (см. примеч. к № 55).

Вриндавана — название местности близ Матхуры, на левом берегу Джамны, прославленной легендами о юности великого героя Кришны (см. наше изложение сказания о нем в кн. «Три великих сказания древней Индии», с. 297—379). Значение этого названия толкуется обычно иначе. Его производят от слова «вринда» в значении «хор» и понимают как «Лес хороводов (которые водил с пастушками юный Кришна)», либо Вринда понимается как одно из имен Радхи, одной из пастушек, возлюбленной героя.

...подобие Парвати, сотворенное колдовским искусством владыки асуров. Весь этот эпизод представляет собой прямое заимствование из «Рамаяны», где подобным же образом Индраджит создает призрак Ситы, чтобы представить ее убийство перед глазами Рамы и лишить героя мужества; так же ниже эпизод с головами сыновей Парвати повторяет сцену неудачной попытки Раваны убедить Ситу в гибели Рамы (см. наше изложение в кн. «Три великих сказания древней Индии», с. 210, 253—256).

Семь Матерей — группа существ полубожественного, полудемонического характера, восходящая к чрезвычайно древним образам матриархальной мифологии; соотносятся с главными богами пантеона как «божественные матери», ипостаси богинь, их жен (носят имена: Брахми, Махешвари, Каумари, Вайшнави, Варахи, Индрани, Чамунда), но изображаются обычно как страшные обликом ведьмы, пожирательницы мертвых, духи болезней. Чаще всего ассоциируются с Кали (см. ниже № 71), грозной ипостасью супруги Шивы; иногда включаются в свиту Сканды.

71. Богиня Кали

Сказание о богине Кали излагается здесь по «Девимахатмья» («Прославление величия Богини») в «Маркандея-пуране», священному тексту секты последователей культа Кали, расцвет которого приходится на средние века и который отмечен многими архаическими чертами, в частности изуверскими обрядами, включавшими человеческие жертвоприношения. Культ Кали сложился на основе древнейшего культа Богини-Матери, известного уже в городах Индской долины в III—II тысячелетиях до н. э., и первоначально процветал среди неарийских народностей Индии. Относительно поздно он был включен в индуистской религиозной системе в культ Умы, супруги Шивы. В мифологии пуран в образе супруги Шивы объединяются два противоречивых и разнородных по своему характеру женских божества — сострадательная и милосердная Ума, прекрасная дочь гор (см. миф о рождении Сканды, № 66; ее другие имена в этой ипостаси, более позднего происхождения,— Парвати, Гаури, Хаймавати, т. е. дочь Химавата), и жестокая и кровожадная Кали, требующая человеческих жертв, изображаемая в поздней иконографии в облике страшной ведьмы или грозной воительницы верхом на льве, с четырьмя лицами и восемью руками, вооруженной мечом и щитом, луком, диском, петлей, а также с лотосом, колоколом, блюдом и т. д. В этой ипостаси она носит имена Кали (видимо, связанное с именем Кали, духа разрушения, олицетворяющего Калиюгу, железный век, см. № 75), Дурги, Амбики, Чандики, Чамунды, Деви («Богини») или Махадеви («Великой Богини»), Махешвари («Великой Владычицы») и т. д. (см. в тексте сказания) и выступает прямой наследницей многих дравидских народных культов. В поздней мифологии культ Умы связывается с мифом о Па-

рашураме (см. № 54); Ренука, мать Парашурамы, отождествляется с Эламма (дравидское имя богини), и в храмах Кали Парашураме посвящаются алтари. См. в тексте сказания характерное мистическое отождествление Умы-Парвати и Кали-Дурги.

Миф о Махише, Буйволе, появляется в индийской литературе относительно поздно, хотя сам этот образ, очевидно, очень древнего происхождения. В кн. III «Махабхараты» Махишу побеждает Сканда, сын Умы, и среди изображений на печатях цивилизации Индской долины некоторые явно напоминают иллюстрации к этому мифу.

Рактавиджа — букв. «Капля крови».

72. Сказание о царе Диводасе

Излагается по «Сканда-пуране» (раздел «Каши-кханда»); другие, более краткие версии содержатся в «Брахма-пуране», «Ваю-пуране» и «Хариванше». Это любопытное сказание о девятой «провокационной» аватаре Вишну, несомненно, позднего происхождения, отражает борьбу индуизма с буддийским влиянием, временно возобладавшим в Восточной Индии. Согласно некоторым версиям, жителей Каши совращает в буддийскую веру не Вишну, а некто Никумбха, один из слуг («ганов») Шивы, подосланный последним специально для этой цели. Ср. провокационную проповедь Брихаспати, обращенную к асурам, в сказании о подвижничестве Ушанаса (№ 21).

Каши — древнее название Варанаси (Бенареса), одного из священных городов индуизма, центра одноименного царства (Каши).

73. Восхождение Арджуны на небо

Излагается по кн. III «Махабхараты». Арджуна, сын Панду,— один из главных героев основного сказания «Махабхараты», суть которого здесь сжато приводится (подробнее см. в нашем изложении в кн. «Три великих сказания древней Индии»).

...небожители... взирали на них... как на божественного отца и его земного сына... — в «Махабхарате» всем пятерым сыновьям Панду приписывается божественное происхождение. Истинным отцом Арджуны признается Индра.

...когда-нибудь это ему пригодится. Имеется в виду вынужденная годичная служба Арджуны в женских покоях дворца царя Вираты, о которой рассказывается в кн. IV «Махабхараты».

Матсьи — народность, жившая на территории современного Раджастхана. Вирата, царь матсьев,— один из персонажей «Махабхараты».

74. Почитатели Вишну и тайна его майи

Излагаемое здесь сказание содержится в «Матсья-пуране»; оно представляет собой иллюстрацию к учению о майе — изначально недифференцированной всепорождающей божественной субстанции, проявлением которой (проявлением «игры майи») считается вселенная,— в позднем индуизме (ср. примеч. к № 2). Сюжет этот пользуется большой популярностью в индуистской религиозной литературе доныне.

Камадамана — букв. «Подавивший желания».

Память о прошлых рождениях — согласно религиозным воззрениям той эпохи, даруется на известной ступени на пути к высшему совершенству и окончательному освобождению от перерождений.

Я был травой... был деревом. Для индуистского мировоззрения характерно включение растений в круг перерождений наряду с живыми существами (то же у буддистов и особенно у джайнов).

75. Видение Маркандеи

Это характерное вишнуитское сказание содержится в «Матсья-пуране». Легендарный мудрец Маркандея, которому была дарована вечная молодость, выступает как рассказчик многих преданий в эпосе и пуранах. В нашем изложении использован также текст из других пуран — в перечислении аватар Вишну, в толковании учения о цикличности вселенной и описании четырех юг. Мистическое отождествление Вишну со вселенной и со всеми богами, учение о майе — вселенской иллюзии, или о вселенной как «грезе» верховного божества, появление Вишну в облике гиганта, покоящегося в первозданных водах, или мальчика, играющего на ветви баньяна (вселенная мыслится тогда как «игра» — *лила* — божества, иллюзия, порожденная этой игрой), весьма характерны для религиозно-философских доктрин позднего индуизма.

Нараяна — одно из наиболее употребительных имен Вишну в позднем индуизме (также Хари, Мадхава, Хришикеша, Кешава, Кришна и др.); см. примеч. к № 24.

Кришна — герой древнего эпического цикла; в позднем индуизме — одна из наиболее почитаемых аватар Вишну. Его истории (см. в нашем изложении в кн. «Три великих сказания древней Индии») посвящены многие памятники древней и средневековой литературы — «Хариванша», «Бхагавата-пурана» и др. Кришнаизм — наиболее влиятельное из ответвлений внутри вишнуизма в средние века.

Калкин — согласно учению позднего индуизма, мессия, грядущий судия и каратель человечества при кончине мира. Доктрина о десяти аватарах Вишну сложилась окончательно только к X в. н. э.; в «Матсья-пуране» мы еще не находим полного их перечня.

Тримурти — доктрина о триединстве Брахмы, Вишну и Шивы сложилась в индуизме около середины I тысячелетия н. э. Функции трех богов в индуизме никогда строго не разграничивались.

Махаюга — составляет, согласно подсчетам, 4 320 000 «человеческих» лет. День и ночь Брахмы чаще отождествляются с так называемыми «кальпами», состоящими из 1000 махаюг каждая. День Брахмы тогда составляет 4320 млн. лет — время существования этого мира; или та же продолжительность приписывается суткам Брахмы. Последовательность «веков» в истории человечества в индийской мифологии совпадает с представлениями древних греков, но названия «веков» («юг») у индийцев имеют иное происхождение и не связаны с символикой металлов; они заимствованы из терминологии азартной игры в кости: «крита» — «целый, совершенный», название выигрывающего броска, «кали» — «злосчастный» — проигрывающего, остальные — промежуточных. Согласно индийской традиционной хронологии, Калиюга, в которой мы живем, наступила (в пересчете на современное летосчисление) 18 февраля 3102 г. до н. э.

Согласно другому принятому в индуистских космогонических текстах делению, каждая кальпа равна четырнадцати «манвантарам», «периодам Ману»; манвантара включает 71 махаюгу. Каждый из этих периодов имеет своего Ману, прародителя человечества, или, согласно некоторым текстам, творца в более широком смысле (включая богов, демонов и т. п.). Ману, сын Вивасвата, прародитель нашей манвантары,— только один из них, седьмой по счету.

СОДЕРЖАНИЕ

Темкин Э. Н., Эрман В. Г.
Т32 Мифы древней Индии. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.
270 с. с ил.
Второе издание книги (первое вышло в 1975 г.) значительно расширяет представление читателя о древнеиндийской мифологии: оно содержит 20 не упоминавшихся в первом издании мифов, а многие мифы, изложенные в первом издании, пересказаны теперь более подробно.
Книга рассчитана на взрослого читателя.

Т $\frac{4700000000—014}{013(02)—82}$ 190—80 8А(Инд)

Эдуард Наумович Темкин,
Владимир Гансович Эрман

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Издание 2-е,
переработанное и дополненное

Редактор *С. С. Сергеев*

Младший редактор *Т. Н. Толстая*

Художник *Л. С. Эрман*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *М. В. Погоскина*

Корректор *Э. Н. Раковская*

ИБ № 14037

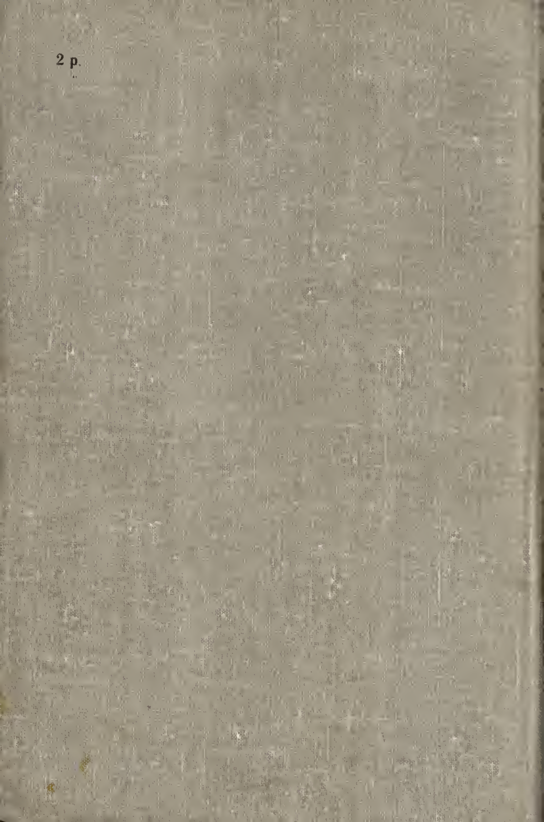
Сдано в набор 11.02.80. Подписано к печати 11.11.80. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура елизаветинская. Печать высокая. Усл. п. л. 17,0. Уч.-изд. л. 20,15. Тираж 75 000 экз. Изд. № 4646. Тип. зак. 5333.
Цена 2 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.

Типография издательства «Горьковская правда»,
г. Горький, ул. Фигнер, 32.

2 р.